ВСЕГО ПОНЕМНОЖКУ.

ФЕЛЬЕТОННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ

НАБРОСКИ,

въ трехъ серіяхъ

ВЛ. МИХНЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, по Лиговкѣ, № 22.
1875.

ВСЕГО ПОНЕМНОЖКУ.

ФЕЛЬЕТОННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

(сценки, разсказы, очерки, повѣстушки, путевыя замѣтки, были и небылицы)

въ трехъ серіяхъ,

ВЛ. МИХНЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, по Лиговкѣ, № 22.
1875.

Текстъ набранъ по 14 листъ, и отпечатанъ по 12 листъ въ Типографіи К. Н. Плотникова, по Лиговкѣ, № 22.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые безпретенціозные фельетонно—юмористическіе наброски—ни болѣе, какъ нѣсколько вырванныхъ страничекъ изъ всего того, что было написано авторомъ за нѣсколько лѣтъ литературной его дѣятельности и поглощено періодической прессой.

Вошедшіе въ этотъ сборникъ разсказы, очерки, повѣстушки и проч. первоначально появлялись въ «Будильникѣ», Ил. Недѣлѣ», «Искрѣ», «Петерб. Газетѣ,» «Сынѣ Отечества».

Они не утратили современности и интереса фактовъ и для настоящаго времени; слѣдовательно, если они находили себѣ читателей въ первый моментъ своего появленія въ свѣтъ, найдутъ ихъ вѣроятно и теперь...

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

„ВСЯЧИНА."

НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ

(Современная небылица).

Городъ Нехорошеславъ получилъ свое бытіе въ ту чудодѣйственную эпоху нашей исторіи, когда города появлялись на землѣ русской даже не какъ грибы послѣ дождика, а гораздо проще—однимъ почеркомъ гусинаго пера, такъ какъ стальныя въ то время еще не были изобрѣтены.

Есть преданіе, что первый воевода, «не зѣло расторопенъ», по замѣчанію лѣтописца, посланный на «кормленіе» въ Нехорошеславъ, искалъ оный 9 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ и, не сыскавъ, о томъ отписалъ куда слѣдуетъ, а откуда слѣдуетъ ему возразили: «того быть не можно, како у насъ на ландъ-картѣ оный градъ Нехорошеславъ точно значитца»; вслѣдствіе чего воевода былъ смѣненъ другимъ—«паки радѣльнымъ и смысленнымъ въ географской наукѣ».

Новый воевода, прибывъ въ урочище, гдѣ нынѣ стоитъ Нехорошеславъ, «пустынно и злачно», тотчасъ приступилъ къ устроенію города. Наипервѣйшимъ архитектурнымъ произведеніемъ его была полицейская будка, наивторѣйшимъ «царевъ кабакъ», а затѣмъ мгновенно появились жители не вѣсть откуда и докончили строеніе города, начальствомъ предначертанное.

Лѣтописецъ удивляется административнымъ талантамъ сего воеводы и восклицаетъ: «такъ, будка стражная и кабакъ многажды въ исторіи, къ собиранію и строенію земель и городовъ, послугу знатную оказали!»

Съ тѣхъ поръ Нехорошеславъ сталъ процвѣтать и является днесь

очамъ нашимъ большимъ благоустроеннымъ градомъ, съ благоблюстительнымъ начальствомъ и благополучными обывателями,—словомъ, какъ и всѣ вообще грады и веси нашего дражайшаго отечества...

А впрочемъ, по свойственному человѣкамъ противорѣчію и легкомыслію, все одно благополучіе, да благополучіе также наскучаетъ и пріѣдается, господа, какъ вяземской пряникъ....

— Все это у насъ вольготно: и земство это, и желѣзная дорога, и классическая гимназія... Всѣмъ мы довольны, а... тоска, тоска такъ и душитъ! разсуждали промежъ собой нехорошеславцы и все придумывали, изъ какой благонадежной редакціи выписать-бы имъ какую-ни на есть для себя заботу или напасть, чтобъ она хорошенько ихъ разогорчила и вытотнила.

— Зачѣмъ-же выписывать,—нешто у насъ своихъ сочинителей мало? заступился за мѣстную интеллигенцію «въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ», т. е. господинъ Ноздревъ, служащій нынѣ по мировымъ учрежденіямъ.

— Сочините! сказали ему нехорошеславцы.

— Ничего не стóитъ! Кучера у васъ есть? У кучеровъ должны быть арапники. Призовите ихъ, и пусть каждый выдеретъ своего хозяина... по всей формѣ. У кого нѣтъ кучера, тотъ можетъ заимствоваться у пріятеля или кликнуть вольнаго охотника... Такіе найдутся; я первый радъ послужить обществу, по мѣрѣ силъ, хоть это и не совсѣмъ, быть можетъ, прилично моему званію... Но что значитъ нынче званіе?

Однако, ноздревское «сочиненіе» нехорошеславцы отклонили и даже осмѣяли—дескать, ужъ очень «несовременно». Нехорошеславъ, по календарю мѣстныхъ панегиристовъ нехорошеславскаго прогресса, считаетъ себя современнѣе лѣтъ на пятьдесятъ всѣхъ московскихъ современностей, вмѣстѣ взятыхъ, ведущихъ свое лѣтосчисленіе, какъ извѣстно, не снизу вверхъ, а наоборотъ, начиная съ Петровской эпохи.

— Нѣтъ! хорошо было—бы, еслибъ всѣ наши благодѣтели и распорядители да вдругъ померли... Ахъ, и какъ-бы мы тогда восплакали и возгоревали! сдѣлалъ предположеніе Ивашка Подсосаевскій, извѣстный своей готовностью во всякую минуту хоть зажарить себя на сковородѣ, въ угодность начальству, и не сдѣлавшій этого до сихъ поръ только потому, что не былъ твердо увѣренъ: такъ-ли вкусно его мясо, какъ мясо рябчика...

— Что пустое толковать! возразили ему нехорошеславцы, а тѣ, кто имѣлъ близкое сопричастіе къ благодѣяніямъ и распорядкамъ, даже ругнули его и внушили, что «хотя—молъ, точно, смерть распорядителей фактъ печальный, но—въ натурѣ вещей и предаваться изъ за него отчаянію нѣтъ резона; ибо, по благости природы, умершіе распорядители неукоснительно замѣняются живыми, столь-же благодѣтельными и неуклонимыми на пути долга и славы».

Послѣ этого, аптекарь Глауберзальцъ и лекарь Душегубинскій предложили было завести въ городѣ какую ни на есть эпидемію...

Оказалось, что таковая завелась уже сама собою, и хотя свирѣпствуетъ довольно изрядно, но все больше въ «черной сотнѣ», почти не касаясь до представителей «бѣлой кости», а потому и не содержитъ въ себѣ для просвѣщенныхъ умовъ, утомленныхъ благополучіемъ, никакихъ стимуловъ тревоги и печали...

Тутъ поднялся комерціи совѣтникъ и филантропъ, учредитель банка и желѣзнодорожный строитель — кто бы вы думали? А никто иной, какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, само собою разумѣется, современный Чичиковъ, вполнѣ постигшій, наконецъ, тайну «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность свою соблюсти...»

— Милостивые государи и господа! обратился онъ къ собранію съ свойственной ему ловкостью почти военнаго человѣка. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ — вѣкъ небывалаго развитія промышленныхъ силъ, направленныхъ къ всестороннему благоденствію націй; вѣкъ—когда непростительно оставлять естественныя богатства страны безъ всесторонней обработки и эксплуатаціи; вѣкъ суэзскихъ каналовъ, тамбовско-са-

ратовско—рыбинско—нехорошеславскихъ желѣзныхъ дорогъ, «частныхъ комерческихъ» банковъ. Словомъ, вѣкъ...

Я долженъ замѣтить, что Павелъ Ивановичъ сталъ нынѣче настоящимъ Полетикой по ораторской части. Рѣчи его на разныхъ «открытіяхъ» печатались во всѣхъ органахъ и всѣми читались, поэтому здѣсь я не стану далѣе цитировать его. Довольно сказать, что рѣчь его имѣла своимъ предметомъ новую концессію, въ данныхъ интересахъ нехорошеславскаго земства, — «о повсемѣстномъ опустошеніи и ограбленіи», при его, земства, посредствѣ и въ занимаемомъ имъ районѣ, а буде возможно, и въ смежныхъ окрестностяхъ...

Концессія была превосходная и какъ нельзя лучше соотвѣтствовала насущной потребности нехорошеславцевъ; но оказалось, что, благодаря скотскимъ падежамъ и неурожаямъ, въ дружномъ содѣйствіи съ предшествовавшими концессіями Павла Ивановича, нехорошеславскія палестины не могли уже гарантировать успѣхъ новой концессіи. Чтобъ опустошать—нуженъ объектъ опустошенія, а его—то и не имѣлось...

— Притомъ же, мм. гг., остроумный прожектъ достопочтеннаго Павла Ивановича не достигалъ бы цѣли и могъ быть истолкованъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Не спорю, огорченіе было бы получено, и довольно сильное, но никакъ не для насъ—представителей капитала и интеллигенціи, а для разной этой сермяжной шушеры, извѣстной подъ именемъ «земской единицы...» Ахъ, можетъ быть, предполагается, что мы будемъ болѣть скорбями этихъ «младшихъ братьевъ..?»

— Экъ, дураковъ нашелъ! Этой штукой только зубы заговариваютъ! послышались со всѣхъ сторонъ голоса нехорошеславскихъ «представителей».

— Совершенно раздѣляю, мм. гг., вашъ взглядъ, свидѣтельствующій трезвость вашихъ убѣжденій, возразилъ ораторъ, а этотъ ораторъ былъ никто иной, какъ Михаилъ Семеновичъ Собакевичъ, правда, отшлифованный и подтянутый на новѣйшій фасонъ; но Собакевичъ pur sang, потому, «кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь», какъ выразился о немъ одинъ его знакомый—незабвенный Николай Васильевичъ.

— Совершенно раздѣляю, мм. гг., тотъ вашъ принципъ, продолжалъ Собакевичъ, что мы должны заботиться прежде всего о себѣ, потомъ о себѣ же и, наконецъ, опять-таки о себѣ! Но такого рода заботы должны имѣть декорумъ, чтобы со стороны казалось, якобы мы о себѣ совсѣмъ позабыли, а печемся единственно, исключительно, о благѣ всѣхъ этихъ, съ позволенія сказать, Пробокъ, Михѣевъ и проч. Необходимо такъ устроить, чтобы рты у этихъ Пробокъ постоянно чавкали и жевали, а мы—бы только моментально завершали процесъ питанія, т. е. проглатывали... Это будетъ, вопервыхъ, раздѣленіе труда, а во вторыхъ, всякій посторонній соглядатай, при видѣ сей картины, тотчасъ настрочитъ куда слѣдуетъ корреспонденцію: «Вотъ-де каковы утѣшительно-прогрессивны нехорошеславскіе распорядки! Вотъ-де какова благодѣтельная интеллигенція сего края: всю земскую тяготу взяла на себя, а Пробкамъ предоставила одно питаніе!» Смѣю вѣрить мм. гг., что такая политика вполнѣ согласуется съ требованіями прогресса, знамя котораго мы постоянно держимъ достаточно высоко... Исходя изъ такой точки и обращаясь къ занимающему насъ вопросу, я предлагаю изыскать такую мѣру, которая, доставивъ намъ желанные результаты, въ то же время послужила бы къ вящшему процвѣтанію мѣстнаго прогресса и благоустройства. Что вы, напримѣръ, имѣете, мм. гг., противъ городской почты, которую я предлагаю и берусь учредить въ Нехорошеславлѣ?

Слушатели и рты разинули. Неожиданное предложеніе Михаила Семеновича сперва ихъ озадачило, потомъ обрадовало и, наконецъ, по обыкновенію, мнѣнія раздѣлились и вышла одна дурацкая каша. Впрочемъ, приблизительно, собраніе раздѣлилось на слѣдующія фракціи.

— Счастливая идея! Прогрессивная идея! Ура, ур-р-ра, Мхалъ Снычъ! восторгалась крайняя лѣвая.

— Согласны! спокойно оппонировала умѣренная правая и лѣвый центръ. Но отвѣчаетъ ли эта мысль почтеннаго оратора предложенной задачѣ? Вѣдь, если ее осуществить, благополучіе наше не только не

прервется, но еще усугубится, такъ какъ тогда однимъ удобствомъ у насъ станетъ больше.

— Врете! врете вы всѣ! орали какъ въ бочку ультра-правая и правый центръ. Эта мысль одну только пакость и мерзость произведетъ.

— Отчего и почему?

— Да оттого-жъ! Къ примѣру, хоша-бъ мы были воры и мздоимцы... т. е., это къ примѣру только... Кто-жъ Богу не грѣшенъ? Однако, сказать этого намъ никто не можетъ; окромѣ, что не прилично—диффамація... компрене-ву? А теперича заведемъ мы эту почту,—ну, сейчасъ, значитъ, весь этотъ нашъ навозъ, по всѣмъ правиламъ риторики, на верхъ-то и выплыветъ... Хорошо это? а? Опять же заборные литераторы... Вѣдь они вмѣсто заборовъ станутъ свой игривый юморъ излагать тогда въ посланіяхъ ко всѣмъ особамъ, преимущественно нѣжнаго пола, безвозбранно и безтрепетно, потому какъ ты его, шельмеца, изловишь? Хорошо это? а?

— Да чего же лучше! вмѣшался Собакевичъ. Какая иная затѣя можетъ скорѣе и, скажемъ, пластичнѣе взволновать насъ и выпотнить? Притомъ же, господа, это будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, школа для нашего взаимнаго самопознанія, а равно для обработки въ насъ языка и развитія литературныхъ талантовъ. Я уже не говорю, сколько новостей, сколько затаенныхъ мыслей узнаемъ мы вдругъ! Это цѣлый міръ неиспытанныхъ и самыхъ пикантныхъ ощущеній. Нѣтъ, мм. гг., я стою на томъ, что моя мѣра самая, такъ сказать, потогонительная и, въ то же время, самая прогрессивная. Впрочемъ, вы вольны принять ее или не принять.

Послѣ долгихъ преній, когда всѣ успѣли разъ по двѣнадцати ядовито зашпилить другъ друга, разъ по двѣнадцати взаимно извиниться, когда всѣ охрипли и упарились до того, что стали походить на мокрыхъ курицъ—предложеніе Собакевича было пущено на голоса и принято большинствомъ. Ему же поручили избрать комисію и составить смѣту на устройство въ Нехорошеславѣ городской почты.

Михаилъ Семеновичъ потиралъ руками и, сѣвъ въ этотъ день за столъ, сказалъ своей Ѳеодуліи Ивановнѣ особенно выразительно: «Щи, моя душа, сегодня очень хороши!»

Такимъ-то образомъ, въ одно прекрасное утро нехорошеславская цивилизація сдѣлала еще одно важное пріобрѣтеніе: въ Нехорошеславѣ явилась городская почта!

Ахъ, какое это было чудесное утро! Солнце, взошедъ на горизонтъ, остановилось надъ Нехорошеславомъ и дальше не двигалось во весь тотъ достопамятный день. Всѣ обыватели низшихъ слоевъ выползли изъ своихъ щелей на улицы и бѣгали радостными толпами за юркими почталіонами, заинтригованные ихъ чудодѣйственной операціей.

Нехорошеславская интеллигенція затаила дыханіе. У всѣхъ въ мозгу торчалъ одинъ вопросъ: «ну-ка! ну–ка, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ?»

Всѣ безъ исключенія ждали чего-то: одни съ злорадной жадностью, другіе съ наслажденіемъ, какъ предъ пикантнымъ спектаклемъ, третьи чуть не съ ужасомъ. Тузы вообще тревожились и стали очень чутки къ звонкамъ у своихъ подъѣздовъ. Чуть кто позвонитъ, они сейчасъ бѣгутъ и спрашиваютъ: «Почтальонъ? а? письмо? а-а?»

Но, получивъ отрицательный отвѣтъ, они, по странному противорѣчію натуры человѣка вообще, а провинціальнаго въ особенности, не только не радовались, а впадали еще въ большее смятеніе и спрашивали себя съ досадой: «Ужели въ насъ такъ-таки никто и не плюнетъ?»

Дѣйствительно, плевать пока еще никто не начиналъ. Вопервыхъ, потому, что всякъ, слѣдуя обычаю отцовъ, ждалъ иниціативы отъ другого.

— Плюнь-ка ты сперва, тогда мы поггово-ррррримъ! мыслитъ Семенъ Ивановичъ и задорно суетъ свою благообразную плевательницу подъ плевокъ Ивана Семеновича.

Но сей послѣдній руководствуется такой же выжидательной тактикой. Дѣло такимъ родомъ и затягивается.

Во-вторыхъ, средство само по себѣ было еще слишкомъ ново; надо было сперва къ нему попривыкнуть и освоиться.

Вслѣдствіе всего этого, вначалѣ, нехорошеславская городская корреспонденція вообще имѣла характеръ самый невинный и радушный. Всякъ искалъ предлога написать своимъ друзьямъ и знакомымъ что нибудь пріятное; хотя въ то же время, всякъ сознавалъ, что для такихъ пустяковъ не стоило заводить въ городѣ почту и что, слѣдственно, вся эта буколическая переписка есть ничто иное, какъ веселенькая прелюдія къ серьезному дѣлу, которое вотъ—вотъ закипитъ и захлебнетъ всѣ почтовые ящики!

Для характеристики этого переходнаго періода, я позволю себѣ маленькую нескромность и выпишу здѣсь нѣсколько писемъ изъ тогдашней корреспонденціи въ Нехорошеславѣ.

*
* *

Вотъ письмо Ивашки Подсосаевскаго, разосланное имъ въ день открытія почты ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ, включительно до пожарнаго вахтера Шпоньки.

«Милостивый государь мой и благодѣтель (имя рекъ)!

«Пользуясь нововведеннымъ введеніемъ у насъ городской почты, спѣшу на крыльяхъ высокопочитанія принесть вамъ, милостивый государь и благодѣтель, высокопочтительнѣйшія поздравленія съ наступающей середой. Не оставьте вашимъ высокимъ покровительствомъ вашего преданнѣйшаго слугу—И. Подсосаевскаго.»

«P. S. Ахъ! О новости-то и не сказалъ... Вообразите, милостивый государь мой и благодѣтель, въ Нехорошеславѣ явилась, наконецъ, городская почта... То-то удивитесь, я думаю!»

*
* *

Хуздазатъ Чимпанзевадзевъ—нехорошеславскій донъ-жуанъ, «именовавшійся княземъ», каждое утро получалъ цѣлый ворохъ раздушенныхъ биле-ду, адресованныхъ къ нему мѣстными доннами-Аннами, примѣрно такого содержанія:

«Душка мой Хуздазатенька!

Если ты измѣнилъ мнѣ—дамѣ «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», для какой нибудь «просто пріятной» только дамы, тогда — берегись моей мести... Жестокій! ты не можешь представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду тебя въ свои объятія! Третью ночь горю въ огнѣ... лишилась сна... Мужъ даже хотѣлъ посылать за докторомъ... О, почто, почто, онъ не могъ догадаться послать за тобою!.. Жду тебя съ минуты на минуту—вся твоя»...

*
* *

«Историческій человѣкъ» послалъ ко всѣмъ своимъ друзьямъ нижеписанное четверостишіе, напримѣръ, къ исправнику:

«Фролъ—ярыжка забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишко мой!

Сочинилъ и переписалъ набѣло твой Ноздревъ.»

*
* *

На этихъ выпискахъ мы можемъ и удовольствоваться, такъ какъ въ противномъ случаѣ, чего добраго, нехорошеславская почтовая контора, недавно претерпѣвшая ограбленіе своей кореспонденціи, можетъ заподозрить въ этомъ проступкѣ скромнаго автора сей небылицы.

Однажды Собакевичъ сидѣлъ «потупя взоръ» за завтракомъ, и въ то время, какъ бифштексъ «въ устахъ его дымился», онъ думалъ важную и трудную думу.

— Эдакъ-то вы, черти, не скоро перегрызетесь! разсуждалъ онъ съ собою. Эдакъ-то, если васъ не расшевелить, вы ни писку, ни запаху не издадите... Эдакъ-то незачѣмъ было и почту заводить... Духу въ васъ не хватаетъ! Иниціативы нѣтъ!.. Стой-те-жъ, родимые, я васъ раззадорю, расшевелю—персидскаго порошка не надо!

И вотъ въ его собакевическомъ умѣ начала зрѣть самая геніальная собакевичевская мысль...

Тотчасъ послѣ завтрака, онъ ушелъ въ свой кабинетъ, заперся въ немъ наглухо и просидѣлъ у письменнаго стола, не разгибая спины, ровно три дня и три ночи.

Напрасно нѣжная Өеодулія Ивановна употребляла всѣ усилія проникнуть къ нему, напрасно умоляла его, чтобъ онъ вышелъ къ ней, соблазняла «бараньими боками», «свиными сычугами», и даже цѣлыми свиньями и баранами... Михаилъ Семеновичъ былъ непреклоненъ и отвѣчалъ одно: «а вотъ мы ихъ послѣ,—теперь не мѣшай, душенька!»

Что дѣлалъ онъ эти три дня столь неутомимо и конфиденціально— это осталось его тайной; но, когда онъ вышелъ изъ своего добровольнаго заключенія, лицо его, нѣсколько утомленное и исхудалое, сіяло гордымъ сознаніемъ успѣшно законченнаго важнаго, притомъ, ультра-собакевическаго дѣла, а аппетитъ его былъ столь великъ, что, взойдя въ спальню и увидѣвъ спящую на постели Өеодулію Ивановну, онъ принялъ ее, по разсѣянности, за курицу подъ бѣлымъ соусомъ и тутъже съѣлъ всю дочиста, съ простынями и одѣялами...

А въ то время, какъ Михаилъ Семеновичъ, ковыряя въ зубахъ и облизываясь, переваривалъ въ желудкѣ свой роскошный завтракъ, по Нехорошеславу точно какая подземная встряска пронеслась; нехорошеславская интеллигенція, точно клопы, нежданно-негаданно присыпанные въ своихъ щеляхъ персидскимъ порошкомъ, вдругъ зашуршали, заметались и завопили: «ай, дурно! ай, тошно!»—сперва растерянно и глухо, потомъ все внятнѣе и азартнѣе.

Прежде всѣхъ вознегодовали почталіоны. Ни разу еще мѣстная корреспонденція не казалась имъ столь обломистой, а служба ихъ столь тяжелой и несносной, какъ въ это утро.

— Ну, братъ, настало вррремячко! Этто не пакеты сегодня, а кирпичи какіе-то... Страсть, какъ плечи оттянули, собаки! жаловались они при встрѣчахъ другъ дружкѣ и, покрякавъ, да поохавъ, мгновенно спускались «на минутку» въ гостепріимные низки, съ веселыми и заманчивыми вывѣсками—«въ хоть въ завѣденіе...»

Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ кореспонденція разносилась по адресамъ, всякій домъ, куда попадало въ это утро городское письмо, тотчасъ—же превращался въ нѣкотораго рода «Содомъ и Гомору».

Несмотря на то, что Иваны Семеновичи и Семены Ивановичи давно уже поджидали подобныхъ писемъ, тѣмъ не менѣе, получивъ ихъ теперь, они съ первыхъ же строкъ вскакивали со своихъ покойныхъ креселъ, точно эластичный волосъ въ кресельныхъ подушкахъ мгновенно превращался въ англійскія шпильки.

Нельзя также сказать, чтобы содержаніе и тонъ полученныхъ писемъ превзошли ожиданія почтенныхъ мужей — нѣтъ, а просто потому, что всякое ожиданіе и даже желаніе какой нибудь напасти едва-ли не увеличиваютъ для насъ ея силу, когда она наконецъ проходитъ...

Одного только, чего никакъ не чаяли Иваны Семеновичи и Семены Ивановичи — это увидѣть подъ обличительными «пашквилями» полныя имянныя подписи авторовъ. Такого высокаго мужества они уже никакъ не подозрѣвали ни въ себѣ, ни въ своихъ противникахъ.

— Ага–га! вопилъ и ржалъ теперь каждый изъ нихъ, метаясь по кабинету. Плюнулъ таки, плюнулъ... Н–н–ну, братъ, теперь держись у меня! Въ долгу не останемся... И вѣдь, наглость-то какая? Имя... фамилію... даже чинъ и званіе прописалъ... Ахъ ты безтыжая ракалія! Погоди-же—сквитаемся!

И въ благородномъ мозгу, лѣтъ пятьдесятъ ничего, кромѣ ходовъ въ преферансѣ, не сочинявшемъ, закипѣла вдругъ жаркая мыслительная работа надъ сочиненіемъ приличнаго возраженія противнику. Изящныя перья, въ красивыхъ палочкахъ, употреблявшіяся только для краткихъ «подписаній» съ внушительными росчерками, теперь болѣзненно заскрипѣли въ рукахъ своихъ обладателей, точно жалуясь на столь грубое нарушеніе ихъ привеллигированнаго положенія... Впрочемъ, безвинно страдать имъ пришлось не долго.

Начавъ писаніе, примѣрно такъ:

«Не милостивый государь, а клеветникъ и подлецъ Семенъ Ивановичъ (или Иванъ Семеновичъ)! Получивъ сего числа по городской

почтѣ вашу мерзостную на меня пашквиль, имѣю честь...», тутъ авторъ останавливался и начиналъ грызть перо, въ увѣренности высосать изъ него надлежащія мысли и выраженія... Вдругъ, словно по командѣ, всѣхъ ихъ одновременно осѣнила одна и та же счастливая мысль!

Начатые увражи мгновенно были изорваны, перья водворены на свои комфортабельныя мѣстожительства на столѣ, а сами авторы такъ вотъ и закатились со смѣху. Смѣхъ этотъ былъ радостный, точно—имянинный или вотъ, когда вмѣсто ожидаемаго репримандa, получишь вдругъ награду...

— Ну, не колода-ли я осиновая! весело воскликнулъ каждый изъ нихъ, придя наконецъ въ себя отъ неудержимаго хохоту. Какъ было не догадаться сразу—чѣмъ я могу извести моего злохулителя?.. Вѣдь онъ у меня теперича весь тутъ... голубчикъ! (При этомъ сжимался кулакъ и раздавался новый взрывъ хохоту). Какже! какже! стану я тебѣ, шельмецу, возражать эдакимъ-же манеромъ, да еще съ именнымъ подписаніемъ... дурака нашелъ! Самъ ты, что росписался — за это, душенька, гранъ-мерси... ха-ха-ха... Вотъ я тебя теперь распишу-у! Какъ вы примѣрно понимаете, мой другъ, касательно дифамаціи съ поличнымъ?.. Какова на вашъ вкусъ эта штука?.. а? Охъ, другъ сердечный, упеку-жъ я тебя, небу жарко будетъ!.. Ужъ, коли попался, не пощажу!.. ни... ни... ни! И какже это распрекрасно вышло, просто, кажется, расцѣловалъ-бы тебя, милаго шалуна... ха-ха-ха!... Главное за то, что цѣню откровенность; рос-пи-сал-ся, извольте видѣть, анъ тутъ летръ... Безцѣнный сюрпризъ!..

Разсказывать здѣсь содержаніе «пашквилей», полученныхъ Семенами Ивановичами отъ Ивановъ Семеновичей и обратно, я, конечно, не стану. Довольно сказать, однако, что, по существу, они большею частью попадали, что называется, не въ бровь, а въ глазъ своимъ жертвамъ, — иначе, впрочемъ, не были-бы приняты столь близко къ

сердцу. Нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ, были не безъ сюрпризовъ...

Иной благополучный супругъ, вчера еще взиравшій на свою супругу, какъ на ангела чистоты и вѣрности, получивъ теперь «пашквиль», мгновенно впадалъ, относительно сей щекотливой статьи, въ разъѣдающій скептицизмъ и непосредственно превращалъ свой мирный доселѣ очагъ въ адскую кузницу... Прочіе сюрпризы были болѣе или менѣе въ такомъ же пикантномъ родѣ...

Такъ или иначе, но Нехорошеславъ, благодаря возникшей такимъ образомъ въ средѣ его «дѣловой» перепискѣ, представилъ вдругъ чудовищную картину небывалаго театра войны, гдѣ всѣ воюющія стороны — враги каждой изъ нихъ, порознь взятой и, въ то же время, враги между собою.

Впрочемъ, покамѣстъ войны еще не было, шли только приготовленія къ ней. Каждая воюющая сторона, т. е. каждый Семенъ Ивановичъ и Иванъ Семеновичъ изображалъ своей особой нѣкій кипящій и клокочущій сосудъ съ плотно закрытой крышкой. Какая, добрая или ядовитая, жидкость кипятилась въ немъ, для чего и почему—это пока составляло секретъ каждаго сосуда. Разумѣется, отъ излишняго-ли кипяченія или отъ недостаточной герметичности укупорки, нѣкоторые сосуды прорывало преждевременно, но анализировать въ подробности свою жидкость они по возможности отклоняли.

— А вотъ погодите, други, развѣдывать! возражали они любопытнымъ. Скоро все разъяснится... скоро. Скоро клевета... дифамація... инфамація и проч. будутъ обузданы и покараны по всей строгости законовъ... Скоро,—будьте благонадежны!..

Дѣйствительно, скоро все разъяснилось, хоть и не для всѣхъ.

Собрался судъ, собрались легіоны «айдахватовъ», мѣстныхъ и пріѣзжихъ, знаменитыхъ и незнаменитыхъ и—пошли судить и разсуживать нехорошеславскую интеллигенцію, принесшую по всей формѣ

искъ, въ нанесеніи ей ею-же дифамаціи съ инфамаціей... Удивительнѣйшій процесъ!

Дѣло происходило примѣрно такъ: повѣренный Ивана Семеновича внесъ жалобу на Семена Ивановича; въ то же время повѣренный сего послѣдняго внесъ такую-же встрѣчную жалобу на Ивана Семеновича. И тотъ и другой представляютъ одни и тѣ же доказательства — собственноручныя хулительныя письма отвѣтчиковъ за полной ихъ подписью. Все идетъ обычнымъ порядкомъ.

Начинается спросъ обвиняемыхъ.

— Подсудимый! спрашиваетъ судья. Вы писали и пересылали по городской почтѣ оскорбительное, по содержанію и выраженіямъ, письмо къ истцу (имя рекъ)?

— Нѣтъ, не писалъ и не посылалъ.

— Признаете-ли вы свою урку въ этомъ письмѣ, подписанномъ вашимъ именемъ?

— Не признаю,—это совсѣмъ не моя рука!

Повѣрка почерка поручается экспертизѣ, которая сразу и единодушно признаетъ, что подсудимый правъ, что письмо, хотя и подписанное его фамиліей—дѣйствительно, написано не его рукою. Такимъ образомъ, обвиненіе само собой разрушается и—подсудимый признается по суду оправданнымъ.

Исторія эта повторяется тѣмъ же порядкомъ со всѣми истцами и отвѣтчиками.

Виноватыхъ никого не оказалось!

— Что-жъ это, господа, за мистификація такая подлѣйшая приключилась съ нами? спрашивали себя нехорошеславцы, выйдя изъ суда и взирая другъ на друга съ такими физіономіями, какъ будто они въ первый разъ отъ роду совершили глупость, да такую, которая всѣмъ глупостямъ глупость!

— Стало быть, это мы всѣ въ дуракахъ остались?.. Хорррошо! продолжали они свои унылые разговоры.

— Сами себя взаимно обличили, да сами-же себя и суду предали... Отлично!..

— Ну, какже сами «обличили?» Вѣдь пашквили не мы-же сочиняли? возразили нѣкоторые, пытаясь найти хоть какой-нибудь выходъ изъ дебрей своей простоволосой глупости.

— Да хотя-бы и такъ! отвѣчали потерявшіе всякую надежду на такой выходъ. Все-же выходитъ, что мы сами себя обличили; ибо, вмѣсто того, чтобъ проглотить молча полученную пилюлю, мы сами-же показали ее, можно сказать, всей Европѣ... Эхъ, скверно, господа, что ни говорите?

— Вотъ–те и городская почта, чтобъ ей пусто было! Подлинно огорчила насъ и выпотнила, чего лучше не надо!..

— Однако, какая-же это распроканалія эдакъ-то насъ подвела и отдѣлала? задались вопросомъ пытливые умы.

— Сіе надо будетъ разслѣдовать... Найдемъ, въ живыхъ не оставимъ! сказали власть имѣющіе, скрежеща зубами.

Михаилъ Семеновичъ Собакевичъ, сѣвъ въ этотъ день за столъ и принимаясь за кушанье, сказалъ такъ выразительно, какъ никогда:

— Незабвенная Ѳеодулія Ивановна, еслибъ ты не сдѣлалась жертвой моей роковой ошибки, то я тебѣ сказалъ-бы теперь: щи, моя душа, сегодня необычайно хороши!...

ПОДЪ ВЫСТРѢЛАМИ

(ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПОХОЖДЕНІЯ НА ТЕАТРѢ ФРАНКО-НѢМЕЦКОЙ ВОЙНЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА ПРЮДОМЦЕВА).

—

ГЛАВА I.

Рекомендуюсь!..

Я дѣйствительный членъ нѣкоторой академіи наукъ по всѣмъ оной отдѣламъ, потому—я очень ученъ; я—авторъ весьма аппробованнаго въ послѣднее время сочиненія, подъ заглавіемъ: «Опытъ о споспѣшествовательномъ значеніи муштры и фухтелей въ развитіи цивилизаціи», а равно и другихъ не менѣе ученыхъ трактатовъ, которыхъ вы, по легкомыслію конечно, не читали; я—бывшій профессоръ международнаго права, съ точки зрѣнія самоновѣйшей теоріи, «что ни захватилъ, то и проглотилъ»; я — эксъ-кандидатъ въ премьеръ-министры... Но, мм. гг., я не скоро-бы кончилъ, еслибъ сталъ подробно изображать, что я за важная персона въ мірѣ этомъ!.. Довольно вамъ сказать на этотъ счетъ, что самъ вильгельмсгеескій плѣнникъ, когда мы глубокомысленно бесѣдовали съ нимъ о преимуществахъ папиросъ Лаферма предъ таковыми же братьевъ Петровыхъ, восторженно воскликнулъ: «Mon cher! еслибъ я не былъ седанскій герой, то хотѣлъ бы быть Прюдомцевымъ!» На что я почтительно возразилъ ему: «Сиръ! вамъ все возможно; но Прюдомцевъ, хотя-бъ и пожелалъ—никогда не сдѣлался-бъ седанскимъ героемъ...»

Сказать къ слову—этотъ остроумный отвѣтъ уже сдѣлался достояніемъ исторіи. Бисмаркъ, вскорѣ послѣ того, при встрѣчѣ со мною

въ Версали, такъ расхохотался что у него лопнули подтяжки и, дружески похлопавъ меня по брюху, онъ сказалъ: «Ахъ, ты занозенгеймъ этакой!..»

Словомъ, мм. гг., предъ вами лицо... лицо, величіе котораго я благосклонно предоставляю измѣрить вамъ самимъ и, засимъ, непосредственно приступаю къ изложенію моихъ достопримѣчательныхъ мемуаровъ...

ГЛАВА II.

Великое открытіе, почерпнутое изъ «Вѣдомостей Спб. Полиціи.»

Въ одно прескверное ноябрское утро я сидѣлъ у себя въ мансардѣ, rue St. Honoré, и съ глубокой грустью смотрѣлъ въ каминъ, гдѣ догоралъ послѣдній листикъ моего топлива...

Проклятые нѣмцы! благодаря ихъ варварской осадѣ, я, за недостаткомъ дровъ, сжегъ самоотверженно 13,740 оставшихся за продажей экземпляровъ моихъ знаменитыхъ сочиненій... Этого мало!— я сжегъ всѣ мои рукописные труды, оныхъ же было 3 пуда и 17½ фунтовъ—сжегъ все, до послѣдней строчки!.. Увы, мнѣ, бѣдному!.. Чѣмъ истоплю я завтра мой каминъ?..

Впрочемъ, въ данный моментъ, меня еще болѣе занималъ другой великой важности экономическій вопросъ—вопросъ: буду-ли я сегодня обѣдать? Въ то время, какъ я напрягалъ всѣ мои мыслительныя способности надъ разрѣшеніемъ этого головоломнаго вопроса, ко мнѣ принесли свѣжій нумеръ «Вѣдомостей Спб. Полиціи». Я отмѣнно уважаю эту почтенную газету, во первыхъ, за богатство и разнообразіе содержанія, вовторыхъ... а, вовторыхъ, я вспомнилъ, что писать теперь объ этомъ не ко времени... И такъ, алкая обрѣсть разрѣшеніе мучившаго меня вопроса, я наткнулся на полицейскую газету и—о, радость—обрѣлъ искомое!

Въ дневникѣ происшествій напечатанъ былъ отчетъ о судебномъ разбирательствѣ надъ купцомъ Егоровымъ, имѣющимъ въ С.-Петер-

бургѣ кожевенный заводъ, на коемъ нѣкая финляндская артель питалась якобы кожаными обрѣзками... Какъ?! и его обвинили? Аллахъ, гдѣ твоя справедливость?.. Да это благодѣтель человѣчества! Онъ спасъ меня, спасъ отъ голодной смерти!.. О, купецъ Егоровъ, какой восторгъ ты возжегъ тогда въ моемъ измożденномъ сердцѣ! Благодарю благодарю, не ожидалъ!.. И, недолго мѣшкая, я тотчасъ-же приступилъ къ опыту, тѣмъ поспѣшнѣе, что желудокъ мой настоятельно требовалъ какой нибудь живительной пломбировки. Для перваго эксперимента я рѣшилъ употребить мои старыя туфли изъ мягкой козловой кожи... Я тщательно изрѣзалъ ихъ на мелкіе кусочки, приправилъ солью и перцемъ, прибавилъ, вмѣсто сала, стеариновый огарокъ и, строго придерживаясь рецепта купца Егорова, сталъ жарить на сковородѣ «дочерна».

Шмакъ долженъ былъ выдти великолѣпнѣйшій.

ГЛАВА III.

Меня прерываютъ въ патетическомъ пунктѣ.

Уже я предвкушалъ, со спертымъ дыханіемъ, сладость насыщенія плодомъ моего кулинарнаго искусства, какъ вдругъ въ дверь мою раздался сильнѣйшій стукъ.

— Кого тамъ нелегкая принесла? подумалъ я съ досадой и сперва хотѣлъ было притаиться, дескать, дома нѣтъ; но шмакъ мой такъ предательски шипѣлъ и ворчалъ на сковородѣ, что обмануть незваннаго гостя не представлялось возможности... Онъ постучалъ сильнѣе прежняго.

— Легче, чортъ побери... Entrez! возгласилъ я съ превеликимъ неудовольствіемъ.

Въ комнату ввалился огромный верзила, въ образѣ министерскаго курьера, и, почуявъ носомъ аппетитный запахъ моего шмака, сталъ безстыдно облизываться и хищно посматривать въ каминъ.

— Что надо? грозно спросилъ я, становясь въ оборонительную позицію, тыломъ къ камину.

Курьеръ вытянулся въ струнку и заоралъ:

— Ихъ превосходительства покорно просятъ ваше–с–кородіе пожаловать немедля въ присутствіе, по весьма нужному дѣлу!

— По какому дѣлу? удивился я.

— Не могу знать–съ...

— Дурракъ! Ступай... скажи—приду!

— Прислана карета, ваше-с-кородіе... Велѣно не медля.

— Да ты видишь я и не одѣтъ еще.

— Извольте одѣваться, ваше-с-кородіе!

— Это еще что такое? Ты мнѣ будешь приказывать!.. Пошелъ!.. Не велика птица, подождешь и на лѣстницѣ.

Вы понимаете, мнѣ до страсти хотѣлось остаться наединѣ. Шмакъ былъ вполнѣ готовъ и, долженъ же я былъ вкусить отъ него толику?! Но нахальный верзила не двигался съ мѣста.

— Уйдешь-ли ты? крикнулъ я ему внушительно.

— Никакъ намъ это невозможно, ваше-с-кородіе, потому... служба.. Приказано «немедля», значитъ, къ примѣру... должонъ-ли я сполнять, штò приказано начальствомъ али нѣтъ?

— Ну... нельзя-ли безъ разсужденій... Терпѣть не могу этого отъ вашего брата! заключилъ я, покоряясь моей горькой судьбинѣ.

По пословицѣ «сила солому ломитъ», мнѣ не осталось ничего болѣе, какъ отдать себя въ распоряженіе исполнительнаго служаки. Впрочемъ, уходя изъ моего аппартамента, я позаботился припрятать потщательнѣе изготовленную снѣдь, на случай–не сцапали-бы какіе-либо гастрономы!

ГЛАВА IV.

Парижское правительство обращается ко мнѣ съ покорной просьбой.

Когда я вошелъ, они сидѣли повѣся носъ и молчали... Одинъ Тьеръ, только что возвратившійся тогда изъ своей поѣздки, нюхалъ табакъ и улыбался...

Появленіе мое оживило собраніе.

— Иванъ Ивановичъ! милѣйшій! обратился ко мнѣ, со слезами въ очахъ, Жюль Фавръ, послѣ обычныхъ привѣтствій. Мы къ тебѣ съ покорнѣйшей просьбой... выручи, другъ!

— Въ чемъ дѣло, родные мои? спрашиваю, усаживаясь попокойнѣе въ кресло.

— А дѣло наше вотъ въ чемъ! приступилъ Фавръ и, послѣ краткой паузы, обратился къ собранію: «господа, нѣтъ-ли при комъ носоваго платка?», но когда таковаго ни у кого не оказалось, мой старый коллега высморкался au naturel и продолжалъ:

— Нашъ почтенный другъ m-r Тьеръ сейчасъ возвратился изъ своей поѣздки къ нейтральнымъ и якобы дружественнымъ намъ кабинетамъ... Миссія его не выгорѣла! Его вездѣ принимали съ лестной аттенціей, но для спасенія Франціи, а тѣмъ паче республики—никто ниже пальцемъ о палецъ ударить не изъявилъ желанія. Что это малодушно, неблагодарно и жестоко, всякъ конечно согласится, и придетъ время когда мы это припомнимъ; теперь же наше трудное положеніе понуждаетъ насъ, не теряя ни минуты, искать во чтобы ни стало, помощи нравственной и матеріальной для уничтоженія лютыхъ враговъ нашихъ. Европа насъ забыла, поэтому мы вотъ тутъ сейчасъ съобща порѣшили обратиться къ великимъ державамъ другихъ частей свѣта... Что ты скажешь на это, добрѣйшій нашъ Иванъ Ивановичъ?

— Что сказать, милый Жюль? отвѣчаю. Идея основательная! Но о чемъ ты хотѣлъ просить меня?

— А вотъ видишь-ли! Такъ какъ ты, благодаря твоей несравненной учености, знакомъ и съ африканскими нарѣчіями, то мы обращаемся къ тебѣ съ покорной просьбой принять на себя миссію, о исходатайствованіи помощи и всякаго содѣйствія у дружественныхъ намъ великихъ державъ Африки... Опять же намъ извѣстно, что ты дружески знакомъ съ г. Бисмаркомъ и, стало быть, легко можешь склонить его выдать тебѣ пропускъ. Мы, съ своей стороны, снабдимъ

тебя всѣмъ необходимымъ—поѣзжай только, ради Аллаха! Уважь наше слезное моленіе!

— Погоди! Надо подумать... Дѣло это нешуточное! говорю, а самъ смекаю: «вотъ великолѣпнѣйшій случай улизнуть на казенный счетъ отъ голоду и холоду и вдобавокъ заслужить «признательность республики!»

— Рѣшайся, пожалуйста, скорѣе; намъ всякая минута дорога́! приступили тутъ всѣ ко мнѣ, и такъ настоятельно. Одинъ руки жметъ, другой въ плѣшь цѣлуетъ, третій по брюху хлопаетъ, а Трошю такъ грозить сталъ—въ шутку, разумѣется: «соглашайтесь, говоритъ, скорѣе, а не то сейчасъ васъ на аванпосты безъ ружья отправлю!»

— Ну, ладно! отвѣчаю. Давайте инструкцію, а главное, дайте поѣсть... поѣсть по человѣчески!

ГЛАВА V.

Я въ лагерѣ осаждающихъ.

— Сто-о-ой! Ни съ мѣста, а то спущу курокъ, останешься доволенъ!

— Что ты, пострѣлъ, развѣ не видишь я съ бѣлымъ знаменемъ?!

— А мнѣ плевать!.. Захочу, сейчасъ застрѣлю, какъ пса, потому... потому мы побѣдители... Разумѣйте, значитъ, языцы!

Это щекотливое препирательство между мной и нѣмецкимъ аванпостомъ, происшедшее тотчасъ по выѣздѣ моемъ изъ Парижа, было прервано весьма кстати подоспѣвшимъ прусскимъ майоромъ на конѣ.

— Что тутъ за шумъ? Смирррно!.. Вамъ чего надо? обратился онъ ко мнѣ.

— Я имѣю надобность къ господину Бисмарку.

— Такого у насъ нѣтъ! рѣзко отвѣчалъ майоръ.

— Какъ? удивился я. Оттона Карлыча у васъ нѣтъ! Ужъ не помре-ли онъ, голубчикъ мой? Кто-же у васъ, господа, теперь канцлеромъ-то?

— Канцлеромъ у насъ (на-краулъ! шапки долой!) его высокопревосходительство сіятельнѣйшій графъ и кавалеръ фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ! съ внушительной торжественностью протрубилъ майоръ.

— И отлично! обрадовался я, напяливая шляпу, сбитую съ головы моей по командѣ майора. Его-то мнѣ и надо! Для чего-жъ вы давеча сказали, что «такого» у васъ нѣтъ?

— Сейчасъ видно думкопфа! съ досадой возразилъ майоръ. Ну, да погоди ,мы васъ выучимъ почтительности къ старшимъ... Эй! реквизицію съ этого мусью... въ наказаніе и въ примѣръ прочимъ!

Тутъ только, послѣ опростанія моихъ кармановъ доблестными воителями, я уразумѣлъ, что сдѣлалъ промахъ и поспѣшилъ извиниться въ немъ передъ строгимъ майоромъ.

— Извиняю, и то лишь въ уваженіе къ чистосердечному сознанію! милостиво изрекъ онъ, хотя реквизиціи не отмѣнилъ. А впрочемъ, продолжалъ онъ, какая такая у васъ надобность есть къ ихъ высокопревосходительству?

— Надобность сію могу сообщить только ихъ высокопревосходительству, отвѣтилъ я съ почтительностью, но и съ достоинствомъ.

— Ага! пардону, видно, захотѣлось? Поздно, мусью! Мы нынѣ такъ порѣшили, чтобы теперича всѣхъ васъ эдакъ подъ пушки и— тррахъ!.. Праху чтобъ не осталось! И будетъ тогда ganz-gut!

— Я покорно прошу допустить меня къ ихъ высокопревосход...

— Напрасно только побезпокоите.. Впрочемъ это не мое дѣло, какъ начальство! и, обратясь къ солдатамъ, майоръ скомандовалъ: отвесть въ штабъ!.. М-матри въ оба! и потомъ пріосанясь и давъ шенкеля буцефалу, продолжалъ: ррота, смирррна—шай!! Въ колонну стройся! На пле-е-ечо! Скорррымъ шагомъ... арршъ!! Лѣвой! пра-вой! лѣвой! правой! не частить! въ но-о-гу!... лѣвой! правой! лѣвой! правой!.. Эй! ты профессоръ! брю-хо! беррю-х-хо-о! лѣвой! правой! лѣвой! правой!.. Носки... но-о-ски вытягивай... шельмы! Я васъ!! безъ колбасы оставлю, канальи! лѣвой! правой! лѣвой! правой! лѣвой! правой!

Блистательную муштру сію заслуженный майоръ держалъ все время, пока отрядъ конвоировавшій меня не скрылся у него изъ глазъ. Тогда его замѣнилъ старшій офицеръ въ отрядѣ и, чѣмъ далѣе углублялись мы внутрь нѣмецкаго лагеря, тѣмъ все гуще и гуще, громче и громче раздавалось въ воздухѣ: «лѣвой! правой!.. смирно!.. не частить!» и прочія многознаменательныя слова великой муштры.

Меня поразила толикая гармонія и благоустройство! Никто здѣсь шагу не дѣлалъ безъ команды. Кто шелъ въ одиночку — тотъ самъ себя муштровалъ. Впечатлѣніе мое я сообщилъ сопровождавшимъ меня воинамъ.

— Да, это у насъ прекрасное заведеніе! сказалъ одинъ изъ нихъ, отрывая глаза отъ Зендъ-Авесты, которую онъ читалъ доселѣ, что однако не мѣшало ему идти въ ногу и отлично вытягивать носки. —Возьмите! у насъ не было примѣра, продолжалъ онъ, чтобы наипослѣднѣйшій унтеръ когда-нибудь, вмѣсто «л ѣ в о й! правой!», скомандовалъ «п р а в о й! лѣвой!» или какой подобный абсурдъ, и въ этомъ наша сила! Съ этой силой мы поколотили васъ и, съ помощью «бога воиновъ», поколотимъ весь міръ... О, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, впадая въ паѳосъ,—не будь я кровный зингмарингенецъ, если мы не заставимъ всѣ народы ходить: «лѣвой! правой! лѣвой! правой!» А все потому, что мы очень учены и образованны. Вотъ вамъ примѣръ: я всего ефрейторъ, а, видите—я читаю Зендъ-Авесту... Вы, конечно, объ этомъ напечатаете; такъ уже не забудьте извѣстить Европу, что я тотъ самый нѣмецкій воинъ, который въ войну 1866 читалъ Веды на санскритскомъ... Вамъ вѣдь это извѣстно? Пожалуйста-жъ, не забудьте!..

Потомъ, сей многоученый ефрейторъ сообщилъ мнѣ со слезами на глазахъ свое великое горе. Онъ, бѣдняга, никакъ не могъ подогнать подъ требованія муштры свое ученое брюхо.

— Ужъ чего я съ нимъ, проклятымъ, не дѣлалъ! говорилъ онъ. Вѣрите-ли, по три дня колбасы не ѣлъ—ничего не беретъ! Ужъ лучше-

бы я ни бельмеса не зналъ во всѣхъ этихъ Ведахъ, только-бы оно не ползло у меня во всѣ стороны, ненавистное!

Среди завязавшагося общаго разговора, другой изъ сопровождавшихъ меня воителей—баварецъ родомъ и поэтъ по призванію, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: носятъ-ли парижанки бриллiантовыя серьги? Я отвѣтилъ утвердительно.

Тогда онъ пришелъ въ паѳосъ и съ трогательнымъ умиленіемъ продекламировалъ съ экспромта стихотвореніе, которое я привожу здѣсь въ переводѣ прозой. Вотъ оно:

«О, моя божественная невѣста! О, моя душенька Гретхенъ! Ты мнѣ написала въ послѣднемъ письмѣ, чтобы я по взятіи нами Парижа, изъ любви къ тебѣ и славѣ—твоей соперницѣ — пріобрѣлъ нѣкоторые трофеи, напримѣръ: парочку хорошенькихъ бриллiантовыхъ серегъ. Голубка моя бѣлокрылая! не одну, а цѣлыхъ шесть паръ привезу я тебѣ для свадебнаго подарка и повергну оныя вмѣстѣ съ сердцемъ моимъ къ твоимъ прелестнымъ ножкамъ!.. А чтобъ моя милашка повѣрила, что эти серьги не «сцапаны» и не куплены за полцѣны «по случаю», но храбро добыты ея женихомъ съ бою—она получитъ ихъ вмѣстѣ съ ушами парижскихъ красавицъ... Hoch! hoch! hoch! Веселися Гансъ — герой и Гретхенъ, и плачьте вы — парижскія кокотки!..»

Поэтическій пламень сообщился всему отряду. Всѣ принялись декламировать свѣжеиспеченное стихотвореніе и даже вальсировать подъ его ритмъ, нисколько впрочемъ не мѣшая строя.

— Да! въ этой новой пѣснѣ нашего баталіоннаго поэта Ганса много чувства и правды, глубокомысленно сказалъ мнѣ обладатель Зендъ-Авесты съ вольнодумнымъ брюхомъ. Согласитесь, въ то время какъ мы здѣсь пожинаемъ трофеи, собираемъ реквизицію и ѣдимъ гороховую колбасу, быть можетъ наши жены, сестры, невѣсты и дѣти, тамъ, въ миломъ фатерландѣ, пухнутъ отъ голоду... Какъ же намъ не помнить этого и не припасти кое какихъ «трофеевъ»... посущественнѣе, для гостинца милымъ сердца?!

Я промолчалъ, но въ душѣ совершенно согласился съ этой сентенціей, свидѣтельствующей цивическую мудрость и нѣжную привязанность къ родственникамъ въ нѣмецкихъ человѣкахъ... Да, поистинѣ, это передовая нація!

ГЛАВА VI.

Мое свиданіе съ ихъ высокопревосходительствомъ.

Изъ лагернаго штаба, гдѣ меня слегка покормили гороховой колбасой и крѣпко наскучили вопросами «что̀ я забылъ у господина канцлера», я, наконецъ, былъ препровожденъ (подъ карауломъ же) въ Версаль на передкѣ пушечнаго лафета. Экипажецъ сей военный не показался мнѣ очень удобнымъ, въ особенности, когда, по пріѣздѣ, я съ ужасомъ замѣтилъ, что сидѣнье на моихъ брюкахъ протерлось во время дороги, можно сказать, до неприличія. Но во этомъ горестномъ лишеніи меня утѣшала надежда на скорое свиданіе съ моимъ старымъ товарищемъ и другомъ Оттономъ Карловичемъ...

И вотъ, весь трепетный отъ радостнаго волненія, вхожу я въ обиталище великаго человѣка, вхожу и, увы! вмѣсто первокласнаго свѣтила нашихъ дней, обрѣтаю непроницаемое облако сквернаго табачнаго дыма.

— Кто тамъ? возговорило вдругъ облако.

— Я-съ... Иванъ Иванычъ! отвѣчаю, невольно вздрогнувъ отъ раздавшагося голоса, подобнаго звукамъ волторны въ дубравѣ лѣсной.

— Какой такой Иванъ Иванычъ? спрашивало облако.

— Иванъ Иванычъ Прюдомцевъ... если припомните...

— А!.. а!.. Это ты архивная крыса!? Зачѣмъ пожаловалъ? Ужъ не съ капитуляціей-ли?.. Нѣтъ!?. Ну, тѣмъ хуже для васъ... Не бойсь-ужъ стали подошвы жрать, съ легкой руки купца Егорова!.. Нисколько, говоришь?.. Ха-ха-ха... А кто вчера слопалъ старыя туфли?.. Ну-ка?.. Э-эхъ, ты... сельдь голландскій!.. Вѣдь я, братъ,

все знаю, что у васъ тамъ дѣлается... меня, братъ, не проведешь... дудки!..

Это сверхъестественное, можно сказать, всезнайство привело меня въ крайнее изумленіе и даже ужасъ.

— Ну, садись, потолкуемъ! пригласилъ меня гласъ, и тогда только, вонзившись съ отвагою внутрь облака, я различилъ знаменитую плѣшь и все знакомое мнѣ обличье великаго человѣка.

Онъ сидѣлъ въ дезабилье съ меклембургской пипкой въ зубахъ, на единственномъ стулѣ, и былъ погруженъ въ занятіе довольно странное, на первый взглядъ, для столь славнаго мужа. Передъ нимъ лежало двое штановъ: собственные — синіе, съ юхтовыми рейтузами, и французскіе—красные, пріобрѣтенные, очевидно, правомъ войны. Откромсавъ палашемъ изрядный кусокъ отъ самаго выпуклаго мѣста въ красныхъ штанахъ, онъ пригонялъ изъ него заплату къ своимъ рейтузамъ. Мозаика сія показалась мнѣ довольно потѣшной и нескладной...

— Великій Оттонъ! сказалъ я ему, усаживаясь, за отсутствіемъ стульевъ, на нѣкую утварь, *) весьма ловко приспособленную для сидѣнья. Что такое совершаешь ты со штанами сими?..

— А совершаю, братъ, то, что совершить мнѣ надлежитъ! отвѣчаетъ.

— То-есть? спрашиваю.

— Да все по части, значитъ, «объединенія» и «охраненія».

— Обносился еси?...

— Не скажу... Рейтузы мои прочности солидной, но, заплатавъ ихъ французскимъ сукномъ, въ пунктѣ наибольшаго тренія я создаю «охраненіе». Лишняя крѣпость никогда не мѣшаетъ — это мое правило!

— Не вышло бы арлекинады нѣкой въ одѣяніи твоемъ, удивительный мой Оттоша?

— Арлекинада сія въ головѣ твоей пребываетъ, наивный другъ

*) Потомъ я узналъ, что утварь сія—та самая, въ которой Гейне впервые узрѣлъ «будущность Германіи» (См. его поэму «Германія»).

мой Ваня! Ты, насколько я помню, всегда былъ тупъ въ пониманіи высшихъ соотношеній политики и права... Поражающая тебя нынѣ пестрота моихъ рейтузъ есть очевидно изъянъ временный... Спрашиваю: хорошія репрессивныя мѣры—развѣ онѣ не дѣйствительны? Хорошая, «берлинская синька», развѣ она не преодолѣетъ краснаго цвѣта?.. Сомнѣваться въ семъ, значитъ вольнодумствовать; уповать сему—долгъ гражданина, а совершать сіе, какъ я совершаю (удѣлъ избранныхъ)—значитъ совершать «объединеніе»... понялъ?

— Преклоняюсь предъ неизреченной мудростью разума твоего, великій Оттонъ Карловичъ!..

— То-то же!.. Однако, не выпить-ли намъ, по старой памяти... Эй кто тамъ? Двѣ кружки пива! крикнулъ онъ, бросая въ сторону свою работу.

— Помнишь Геттингенъ? продолжалъ онъ благодушно. Чортъ возьми, какую бездну пива выпивали мы въ то блаженное время! Теперь ужъ, братъ, не то. Подагра, канальство, даетъ-таки о себѣ знать, а тутъ эти міровыя дѣла... прахъ ихъ возьми!

Несмотря, впрочемъ, на «міровыя дѣла», великій мужъ мой сталъ поглощать кружку за кружкой, съ такой ненасытностью, что я едва могъ поспѣвать за нимъ. Наконецъ пиво начало оказывать свое дѣйствіе: языки наши развязались, а сердца разверзлись для обоюдныхъ изліяній.

— Какъ вспомню, братъ, сказалъ между прочимъ мой собесѣдникъ, допивая десятую кружку: чѣмъ я былъ лѣтъ 35 тому назадъ и чѣмъ сталъ теперь, на удивленіе міру — просто, братъ... уму непостижимо!.. Кто усумнится, что природа исполнена неисповѣдимыхъ чудесъ, если изъ сорвиголовы, можно сказать, кутилы и забіяки и... вдругъ, такая метаморфоза!..

— Но, скажи, несравненный Оттоша, какимъ образомъ ты достигъ сего изумительнаго величія?

— Э-э, братецъ! Ужъ не думаешь-ли и ты затесаться въ великіе люди?

— Куда мнѣ? Могу-ли дерзать...

— Во–во–во! перебилъ меня Оттонъ Карловичъ. Voila le mot: «дерзать!» Въ этомъ, братъ, вся штука! Стоитъ только «дерзнуть», а тамъ катай–валяй направо и налѣво, не останавливаясь. Главное, не останавливаясь... Остановишься—шабашъ!

— Ужели въ этомъ дѣйствительно вся штука заключается?..

— А тебѣ сего мало?.. Ты хотѣлъ-бы еще «генія», «ширины взглядовъ» и прочаго вздору? Эхъ, ты... телецъ!

— Ну, а если кто, къ примѣру, оппозицію окажетъ шествію твоему?

— Того я, къ примѣру, въ зубы... На это я гораздъ—ты знаешь.

Однако, пора было покончить сіи «предварительные переговоры» и приступить къ главной задачѣ моей поѣздки. Моментъ казался мнѣ наиболѣе для этого подходящимъ, такъ какъ миротворное дѣйствіе пива, повидимому, достаточно смягчило неукротимый нравъ знаменитаго мужа. Тѣмъ не менѣе я заговорилъ не прямо, а издалека—пошелъ въ обходъ, приравлъ даже о небываломъ семействѣ, томящемся якобы въ разлукѣ со мною и, наконецъ повелъ рѣчь такого рода:

— Благородный другъ мой! ты знаешь, что я не воинъ, что я не умертвилъ нетокмо ни одного прусака, но даже клопа никогда не умерщвлялъ умышленно, слѣдовательно, я ни въ чемъ не повиненъ ни предъ тобою, ни предъ христолюбивымъ воинствомъ вашимъ...

— Какъ не повиненъ? Вѣдь ты якшался и преломлялъ доселѣ хлѣбъ съ супостатомъ моимъ! строго возразилъ первѣйшій дипломатъ.

— То есть, къ несчастью... какъ будто; но... замялся я.

— Этого довольно! Ты долженъ поплатиться!

— О, если такъ, воскликнулъ я, то успокойся! Я уже поплатился. Непобѣдимые воины твои произвели давеча реквизицію въ моихъ карманахъ и... довольно чувствительную...

— А, а! Это хорошо! Они у меня знаютъ свое дѣло. Но, скажи, къ чему ты эту канитель растягиваешь?

Я опять замялся.

— Семейство мое... жена, дѣти... малъ мала меньше, началъ я робко. Ты понимаешь родительское чувство, милый Оттоша! Ты вѣдь самъ отецъ!..

— Э? вона что! Это ты задумалъ улизнуть изъ «желѣзнаго круга»? Ха-ха-ха! Ахъ, ты шутъ гороховый!

— Безцѣнный другъ мой! ради нашей старой дружбы, ради дѣтей маленькихъ—пропусти меня! Я въ вѣкъ не забуду... взмолился я слезно.

— Какже! какже! За дурака ты меня считаешь, что-ли?... Да я отца родного не пропустилъ-бы... У насъ, братъ, дружба, дружбой, а осада осадой... ха-ха-ха...

Голова моя поникла долу съ такимъ ощущеніемъ, какъ если-бы со всего размаху стукнулась о каменную стѣну. Слова мольбы замерли на устахъ моихъ и я готовъ былъ расплакаться, какъ бѣдняжка Жюль. Чтобы скрыть сію слабость отъ глазъ великаго мужа, я наскоро простился съ нимъ и поспѣшно направился къ дверямъ.

— Послушай! остановилъ онъ меня. Не желая совсѣмъ тебя обезкураживать, я надумалъ предложить тебѣ, по дружбѣ, одно небезвыгодное дѣльце... Ты будешь сытъ, что важнѣе всего теперь, ну—и, смотря по старанію, пріобрѣтешь толику презрѣннаго металла.

— Какое такое дѣльце? спрашиваю въ уныніи.

— Прежде всего скажи, кто ты: роялистъ-ли, бонапартистъ или республиканецъ?

— Все, что хочешь, только не бисмаркистъ! отвѣтилъ я съ досадой.

— Вотъ какъ! Объ этомъ я тебя и не спрашивалъ... Впрочемъ, это все равно. Скажи только—желаешь-ли получить дѣльце–то?

— Обѣясни—какое, тогда посмотрю.

— Ахъ, очень не хитрое, а главное очень... очень выгодное! Крошечка риску, немножко ловкости, et voila tout! Во первыхъ, видишь-ли, — намъ пріятно было-бы, еслибъ у васъ тамъ происходили этакія революційки крошечныя... понимаешь? Возстанія этакія, съ кро-

вопролитіемъ, что-ли? Вовторыхъ, мы дорожимъ вѣрными свѣдѣніями... ferstehen sie?.. И за все это мы платимъ... о-о-чень хорошо платимъ! Тутъ, я тебѣ скажу, великолѣпную спекуляцію можно сдѣлать! Суди самъ: за каждую изрядную революційку у насъ плата положена отъ 2 до 5 талеровъ и отъ 5 до 10 фунт. гороховой колбасы... Вѣдь это роскошь! Свѣдѣнія оплачиваются по важности... Бываютъ такія, что и 10 талеровъ не пожалѣешь дать за штуку... Вотъ оно—какая Калифорнія!.. Не правда-ли?.. Ну, какъ думаешь... Дѣльцо вѣдь, что говорится—первый сортъ!.. Ей, ей! только по дружбѣ и предлагаю.

— Нѣтъ, ужъ освободите, Оттонъ Карловичъ! отвѣтилъ я, подавляя негодованіе.

— Что?.. Развѣ дешево? заволновался «знаменитый администраторъ». Клянусь тебѣ, у меня никто больше не получаетъ!.. Впрочемъ, я могу и прибавить...

— Прощайте-съ! отрѣзалъ я, отворяя дверь.

— А?.. Ну, какъ знаешь!.. Au revoir!.. Смотри, не раскаялся-бы потомъ! Голодъ, mein freund, вѣдь не свой братъ... ха-ха-ха.

Черезъ четверть часа я опять трясся на лафетѣ, проклиная свою горькую судьбину и всѣхъ великихъ и малыхъ человѣковъ тевтонскаго корня.

ГЛАВА VII И ПОСЛѢДНЯЯ.

Я уѣзжаю изъ Парижа на аэростатѣ.

Нечего и говорить, что неудача моего предстательства предъ величайшимъ администраторомъ огорчила парижское правительство въ высокой мѣрѣ. Стали держать совѣтъ, какъ помочь горю. Кто потрусливѣе—предлагалъ оставить благое намѣреніе втунѣ, кто похрабрѣе—совѣтовалъ вооруженной силой проложить для меня путь въ Африку, наконецъ, благоразумные усмотрѣли возможность улизнуть, посредствомъ воздухоплаванія. Одинъ я пребывалъ въ мрачномъ молчаніи и

не подавалъ никакого мнѣнія. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, благоразумные одержали верхъ какъ надъ трусами, такъ равно и надъ храбрыми.

— И такъ, почтенный Иванъ Ивановичъ, обратился ко мнѣ Жюль Фавръ съ благодушной усмѣшкой—приходится тебѣ, дружище, возлетѣть изъ нашихъ объятій ко облацѣмъ, на манеръ Гамбетты!.. Говорятъ—манеръ этотъ весьма интересенъ и поэтиченъ... тѣмъ паче для ученаго... Какъ думаешь?..

— А думаю я, любезный Жюль, отвѣчаю съ досадой, что для меня весьма достаточно и того, что я проѣздился, по вашей милости, на пушечномъ лафетѣ. Манеръ этотъ тоже весьма интересенъ и поэтиченъ, увѣряю васъ, мм. гг.!

— Стало быть, вы отказываетесь возлетѣть? спросилъ меня кто-то.

— Благодарю покорно!.. Много доволенъ!.

Не успѣлъ я сказать этихъ словъ, какъ все собраніе взволновалось и обрушилось на меня цѣлымъ потокомъ колкостей, упрековъ и подозрѣній. Наконецъ Трошю и Фавръ пресѣкли эту бурю, замѣтивъ достаточное оной дѣйствіе на меня. И въ самомъ дѣлѣ, я созналъ, что поступилъ неблагоразумно, отказавшись наотрѣзъ спасти якобы отечество; но, съ другой стороны, меня морозъ дралъ по кожѣ при одной мысли объ анаѳемскомъ воздухоплаваніи... Ахъ, сколь трудно было тогда мое положеніе!

— Почтенный Иванъ Ивановичъ! мы понимаемъ причину вашей временной апатіи и горечи, снисходительнымъ тономъ заговорилъ Фавръ. Причина эта—ваша недавняя встрѣча съ ненавистнымъ завоевателемъ. Мы всѣ охотно извиняемъ васъ (неправда-ли, господа?) а я лично тѣмъ охотнѣе, что самъ былъ въ вашемъ положеніи... Теперь вы опомнились, любезный другъ нашъ?.. Вы сознали вашъ промахъ и хотите его загладить?.. Ни слова! ни слова! Мы вамъ вѣримъ и... съ удовольствіемъ принимаемъ вашу готовность отдать даже жизнь, если нужно, на алтарь республики... Въ порывѣ раскаянія, вы не хотите ни на минуту откладывать исполненіе вашей высокой миссіи?.. Мы

преисполняемся удивленія къ вашему геройскому самоотверженію. Ахъ, вы хотите что-то сказать?.. Понимаю! понимаю!.. Гг., прикажите подать къ подъѣзду очередной аэростатъ! Нашъ благородный другъ, Иванъ Иванычъ, сейчасъ выразилъ желаніе немедленно подняться на воздухъ. Да здравствуетъ Иванъ Иванычъ — герой республики!

Виватъ сей подхватило все собраніе и долго не умолкало. Всѣми обуялъ живѣйшій восторгъ, предметомъ котораго, очевидное дѣло, былъ я—злополучная жертва коварной уловки краснорѣчиваго Жюля. Онъ не далъ сказать мнѣ слова, онъ ошеломилъ меня, и не успѣлъ я опомниться, какъ меня, нѣма и безчувственна, подхватили на руки, вынесли изъ залы и посадили въ корзинку... Я только хлопалъ глазами и, посудите, что мнѣ оставалось больше дѣлать?.. Вдругъ я почувствовалъ сильный толчекъ и пришелъ въ себя...

— Ха-ха-ха... Испугались, Иванъ Иванычъ? послышались мнѣ голоса снизу. Ничего, ничего!.. Это только съ непривычи!.. Прощайте, Иванъ Иванычъ! Дозобаченья!.. Счастливаго пути, Иванъ Иванычъ!.. Не забудьте привезти намъ африканскаго гостинца, добрѣйшій Иванъ Иванычъ!..

Но вотъ аэростатъ нашъ отцѣпился отъ бренной юдоли плача, стона и всякой скверны и, поднявшись на ужасающую высоту, полетѣлъ, полетѣлъ...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! заговорилъ вдругъ кто-то надъ моимъ ухомъ.

Оборачиваюсь—вижу молодой дѣтина съ кислѣйшей миной.

— Кто такой? спрашиваю.

— Да я кондукторъ аэростата, отвѣчаетъ.

— Какое тутъ у тебя несчастье?

— Эхъ, ужъ и не спрашивайте! Забыли персидскій порошокъ.

— На что тебѣ онъ?

— Какъ на что? А если, къ примѣру, учнутъ пруссаки стрѣлять по насъ?

— Ну, такъ что-жь тутъ помогъ-бы персидскій порошокъ?

— Ахъ, очень помогъ-бы!.. Они его страхъ не любятъ... Чуть посыплешь—сейчасъ стрѣлять перестанутъ. А теперь дѣло наше гроша не стоитъ! Одна надежда на Бога...

— Будемъ надѣяться на Бога! сказалъ я успокоительно, но въ сущности былъ такъ напуганъ, что уже почиталъ себя безвозвратно погибшимъ, и, вспоминая свои грѣховности, даже изрядно прослезился...

Однако, спустя немало благополучно истекшаго времени, страхъ мой началъ мало по малу проходить, я сталъ свыкаться съ моимъ шельмовскимъ положеніемъ между небомъ и землею, осмѣлился даже заглянуть внизъ какъ вдругъ: пафъ!.. пифъ!.. пафъ! посыпались на на насъ выстрѣлы все чаще и яростнѣе...

— Ну, вотъ, что теперича мы безъ персидскаго порошка подѣлаемъ?.. Про-п-п-а-а-ли наши головушки!..

Только что изрекъ эти печальныя слова растерявшійся товарищъ моего злополучнаго плаванія, какъ надъ головами нашими раздался оглушительный трескъ, словно бы отъ взрыва цѣлаго пороховаго погреба. Затѣмъ, помнится, что мы какъ будто опрокинулись вверхъ тормашками и, съ невѣроятной быстротой, кубаремъ полетѣли внизъ... Что было потомъ—я не помню... Какимъ чудомъ я остался цѣлъ и невредимъ и какъ, вмѣсто того, чтобъ попасть въ руки пруссаковъ, очутился вдругъ наутро въ собственной постели, каковую обрѣтаю по вся дни въ квартирѣ моей, что на Петербургской сторонѣ, по Малой Посадской, въ домѣ подъ № 11 — все сіе разгадать не берусь, потому что: «многое есть въ природѣ, о другъ Гораціо» и т. д...

1871 г.

ДВѢ ТЫСЯЧИ ВЕРСТЪ ПО РОССІИ

(путевыя письма).

Письмо первое.

Можно-ли путешествовать по Россіи для отдыха и развлеченія?—Первый дорожный сюрпризъ.—Пейзажи отечественныхъ пажитей.—Варшавскій обыватель-гастрономъ. — «Путеецъ» съ ремонтерской развязностью. — Циркулярный каламбуръ.—Странички изъ исторіи земства Лугскаго уѣзда.—Псковъ, его развалины и статистика.—Псковское сельское хозяйство. — Эсто-нѣмецкое переселеніе. — «Кутузовскій садъ» и его музы. — Старо-вознесенскій монастырь и его описаніе.—Игуменья Агнія II-я.—Археологическія изысканія «достовѣрно-неизвѣстнаго».

Помнится, резонирующій герой извѣстнаго «Тарантаса» сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что «въ Россіи не путешествуютъ, а просто ѣздятъ въ Мордасы».

Это безцѣнное выраженіе, кажется, и до сихъ поръ вполнѣ примѣнимо къ русскимъ людямъ, вообще, а къ петербуржцамъ, въ особенности. Разница усматривается только въ томъ, что нынче и въ Мордасы никто почти не ѣздитъ—или за отчужденіемъ ихъ, при посредствѣ операцій въ поземельныхъ банкахъ, или за утратой ими былой буколической привлекательности. Поэтому, когда говорятъ теперь, что кто-нибудь собирается «путешествовать» по Россіи, вамъ представляется одно изъ двухъ: либо этотъ кто-нибудь ѣдетъ по казенной надобности и на казенный счетъ, либо отправляется, благодаря прокурорскому краснорѣчію, въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Никому еще и въ голову не можетъ придти, чтобы можно было

путешествовать по Россіи, единственно съ цѣлью отдыха и равлеченія. Всякій вояжъ этого рода мы привыкли понимать только какъ поѣздку за границу—не иначе.

Конечно, такой взглядъ оправдывается громадными преимуществами заграничной природы и культуры передъ отечественными, равно и другими основательными резонами; но смѣю утверждать, по личнымъ впечатлѣніямъ, что и путешествіе по Россіи con amore и здорово, и пріятно, и назидательно. Надо только быть немножко философомъ, чтобы игнорировать разныя неудобства и непріятности, неразлучныя со всякой поѣздкой по Россіи, а съ другой стороны, быть немножко оптимистомъ, при наблюденіяхъ плодовъ отечественнаго преуспѣянія и такъ называемой «внутренней политики».

Обладая достаточнымъ запасомъ этихъ нравственныхъ качествъ, я бодро и весело пустился въ путь ровно въ 8 часовъ прекраснаго іюньскаго утра. Веселое настроеніе мое нисколько не убавилось, когда еще въ Петербургѣ на станціи меня постигъ первый дорожный сюрпризъ не совсѣмъ пріятнаго свойства. Я отправлялся по варшавской желѣзной дорогѣ, на курьерскомъ поѣздѣ, который во всѣхъ календаряхъ и росписаніяхъ обозначенъ двухклассньмъ; но на мое требованіе билета втораго класса, въ кассѣ отвѣчали, что есть только первоклассные, ergo—второклассные всѣ разобраны. Между тѣмъ, потомъ оказалось во всемъ поѣздѣ пассажировъ буквально менѣе, чѣмъ вагоновъ. Впослѣдствіи только я узналъ, что, по правиламъ этой дороги, билеты втораго класса въ курьерскомъ поѣздѣ выдаются лишь для отправляющихся за границу, исключительно. Привиллегія, какъ видите, тоже выработанная подъ вліяніемъ господствующаго вкуса, въ ущербъ любителямъ путешествій по Россіи.

О пути между Петербургомъ и Псковомъ въ моей записной книжкѣ отмѣчено, что во время его «ничего не было и ничего не случилось». Чахлые лѣсочки и болота, пустынная чушь и дичь родныхъ полей, воспѣтая Гоголемъ, даютъ именно представленіе о такомъ безпредметномъ пространствѣ, гдѣ ничего не бываетъ и ничего не слу-

чается... Тягостное впечатлѣніе! Какъ нарочно еще, чтобъ усугубить его, многія изъ нашихъ дорогъ, и въ особенности варшавская, проложены въ сторонѣ отъ мимолежащихъ поселеній, на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи. Смотришь на картѣ—дорога проходитъ чрезъ такой-то городъ, а въ дѣйствительности онъ отстоитъ отъ дороги на нѣсколько верстъ. Ищешь его, ищешь глазами, сидя въ вагонѣ, и благо, если замѣтишь, наконецъ, гдѣ-нибудь на горизонтѣ какую-то кучку сѣренькихъ грибковъ, какими кажутся съ такого разстоянія крыши мизернаго городка.

До Царскаго Села я ѣхалъ совершенно одинъ въ цѣломъ вагонѣ. Здѣсь въ купе сомною сѣлъ какой-то варшавскій житель, ополяченный еврей, который, чуть мы разговорились съ нимъ, съ завиднымъ восторгомъ, сталъ описывать прелести варшавской жизни, варшавскаго театра—Модржеевскихъ, Крулевскихъ и проч.; но въ особенности распространился о варшавскомъ нектарѣ—кофе и сливкахъ... Просто, слюнки текли, слушая этого «привислянскаго» гастронома! Я попробовалъ спросить его о тамошнемъ житьѣ-бытьѣ, о мѣропріятіяхъ начальства и его отношеніяхъ къ мѣстному населенію. Оказалось, что онъ въ такомъ-же восторгѣ отъ варшавской полиціи, какъ и отъ варшавскихъ сливокъ... Чего-же лучше!

Въ Гатчинѣ судьба послала мнѣ еще одного сосѣда—«путейца», т. е. чиновника вѣдомства путей сообщенія. Съ развязностью современнаго инженера, послужившаго отечеству по части концессій, онъ скоро вмѣшался въ нашу бесѣду и овладѣлъ разговоромъ. Въ былое время такой неотразимой развязностью обладали кавалерійскіе ремонтеры—герои всѣхъ ярмарокъ и закадычные друзья чуть не всего свѣта; нынѣ эту роль съ не меньшимъ успѣхомъ выполняютъ желѣзнодорожные инженеры. Новый мой знакомый бойко началъ свою бесѣду съ анекдота. Анекдотъ этотъ я передаю здѣсь, такъ какъ онъ довольно характеристиченъ и свѣжъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ одной изъ привислянскихъ губерній былъ якобы изданъ циркуляръ, чтобы чиновники, отправляемые куда-либо по службѣ на земскихъ лошадяхъ, не брали

безъ денегъ, во время проѣзда, у поселянъ никакой провизіи. Случилось послѣ этого какому-то чиновнику во время проѣзда остановиться у еврея. Еврей, хотя и зналъ, быть можетъ, о новомъ циркулярѣ, но, памятуя русскую пословицу — «до Бога высоко» и т. д., счелъ за лучшее поступить вопреки распоряженію высшаго начальства. Чиновникъ поднесеніе не отвергнулъ, но, взявъ его, строго спросилъ:

— А знаешь-ли ты, такой сякой, новый приказъ? Знаешь, что намъ ныньче строго приказано не брать безъ денегъ отъ васъ никакой провизіи?.. Провизію ты принесъ, а гдѣ-же деньги?..

Разумѣется, еврей не сталъ противорѣчить искусному толкователю циркулярныхъ каламбуровъ и исполнилъ требованіе. Не знаю, былъ ли подобный случай въ дѣйствительности; но кому неизвѣстно, что приказная казуистика и до сихъ поръ, подъ разными видами, толкуетъ нерѣдко въ такомъ родѣ не только циркуляры, но иногда и самые законы.

Не безъинтересно знать, какъ толкуетъ лугское земство постановленіе о содержаніи скотопрогонныхъ дорогъ, которыя оно дозволяетъ, по словамъ того-же разскащика, не только обрѣзывать, но даже застраивать домами, въ своемъ районѣ?..

Вообще, лугское земство, какъ послушать, ведетъ свои дѣла не особенно бойко. Просило оно, много лѣтъ тому назадъ, чтобы правительство безвозмездно передало въ его пользу, подъ сельскія школы, шоссейные станціонные дома. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ домахъ этихъ не оказалось надобности и они были уступлены по ходатайству. Дѣло стало только за формальностями передачи и, если вѣрить моему разскащику, лугское земство до сихъ поръ не соберется исполнить этихъ формальностей. Назначатъ для пріема день и часъ, а когда они наступятъ, постоянно оказывается какая нибудь помѣха — то у депутата отъ земства жена вдругъ разрѣшается отъ бремени двумя мѣсяцами раньше срока, то онъ самъ заболѣетъ, то онъ на имянинный пирогъ уѣдетъ къ сосѣду, то въ Петербургъ ускачетъ послушать новую шансонетку Альфонсины и т. под. Затѣмъ, проходитъ

добрыхъ полгода, пока соберутся назначить новый срокъ для пріема, и опять повторяется та же исторія, а если и съѣдутся, то начинаются пререканія о выбитыхъ стеклахъ, объ обвалившейся штукатуркѣ и пр., и все это разрѣшается безконечной перепиской. Такъ и тянется годъ за годомъ, а между тѣмъ достояніе земства, эти самые станціонные дома все понемножку ветшаютъ, да разваливаются...

Такое теченіе дѣлъ будетъ продолжаться въ земствѣ, вообще, а въ лугскомъ въ частности, по мнѣнію путейца, никакъ не менѣе двадцати лѣтъ... Конечно, для вѣчности и для существованія земства этотъ срокъ не великъ, но шоссейные станціонные дома казенные подрядчики едва-ли строили съ предвидѣніемъ такихъ длинныхъ промежутковъ времени. Впрочемъ, почему двадцать лѣтъ необходимы для созрѣнія нашего земскаго древа—пророкъ мой не успѣлъ объяснить. Поѣздъ остановился и кондукторъ звонко скомандовалъ: «станція Луга! двадцать минутъ!» Съ путейцемъ мы разстались...

Эти двадцать минутъ даютъ вамъ возможность ознакомиться съ кухней лугской станціи. Пассажиры здѣсь завтракаютъ. Я спросилъ себѣ котлету, варшавскій обыватель—три чашки кофе сразу. Котлета оказалась дрянью; варшавскій обыватель не похвалилъ и кофе. При этомъ онъ, съ живописными гримасами, разсказалъ мнѣ, какъ бы оправдываясь въ своей кофеманіи, о томъ, что дѣлаютъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ съ кушаньями, по отходѣ поѣздовъ. Если ему вѣрить, это нѣчто безобразное: кушанье сваливаютъ руками изъ тарелокъ въ большія миски и ставятъ въ духовую печь, гдѣ оно прѣетъ до прихода новыхъ поѣздовъ. Выслушавъ описаніе этого процесса, я уже не могъ ѣсть, оставивъ аппетитъ свой до Пскова.

«Въ Псковѣ очень много развалинъ, которыя въ путешественникѣ вызываютъ невольное сожалѣніе». Такъ отзывается о Псковѣ (для окрестныхъ нѣмцевъ Plescau) архимандритъ Іосифъ въ своемъ описаніи псковскаго Старовознесенскаго женскаго монастыря. Это было писано въ 1862 году и для настоящаго Пскова нѣсколько преувеличено. Его развалины — это опоясывающая его кайма старинной крѣпостной

стѣны, да и та, благодаря заботамъ начальства, мѣстами такъ хорошо чинится и штукатурится, что можетъ сойти за вновь построенную для украшенія города. Начальственная реставрація надъ этимъ памятникомъ сѣдой старины простерлась до того даже, что одну изъ стѣнныхъ башенъ, лучше другихъ сохранившуюся, перестроила въ пожарную каланчу... Къ великой жалости, это чудесное созданіе брантмейстерскаго зодчества я уже не засталъ; мнѣ только указывали башню, которая была утилизирована для этого... Видно сразу, что творческая рука прошла по ней со смѣлостью, хотя и не совсѣмъ археологической, но съ строгимъ соблюденіемъ строительнаго устава... Впрочемъ, такова участь остатковъ старины не въ одномъ только Псковѣ.

Какъ городъ, Псковъ очень недурно застроенъ, недурно вымощенъ и, вообще, имѣетъ весьма приличный видъ, а со стороны рѣки, особенно издали, онъ очень даже живописенъ. Вотъ нѣсколько данныхъ изъ его статистики. Въ немъ имѣется два клуба — «благородный», гдѣ мѣстные земцы ведутъ ожесточенную борьбу съ мѣстной администраціей... на зеленомъ полѣ, и «соединенный,» гдѣ объединяются всѣ сословія, при посредствѣ шнапса. Имѣется нѣсколько банковъ, съ успѣхомъ способствующихъ мѣстнымъ пропріетерамъ ликвидировать свое сельское хозяйство, дабы потомъ безпрепятственно предаться изученію опереты m-me Angot... Мнѣ случилось быть дня два въ общеніи съ однимъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ—бывшимъ дерптскимъ студентомъ, человѣкомъ толковымъ и хорошо знающимъ положеніе сельскаго хозяйства въ Псковской губерніи. По его словамъ, оно такъ скверно, равно—у помѣщиковъ и крестьянъ, какъ только можетъ быть. У помѣщиковъ оно плохо потому, главнѣе, что они до сихъ поръ еще въ сущности не съумѣли пріурочиться къ новому порядку, послѣ 19-го февваля, до сихъ поръ у нихъ хозяйство идетъ по старинному, и если они еще держатся его и не «пошли врознь», то только потому, что имъ некуда дѣваться. У крестьянъ хозяйство плохо, между прочимъ, благодаря общинному владѣнію землею. Дѣйствительно, когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, собесѣдникъ мой показывалъ мнѣ крестьянскія по-

лосы, подъ запашкой, смѣхотворнаго вида. Полоса тянется чуть не на версту, а вся ширина ей буквально аршина два. И такихъ полосъ множество. Можно представить себѣ поэтому, сколько лишняго труда нужно, чтобъ обработать такой поясокъ, и сколько можетъ быть тутъ взаимныхъ потравъ, захватовъ и проч., у смежныхъ владѣльцевъ. Это одна изъ невыгодныхъ сторонъ общиннаго владѣнія. Собесѣдникъ мой указывалъ и доказывалъ множество другихъ, но я не стану теперь распространяться объ этомъ, такъ какъ, иначе—пришлось бы писать особую статью.

Кромѣ банковъ, статистика Пскова, по части состава населенія, очень богата нѣмцами. Нѣмцы, какъ мнѣ передавалъ одинъ псковскій старожилъ, плодятся и множатся теперь во Псковѣ съ быстротой изумительной. Не далеко то время, когда вся здѣшняя торговля, ремесла и промыслы будутъ захвачены оборотливымъ нѣмцемъ; на долю кореннаго русскаго обывателя останется удовольствіе идти къ нѣмцу въ батраки, либо идти въ изгои... Нѣмцы здѣшніе, по большей части изъ Лифляндской губерніи, и приливъ ихъ сюда объясняется близкимъ сосѣдствомъ съ Псковомъ этого края. Не мало также переселилось оттуда въ послѣднее время во Псковскій и смежные уѣзды земледѣльцевъ-эстовъ, о трудолюбіи которыхъ, трезвости и выносливости, я слыхалъ здѣсь много хорошаго. Мнѣ разсказывали, что какой-то изъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ, имѣя нѣсколько тысячъ десятинъ болотъ и дебрей, не приносившихъ ему почти никакого дохода, заселилъ ихъ выходцами—эстами, на арендныхъ условіяхъ, и теперь получаетъ до тринадцати тысячъ дохода, да сверхъ того, вмѣсто болотъ, у него образовалась отличная земля. Въ настоящее время эмиграція эстовъ почему-то ослабѣла, къ великому сожалѣнію мѣстныхъ землевладѣльцевъ... Замѣчательно также, что переселившіеся сюда эсты въ значительной части обрусѣли, по доброй охотѣ, и я самъ видѣлъ интересные экземпляры этого свободнаго ассимилированія.

Что еще сказать вамъ о статистикѣ Пскова? Есть въ немъ увеселительный садъ, подъ названіемъ «Кутузовскаго». По своему виду

онъ очень напоминаетъ Тарасовскій (гдѣ владычествовалъ Арбанъ), что для Пскова неособенно лестно. Въ саду этомъ имѣется скверненькій ресторанъ, гдѣ по вечерамъ въ «концертной залѣ», подъ акомпаниментъ разбитыхъ фортепіянъ, поютъ четыре пѣвицы (двѣ нѣмки и двѣ русскія) разную белиберду, по русски и по нѣмецки, начиная отъ допотопнаго романса «Куда ты, ангелъ мой, стремишься», до куплетиковъ изъ новѣйшей оперетты. Замѣчается поползновеніе и къ канканчику, но еще довольно конфузливое и неувѣренное, что, разумѣется, не говоритъ въ пользу псковской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что она питается непосредственно Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только цивилизацію, но многое–множество разныхъ предметовъ потребленія Псковъ цѣликомъ выписываетъ изъ Петербурга. Штритеровская водка, елисѣевское вино, петровскія папиросы, калинкинское пиво и т. д. и т. д., не только преобладаютъ надъ мѣстными фабрикатами, но, за неимѣніемъ таковыхъ, служатъ здѣсь единственными. Рига и Дерптъ, съ которыми Псковъ также часто и легко сообщается паромъ, еще не могутъ соперничать съ Петербургомъ.

Обозрѣвая остатки псковской старины, зашелъ я въ одинъ изъ четырехъ его монастырей—Старовознесенскій, женскій, очень недурно обстроенный, съ прекрасной, свѣтленькой, благолѣпной церковью. Желая узнать, чѣмъ сія старинная обитель замѣчательна, я обратился къ ея священнику, благодаря любезному посредничеству котораго, осмотрѣлъ монастырскія драгоцѣнности и получилъ печатное описаніе монастыря, сочиненія архимандрита Іосифа. Изъ описанія этого я узналъ, что Старовознесенскій монастырь «долгое время стоялъ смиренно и уныло». Въ немъ было такъ «пусто, мрачно и дико», что, «по этой-то причинѣ почти никто изъ особъ высшаго круга не заглядывалъ» сюда. «Но — все въ рупѣ Божіей!» говоритъ авторъ. «Благоразумнѣйшая» изъ инокинь, поставленная игуменьей этого монастыря, Агнія II (урожд. Ушакова, сконч. 1860 г.), съ рѣдкой энергіей и съ ничтожными средствами сподобилась преобразовать и до неузнаваемости улучшить обитель, такъ что она стала доступна и для особъ высшаго круга.

Всѣмъ этимъ, обязанъ, въ томъ или другомъ отношеніи, монастырь по словамъ описанія, заботамъ Агніи. «Почти всѣ стѣны» храма украшены ликами небожителей, «а потому, какъ-то особенно пріятно и отрадно молиться въ немъ». Въ садахъ обители «есть разныя фруктовыя деревья и плодовые кустарники». Прежнія келіи, «по неудобности къ просфоропеченію», почти вновь передѣланы, и все это стараніемъ Агніи. Вообще покойная игуменія, насколько можно судить по краткой и суховатой біографіи, была особа замѣчательная. Считая монастырь «лучшимъ институтомъ», она всю жизнь свою прилежала «о благоповеденіи сестеръ» съ такой энергіей, что удостоилась благословенія св. сүнода и наперснаго креста, а псковскій архипастырь отозвался о ней, что она «при всей глубокой старости, весьма способна и очень опытна». Опытность ея касалась не только дѣлъ обители, но и жизни свѣтской. Такъ однажды, она высказала слѣдующую замѣчательную мысль:

— Удивляюсь я, зачѣмъ это у провинцій (для столицы) отнимаютъ полезныхъ людей (чиновниковъ)? Мало–ли тамъ въ столицѣ умныхъ и ревностныхъ? Мнѣ кажется, что тамъ и посредственные могутъ дѣйствовать хорошо. Когда же у насъ удерживаютъ или сдаютъ намъ жалкую посредственность, провинціямъ надолго придется оставаться провинціями.

Безъ сомнѣнія, еслибъ, при такомъ порядкѣ, какой желала покойная игуменія, провинціи, и не сдѣлавшись столицами, оставались провинціями, «внутренняя политика» выиграла бы не мало и, быть можетъ, тогда Щедринъ не написалъ бы своей исторіи помпадуровъ...

Кстати объ исторіи. Въ цитированномъ описаніи встрѣчается много интересныхъ свѣдѣній по археологіи. Я узналъ оттуда, что Старовознесенскій монастырь, напр., очень древній, хотя извѣстій о томъ, когда и кѣмъ онъ основанъ, «достовѣрныхъ нѣтъ». Въ немъ есть старинные образа, но, къ сожалѣнію, за ветхостью нельзя узнать: какіе это угодники Божіи? Въ немъ было много замѣчательныхъ настоятельницъ, но опять, къ сожалѣнію, «достовѣрно неизвѣстно», кто онѣ были. Къ

монастырю учрежденъ съ давнихъ временъ крестный ходъ, но, «по какому именно поводу — неизвѣстно». Имѣются здѣсь и чудотворныя иконы, къ которымъ притекали богомольцы, «по сннымъ видѣніямъ», но «къ крайнему сожалѣнію», «послѣдствія ихъ вѣры и усердія неизвѣстны достовѣрно». Словомъ, для любителя археологіи въ описаніи этомъ источники исторической пищи неизсякаемые!

А за симъ, позвольте мнѣ проститься съ богоспасаемымъ Псковомъ, для новыхъ градовъ и весей, какіе встрѣтятся въ моей прогулкѣ...

Письмо второе.

Отрицательная достопримѣчательность Динабурга.—Два разныхъ міра на двухъ верстахъ.—Картины рижско-динабургской дороги: новыя лица и новые пейзажи.—Какъ пользуются водянымъ сообщеніемъ витебскіе помѣщики.—Замѣтка о лѣсной торговлѣ чрезъ Ригу.—Общій видъ Риги и каррикатурность ея центра.—Рижская дороговизна.—Нѣмецкіе «pirogen» и пиво.—Iohannis Tag и его празднованіе въ Ригѣ.—Мѣстная красота, моды и карпетки.—Куда дѣваются рижскія красавицы.—Русское населеніе въ Ригѣ, русскій клубъ и русская газета.

Динабургъ — городъ единственный въ своемъ родѣ! Замѣчателенъ онъ именно тѣмъ, что, несмотря на перекрестное соединеніе въ немъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ артерій, самъ по себѣ, онъ ничѣмъ не замѣчателенъ—ни въ торгово-промышленномъ, ни въ живописномъ и ни въ какомъ другомъ отношеніи, исключая развѣ одного военно-стратегическаго. Для туриста, съ мирными наклонностями, это просто заурядный уѣздный городишко, переполненный жидками, «шахрующими» на мѣдныя деньги. И все таки, повторяю, это городъ единственный въ своемъ родѣ: чрезъ него проѣзжаютъ сотни тысячъ разноплеменнаго народу, провозятъ милліоны пудовъ всевозможныхъ товаровъ, а ему отъ всего этого ни тепло, ни холодно. Пассажиры его игнорируютъ безъ всякой жалости; товары, какъ у сказочнаго повѣствователя медъ—по бородѣ текутъ, но въ динабургское чрево не по-

падаютъ. Этого мало: желѣзнодорожное начальство, какъ бы съ цѣлью—репрессивной мѣрой привлечь вниманіе проѣзжихъ на этотъ обойденный городъ, распорядилось «задерживать» здѣсь на нѣсколько часовъ тѣхъ изъ нихъ, которые, пріѣхавъ по петербурго-варшавской дорогѣ, направляются отсюда въ Ригу, Витебскъ и Смоленскъ. Эта вынужденная, весьма тягостная остановка ничѣмъ другимъ не можетъ быть объяснена. Къ сожалѣнію, она не достигаетъ цѣли: злополучные пассажиры томятся и киснутъ эти три, четыре часа на станціи, а Динабурга все-таки и знать не хотятъ; только рѣдкаго изъ нихъ невыносимая скука погонитъ взглянуть на него хоть мелькомъ. Такимъ родомъ, отъ упомянутаго мѣропріятія получаетъ профитъ одинъ только содержатель буфета динабургской станціи, въ изобиліи снабжающій томящихся путниковъ утѣшеніемъ разной крѣпости и разныхъ наименованій—отъ калинкинскаго пива до елисѣевскаго коньяку...

Хотя Динабургъ представляетъ у насъ далеко не единственную аномалію въ этомъ родѣ, но въ немъ она отразилась наиболѣе разительно; по немъ нагляднѣе всего опровергается сложившееся убѣжденіе, что желѣзныя дороги непремѣнно якобы оживляютъ, обогащаютъ и цивилизуютъ тѣ мѣста, чрезъ которыя проходятъ. Такое убѣжденіе сложилось на основаніи чужихъ образцовъ, но еще майоръ Розенгеймъ во оно время прорицалъ:

«Какъ ни красно чужое море,
Какъ ни красна чужая даль» —

но они-де намъ не въ примѣръ и не въ обольщеніе...

Съ переѣздомъ со станціи варшавской на станцію динабургско-рижской желѣзной дороги, всего на разстояніи какихъ нибудь двухъ верстъ, совершается изумительная перемѣна декорацій, дѣйствующихъ лицъ и всей ихъ обстановки; точно волшебствомъ, васъ переносятъ въ какія нибудь десять минутъ совершенно въ новый міръ. Въ глазахъ у васъ повсюду пестрятъ нѣмецкія надписи, въ ваши уши со всѣхъ сторонъ врывается нѣмецкій говоръ, съ лифляндскимъ акцентомъ, и вы, сами того не замѣчая, начинаете вторить ему, по мѣрѣ вашей разговорчи-

вости и знанія этого «общеславянскаго» языка, какъ онъ мѣтко названъ въ послѣднемъ романѣ г. Бабарыкина. Желѣзно-дорожная прислуга здѣсь отличается, вопервыхъ, лингвистикой,—вся она почти безъ исключеній, владѣетъ тремя языками: нѣмецкимъ, латышскимъ и русскимъ (послѣднимъ, конечно, плоше всего)· во вторыхъ, она отличается какой-то молодцоватой выправкой и военнымъ покроемъ платья. Начальники станцій выглядятъ уже настоящими героями послѣдняго чекана... Сколько въ нихъ подавляющаго достоинства и ловкости «почти военныхъ человѣковъ!»

По мѣрѣ удаленія отъ Динабурга къ Ригѣ, всѣ эти оттѣнки выступаютъ рельефнѣе и характернѣе. Въ кучѣ пассажировъ все чаще начинаютъ попадаться какія-то щетинистыя бороды, въ стилѣ временъ Барбаруссы, какіе-то залихватскіе усы риттеръ-юнкерскаго фасона, неизмѣримые, клюющіе носы съ загорбиной тевтонскаго покроя или, покрайней мѣрѣ, стремящіеся быть такими, наперекоръ курносой латышской породѣ. Въ костюмахъ попадаются какія-то сѣронѣмецкія жакетки, съ зелеными выпушками и металлическими пуговицами, разноцвѣтныя фуражки, вышитыя затѣйливо шнурками, чудовищные ботфорты, съ раструбами чуть не до ушей и т. под. Впрочемъ, надъ всѣми этими фантастическими и, на посторонній взглядъ, довольно нелѣпыми костюмами, господствуетъ, увы, парижская модная картинка!.. Франція, что ни говорите, сраженная на полѣ битвы, попрежнему владычествуетъ надъ врагами, посредствомъ своихъ закройщиковъ и портныхъ... Странный капризъ исторіи!

Одновременно съ перемѣной физіономій, языка и обстановки, мѣняются здѣсь и пролегающіе по сторонамъ дороги пейзажи. Пустыри, тощія нивы, почти сплошь вырубленные и мѣстами выжженные лѣса, полуразрушенныя усадьбы, наводящія уныніе при проѣздѣ по Псковской и Витебской губерніи, въ Лифляндіи смѣняются все чаще попадающимися хорошо обработанными полями, выхоленными лѣсочками и отлично застроенными обширными барскими усадьбами. Правда, рядомъ съ великолѣпными палаццо бароновъ, графовъ и просто фон'овъ, без-

порядочно лѣпятся приземистыя, сѣренькія, всклокоченныя избы и сарайчики латышей–поселянъ; но если не обращать на нихъ пристальнаго вниманія, общая панорама производитъ впечатлѣніе порядочно-развитой, солидной культуры. Надо, впрочемъ, замѣтить, что видѣнныя мною изъ окна вагона помѣстья находятся въ превосходныхъ условіяхъ: съ одной стороны ихъ прорѣзываетъ желѣзная дорога, съ другой омываетъ, почти паралельно съ дорогой, извивающаяся широкая Двина, и наконецъ, эта близость такого громаднаго рынка, какъ Рижскій портъ, способствуетъ самому выгодному сбыту всевозможныхъ продуктовъ. Сказать къ слову, этой близостью и легкостью водянаго сообщенія, многіе помѣщики Витебской и смѣжныхъ бѣлорусскихъ губерній, вслѣдствіе разныхъ стѣснительныхъ условій, пользуются, какъ говорится, очертя голову. Мѣстный нѣмецъ лѣсничій, съ которымъ я бесѣдовалъ дорогой въ Ригу, разсказывалъ мнѣ, что безразсудное истребленіе лѣсовъ въ означенныхъ мѣстностяхъ дошло до апогея. Вырубается все до тла и сплавляется въ Ригу, а оттуда заграницу. Вслѣдствіе этого, въ 1874-мъ, напр., году лѣсной товаръ въ Ригѣ упалъ въ цѣнѣ, сравнительно съ прошлыми годами, процентовъ на двадцать. Явленіе совершенно неестественное, если принять во вниманіе всеобщее обѣдненіе лѣсовъ въ Россіи и всеобщую постоянно увеличивающуюся потребность въ деревѣ. Сообщая объ этомъ, я положился на компетентность моего собесѣдника; но, потомъ, я самъ наглядно убѣдился въ поразительной громадности лѣснаго сбыта въ Ригѣ. Я видѣлъ плоты превосходныхъ балокъ, шпалъ и проч., тянувшіеся безъ преувеличеній на версту. У самой Риги чрезъ Двину перекинутъ великолѣпный желѣзнодорожный, американской системы мостъ, на громадныхъ гранитныхъ быкахъ. Съ его высоты открывается чудесный видъ на городъ и его окрестности. Взгляните отсюда на рѣку, повыше Риги, и—на сколько можетъ хватить глазъ—вы самой рѣки не увидите: вся она, почти сплошь, на необозримое пространство, запружена сплавляемымъ лѣсомъ и—какимъ лѣсомъ! Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ Двина если не шире, то никакъ не у́же Невы; притомъ, я

любовался ею въ срединѣ лѣта, слѣдовательно—масса лѣсу была уже отправлена отсюда за море...

Жаркимъ полднемъ увидѣлъ я почтенную, богатую старушку Ригу. Кто никогда не видѣлъ старыхъ западно-европейскихъ городовъ, на того центръ Риги, собственно городъ, производитъ впечатлѣніе совершенной новизны. Эти высокіе, островерхіе, кургузые дома, стиснутые другъ другомъ до того, что многимъ изъ нихъ стало точно не втерпежъ въ эдакой тѣснотѣ стоять рядомъ,—полѣзли врознь и на стороны: одинъ выдвинулся впередъ всѣмъ фасадомъ, другой подался однимъ угломъ назадъ и скосился на сосѣдей, этого какъ будто искоробило и онъ вотъ–вотъ не выдержитъ и треснетъ во всю свою несоразмѣрную вышину... Понятно, что въ такой страшной давкѣ про улицы легко было позабыть: вышли онѣ какъ–нибудь, сами собою—ладно, не вышли, можно и безъ нихъ обойтись. Въ центральной Ригѣ улицъ собственно нѣтъ — это просто лабиринтъ какихъ–то извивающихся и переплетающихся закоулочковъ, изъ коихъ въ самыхъ широкихъ едва–едва могутъ разъѣхаться два пароконные экипажа, а многіе изъ нихъ и вовсе недоступны для ѣзды... Самъ мефистофель не съумѣлъ бы какъ–нибудь оріентироваться съ планомъ этого карикатурнаго, на современный взглядъ, города! Но старушка замѣтно начинаетъ молодиться и модничать. Въ ея закоулочкахъ, сказать къ слову, прекрасно вымощенныхъ плитой и булыжникомъ, попадаются на каждомъ шагу, перестроенные въ современномъ стилѣ, такіе великолѣпные дома, какихъ и въ Петербургѣ немного. Къ сожалѣнію, красивѣйшіе изъ нихъ, напр., домъ лифляндскаго дворянства—роскошное зданіе, новая биржа, купеческая и ремесленная гильдіи и проч., совершенно потеряны въ этой безобразной тѣснотѣ. За то новыя части города, въ особенности Петербургскій форштадтъ, обѣщаютъ сдѣлаться со временемъ просторными, щегольскими улицами въ новѣйшемъ вкусѣ. Александровскій проспектъ уже и теперь краса всему городу...

Центръ рижской жизни, торговли и общественной дѣятельности находится въ старомъ городѣ. Здѣсь съ перваго взгляда бросаются въ

глаза признаки богатства и обширной, разнообразной коммерціи. На каждомъ шагу попадаются великолѣпные магазины предметовъ роскоши, товарные склады, банкирскія и разныя коммерческія конторы. Улицы съ утра до поздняго вечера очень людны.

Естественно, гдѣ многочисленно населеніе и много въ обращеніи презрѣннаго металла, тамъ жизнь не можетъ быть дешева. Въ Ригѣ на все порядочная дороговизна, во многомъ не уступающая петербургской. Въ гостиницѣ я платилъ полтора рубля за комнату, хотя и выходившую окнами на главную рижскую улицу (Königsstrasse), но весьма скверно меблированную, съ весьма подозрительной чистоты постелью, на которой я не отважился спать. Къ тому же, кромѣ полутора рубля, пришлось платить еще за самовары, за свѣчи и т. п. Кормятъ въ гостинницахъ и ресторанахъ тоже не важно, помимо уже самой по себѣ безвкусицы нѣмецкой кухни. Приправы этой кухни положительно невыносимы для славянскаго желудка. Какъ вамъ, напр., понравился бы пирогъ, начиненный ветчиной, яйцами и — чѣмъ бы вы думали еще?—вареньемъ или изюмомъ! Отъ такихъ «pirogen», просто мутитъ, какъ отъ касторовaго масла... Не дуренъ также бифштексъ, зажаренный на сахарѣ, а еще лучше сладкій супъ изъ сушеныхъ фруктовъ на мясномъ бульонѣ... Но что дѣйствительно хорошо въ Ригѣ, такъ это хлѣбъ полубѣлый, о какомъ въ Петербургѣ понятія не имѣютъ. Мѣстные латыши — большіе любители вяленой камбалы, которую привозятъ сюда на лодкахъ съ близъ лежащаго морскаго побережья въ великомъ множествѣ; но она вовсе не дешева для простонародной пищи: штука стоитъ 5 коп., а такихъ штукъ основательный латышъ за однимъ завтракомъ легко уплететъ дюжину.

Объѣхавъ на своемъ вѣку немалое число россійскихъ градовъ и весей, я научился, по качеству мѣстнаго пива, угадывать почти безошибочно степень преобладанія нѣмцевъ въ мѣстномъ населеніи. Гдѣ пиво хорошо—можете быть увѣрены, что этимъ вы обязаны мѣстнымъ нѣмцамъ; гдѣ оно дурно—значитъ тамъ ихъ или вовсе нѣтъ, или еще очень мало. Какъ французъ завоевываетъ весь міръ своими модами и

шампанскимъ, такъ нѣмецъ прокладываетъ пути къ германизированію вселенной своимъ пивомъ и колбасами. Въ Ригѣ множество пивныхъ заводовъ; рижское пиво—отличное и истребляется его здѣсь ужасающее количество. Его пьютъ много и въ Петербургѣ, но оно тамъ не всесословный напитокъ, какъ здѣсь. Здѣсь пьетъ его и кровный баронъ, и послѣдній латышъ–носильщикъ. Пьютъ его при всякихъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ: пьютъ дома, пьютъ въ гостяхъ, пьютъ на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзной дороги, пьютъ въ гостиницахъ, на гуляньяхъ—словомъ, вездѣ. Всѣ другіе напитки, исключая развѣ кофе, не пользуются здѣсь уваженіемъ. Столь любимый нами чай здѣсь не умѣютъ приготовлять, пьютъ рѣдко и мало; между тѣмъ, нѣмецъ какъ будто такъ устроенъ, что чуть онъ присѣлъ отдохнуть или поговорить, онъ уже не можетъ не пить. Величайшее исключеніе, если въ какомъ--бы ни было публичномъ мѣстѣ, вы увидите рижанина–нѣмца, передъ которымъ не стояла бы стереотипная кружка или пивная бутылка. Конечно, прямое слѣдствіе такого потребленія питей — отсутствіе пьянства. Въ бытность мою въ Ригѣ, даже въ такой великій для мѣстнаго населенія праздникъ, какъ Ивановъ день (Johannis Tag), я нигдѣ не замѣтилъ пьяныхъ «до положенія», нигдѣ не замѣтилъ буйства и скандаловъ. Пиво—напитокъ миротворный, не то что сивуха.

Кстати объ Ивановомъ днѣ. Какая жалкая пародія петербургскій Кулербергъ предъ здѣшнимъ «народнымъ» гуляньемъ въ Альтонѣ, верстахъ въ двухъ отъ Риги! Начальство и городъ не прилагаютъ почти никакихъ заботъ по составленію репертуара этого увеселенія. Просто, на обнаженномъ отъ всякой растительности песчаномъ плацу становится военный оркестръ музыки и—вся недолга. Часамъ къ семи вечера весь плацъ и окружающія его лужайки и пригорки кишатъ необозримыми толпами народа. Въ смежномъ ресторанѣ съ порядочнымъ садомъ, чуть не вплотную заставленномъ стульями и скамейками, нѣтъ возможности найти свободное мѣсто гдѣ присѣсть, нѣтъ почти возможности ходить по аллеямъ, за невообразимой давкой. Вы спросите—чѣмъ же развлекается эта масса народу?—Пьетъ пиво, и ничего больше. Впрочемъ,

съ наступленіемъ сумерекъ, на плацу устраивается нигдѣ еще невиданная мною забава. Нѣсколько вольнопрактикующихъ потѣшниковъ начинаютъ швырять, и непремѣнно въ толпу, гдѣ погуще, горящія разрывныя ракеты. Такія шутихи, конечно, безопасны; тѣмъ не менѣе, коснувшись лица или платья, онѣ оставляютъ небезслѣдное воспоминаніе объ Альтонскомъ гуляньи; но здѣсь, точно всѣ условились не претендовать за такіе сувенирчики; даже чины полиціи не препятствуютъ этому, съ снисходительной улыбкой взирая на народную потѣху. Удачно брошенная въ самую середину толпы ракета производитъ неописуемый гвалтъ и гомерическій хохотъ; на нее набрасываются десятки молодцевъ и стараются, не давъ догорѣть, перебросить въ сосѣднюю толпу, и т. д. Въ общемъ, картина выходитъ весьма оживленная, нѣсколько въ баталическомъ вкусѣ. Нельзя представить себѣ, съ какимъ интересомъ и весельемъ любуются ею не только мелкотравчатые бюргеры, но и солидные, съ юпитеровскими носами, тузы купеческой гильдіи и биржи. Въ заключеніе этого праздника, на сосѣднемъ прудкѣ сожигается плохенькій фейерверкъ; но я еще не сказалъ о его началѣ. Накапунѣ, всѣ кому дорогъ Iohannis Tag (а онъ дорогъ всякому нѣмцу) запасаются цвѣтами, березками и осокой, которые продаются въ этотъ день на рынкѣ въ громадномъ количествѣ и въ различныхъ видахъ— вѣнками, букетами, гирляндами и проч. Березки и осока идутъ на украшеніе жилищъ, цвѣты красуются у дамъ на груди и въ волосахъ, у мужчинъ на шляпахъ и въ петлицахъ. На другой день послѣ Альтонскаго гулянья рижане всѣхъ классовъ стекаются на новое гулянье —уже ради одного питья пива, въ прекрасномъ городскомъ саду, въ Петербургскомъ форштадтѣ. Въ оба эти дня всякая дѣятельность въ городѣ прекращается: лавки и конторы заперты, и — все живое стремится spaziren und sich amusiren...

Разумѣется, я воспользовался этимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы обозрѣть рижское общество en masse. Прежде всего слово о рижскихъ дамахъ... Сложилось историческое повѣрье, что лифляндскія женщины очень красивы. Я былъ проникнутъ имъ, когда ѣхалъ сюда, но те-

перь мнѣ сдается, что цѣнителю женской красоты, художнику, ищущему живой модели для какой нибудь сильфиды, въ Ригу можно и вовсе не заглядывать. Я видѣлъ здѣсь сотни женщинъ всѣхъ сословій и—ни одной красавицы, даже на снисходительный вкусъ. Прибавьте къ этому, что рижскимъ дамамъ въ большинствѣ совершенно неизвѣстна тонкая наука одѣваться со вкусомъ... Аллахъ вѣдаетъ, какіе здѣсь царствуютъ фасоны и моды! Наконецъ, это нескончаемое вязанье бумажныхъ карпетокъ, на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, согласитесь, на половину уничтожило бы очарованіе даже самой Венеры... Вязальныя спицы въ рукахъ я видѣлъ у многихъ здѣшнихъ дамъ на гуляньяхъ.

Когда я разсуждалъ объ этомъ «женскомъ вопросѣ» съ однимъ мѣстнымъ зоиломъ, онъ увѣрялъ, что въ Ригѣ было бы несравненно больше красивыхъ женщинъ, еслибъ значительная часть ихъ не отправлялась искать себѣ цѣнителей nach Petersburg... Кажется, такое странное мнѣніе существуетъ и въ Петербургѣ.

Всѣмъ извѣстно, что въ Ригѣ очень много русскихъ, — ихъ считается до тридцати тысячъ, почти треть всего населенія. И, однако, этотъ фактъ приходится принять только на вѣру, потому что въ дѣйствительности вы очень рѣдко услышите здѣсь русскую рѣчь. Нѣмцы, которыхъ считается въ Ригѣ почти столько же, сколько русскихъ, здѣсь господствуютъ своимъ элементомъ вполнѣ. Это лучше всего отражается на латышахъ-горожанахъ. Почти всѣ они говорятъ по нѣмецкй, а по русски только очень немногіе, да кромѣ того — которые изъ нихъ поцивилизованнѣе, нерѣдко конфузятся своего происхожденія и именуютъ себя «нѣмцами». Все это хоть и прискорбно, но фактически—вѣрно...

Русскіе, съ цѣлью единенія, сочинили здѣсь собственный «русскій» клубъ, помѣщающійся нынѣ въ собственномъ весьма приличномъ домѣ, стоившемъ клубу до 50 тысячъ. Къ сожалѣнію, въ мою бытность, по случаю лѣта, въ клубѣ этомъ было совершенно пусто и, слѣдовательно, сказать о немъ больше я лишенъ былъ возможности...

Существуетъ въ Ригѣ и частная русская газета—«Рижскій Вѣст-

никъ», рѣдко попадающійся въ руки въ Петербургѣ. Я купилъ здѣсь одинъ изъ послѣднихъ его нумеровъ, развернулъ и началъ читать: «о закладкѣ Садовниковской богадѣльни» въ «богоспасаемомъ городѣ Ригѣ» — событіе, которому, по словамъ протоіерея Вельдемановскаго, особенно «должны радоваться жители московскаго предмѣстья»... Читая это, и я отъ души порадовался вмѣстѣ съ ними. Порадовался я и тому, что, по словамъ «Городской Лѣтописи», рижская мореходная школа, вопреки мнѣнію газеты «Биржа», «не имѣетъ недостатка въ весьма лестныхъ отзывахъ авторитетовъ по этому дѣлу». Это уже по части полемики, а вотъ и по части беллетристики въ фельетонѣ: «Змѣиный ядъ» или «Изъ за жизни—изъ-за любви», автора «Своенравной» и др. повѣстей, гдѣ онъ весьма картинно описываетъ, какъ нѣкая Роза «вскочила, кулаки ея сжались, весь корпусъ дрожалъ отъ гнѣва», и гдѣ нѣкая старушка, «пережившая эти глупости», дружески совѣтуетъ «забыть этотъ глупый романъ». Старушка, кажется, пересолила, ибо глупые романы признаются отличнымъ средствомъ отъ безсонницы, ради чего, вѣроятно, и печатаются въ «Рижскомъ Вѣстникѣ»...

Письмо третье.

Первый серьезный искусъ для моей путевой философіи. — «Общество рижскаго пароходства» и его единственный въ своемъ родѣ пароходъ «Рига».—Слово въ защиту безвинно страждущихъ.—Морская скука вообще, а на пароходѣ «Рига», въ особенности.—Картина моря.—Крѣпость Дюнамюндъ и ея мостъ.—Восходъ солнца на морѣ. Странствующіе на пароходѣ артисты-итальянцы. — Видъ Ревеля.—Ревельскіе сады.—Герръ Maslow и его труппа.—Екатеринenталь и его дачи.—Екатеринентальскіе обѣды, купанья и увеселенія.—Моряки и ихъ артиллерійскія упражненія.—Танцовальные вечера.—Слово объ извощикахъ.

Хотя я и обѣщалъ себѣ быть философомъ, но суточный переѣздъ на пароходѣ «Рижскаго пароходства» изъ Риги въ Ревель былъ величайшимъ искусомъ для моего стоицизма. Болѣе грязнаго, неудобнаго и безпокойнаго парахода, какъ пароходъ «Рига», болѣе омерзительной

кухни, какъ его кухня, мнѣ еще не случалось встрѣчать. Надо замѣтить, что я еще пользовался всѣми правами и преимуществами пассажира втораго класса (на этомъ пароходѣ существуетъ всего два класса—2-й и 3-й); но судьба несчастныхъ пассажировъ третьяго класса, по справедливости, могла-бы занять не послѣднее мѣсто въ изобрѣтеніяхъ Люцифера, если-бы у него не предвосхитило ее человѣколюбивое «общество рижскаго пароходства». Довольно сказать, что на грязнѣйшей, вонючей палубѣ парохода, предназначенной для пассажировъ третьяго класса, буквально не было ни одной скамейки, ни одного стула. Палуба со всѣхъ сторонъ открыта всѣмъ вѣтрамъ и непогодамъ и только у котловъ устроена какая-то конура, гдѣ могутъ въ повалку размѣститься, какъ кильки въ банкѣ, человѣкъ десять. Это единственное убѣжище отъ суровости морскаго воздуха заняли женщины и дѣти, да нѣсколько зябкихъ, вездѣ поспѣвающихъ жидковъ; остальные-же человѣкъ тридцать маялись на палубѣ, особенно ночью, когда холодъ на морѣ усиливается даже и въ іюнѣ мѣсяцѣ чуть не до замерзанія, маялись какъ окаянные. Пароходъ «Рига» собственно товарный и всякіе товары транспортируются на немъ въ такихъ отличныхъ помѣщеніяхъ и такъ заботливо, что пассажирамъ остается только завидовать, почему ихъ не принимаютъ на «Ригу» на пуды и не помѣщаютъ вмѣстѣ съ тюками и бочками. Такъ выходило-бы и не въ примѣръ дешевле, и несравненно удобнѣе... Не соблаговолитъ-ли принять этотъ новый способъ для перевозки пассажировъ «Общество рижскаго пароходства», въ обличеніи котораго я распространяюсь здѣсь исключительно въ интересѣ массы бѣдняковъ, которые тысячами переѣзжаютъ на пароходахъ этого общества изъ Петербурга въ Ревель, Ригу и во всѣ другіе прибалтійскіе порты. Бѣдняки переѣзжаютъ этимъ варварскимъ способомъ единственно, въ большинствѣ случаевъ, ради сбереженія нѣсколькихъ рублей и даже копѣекъ; ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ обходится нѣсколько дороже. «Общество рижскаго пароходства» постигло этотъ секретъ и, не имѣя конкурентовъ, эксплоатируетъ, какъ видите, своихъ прямыхъ кормильцевъ и поильцевъ далеко

не цивилизаторскимъ образомъ. Будьте-же, meine Herren, достойнѣе сколько нибудь той роли и того имени, которыми вы столь величаетесь!..

Мнѣ кажется, что цивилизованные люди особенно должны-бы позаботиться обставить длинные морскіе переѣзды удобнѣе, изящнѣе и комфортабельнѣе, чѣмъ всякіе другіе. Есть русская пословица—«кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался», т. е. не знаетъ настоящаго страха. Эту пословицу, съ полной справедливостью, можно перефразировать и такъ: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ не знаетъ, что такое скука». Эта скука, по истинѣ, ужасна сама по себѣ (ей-то обязана традиція о великомъ пристрастіи къ спирту всѣхъ мореходцевъ!); но она еще ужаснѣе, если вы, попавъ, напр., на пароходъ «рижскаго общества», очутитесь въ обстановкѣ, весьма похожей на тюремное заключеніе. Темная, тѣсная до-нельзя каюта, съ тюремнымъ комфортомъ и такой-же атмосферой; вполнѣ тюремный обѣдъ (напр., водянистый зеленый супъ и вторымъ блюдомъ—финаломъ обѣда—отваренная въ супѣ, до состоянія мочалы, говядина съ холоднымъ картофелемъ); грязная койка и ея хищные обитатели, соревнующіе доброй славѣ пароходовъ «рижскаго общества», съ лютостью настоящихъ морскихъ разбойниковъ; ну, и тому подобное... Въ такой обстановкѣ, когда у васъ, вдобавокъ, нѣтъ подъ рукой ни книги, ни сколько-нибудь занимательнаго собесѣдника, морское путешествіе превращается въ пытку. Все, что васъ окружаетъ, весь этотъ крошечный, отдѣленный моремъ отъ всего свѣта мірокъ, представляемый этой неуклюжей, хрипящей и монотонно-стукающей въ своей утробѣ, посудиной, съ ея случайными обитателями, съ такими-же монотонными физіономіями и разговорами, все это, до мелочей, намозолило вамъ глаза, притупило слухъ и наскучило до смерти. Но пуще всего намучило, истомило васъ море—своей безбрежностью, своей однообразной—куда ни взглянешь—свинцово-тусклой поверхностью, взъерошенной одноформенными волнами. Картина этой подавляющей громадности, этого вѣчнаго ритмическаго движенія моря—не даетъ никакихъ образовъ, и поэтому служитъ лучшимъ матеріаломъ для неисходной тоски и скуки.

Ничего не можетъ быть мертвеннѣе, по моему, какъ картина моря не съ берега и не съ виду береговъ!

Но я забѣжалъ въ моемъ повѣтствованіи нѣсколько впередъ. До моря—мнѣ еще удалось видѣть нѣчто, о чемъ нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Прежде чѣмъ скроются отъ вашихъ глазъ высокія иглы рижскихъ кирокъ, при выходѣ изъ широкаго, но мелкаго устья занесенной песками Двины въ море, встрѣчается крѣпость и городъ Дюнамюндъ. Она защищаетъ входъ въ Двину, и безъ того, казалось–бы, хорошо защищенный своимъ мелководіемъ и извилистостью узкаго русла. Вслѣдствіе этого у самаго Дюнамюнда воздвигнутъ маякъ, и суда проходятъ не только ночью, но и днемъ, съ такой почтительной медленностью мимо крѣпости, какой она вовсе не внушаетъ своей внѣшностью съ берега. Съ палубы парохода видны, вовсе не грозныя на взглядъ профана, двѣ–три приземистыя насыпныя батарейки, большею частью съ пустыми амбразурами, да нѣсколько казарменныхъ строеній. Бросается въ глаза здѣсь одинъ только мостъ, черезъ доступное для судоходства русло Двины—замѣчательное произведеніе инженернаго искусства! Весь желѣзный, рѣшетчатой системы, всей своей массой онъ опирается посрединѣ на единственномъ каменномъ быкѣ. По немъ производится рельсовое, конное и пѣшеходное сообщеніе, но такъ–какъ мимо него безпрерывно проходятъ суда, то его очень часто разводятъ. Для этого онъ устроенъ такъ, что съ помощью одного человѣка, вертится на своей опорной точкѣ, на быкѣ, какъ флюгеръ на стержнѣ, въ одномъ лишь только направленіи, именно—изъ поперечнаго положенія къ горизонту рѣки онъ переворачивается въ продольное, открывая входъ на обѣ стороны. Вся эта процедура, какъ по маслу, совершается въ нѣсколько минутъ. Видѣвъ ее, наглядно убѣждаешься въ возможности подобныхъ пертурбацій и со вселенной, еслибъ Архимеду удалось найдти для этого достаточно крѣпкую опорную точку.

Ночь застигла насъ какъ разъ въ срединѣ пути. Истомленный морской скукой, я мечталъ облегчить себя крѣпкимъ сномъ; но оказалось,

что такая мечта недостижима и невозможна на пароходѣ «Рига». Совершенно безоружный для какой-нибудь борьбы съ пароходными постельными пиратами, я думалъ сперва одолѣть ихъ нѣмецкой тактикой—стойкостью и выжиданіемъ; но, послѣ нѣсколькихъ часовъ безполезнаго геройства, не выдержалъ и обратился въ постыдное бѣгство. Въ этомъ тягостномъ позорѣ нѣсколько вознаградила меня восхитительная картина солнечнаго восхода. Пароходъ въ это время шелъ мимо безконечной группы лѣсистыхъ островковъ, смежныхъ съ Эзелемъ и еще издали отмѣченныхъ возвышающимися почти на каждомъ изъ нихъ высокими маяками. При восходѣ солнца, ихъ многочисленность еще увеличивается оптическимъ обманомъ. Горизонтъ моря заволакивается низко стелющимися по его поверхности густыми, прихотливо очерченными клубами тумана. Простому глазу эти клубы чудятся синѣющими вдали живописными контурами островов. Но вотъ эти фантастическіе острова пронизалъ золотистый лучъ солнца, и они, какъ стая исполиновъ-лебедей, плавно вспорхнули съ морской глади, разсѣялись и растаяли на рдѣющемъ небѣ... Пейзажами этими любовалась волей не волей почти вся пароходная публика. Не много было счастливцевъ, которые ухитрились превозмочь острый сырой холодъ ночи и спали, свернувшись клубочками на просторной палубѣ, или выстояли въ неравномъ бою съ «рижскими» блохами въ каютѣ, побѣдивъ ихъ богатырской выхрапкой. Но съ наиболѣе кислыми минами смотрѣли на величественныя прелести солнечнаго восхода нѣсколько несчастныхъ оборвышей-итальянцевъ, ѣхавшихъ въ первый разъ въ холодную Россію шить себѣ платье и наживать деньги, съ помощью искусства вертѣть шарманки. Эти вольные художники развлекали вначалѣ пароходную публику своимъ свободнымъ обращеніемъ и свободнымъ искусствомъ, но подъ конецъ и они сами, и ихъ шарманки надоѣли всѣмъ до тошноты. Предъ разсвѣтомъ, когда я вышелъ на палубу, они упражнялись выгребкой угля для машинной топки съ такимъ рвеніемъ, что ихъ вынуждены были остановить. Они дѣлали это съ цѣлью сколько-нибудь согрѣться; но, глядя на нихъ, невольно думалось, что не луч-

ше-ли было-бы, еслибъ они обрѣли въ этомъ скромномъ занятіи свое настоящее призваніе, взамѣнъ артистической профессіи... Впрочемъ, имъ-ли однимъ слѣдовало бы посовѣтовать такую замѣну лиры Аполлона на лопату Циклопа?!

Ревельскій Олай—высокій шпицъ его старинна̂го собора (domus), открывается съ моря болѣе чѣмъ за двадцать верстъ. И онъ самъ, и городъ чрезвычайно выигрываютъ, впрочемъ, съ далекаго разстоянія, благодаря своему положенію на довольно высокомъ взгорьѣ. Вблизи, и Олай, и старый, обрамленный почти непрерывной и отлично сохранившейся крѣпостной стѣной, Ревель производятъ уже менѣе выгодное для нихъ впечатлѣніе, въ особенности послѣ Риги, на которую Ревель очень похожъ, какъ дурная копія. Въ немъ такія-же кривыя путанныя улички, такіе-же старинной постройки дома; но все это уже несравненно грязнѣе, бѣднѣе и безпорядочнѣе, чѣмъ въ Ригѣ. Зато Ревель несравненно богаче своей соперницы живописными видами и садами. Екатериненталь пользуется чуть не всероссійской извѣстностью; но, кромѣ Екатериненталя, съ юго-западной стороны весь «старый» городъ обрамленъ по бывшей крѣпостной эспланадѣ и валамъ почти непрерывной гирляндой бульваровъ и садовъ. Въ этой мѣстности даже улицы получили названіе отъ обилія садовой растительности, какова напр., лучшая улица «Розенкранцъ» (розовыхъ вѣнковъ). Изъ общественныхъ садовъ въ этой мѣстности очень не дуренъ городской садъ на валахъ, откуда открывается прелестный видъ на окрестности, и «Falk's Park», близъ вокзала желѣзной дороги, гдѣ нѣкій герръ Maslow, судя по фамиліи— иностранецъ изъ Ярославля, устроилъ нѣчто въ родѣ мѣстнаго «Семейнаго сада», на манеръ Егаревскаго. Здѣсь поютъ пѣвцы и пѣвицы, конечно по-нѣмецки, играютъ два жидка на цымбалахъ и гармоникѣ, а трое другихъ жидковъ-недорослей показываютъ такія «гимназициски» штуки, «зъ головамъ, зъ рукамъ и зъ ногамъ», такія штуки, что въ Бердичевѣ ахнулъ-бы весь кагалъ, еслибъ увидѣлъ... Но лучше всего здѣсь оказался военный оркестръ рекрутовъ-музыкантовъ, которые, повидимому, играютъ въ саду герръ Maslowa не для забавы публики,

а только для собственной практики. Вѣроятно у нихъ тутъ школа, и я говорю это не шутя, потому что даже мѣстная невзыскательная публика возмущается ихъ ученическими нескладными экзерциціями. Сыграли они при мнѣ нѣсколько разъ три такта какой-то пьески и забастовали. Публика ждетъ продолженія, наконецъ, спрашиваютъ распорядителя—что сей сонъ значитъ?

— Да изволите видѣть, преспокойно отвѣтилъ тотъ,—на сегодня они успѣли разучить только три такта; пьеска новая—хотѣли сюрпризъ сдѣлать публикѣ... Къ будущему воскресенью, дастъ Богъ, они всю ее разучатъ... ребята теплые.

Екатериненталь—обширный паркъ, верстахъ въ двухъ отъ города, расположенный на отлогомъ взгорьѣ близь моря, очень напоминаетъ петербургскія дачныя мѣстности, во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь такія-же невзрачныя дачки перемежаются съ щегольскими лѣтними палаццо богатыхъ людей, такіе-же микроскопическіе палисаднички, такая-же уличная пыль — даже въ превосходной степени. Ревель, вообще, очень пыленъ. Жизнь въ екатериненталскихъ дачкахъ тоже скроена на петербургскій манеръ, такъ-какъ значительнѣйшая часть здѣшняго дачнаго населенія — заѣзжіе петербуржцы. Русскую рѣчь здѣсь услышать уже не въ рѣдкость, а, напр., въ мѣстномъ бадъ-салонѣ, куда многіе изъ дачниковъ приходятъ обѣдать, а по вечерамъ смотрѣть на море и слушать музыку, русскіе уже положительно преобладаютъ надъ всѣми національностями. Дачниковъ изъ другихъ городовъ привлекаютъ въ Екатериненталь на лѣтнее житье, во-первыхъ, морское купанье, а во-вторыхъ, дешевизна жизни, сравнительно съ заграничными мѣстами для морскаго купанья.

Здѣсь нетрудно найти сносную дачку рублей за двѣсти въ лѣто и даже дешевле. Въ бадъ-салонѣ устроенъ постоянный табльдотъ, по 85 коп. съ персоны, а для абонентовъ и того дешевле: закуска съ водкой, четыре блюда и кофе, все достаточно свѣжее и порядочно приготовленное. Такой обѣдъ въ Петербургѣ за эту цѣну не мыслимъ, да и едва-ли мыслимъ въ другомъ какомъ-либо городѣ, гдѣ не соединено

условій, какими пользуется ресторатор ревельскаго бадъ-салона. Довольно сказать, что у него ежедневно садится одновременно за столъ не менѣе пятидесяти человѣкъ, а въ ясную погоду и въ праздникъ эта цифра доходитъ до двухсотъ. Рядомъ съ бадъ-салономъ устроено заведеніе теплыхъ ваннъ, гдѣ тоже цѣны умѣренныя. Холодныя морскія ванны въ Ревелѣ превосходны и очень недурно устроены какъ разъ напротивъ бадъ-салона, саженяхъ въ пятидесяти отъ берега, на ровной, песчаной отмели. Здѣсь вы платите рубль за двѣнадцать билетовъ, за право купаться и получать полотенце, чтобъ вытереться послѣ купанья.

Понятно, что при двѣнадцатичасовомъ разстояніи Петербурга отъ Ревеля, послѣдній, съ его Екатериненталемъ, морскимъ купаньемъ и сранительной дешевизной, представляетъ для петербуржцевъ одну изъ лучшихъ дачныхъ резиденцій. Жаль одно, что въ сухую погоду довольно трудно найти убѣжище отъ ѣдкой пыли, даже въ самомъ Екатериненталѣ.

Въ мою бытность здѣсь, екатеринентальское общество было оживлено значительнымъ притокомъ молодыхъ моряковъ. Въ ревельскомъ рейдѣ стояла въ то время учебная артиллерійская эскадра. На ней пріѣхало до двадцати офицеровъ и сорокъ восемь свѣжеиспеченныхъ гардемариновъ послѣдняго выпуска. Мирный Ревель ежедневно, въ теченіе чуть не цѣлаго дня, оглашался довольно частой пушечной пальбой съ мониторовъ и броненосца «Кремль». Мнѣ удалось видѣть при въѣздѣ въ Ревель это ученье юныхъ мореходцевъ дѣйствовать пушками, какъ можно разрушительнѣе. Суда лавировали въ разстояніи около версты отъ довольно крупныхъ мишеней, расположенныхъ на пустынномъ песчаномъ островѣ. Мишени были издыравлены выстрѣлами весьма изрядно, но на глазахъ моихъ много падало снарядовъ и втунѣ, не долетая или перелетая мишени. Падая на землю, ядра вздымали цѣлыя тучи песку и пыли, попадавшія въ воду—выбрасывали ее на нѣсколько саженъ вверхъ гигантскимъ фонтаномъ... Картина эта весьма забавляла всю пароходную публику. Потомъ, познакомившись кое съ кѣмъ изъ

здѣшнихъ моряковъ, я узналъ точныя свѣдѣнія о результатахъ ихъ артиллерійскихъ экзерцицій... Надѣсь, что вы порадуетесь, вмѣстѣ со мною, преуспѣянію нашего «славнаго» флота, если я вамъ сообщу, что учебная стрѣльба ревельской эскадры давала отъ 60 до 70 на сто, то есть, изъ ста выстрѣловъ, въ среднемъ разсчетѣ, не болѣе сорока промаховъ. Такой результатъ, съ дистанціи отъ 500 до 700 саж., считается отличнымъ...

Послѣ упражненій, полезныхъ и необходимыхъ для величія и безопасности отечества, юные моряки съѣзжаютъ на берегъ и мчатся въ Екатериненталь. Кромѣ музыкальныхъ вечеровъ, въ бадъ-компаніи устраиваются время отъ времени и танцовальныя soirées, на которыхъ въ описываемый промежутокъ времени, естественно, героями являлась флотская молодежь. Вечера эти дѣлаются по дачному, за просто; но мѣстные бюргеры — негоціанты и ихъ сидѣльцы, не упускаютъ этихъ случаевъ предстать изумленнымъ очамъ наблюдателя во всемъ блескѣ своихъ съ иголочки фраковъ, а ихъ безцѣнныя половины и дщери во всемъ очарованіи ревельскихъ модъ...

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ объ извощикахъ въ Ригѣ и Ревелѣ, къ свѣдѣнію читателей и въ поученіе извощикамъ петербургскимъ, еслибъ, впрочемъ, они были доступны какимъ-бы ни было поученіямъ. Извощики въ обоихъ названныхъ городахъ весьма схожи, и по роду экипажей и по качеству, а главное—по недремлющей надъ ними дисциплинѣ и строгому подчиненію таксѣ. Извощичьи экипажи здѣсь—одноконные и пароконные, всѣ на лежачихъ рессорахъ, съ широкими, мягкими, крытыми трипомъ, сидѣньями. Двоимъ сидѣть свободно какъ нельзя болѣе. Пароконные имѣютъ видъ крытыхъ колясокъ и могутъ служить для четырехъ сѣдоковъ. Замѣчательно, что одноконная закладка, какъ въ Ревелѣ, такъ и въ Ригѣ, совершенно—русская, съ дугой, хотя тамъ и здѣсь рѣдкій «фурманъ» (такъ называется здѣсь извощикъ) русскій, а большинство ихъ даже не понимаетъ по русски. Отправляясь куда-бы ни было, вамъ нѣтъ нужды условливаться и торговаться съ фурманомъ, да и онъ не претендуетъ на это: везетъ,

куда прикажете, а еще проще—везетъ и заворачиваетъ по тѣмъ улицамъ, какое плечо вы тронете у него рукой или тростью, при поворотахъ. И онъ и вы спокойны, что при разсчетѣ не будетъ недоразумѣній, никто не останется въ обидѣ. Время и разстояніе—все оцѣнено и предусмотрѣно въ томъ небольшомъ листикѣ бумажки, который помѣщается съ боку козелъ, подъ клеенчатымъ чехломъ, съ надписью «такса». Остановившись, вы отстегиваете чехолъ и легко находите цифру, какую вамъ слѣдуетъ заплатить. Такса изложена на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ или эстскомъ. Надо впрочемъ, замѣтить, что въ Ригѣ такса хранится не снаружи на козлахъ, а у фурмана въ карманѣ и, разумѣется, это уже предлогъ для деморализаціи. Извощики, какъ въ Ригѣ, такъ и въ Ревелѣ, не дороги—отъ 15 коп. одноконные, за конецъ, и отъ 25 коп. — пароконные. Они почтительны съ пассажиромъ, не навязываются съ своими услугами, стоятъ на одномъ мѣстѣ, не шатаясь порожнемъ, и возятъ весьма изрядно... Право, вмѣсто того, чтобъ ломать годами голову, да составлять безконечныя коммисіи, на изысканіе «образцовъ» наиболѣе удобныхъ извощичьихъ экипажей и средствъ улучшить, вообще, состояніе извоза въ столицѣ, петербургская дума несравненно резоннѣе поступила бы, еслибъ взяла готовые «образцы» и готовыя «средства» у своихъ близкихъ и гораздо бѣднѣйшихъ ее на средства сосѣдокъ...

Письмо четвертое.

Между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ.—«Обязательный» обѣдъ на пароходѣ, во время качки.—Свеаборгскія твердыни.—Живописность Гельсингфорса.—Успенскій соборъ и обвалъ скалы, вблизи его фундамента.—Ощущенія русскаго человѣка, попавшаго «заграницу».—Безпомощность иностранца въ Финляндіи.—Финская флегма и несообщительность.—«Бѣдная страна», богатая своей бѣдностью. Вольная пожарная команда и ея экзерциціи.—Гельсингфорская скука и веселье.—Брунстъ-паркъ, его бадъ-салонъ и купальни.—Выборгъ и выборгскія достопримѣчательности.—Иматра.

Между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ всего шесть часовъ пути, на которомъ, однако, путешественники, подверженные морской болѣзни, испытываютъ сильнѣйшіе ея пароксизмы. Дѣло въ томъ, что по этому рейсу пароходъ чаще всего переноситъ боковую качку — самую несносную изъ всѣхъ. Во время моего переѣзда, качка эта была особенно сильна, а на пароходѣ, какъ нарочно, въ числѣ пассажировъ больше всего было дамъ, которыя всѣ до одной страдали самымъ плачевнымъ образомъ. Кстати будетъ сказать здѣсь, что на финляндскихъ пароходахъ, очень удобныхъ, съ прекрасными каютами для перваго класса, существуетъ одно несообразное правило, а именно: пассажиръ перваго класса (въ «салонѣ») обязывается, какъ напечатано на бланкѣ билета, всенепремѣнно платить по рублю за каждый обѣдъ на пароходѣ, «если-бы онъ ими даже и не пользовался». Словомъ, ѣшь хоть тресни или плати ни за что, ни про что!.. Правило это я нахожу тѣмъ болѣе ехиднымъ, что оно разсчитано на морскую болѣзнь большинства пассажировъ, благодаря которой, они лишены физической возможности «пользоваться» пароходнымъ обѣдомъ, будь онъ приготовленъ даже самимъ велемудрымъ кулинаристомъ Брилья-Савареномъ. Тѣмъ не менѣе, бѣдные пассажиры безропотно подчиняются этому правилу и — надо видѣть, сколько тщетныхъ усилій принимаютъ они, чтобъ рубли ихъ не пропали даромъ... Это довольно уморительная картина!

Когда ударитъ звонокъ, призывающій къ обѣду, почти всѣ приборы за столомъ занимаются скоро и мужественно; только тѣ, кто мало надѣется на крѣпость своихъ первовъ, стараются занять мѣста поближе къ выходу... на всякій случай, чтобъ не испортить аппетитъ сосѣдямъ. Пока шла закуска и супъ, за столомъ сидѣло человѣкъ пятнадцать; но отвратительное свойство морской болѣзни, что ѣда усиливаетъ ее, ощутительно сказалось на числѣ обѣдавшихъ тотчасъ–же послѣ супа, да еще супа à la finlandais, самого по себѣ уже способнаго произвесть морскую болѣзнь на непривычный желудокъ... Такъ или иначе, но къ жаркому усидѣло за столомъ не больше половины обѣдавшихъ, а когда подали кофе, насъ осталось за столомъ ровно четыре человѣка; остальные взирали на насъ съ кислыми минами и съ завистью, явной чуть не до ненависти. Нашлись, впрочемъ, аматеры, которые какъ–то ухитрялись обѣдать съ антрактами: выскочатъ вдругъ изъ–за стола и скроются, а, спустя одно блюдо, опять садятся и принимаются ѣсть; тамъ опять та–же исторія. Конечно, свой рубль они заплатили не даромъ, но едва–ли могли–бы сказать, что «воспользовались» обѣдомъ...

Гельсингфорсъ съ моря закрытъ цѣлымъ архипелагомъ дикихъ, скалистыхъ островковъ, на которыхъ расположена отчасти знаменитая крѣпость Свеаборгъ. Послѣ того, какъ мы при выѣздѣ изъ Ревеля изумленными очами любовались каррикатурными полуразвалившимися твердынями изъ барочнаго лѣса, построенными въ 1854 г. для защиты ревельской бухты,—свеаборгскія скалы, увѣнчанныя и опоясанныя гранитными батареями, показались намъ еще болѣе титаническими и неприступными, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ, онѣ довольно отлоги большею частью, такъ что, съ виду, неприступнаго мало представляютъ, но дѣйствительная ихъ неприступность скрыта отъ глаза—въ прибрежныхъ сокрушительныхъ подводныхъ скалахъ, почти сплошь окружающихъ острова Свеаборга. Пароходъ, проходя черезъ узкій проливъ между Густавсъ–свердомъ и Скансландомъ (центръ крѣпости), замедляетъ ходъ въ тихую погоду, среди бѣлаго дня, — зна-

читъ, тутъ и тѣсно и опасно... Да это говоритъ и само названіе почти всѣхъ здѣшнихъ островковъ; напр., вышеупомянутые нами, въ переводѣ на русскій, значатъ: Густава мечъ, укрѣпленная земля... Но немало здѣсь сдѣлано и дѣлается понынѣ военно-инженернымъ искусствомъ всевозможныхъ сооруженій, чтобы природная неприступность Свеаборга стала еще грознѣе и внушительнѣе. Шведское владычество, въ лицѣ знаменитаго инженера генерала Эренсверда, оставило здѣсь незыблемые памятники. Такова, напр., замѣчательная, по своей громадности и необыкновенной прочности, гранитная набережная Тунберга... Основатель Свеаборга имѣлъ полное право сдѣлать надпись, до сихъ поръ сохранившуюся на крѣпостныхъ воротахъ: «Потомство! стой здѣсь на своей землѣ и не надѣйся на чужую помощь». Жаль только, что онъ не предусмотрѣлъ того обстоятельства, что для «золотаго пороха» *) не можетъ существовать неприступныхъ крѣпостей...

За Густавсъ-сверденскимъ зундомъ, сразу открывается весь Гельсингфорсъ съ его зеленокудрыми, съ гранитными лысинами, окрестностями. Видъ города великолѣпный, почти величественный; да и вблизи Гельсингфорсъ очень красивый, необычайно чистый, прекрасно застроенный городъ. При въѣздѣ въ гавань, въ глаза бросается прежде всего, особенно русскому человѣку, прекрасное, грандіозное зданіе новаго православнаго Успенскаго собора, стоящаго на одной изъ высшихъ точекъ городской территоріи, вблизи главной гавани. По архитектурѣ и размѣрамъ, онъ нѣсколько напоминаетъ Благовѣщенскій соборъ въ Петербургѣ; но по внутреннему, простому, чрезвычайно изящному устройству, въ строгомъ древне-русскомъ стилѣ, онъ совершенно оригиналенъ. Читатели, вѣроятно, не забыли еще извѣстія, что часть скалы, на которой построенъ этотъ храмъ, внезапно обрушилась. Это случилось въ прошломъ году и вызвало опасенія за цѣлость самаго

---

*) Это выраженіе было употреблено графомъ Аракчеевымъ въ письмѣ къ Буксгевдену, покорившему Свеаборгъ въ 1808 г. (Палландеръ, Э., стр. 74).

храма. Я подробно осматривалъ этотъ обвалъ, о размѣрахъ и силѣ котораго можно судить по тому, что онъ разрушилъ стѣны стоящихъ внизу каменныхъ пакгаузовъ. Изъ осмотра, я вынесъ убѣжденіе, что цѣлости Успенскаго собора ни малѣйшей нѣтъ опасности: обвалъ произошелъ въ 29 шагахъ отъ основанія собора; эти 29 шаговъ представляютъ часть поперечника громаднаго гранитнаго монолита, образующаго цѣлую гору, на которой и сооруженъ соборъ. Обвалилась-же совершенно отдѣльная скала, нависшая и давно уже угрожавшая паденіемъ, которое, впрочемъ, не было предусмотрѣно.

При выходѣ на пристань, насъ остановили какія-то двѣ личности въ мундирахъ, оказавшіеся таможенными досмотрщиками и наглядно напоминавшіе, что мы попали уже, въ нѣкоторомъ родѣ, «за границу». Правда, эти добродушные представители финляндской автономіи довольствовались однимъ словеснымъ завѣреніемъ съ нашей стороны, что мы не контрабандисты; но нѣсколько жуткое ощущеніе, что мы сразу очутились на чужбинѣ, отъ этого не уменьшилось. Мнѣ кажется, что это ощущеніе было-бы гораздо слабѣе, еслибъ насъ судьба дѣйствительно занесла куда-нибудь въ настоящую «за-границу», напримѣръ въ Германію или во Францію. Дѣло въ томъ, что здѣшніе финны и шведы крайне необщительны и своеобразны. Въ то время, какъ, зная французскій и нѣмецкій языки, безъ затрудненій можно обращаться почти во всѣхъ европейскихъ странахъ, здѣсь, въ Финляндіи, исключая оффиціальныхъ учрежденій, безъ шведскаго или финскаго языка вы пропали. Я не знаю, чтобы я сталъ здѣсь дѣлать, еслибъ не догадался запастись прекраснымъ гидомъ графа П. Армфельта: «La Finlande, guide et manuel du voyageur». Не только простой народъ, извощики, прислуга въ отеляхъ, лавочники и проч., но даже городовые, носящіе русскіе мундиры—двухъ словъ не понимаютъ по-русски и ни покаковски, кромѣ своего сюсюкающаго жаргона. Къ счастью для путешественника, въ лучшихъ отеляхъ въ Гельсингфорсѣ, въ настоящее время завелись уже нѣмцы; но вѣдь надо сначала попасть въ такой отель... Мнѣ въ этомъ не посчастливило, и я натерпѣлся не

мало, попавъ въ гостинницу, гдѣ и хозяинъ и прислуга оказались финны. Изъ нихъ одна только горничная понимала нѣсколько словъ по-русски, но въ какой степени, можно судить изъ того, что, когда я требовалъ принести мнѣ «чайный приборъ», она говорила «еу» (да) и являлась съ чашкой чаю; я требовалъ «щетку» — она приносила вдругъ «счетъ» изъ буфета моихъ издержекъ; понадобилась мнѣ бутылка содовой воды, она тащила бутылку шведскаго пуншу... Начинавшіяся въ подобныхъ казусахъ объясненія кончались только нашей взаимной досадой. Я старался растолковать что мнѣ нужно; горничная слушала, хлопая своими тусклыми бѣлесоватыми глазами и время отъ времени гнусливо повторяя: «ага!», «мм...угу!»; затѣмъ, не говоря ни слова больше, хлопала дверью и не возвращалась. Такого рода объясненія случались ежедневно не съ одной только горничной. Бывало и такъ: обратишься на улицѣ къ какому-нибудь субъекту съ вопросомъ. Онъ вытаращитъ свои точно сонные буркулы и—ни слова. Думаешь, что не разсышалъ вопроса; повторяешь его опять съ подходящей мимикой. Въ отвѣтъ то-же молчаніе и тотъ-же безсмысленный взглядъ; хоть–бы пальцемъ шевельнулъ, что не понимаетъ вопроса или не желаетъ отвѣчать... Подобное невозмутимое истуканство, въ какомъ-нибудь экстренномъ случаѣ, способно разбѣсить до нестерпимости.

Флегматичность и сумрачность въ характерѣ финновъ совершенно соотвѣтствуетъ и органически развивается окружающей ихъ суровой, неприглядной и тощей природой. Нигдѣ, кажется, нельзя сказать съ бо́льшимъ правомъ, что человѣкъ добываетъ свой хлѣбъ «въ потѣ лица своего», какъ именно въ Финляндіи. Помимо того, что здѣсь земледѣльцу приходится воздѣлывать чуть не голый гранитъ подъ пашню, его трудъ чрезвычайно усложняется отъ крайней измѣнчивости температуры и погоды. Вслѣдствіе этого, тяжелая практика научила здѣшнихъ крестьянъ строить на поляхъ и сѣнокосахъ нѣчто въ родѣ овиновъ, какіе попадаются здѣсь на каждой полосѣ. Послѣ уборки, сюда складывается и сѣно и хлѣбъ, иначе они легко могли-бы сгнить подъ открытымъ небомъ.

Изъ пяти лѣтъ, относительно хлѣбнаго урожая, въ Финляндіи, по вычисленію статистиковъ, только одинъ годъ бываетъ хорошимъ, три плохихъ и одинъ — голодный. Какъ въ этакой странѣ не воспитаться мрачному, необщительному характеру!? Шведскіе короли, начиная съ Эриха св., и устно и на бумагѣ нерѣдко именовали завоеванную ими Финляндію не иначе, какъ—«эта бѣдная страна...» Бѣдной страной она слыветъ до сихъ поръ не только въ мнѣніи иностранцевъ, но и самихъ финновъ. Графъ Армфельдъ, въ своей книгѣ, подтверждаетъ это неоднократно. Онъ указываетъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что изъ 300 финляндскихъ дворянскихъ фамилій, къ великой жалости, «la-plupart est pauvre». Конечно, бѣдность аристократіи и вообще верхушекъ населенія—лучшее доказательство бѣдности страны; но для Финляндіи это не можетъ быть признано безусловно. Надо знать, что рабство и крѣпостничество упразднено здѣсь слишкомъ пятьсотъ лѣтъ назадъ (1335 г.), а во всѣхъ европейскихъ странахъ могущество аристократіи выросло и покоилось на этихъ началахъ. Въ Финляндіи нѣтъ и не было богачей, нѣтъ поэтому блеску, роскоши и широкихъ грандіозныхъ предпріятій, но она богата именно своей бѣдностью. Это не парадоксъ. Бѣдность страны, суровость климата, неблагодарная почва, невыгодное территоріальное положеніе—учатъ человѣка крѣпко помнить пословицу «на Бога надѣйся, а (главное) самъ не плошай!» Финляндцы самой природой воспитались въ томъ, чтобы искать опору и спасеніе единственно въ самихъ себѣ, въ своей энергіи, трудолюбіи, разсчетливости и бережливости... Всѣ эти отличительныя свойства финляндца бросаются въ глаза на каждомъ шагу, и—благодаря имъ, его бѣдность такова, что ей могутъ позавидовать тѣ, кто искони считаетъ себя «богатымъ и обильнымъ...» Общественная самодѣятельность финновъ изумительна для нашего брата: ихъ столица, по числу жителей и богатству, стоитъ на равнѣ съ какой-нибудь нашей Полтавой, а между тѣмъ чего только въ ней нѣтъ!.. Въ Гельсингфорсѣ имѣется восемь ученыхъ обществъ, одно художественное, три промышленно-хозяйственныхъ, два библейскихъ, одно общество трезвости и разныя дру-

гія, не считая массы благотворительныхъ учрежденій. Все, что вы встрѣчаете здѣсь, отличается прочностью, солидностью и строгой обдуманностью. Возьмите, напр., финляндскія желѣзныя дороги, часть которыхъ выстроена безъ всякихъ гарантій: онѣ безпримѣрны, по дешевизнѣ своей постройки и эксплоатаціи, какъ безпримѣрны по своей прочности, по своимъ превосходнымъ порядкамъ. Въ ихъ хроникѣ нѣтъ почти ни одного несчастнаго случая... Финляндія называлась въ старину—«страной тысячи озеръ»; въ настоящее время это обиліе водъ утилизировано превосходными каналами. Надо видѣть, напримѣръ, Сайминскій каналъ, съ его безподобными гигантскими шлюзами, чтобы воочію убѣдиться—чѣмъ именно богата эта страна... У одного изъ шлюзовъ красуется гранитный памятникъ, на которомъ высѣчены имена инженеровъ и подрядчиковъ, строившихъ этотъ каналъ... Это была ихъ единственная награда, потому что гражданская честность финляндцевъ составляетъ одно изъ драгоцѣнныхъ качествъ ихъ характера. Они не слывутъ завзятыми патріотами, мы, напр., по части патріотизма, заткнули-бы ихъ за поясъ; но здѣсь всякій глубоко сознаетъ солидарность своихъ личныхъ интересовъ съ интересами отечества не по части геройства и подвиговъ—«шапками закидаемъ», а въ ежедневныхъ мелочахъ, въ подрядахъ, въ поставкахъ, въ концессіяхъ и т. п.

Въ бытность мою въ Гельсингфорсѣ, я имѣлъ случай видѣть одно изъ яркихъ проявленій здѣшней общественной самостоятельности—это мѣстное пожарное общество и его дѣятельность. Общество это, въ числѣ до трехсотъ членовъ всякихъ сословій, имѣетъ прекрасные пожарные инструменты, которые возятся на рукахъ, безъ помощи лошадей, оно раздѣлено на двѣ дивизіи, отлично обучено своему дѣлу и подчиняется строгой дисциплинѣ. Я видѣлъ, какъ эти господа ситоены, одѣтые въ парусинныя блузы и разноформенныя фуражки съ цвѣтными околышами, стройно маршировали подъ команду своихъ «кэптэновъ», какъ они карабкались, ради практики, по стѣнамъ и крышамъ, съ опасностью свернуть себѣ шею, бросались оттуда внизъ на разстянутое полотно, справлялись ловко, безъ суеты съ пожарными инстру-

ментами, и—мнѣ просто стало завидно смотрѣть на нихъ... Добавлю, что, со времени учрежденія этого общества, пожаровъ въ Гельсингфорсѣ значительно стало меньше, какъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ г. Паландэръ.

Со мной на пароходѣ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ «пуръ селепетанъ», какъ говорится, нѣкій петербургскій шалопай и, на другой день, когда мы встрѣтились съ нимъ за обѣдомъ, сказалъ мнѣ, что онъ умираетъ отъ тоски, что скучнѣе города, какъ Гельсингфорсъ, онъ еще не видалъ. Дѣйствительно, здѣсь вы не встрѣтите веселья—тишина, скромность и умѣренность во всемъ отличаютъ этотъ чистенькій городокъ. Въ обыкновенное время, въ десять часовъ ночи, улицы уже пустынны, рестораны запираются, огни почти вездѣ погашены и все погружается въ сонъ. Есть, впрочемъ, и въ Гельсингфорсѣ лѣтнія увеселительныя мѣста; таковы прежде всего отличный Брунстъ-паркъ, съ бадъ-салономъ и морскими ваннами, гдѣ по вечерамъ играетъ инструментальный оркестръ, а изрѣдка даются концерты, и Кайсаніеми, тоже паркъ, въ противоположной сторонѣ, гдѣ играетъ иногда военная музыка. Посѣтителей по вечерамъ въ обоихъ садахъ въ будни бываетъ очень немного; въ воскресные дни Гельсингфорсъ, вообще, замѣтно оживляется: всѣ лавки, ремесленныя заведенія, даже аптеки, запираются, и всѣ спѣшатъ погулять подъ зеленью. Низшій классъ очень уважаетъ бульваръ, называемый «Эспланадой» въ центрѣ горога; болѣе зажиточные люди стремятся въ Брунстъ-паркъ. Въ бадъ-салонѣ встрѣчается немало и русскихъ — мѣстныхъ и пріѣзжающихъ пользоваться морскимъ купаньемъ. Здѣсь устроенъ табльдотъ, довольно обильный и приличный, по 3 марки съ персоны (около 85 коп.), есть читальня съ русскими, мѣстными и иностранными газетами. Ктому-жъ, поблизости можно найти приличную дачу, по цѣнѣ, дешевле петербургскихъ. Вообще, Брунстъ–паркъ для Гельсингфорса нѣчто въ родѣ нашей Новой Деревни, въ лучшемъ только видѣ. Не смотря, впрочемъ, на всѣ удобства здѣшнихъ морскихъ купаленъ, изъ Петербурга и другихъ городовъ пріѣзжихъ здѣсь не много: сырость воздуха, измѣнчи-

вость погоды и низкая температура Гельсингфорса, отбиваютъ охоту проводить въ немъ лѣто, ради отдыха и леченія.

Послѣдній городъ, на которомъ я закончилъ мою прогулку, былъ Выборгъ. Выборгъ, послѣ Гельсингфорса, въ этнографическомъ и во всякомъ другомъ отношеніи, довольно безцвѣтенъ. Въ немъ замѣтно борятся два вліянія — петербургское и мѣстное. Здѣсь живетъ много русскихъ и многіе изъ финновъ понимаютъ и говорятъ порусски хоть и плохо, но объясняться съ ними можно. Какъ извѣстно, Выборгъ замѣчателенъ своими кренделями и — ничѣмъ болѣе, если не считать, впрочемъ, развалинъ его замка, съ прекрасно-сохранившейся башней, хотя вѣку ей — болѣе 500 лѣтъ. Находясь въ Выборгѣ, не простительно не съѣздить на Иматру, тѣмъ болѣе, что сообщеніе съ нею и близко, и удобно и недорого. Билеты на путь туда и обратно, за семь руб. (24 марки), получаются въ гостинницѣ «Иматра». Ѣхать можно ежедневно въ — 8 часовъ утра и въ 2 часа пополудни. Сначала путь идетъ на пароходѣ по Сайминскому каналу, живописные берега котораго и шлюзы сами по себѣ заслуживаютъ того, чтобъ нарочно ѣздить ихъ смотрѣть. Отъ станціи Раттіерви до Иматры, 34 версты, васъ везутъ въ дилижансѣ, довольно удобномъ. Весь путь совершается въ семь или восемь часовъ. На Иматрѣ есть гостинница, гдѣ можно получить комнату отъ рубля, имѣть обѣдъ и проч., по цѣнамъ довольно безгрѣшнымъ. Описывать величіе Иматры, конечно, я не стану, такъ какъ ее описывали тысячи разъ другіе; но замѣчу, что водопадомъ она названа довольно произвольно—это просто чрезвычайно сильные пороги, при значительномъ уклонѣ самого русла. Впрочемъ, это нисколько не уменьшаетъ ея прелести и величія. Словомъ, если у васъ есть свободныхъ дня два времени и рублей двадцать денегъ—поѣздка на Иматру изъ Петербурга доставитъ вамъ много пріятнаго. Лучшаго partie de plaisir нельзя придумать...

Іюль, 1874 г.

ДѢЛО

О РЕДАКТОРѢ «НЕБЫВАЛОЙ ДИЧИ» ШТЫКЪ-ЮНКЕРѢ МУХѢ.

(Побасенка).

Говоря вообще, обѣтъ молчанія есть спасительный якорь и — спасительный въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: а) когда нечего говорить; б) когда нельзя говорить; и в) когда на языкѣ чешется вранье или глупость. По какой-бы изъ трехъ означенныхъ причинъ не молчалъ человѣкъ — онъ заслуживаетъ признательность и уваженіе согражданъ.

Несомнѣнно, что для писателя, какъ и для всякаго общественнаго дѣятеля, вовсе не обязательно быть непремѣнно геніемъ и новаторомъ — нужно только, чтобъ онъ былъ полезенъ, по мѣрѣ своихъ силъ и назначенія, разумѣя полезность въ смыслѣ добросовѣстнаго предложенія спросу какой-бы ни было здоровой, правильной общественной потребности. Аршинъ не особенно великъ и, не смотря на это — сколько поэтовъ и прорицателей, закаявшись во время раскрывать ротъ, могли-бы, если не стяжать славу, то избѣжать безславія!.. Указывать на личностей я не стану, а разскажу вамъ по этому поводу фантастическую побасенку.

«Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.»

Не высоко не низко — не далеко не близко, жилъ поживалъ, да людей удивлялъ нѣкакій штыкъ-юнкеръ, по прозванію Муха.

Онъ почиталъ себя литераторомъ, потому что однажды напечаталъ въ Полиц. Газетѣ объявленіе въ 3 строчки, о пропажѣ у него

пуделя. Онъ пользовался громадной извѣстностью, размѣръ которой могъ быть выраженъ кругомъ приблизительно аршина 3 въ діаметрѣ, въ центрѣ котораго возсѣдалъ на стулѣ «извѣстный» штыкъ-юнкеръ Муха.

Какъ-то случайно подвернулись ему подъ руку засаленные, разрозненные и оборванные номера старыхъ, даже очень старыхъ, московскихъ газетъ. Отъ нечего дѣлать сталъ онъ ихъ прочитывать и цитировать изъ нихъ въ свою приходо-расходную книжку особенно нравившіяся ему мѣста. Потомъ, между строкъ этихъ цитатъ, экономіи ради, онъ записывалъ свои штыкъ-юнкерскіе приходы и расходы. Съ теченіемъ времени, сего «литературнаго» продукта накопилось у него видимо-невидимо.

— Что мнѣ съ этимъ дѣлать? задумался муха. Отдать-ли Авдотьѣ на растопку печей, или... чортъ подери! зачѣмъ будетъ пропадать толикая масса мудрости?...

Сталъ онъ тогда искать гдѣ нужно совѣта и «содѣйствія» и, все это сыскавъ въ очень скоромъ времени, возвѣстилъ на весь православный міръ тако: «Всѣ вы, господа, зарапортовались, но недостаточно, а вотъ я вамъ лучше скажу!»

Воцарилось молчаніе и—глядь, невдолгѣ появилась въ свѣтъ «Небывалая Дичь, періодическое изданіе, подъ редакціей штыкъ—юнкера Мухи.»

Въ одномъ изъ номеровъ этой «Дичи» было напечатано въ передовой статьѣ приблизительно слѣдующее:

С.-Петермосквабургъ.

Мартобря 0,01.

«О, сколь сладостна для насъ и любезна
Водка очищенная и 3 селедки голланд. . 45 к.
та допотопная и блаженная пора
кислыхъ щей и квасу (для Авдотьи). . . 7 »
благоденствія внѣшняго и внутренняго,
1/4 ф. Жукова (день отъ-одня хуже) . . . 20 »
когда мы были невинны и цѣломудренны,

. . . . . . 3 р. и за номеръ 1 р. . . 4 р.
наслаждались семейнымъ чистымъ покоемъ,
халатъ себѣ и женѣ (у татарина) . . . . 22 » 37½ »
когда процвѣтали муштра и художества,
карточки Филиппо и Альфонсины . . . . 2 »
и т. д. и т. д.

Разумѣется, въ публикѣ по прочтеніи этой «лучшей Дичи», раздался гомерическій хохотъ и кругъ извѣстности штыкъ-юнкера Мухи расширился мгновенно еще на нѣсколько аршинъ. Доволенъ-ли онъ былъ собой и своей «славой», объ этомъ нечего было и спрашивать, такъ какъ «лучше» того, что онъ началъ «сказывать» на весь «православный міръ», не сказывала и «Домашн. Бесѣда», даже въ цвѣтущую пору своего бытія.

Но въ томъ фантастическомъ мірѣ, откуда мы почерпаемъ нашъ разсказъ, общественное мнѣніе и юстиція очень строги къ печатному слову, а потому редакторъ Муха вскорѣ попалъ подъ судъ.

Вотъ краткій отчетъ—за что и какъ его судили.

Обв. актъ: Штыкъ-юнкеръ Муха, на основаніи вышедшихъ нумеровъ его изданія «Дичи», обвиняется въ проступкѣ противъ молчанія, предусмотрѣнномъ ст. 00 Уст. о. н.

Прокуроръ. Такъ какъ человѣкъ, у котораго зачесался языкъ, по причинамъ-ли патологическимъ или-же вслѣдствіе употребленія какихъ-либо острыхъ снадобій, въ родѣ перцовки и пр., вмѣсто преодолѣнія или излеченія въ себѣ этого болѣзненнаго припадка, даетъ волю ему—языку, сбивать, напр., съ толку и безъ того уже сбитыхъ свыше мѣры, и, вообще, пороть безпардонную гиль и чушь, притомъ еще съ обманнымъ предвареніемъ, что онъ «скажетъ лучше», чѣмъ уже было сказано другими по сему предмету; то, по справедливости, такой публицистъ неможетъ заслуживать ни малѣйшаго снисхожденія и я прошу судъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

Защитникъ старался доказать невмѣняемость Мухи и ссылался на экспертизу его умственныхъ способностей. Сверхъ того, по его

мнѣнію, обвинительная власть преувеличила вину подсудимаго, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что изданіе Мухи пріобрѣло доселѣ всего $2^3/_4$ подписчика, изъ коихъ на $2^1/_2$ «Дичь» произвела только смѣхъ, а $^1/_4$, хотя и приняла рацеи ея въ сурьезъ, но четверть сія, по справкамъ, оказалась столѣтней московской просвирней, вошедшей въ пословицу по своей необыкновенной безтолковости и 30 лѣтъ уже не двигающейся ни взадъ ни впередъ со своей лежанки. На основаніи этого защитникъ просилъ оправдать подсудимаго.

Присяжные, на постановленные предсѣдателемъ вопросные пункты, вынесли слѣдующій приговоръ: «да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». По этому судъ присудилъ: «подвергнуть языкъ штыкъ-юнкера Мухи исправительной везикаторіи на 3 часа, а его «Небывалую Дичь» предать забвенію.»

Теперь если мы взглянемъ «съ холоднымъ вниманьемъ» на міръ дѣйствительный, среди котораго мы обречены жить и умирать, то не споткнемся-ли на каждомъ шагу о какое нибудь дутое предпріятіе или начинаніе, съ громкой кличкой, съ претензіей на общественное значеніе и, въ то-же время, не имѣющее подъ собой никакой почвы, вызванное къ эфемерной жизни такими-же неотложными реальными потребностями, въ силу какихъ мой фантастическій штыкъ-юнкеръ возъимѣлъ мысль издавать свою «Дичь»?...

Для какихъ, напр., надобностей время отъ времени появляются на аренѣ нашей скучной прессы эти разные «Гражданины», «Міры», и проч.? Какими такими важными дѣлами и вопросами, какими небывалыми «новостями» зачесался языкъ у ихъ антрепренеровъ, а если и не такъ, то какую, по крайней мѣрѣ, лепту, хотя самомалѣйшую, вносятъ они въ бѣдную сокровищницу нашего общественнаго разума?

На этотъ вопросъ господамъ этимъ нечего отвѣтить; но если-бы подвесть итогъ тому, что они сдѣлали для пріумноженія нашего вранья, нашей безтолковости и мракобѣсія, то... какую—бы массу везикаторій и какое сугубое забвеніе присудилъ—бы имъ мой фантастическій судъ!...

КУЛЕБЯКА

(Изъ сказаній о земствѣ).

— Ну, братъ, Ларіонъ — кулебяка у тебя ныньче объяденье!

— Благодаримъ покорно, сударь, на добромъ словѣ... Точно, сказать безъ хвастовства, я мастакъ-отъ по кулебячной части, имѣю даже по эфтому предмету аттестаты и похвальные листы отъ господъ. Да это что: я на всю фалалейскую губернію, сударь, былъ извѣстенъ и, могу сказать, отъ гг. помѣщиковъ и купцовъ тамошнихъ въ такомъ почитаніи былъ что на удивленіе... ей богу! «Благодѣтель ты нашъ Ларивонъ Семенычъ!»—инаго мнѣ и прозванія не было... А за что? Единственно, сударь, за мои кулебяки—повѣрьте-съ.

И то надо сказать, что явство эфто самое въ русскомъ обѣдѣ алибо хриштикѣ—какъ есть, настоящій хундаментъ! Безъ кулебяки и обѣдъ не въ обѣдъ — это вѣрно... Опять-же, господа помѣщики покушать любятъ, да чтобъ, къ примѣру, сытно и жирно; ну, такъ нашему брату первымъ долгомъ потрафить въ барскій скусъ, потому, обыкновенно, нашъ братъ господамъ угождать завсегда должонъ...

И какія, если разсказать вамъ, сударь, изъ за моихъ кулебякъ исторіи выходили, такъ это потѣха... ей богу! Боюсь только надоскучить вашей милости...

— Пожалуйста разскажи—не бойся!

— Служилъ я, сударь мой, въ Фалалейскѣ у одного барина... Иваномъ Александровичемъ звали—въ глаза, а за глаза, попросту—цыганомъ. А цыганомъ его прозвали собственно за то, что онъ ло-

шадьми барышничалъ, и барышничалъ-то, надо правду сказать, совсѣмъ какъ есть по цыгански. Продать дорого, купить за грошъ, сбыть калеченнаго, никуда не годнаго коня по хорошей цѣнѣ — это было для него ни почемъ... И такъ онъ эфтимъ своимъ промысломъ обезславился, что ему ужъ никто ни въ чемъ и вѣрить не сталъ. Стоило ему бывало похвалить какую ни на есть хорошую лошадь, чтобъ отъ нее всякъ отчурался, дескать, цыганъ похвалилъ — добра не жди! Да это што еще! Сказывали даже, что его обвиняли за уводъ быдто-бы изъ чужой конюшни заводскаго жеребца...

Однимъ словомъ, никто въ Фалалейскѣ не сказалъ-бы добраго слова о нашемъ Иванѣ Александровичѣ. Впрочемъ, у себя дома и съ прислугой своей онъ былъ баринъ не то, чтобъ строгой алибо несправедливый, а такъ взбалмашный какой-то, сказать-бы — человѣкъ малоосновательный...

Хорошо. Коротко-ли, долго ли служу я у него, только, разъ, являюсь по обыкновенію утромъ за заказомъ... Поклонился и жду приказаній что готовить на тотъ день.

— Послушай Ларивонъ! говоритъ онъ мнѣ. Въ городѣ теперь всѣ узнали, что ты у меня служишь. Многимъ это завидно и я даже знаю, что тебя хотѣли отбить у меня. (А это точно было,— только что я эфтаго непостоянства не терплю!). Ты ихъ не слушай, говоритъ, служи мнѣ; потому, какъ теперича ты для моихъ дѣловъ очень будешь нуженъ. Я, говоритъ, тебя нетокмо не обижу, но награжу того болѣ...

— Благодаримъ покорно! отвѣчаю, и все не могу еще понять, куда эфто онъ гнетъ свой разговоръ.

— У меня доселѣ, началъ онъ говорить далѣ, какъ тебѣ извѣстно, никто не бываетъ и никто не хочетъ бывать. Меня не любятъ и осуждаютъ... Теперича я эфту политику задумалъ перемѣнить; я, говоритъ, теперича хочу, чтобъ ко мнѣ весь городъ сталъ ѣздить... Такъ это мнѣ нужно. Какъ-же ты полагаешь, Ларивонъ, спрашиваетъ—чѣмъ я могу эту нашу дурацкую публику къ себѣ заманить.?

— Не могу знать!

— Ну, и дуракъ! говоритъ. Очень просто! Видѣлъ ты, говоритъ, какимъ манеромъ я самыхъ злыхъ лошадей приручаю, такъ что они за мной потомъ какъ собаки ходятъ.? Не видѣлъ?. Я къ нимъ завсегда подхожу съ кусками хлѣба въ рукахъ и, чуть которая оскалитъ зубы, я ей и ткну кускомъ въ ротъ; разъ, другой не возьметъ, а потомъ разсмакуетъ и—освоится. Войдешь только въ конюшню—ржать начнетъ отъ радости, здоровается... Понялъ? спрашиваетъ.

— Понимаю-съ, говорю, а, по правдѣ, такъ и не въ домекъ.

— Больше ничего, говоритъ, я тебѣ не скажу, а изволь-ты мнѣ къ завтрешнему утру приготовить разныхъ сортовъ кулебяки, эдакъ персонъ на двадцать пять... у меня гости будутъ. Да чтобъ такого рода были у тебя кулебяки—чуть въ ротъ, языкъ проглотили-бы... понимаешь? Чтобъ, говоритъ, на этотъ разъ ты самого себя произошелъ... Угодишь, какъ я того желаю — пять рублей на чай получишь... Ступай!

— Радъ стараться, говорю, Иванъ Александрычъ! и съ этимъ словомъ ушелъ къ себѣ на кухню, да и думаю: «ужъ ежели я не угожу, такъ тутъ самъ лѣшій не потрафитъ!»

Взяло меня это, изволите видѣть, за живое, потому, точно какой экзаментъ тутъ надо мной произвесть моему барину захотѣлось... Принялся я и, могу сказать — всю свою душу положилъ въ эфтотъ разъ...

Изготовилъ... Ахъ, сударь, — не хвастаюсь, такихъ кулебякъ и въ Москвѣ не ѣдали... ей богу!

Вотъ только какое горе приключилось: на двадцать пять персонъ я наготовилъ, а съѣхалось гостей къ намъ всего лишь пятеро или шестеро — не помню, да и то не изъ важныхъ.. Наканунѣ, кучеръ цѣлый день развозилъ приглашенія—пожаловать-де откушать,—только вышло эфто напрасно.

Одначе Иванъ Александровичъ нашъ не опечалился. Призвалъ меня, поблагодарилъ, какъ сказалъ, пятью рублями и приказалъ каж-

дую середу и субботу готовить въ такой–же припорціи кулебяки и чтобъ всегда были онѣ за первый сортъ, потому, говоритъ — «не сумнѣвайся, всѣ исподволь захотятъ ихъ отвѣдать — это вѣрно!»..

И точно, въ другой разъ гостей съѣхалось къ намъ ѣсть кулебяки уже больше, полагать надо, оттого, что первые-то, объѣвшись, разнесли по всему городу— каково на славу мы ихъ уподчивали... Ну, обнаковенно, у всякаго сердце не камень — семъ-ка попробую и я эфтихъ хваленыхъ пироговъ Ларивоновскихъ!

И такъ, можетъ черезъ мѣсяцъ, дѣйствительно, сударь, весь городъ какъ есть сталъ наѣзжать къ намъ по средамъ и субботамъ. И кто прежде на нашего Ивана Александровича смотрѣлъ косо, тотъ теперича сталъ первый его доброжелатель. Всѣ это, вдругъ, какъ быдто забыли про его шашни; у всѣхъ-то онъ теперь сталъ «блаароднѣйшій,» «добрѣйшій,» и ужъ какъ тамъ они его не называли...

Только случились это, сударь мой, у насъ въ Фалалейскѣ какіе-то тамъ выборы.. Конешно — гдѣ же знать нашему брату — какія такія бываютъ межъ господами выборы?...

И что–жъ бы вы думали надѣлали наши кулебяки? Первое-то самое мѣсто передзасѣдателя.. што-ли—нашему-то Ивану Александровичу и досталось!. Всѣ господа, почитай, въ одинъ голосъ его выбрали...

Чудеса, какъ подумаешь, какую силищу явство можетъ имѣть на сердце людское!

Нашлось, впрочемъ, немного и такихъ господъ, которымъ эфти выборы не пондравились. Стали они говорить, что Иванъ Александровичъ-де такой чести не стоитъ, онъ–де барышникъ, ну, и протчая... А тѣ, кто выбралъ, отвѣчаютъ: точно барышничаетъ, только не у насъ теперича, а въ другой губерніи, стало быть какое же намъ можетъ быть до эфтаго дѣло?

А то, такъ я вотъ самъ слышалъ, какъ двое господъ, идучи по улицѣ, разговаривали:

— За что, спрашиваетъ одинъ, выбрали вы, говоритъ, Ивана Александровича?.

— Нельзя-же было и не выбрать, отвѣчаетъ другой, — онъ все это время кормилъ насъ такими отличными пирогами!

Тотъ засмѣялся, да и говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ, говоритъ, не правильнѣе-ли было-бы выбрать не его самого, а его повара Ларивона: тотъ и печь умѣетъ ихъ!

Конешно, это сказано было въ шутку, а показалось для меня очённо лестно, потому я, сударь, не столько падокъ къ деньгамъ, какъ къ хорошему ко мнѣ слову... да!

Невдолгѣ, послѣ эфтихъ самыхъ выборовъ, прихожу я по обычаю къ моему барину за заказомъ.

— Ларивонъ, говоритъ онъ мнѣ, мы съ тобой пропасть денегъ пропекли на эфти твои кулебяки. Весь Фалалейскъ кормить ими я не подряжался. Довольно! Отъ сего дня — по средамъ и субботамъ, когда будутъ наѣзжать къ намъ гости, кулебякъ больше не давать; достаточно съ нихъ будетъ и легенькой закусочки... московской колбасы, что ли. Опасаюсь, говоритъ, чтобъ они и въ самомъ дѣлѣ не объѣлись бы у насъ до смерти... Зачѣмъ намъ съ тобой принимать такой грѣхъ на совѣсть?.

— Слушаю-съ! сказалъ я, и тутъ только, сударь мой, уразумѣлъ эфту его причту о томъ, какъ приручать злыхъ лошадей. Точно, ежели приручишь норовистую лошадь такъ, что она перестанетъ кусаться и даетъ сѣсть на себя, потомъ уже не для чего ее баловать болѣе скусными подачками...

Хитеръ былъ баринъ, не тѣмъ будь помянутъ!...

ЕСТЬ-ЛИ У НАСЪ ПАРТІИ?

(шуточный опытъ передовой статьи).

Одно время, именно въ концѣ прошлаго столѣтія, на ряду съ другими подозрительными словами, было изъято изъ употребленія и сослано въ самыя «отдаленныя мѣста» архивовъ слово партія. Взамѣнъ «партіи» было приказано говорить и писать команда...

Въ то стремительное время на половину ничего не дѣлалось: если рѣшались вырвать зло, то ужъ вырывали его неиначе какъ съ корнемъ; даже мѣсто, откуда вырывался корень, сравнивалось съ землей и тотчасъ засѣвалось сѣменами «благихъ намѣреній»; когда предписывалось очистить атмосферу отъ «тлетворнаго духа», то ужъ никакой, самый невиннѣйшій зефиръ не могъ имѣть права гражданства, если отъ него не пахло благонамѣренностью, аппробованной и засвидѣтельствованной въ управѣ благочинія... Время было рѣшительное; но не объ немъ рѣчь.

Нынѣ, благодаря развитію культа «благихъ начинаній», допущены къ свободному обращенію по всѣмъ столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ не только слово «партія», но и такія, еще болѣе, повидимому, потрясающія изреченія какъ, наприм.: «равноправіе предъ лицомъ закона», «свободный земледѣлецъ», «всесословная воинская повинность», «отмѣна тѣлеснаго наказанія» и т. п.

Представьте себѣ ужасъ какого-нибудь Фамусова, скончавшагося въ 1800 г., еслибъ онъ всталъ теперь изъ гроба и послушалъ наши разговоры, почиталъ наши газеты! Его недоумѣніе, конечно, вырази-

лось-бы прежде всего въ формѣ такого вопроса къ первому встрѣчному городовому:

— Подлинно-ли всѣ таковыя продерзостныя рѣченія отъ подлежащаго начальства вольное обращеніе имѣютъ?

— Такъ точно, вашество, начальство онымъ не препятствуетъ! отвѣтилъ-бы тотъ не безъ воздыханія.

— Слову «партія» подлинно-ли запрета болѣе не чинится?

— Никакъ нѣтъ, вашество, не чинится!

— Каковы-же суть нынѣ партіи въ государствѣ Россійскомъ?

— Партіи, вашество, суть двоякаго рода: первыя суть казенныя, какъ то: «партіи рекрутскія», «партіи арестантовъ», «партіи этапныя» и т. п.; вторыя суть приватныя или партикулярныя, какъ-то: «партіи билліардныя», «партіи въ ералашъ, преферансъ и прочія игры»; есть кромѣ того партіи супружескія, въ разсужденіи, вашество, приданаго за невѣстой, знатности жениха и т. п. Всѣ сіи приватныя партіи суть дозволенныя; но есть партіи, вашество, кои, вопреки инструкціи городовымъ и неослабной бдительности оныхъ, тайное существованіе имѣютъ и, по точному смыслу вышеозначенной инструкціи, дозволенными не считаются, а именно: партіи карманщиковъ, партіи форточниковъ и всѣхъ имъ подобныхъ мазуриковъ... Таковы суть всѣ вышеисчисленныя партіи государства Россійскаго.

Несомнѣнно, что такое точное и совершенно вѣрное разъясненіе вопроса, какъ нельзя болѣе удовлетворило-бы и успокоило воскресшаго Фамусова. Быть можетъ и относительно другихъ «продерзостныхъ рѣченій» онъ получилъ-бы столь же успокоительныя свѣдѣнія. Да, быть можетъ, онъ получилъ-бы ихъ, и, затѣмъ наградивъ городоваго алтыномъ, спокойно возвратился бы въ свой гробъ, совершенно примиренный и съ нашими «партіями», и со всѣми другими нововведеніями...

Не могу не привести здѣсь кстати словъ, не такъ давно высказанныхъ по этому предмету однимъ публицистомъ серьезнаго органа.

«У насъ нѣтъ никакихъ партій, говоритъ онъ, и было-бы для насъ гораздо выгоднѣе, еслибъ никто и не искалъ въ Россіи какихъ нибудь партій. Если же встрѣчаются среди насъ нѣсколько десятковъ людей, не сходящихся въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ», то никакъ не слѣдуетъ думать, что за этими людьми «стоятъ цѣлыя партіи, что у этихъ партій есть свои журналы» и т. д.

И однако, не взирая на такіе убѣдительные факты и соображенія, неожиданно оказывается, что партіи, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ цитированный публицистъ, имѣютъ у насъ бытіе, и бытіе какъ нельзя болѣе реальное.

Конечно, партіи эти не политическія, такъ-какъ политика имѣется у насъ только «иностранная»—для читателей газетъ и послѣобѣденныхъ разговоровъ. Правда, въ нашемъ распоряженіи есть еще «политика», касательно обращенія съ барышнями, но тутъ обыкновенно, чуть образуется партія, политику сейчасъ долой и о ней ужъ больше ни слова... Мы разумѣемъ партіи промышленныя, подвизающіяся на широкомъ и совершенно свободномъ поприщѣ разработки и эксплоатаціи естественныхъ богатствъ «великой и обильной» земли нашей. Матерія эта имѣетъ свою исторію, къ которой мы и обратимся теперь на минутку.

Никогда не забыть простодушнымъ Гостомысламъ то прекрасное утро, когда они, протеревъ сонные глаза, увидѣли вдругъ, сколь земля ихъ воистину велика и обильна!

Открытіе это было очень кстати, потому что «мужика» въ это время не стало—«мужикъ», весь какъ есть, пошелъ въ изгои, не дождавшись «юрьева дня», и пошелъ на законномъ основаніи. Гостомыслы должны были промышлять о своихъ животахъ собственноручно. И вдругъ это открытіе! И вдругъ столько упованій, сулящихъ золотыя горы настоящей девяносто шестой пробы!.. По всѣмъ разсчетамъ, при самомъ поверхностномъ обозрѣніи «неисчерпаемыхъ» естественныхъ богатствъ своихъ, у Гостомысловъ выходило, какъ дважды два—пятіалтынный, что стоитъ только начать разработку этихъ богатствъ,

какъ тотчасъ-же гнилой картофель превратится въ ананасы, рожь станетъ родить пшеницу, ручьи и рѣки потекутъ шампанскимъ и т. д.

Къ скорѣйшему достиженію всѣхъ этихъ благъ чувствовалось одна лишь остановка: естественныя богатства лежали, какъ на ладони, не хватало только... варяговъ. Сами Гостомыслы къ работѣ не пріобыкли, нужна была выучка, поэтому вопросъ—откуда призвать варяговъ-обработывателей, до того сталъ назойливъ, что они должны были явиться во что бы ни стало. И явились...

Споръ о томъ, откуда пришли къ намъ варяги, по моему, совершенно праздный: не довольно-ли съ насъ того, что они дѣйствительно пришли и стали «володѣти» нами... Впрочемъ, у насъ идетъ рѣчь о варягахъ особаго рода, никакого отношенія къ Синеусамъ и Труворамъ не имѣющихъ...

Они пришли... Богъ мой! какъ обрадовались имъ простодушные Гостомыслы; съ какимъ восторгомъ отдали они на выработку и себя, и свои «естественныя богатства», всѣмъ этимъ Колиньонамъ, Карламъ Карлычамъ, Соломонамъ Абрамычамъ, Каналіякамъ и прочихъ предпріимчивыхъ расъ представителямъ! Это ничего не значило, что, до принятія на себя великой миссіи, гг. Колиньоны обработывали однѣ только шевелюры парижскихъ гаменовъ, Карлы Карлычи исключительно совершенствовали славную гороховую колбасу, Соломоны Абрамычи не безъ успѣха противодѣйствовали распространенію трезвости, арендуя кабаки и корчмы, а героическіе Каналіяки сбывали не безъ пользы у Гостиннаго двора халву и грецкую губку—сіи единственныя произведенія ихъ классической родины... Гостомысламъ до зарѣзу хотѣлось поскорѣе узрѣть превращеніе гнилаго картофеля въ ананасы и, ужъ разумѣется, они не стали привередничать въ выборѣ обработывателей. Благо, что хоть какіе нибудь нашлись...

Но, какъ водится, всякій Карлъ Карлычъ, Соломонъ Абрамычъ, всякій Каналіяки, поукоренившись и запихнувъ въ свои карманы добрые куски обработываемыхъ богатствъ, вспомнили о своихъ родственникахъ и свойственникахъ. Тѣ, въ свою очередь, припущенные къ

обработкѣ все тѣхъ-же «неисчерпаемыхъ» богатствъ, вспомнили и о своей роднѣ. У родни третьяго колѣна оказалась родня четвертаго колѣна, у четвертаго — пятаго и такъ далѣе, родня за родню цѣплялись и въѣдаясь, со всею хищностью голодныхъ зубовъ, въ «неисчерпаемыя» богатства, очень скоро насѣла на нихъ и въ ширь и въ доль, какъ есть саранча—саранчей...

Что касается превращенія картофеля въ ананасы и наростанія золотыхъ горъ, то все сіе совершалось безъ обмана, воочію; въ одномъ только ошиблись Гостомыслы въ разсчетѣ: по простотѣ воспитанной крѣпостнымъ правомъ души, они воображали, что обработыватели народятъ имъ ананасовъ и крупитчатыхъ булокъ, нагородятъ кучи золота и скажутъ: «кушайте, голубчики, на здоровье! И намъ сытно, и вамъ сытно,—богатствъ-то этихъ вашихъ эвона еще сколько... всѣмъ хватитъ!» Гостомыслы такъ и стояли съ разинутыми, алкающими ртами, въ ожиданіи этого блаженнаго момента, да такъ съ разинутыми ртами и остались... «Нѣмецъ», вопреки раціональной теоріи раздѣленія труда, взялъ на свою долю цѣликомъ весь трудъ: и выработку ананасовъ и послѣдовательные процессы—жеванія оныхъ и проглатыванія...

Оставшись съ разинутыми попусту ртами, Гостомыслы наконецъ спохватились. Спохватились, конечно, кто побойчѣе, и, уразумѣвъ суть новѣйшей политической экономіи, относительно раздѣленія труда, да приглядѣвшись къ искусству обработки, вцѣпились наконецъ въ «неисчерпаемыя» богатства и сами, вцѣпились не плоше «нѣмца» и развѣ только чуть-чуть послабѣе «жида»...

И вотъ, къ «великому переселенію» разноязычныхъ варяговъ извнѣ, пріобщилось движеніе въ нѣдра «неисчерпаемыхъ» богатствъ обработывателей мѣстной домашней расы — Китъ Китычей и Павловъ Иванычей Чичиковыхъ...

При такомъ ходѣ вещей, при такомъ быстромъ пріумноженіи загребистыхъ рукъ и широкихъ ртовъ, какъ-бы ни были неисчерпаемы эти «неисчерпаемыя богатства», въ разработкѣ ихъ естественно должна была возникнуть самая алчная конкурренція.

Одновременно съ этимъ естественно было возникнуть и партіямъ. Родственники Соломона Абрамыча, вплоть до седьмаго колѣна, образовали одну партію, родственники Каналіяки образовали другую и т. д. Въ противоположность имъ явилась партія «національная», состоящая изъ чисто-кровныхъ патріотовъ (Кто не встрѣчалъ въ печати защиту какого-нибудь предпріятія, защиту, опирающуюся единственно на томъ, что предприниматели, дескать, люди—русскіе!).

Къ сожалѣнію, Гостомыслы, по свойственной имъ склонности къ раздорамъ и внутренней неладицѣ, не были въ состояніи образовать одну крѣпко сплоченную партію обработывателей, а пошли врознь, подкапываясь одинъ подъ другаго.

«Нѣмецъ», въ особенности «жидъ», во всеоружіи кагала родственниковъ, воспользовались этой слабостью и, кусокъ за кускомъ, самые жирные куски, отхватываютъ у Гостомысловъ изъ-подъ носа въ то именно время, какъ тѣ заняты внутренней междоусобицей изъ-за этихъ самыхъ кусковъ...

Досадно отъ этого очень и, какъ накипитъ эта досада, Гостомысламъ одно остается—срывать ее въ печати или въ разговорахъ воплями: «одолѣваетъ жидъ, православные, одолѣваетъ! куски изъ-подъ носа вырываетъ, православные, вырываетъ!» и т. д., все на туже тему...

Что «жидъ» отличается хищностью—это фактъ, фактъ прискорбный и достойный всякаго порицанія; но за то, что онъ Гостомысловъ «одолѣваетъ», Гостомысламъ слѣдуетъ журить самихъ себя, тѣмъ болѣе, что на ихъ сторонѣ всѣ шансы для успѣшной борьбы. Не будь карасемъ, когда на твоей сторонѣ всѣ прерогативы быть щукой...

Таковы-то наши партіи и такова-то борьба между ними!..

СТАНИСЛАВЪ 3-й СТЕПЕНИ

(Быль).

Въ какомъ году — разсчитывай,
Въ какой землѣ — угадывай,

жили были два именитые купца: Иванъ Федуловичъ и Федулъ Ивановичъ. Оба степенные и капитальные, оба кряжистые и толстые, какъ есть—настоящіе 1-й гильдіи купцы.

Разнились они между собою немногимъ: Иванъ Федуловичъ былъ какъ будто потолще Федула Ивановича, но съ виду этого не замѣчалось, потому что Федулъ Ивановичъ былъ осанистѣе Ивана Федуловича и носилъ свое брюхо съ такимъ фасономъ, что казалось—достойнѣе Федула Ивановича и человѣка на свѣтѣ не найдти. Иванъ Федуловичъ былъ и побогаче своего соперника; но опять таки этого никто не могъ бы сказать съ точностью, потому что оба они старались ни въ чемъ одинъ другому не уступать. Если Иванъ Федуловичъ обзаводился новой енотовой шубой, то и Федулъ Ивановичъ непремѣнно заводилъ себѣ такую-же шубу, наровя притомъ, чтобъ у него она была еще «поенотовѣе», пофорсистѣе; если Иванъ Федуловичъ, справляя свои имянины, спаивалъ на нихъ все наличное «именитое» купечество своего города, то Федулъ Ивановичъ въ день своихъ имянинъ жаждалъ перепоить «именитое» купечество уже всей Россійской имперіи; если Иванъ Федуловичъ покупалъ на рынкѣ для своего домашняго обихода четверть быка, то Федулъ Ивановичъ покупалъ уже непремѣнно цѣлаго, хотя-бы въ этомъ ему не имѣлось никакой нужды.

Торговцы нерѣдко пользовались этимъ соперничествомъ и, однажды, устроили дѣло такъ, что городъ остался вдругъ безъ свѣжей рыбы: все ея количество, сколько было привезено въ этотъ разъ, соперники скупили огуломъ, единственно изъ–за соревнованія между собою.

Но самымъ главнымъ поприщемъ для честолюбиваго соревнованія нашихъ героевъ было благочестивое радѣніе объ украшеніи храмовъ, а также филантропія.

Поприще это несомнѣнно самое приличное для христіанскаго честолюбія; но купцы наши, снѣдаемые жаждой отличій и соперничествомъ богатства, а стало быть знатности, превратили его въ поприще фарисейской гордыни, идолопоклонства своему я, чванства и суетности. Мудрое правило Евангелія — дѣлай добро такъ, чтобъ лѣвая рука не знала, что подаетъ правая—совершенно забыто. Подающая рука протягивается не только всенародно—это еще куда ни шло, но она протягивается въ частую только за тѣмъ, чтобы, взамѣнъ подаянія, схватить медальку, орденокъ или какое другое отличіе, которымъ бы можно ударить въ носъ всѣмъ своимъ соперникамъ и завистникамъ... Знай, молъ, нашихъ!

Безкорыстныя заботы о душеспасеніи отошли на заднiй планъ, а если оно и принимается въ соображеніе, то думается, что и его можно хорошо обезпечить не иначе, какъ орденами и отличіями. Размышляя объ этомъ щекотливомъ предметѣ, Федулъ Ивановичъ представляетъ себѣ слѣдующую картину: ударитъ это его невзначай кондрашка и предстанетъ онъ куда слѣдуетъ во всѣхъ своихъ регаліяхъ.

— А ну-ка, Федулъ Ивановичъ, почетный гражданинъ 1-й гильдіи купецъ, спросятъ его гдѣ слѣдуетъ: покажи намъ, какія такія есть твои добрыя дѣла?

И вотъ онъ покажетъ свои медали, патенты, благотворительные отзывы и проч. Просмотрятъ ихъ, свѣрятъ—не фальшивы-ли, и сейчасъ это его подъ ручки подведутъ къ «вратамъ», разверстымъ на обѣ половины.

Я не говорю (и было-бы странно, еслибъ кто-нибудь обвинилъ

меня въ этомъ), что всѣ наши купцы руководствуются такими вовсе не христіанскими побужденіями въ своемъ усердіи къ храму и къ нуждѣ ближнихъ; я указываю только на тѣ аномаліи въ этомъ случаѣ, рѣдкія или частыя, о которыхъ грѣшно было-бы молчать и которыя достойны самой злой насмѣшки. Но возвращаюсь къ моимъ героямъ.

* *
*

Соперничество ихъ, по части усердія къ храму, выражалось сначала въ мелочахъ.

Федулъ Ивановичъ, занимаясь казенными подрядами, содержалъ цѣлую артель маляровъ; краска у него, понятное дѣло, была не купленная, и, вотъ, когда случился перерывъ въ малярныхъ работахъ, онъ рѣшился сдѣлать богоугодное дѣло и выкрасилъ свою приходскую церковь за-ново отличной вохрой. Иванъ Федуловичъ, жившій въ одномъ приходѣ съ Федуломъ Ивановичемъ, не снесъ этой обиды и тотчасъ-же выкрасилъ на свой счетъ крышу церкви, а верхушки ея позолотилъ...

Шагъ за шагомъ, дошли они наконецъ и до тысяче-пудовыхъ колоколовъ. Первому удалось повѣсить такой колоколъ Ивану Федуловичу и, когда раздался гармоническій трезвонъ его мѣдной лепты, Федулъ Ивановичъ не зналъ, куда ему дѣваться отъ посрамленія и зависти. Онъ пересталъ ходить въ свою приходскую церковь, старался уйдти куда нибудь или закопаться во время благовѣста, чтобъ только не слышать колокола, повѣшеннаго соперникомъ. При встрѣчѣ съ Иваномъ Федуловичемъ, онъ не могъ придумать достаточно ядовитаго слова, чтобъ выразить ему всю свою злобу... А колоколъ позваниваетъ себѣ, да позваниваетъ и утромъ, и вечеромъ, веселя слухъ горожанъ и далеко разнося славу своего творца.

Федулъ Ивановичъ долго страдалъ и мучился надъ вопросомъ: какъ ему ухитриться, чтобъ перещеголять своего соперника? Свой колоколъ повѣсить — нѣтъ больше мѣста на колокольнѣ; построить новую церковь—очень дорого... Что-же дѣлать? Не бросать-же домъ, не бѣжать изъ города! И вотъ, наконецъ, Федулъ Ивановичъ надумался и пре-

взошелъ, можно сказать, всякія ожиданія. Ни много, ни мало, онъ выстроилъ близъ церковной ограды новую колокольню—«свою» собственную, съ «своимъ» собственнымъ колоколомъ...*) Иванъ Федуловичъ и всѣ горожане только развели руками.

— Помилуйте, говорили Федулу Ивановичу люди, не постигавшіе его побужденій: зачѣмъ вы построили другую колокольню, когда и одной-то съ излишкомъ даже довольно-бы?

— Желалъ оказать по силѣ-мѣрѣ усердіе свое Богу...

— Да развѣ нельзя было оказать его иначе?

— Значитъ, нельзя... Можетъ мнѣ такое указаніе невидимое было. Этого никто не можетъ знать; не даромъ и въ писаніи сказано: «чужая душа — потемки...» Нѣтъ, вотъ вы лучше послушайте, да скажите: чей-то колоколецъ гудчѣе, мой-ли, али Ванькинъ?

И Федулъ Ивановичъ взлѣзалъ на «свою» колокольню и звонилъ въ «свой» колоколъ, ревниво прислушиваясь—«гудчѣе-ли» онъ Ванькина?..

По мѣрѣ округленія чревъ и капиталовъ, у героевъ нашихъ все болѣе и болѣе развивалась жажда къ увѣковѣченію своего благочестія и человѣколюбія.

Какъ-то въ мѣстной городской управѣ возбудился вопросъ объ устройствѣ въ городѣ богадѣльни для «престарѣлыхъ» вдовъ и сиротъ. Федулъ Ивановичъ вызвался сдѣлать это нововведеніе на собственный счетъ и — богадѣльня дѣйствительно явилась.

Иванъ Федуловичъ сначала не вѣрилъ этому, посмѣивался, утверждалъ, что Федулка молъ «спятится» и не исполнитъ обѣщанія; но когда Федулка не спятился, а исполнилъ все въ акуратѣ, Иванъ Федуловичъ пріунылъ и засуетился... Такъ оставить этого афронта онъ не могъ и, въ контру сопернику, рѣшился построить «свою» собственную богадѣльню—не чета Федулкиной. Стали его урезонивать, что

*) Это проявленіе купеческаго соперничества не выдумка, а достовѣрный фактъ, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ городовъ Олонецкой губерніи.

молъ другой богадѣльни покамѣсть для города не нужно, а если ужъ онъ хочетъ сдѣлать доброе дѣло, то построилъ-бы школу для мѣщанскихъ дѣтей.

— Желаю соорудить богадѣльню, по обѣту! стоялъ на своемъ Иванъ Федуловичъ.

— Да зачѣмъ-же, когда богадѣльня уже есть?

— Это не Федулкинъ-ли закутъ?

— Не закутъ, а какъ есть богадѣльня... домъ...

— А вотъ я вамъ покажу, какова должна быть богадѣльня!

— Да вѣдь пустыремъ будетъ стоять?

— А вотъ я вамъ покажу, чья пустыремъ будетъ стоять—моя-ли, аль Федулкина? Эти самыя «престарѣлыя» или какъ ихъ тамъ—всѣ ко мнѣ пойдутъ... на томъ постою! А въ Федулкинъ закутъ свиней будете загонять... Ужъ я по-сто-о-ю! Шалишь... Не таковскаго-то михряка за поясъ заткну-у!.. По-сто-о-ою!..

И работа закипѣла.

Кто не зналъ, глядя на сооруженіе Ивана Федуловича, могъ подумать, что это воздвигается не пріютъ для дюжины «престарѣлыхъ» невзыскательныхъ бабъ, а увеселительное палаццо для какихъ-нибудь нимфъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Иванъ Федуловичъ дѣйствительно настоялъ на своемъ и переманилъ въ свое палаццо всѣхъ «престарѣлыхъ» изъ Федулкина «закута...» Благо, что «престарѣлыя» остались тутъ хоть въ какомъ ни есть выигрышѣ.

* *
*

Но все это было ничто передъ тѣмъ ужаснымъ сюрпризомъ для завистливаго честолюбія Федула Ивановича, какой ему, волею судебъ, преподнесъ вскорѣ Иванъ Федуловичъ. Случилось это такимъ образомъ.

Сошелся Иванъ Федуловичъ, благодаря своимъ коммерческимъ оборотамъ, которые главнѣе всего состояли въ покупкѣ векселей и раздачѣ денегъ подъ невѣроятные проценты разнымъ вельможнымъ бонвиванамъ, сошелся съ однимъ изъ такихъ бонвивановъ—особой, хотя

и совершенно пропащей, но влiятельной по связямъ своимъ съ сильными мiра. Разумѣется, Иванъ Федуловичъ снискалъ расположенiе этой особы довольно крупными одолженiями; но, когда пришелъ срокъ возвращать ихъ съ лихвой, особа, вмѣсто денегъ, предложила заимодавцу свои услуги, по части всякаго рода ходатайствъ. Дѣло у нихъ сладилось: Иванъ Федуловичъ былъ доволенъ своимъ клiентомъ и о долгѣ не напоминалъ. Впрочемъ, была-ли у нихъ какая сдѣлка, этого никто не смѣлъ-бы сказать; видѣли только, что Иванъ Федуловичъ по части ходатайствъ сталъ сильно преуспѣвать и одновременно сталъ много жертвовать на богоугодныя дѣла.

Въ одно прекрасное утро Федулъ Ивановичъ сидѣлъ въ своей конторѣ и, благодушно отдуваясь и покрякивая, щелкалъ костяжками на счетахъ. Подъ крупными перстами счетчика цифры ложились не менѣе крупныя: десятки и даже сотни тысячъ. Федулъ Ивановичъ сводилъ свой «баланецъ» и очень былъ имъ доволенъ; но, увы, счастливое настроенiе должно было нарушиться въ нашемъ героѣ и нарушиться надолго!..

Въ контору вошелъ неожиданно «молодецъ» Ивана Федуловича и, заложивъ руку за спину, съ лукавой усмѣшкой поздоровался съ хозяиномъ и повелъ такую рѣчь:

— Присланъ къ вамъ отъ самого-съ Ивана Федуловича.

— За какой надобностью? удивился Федулъ Ивановичъ, никакихъ коммерческихъ «дѣловъ» со своимъ соперникомъ не имѣвшiй.

— Приказали-съ просить васъ всепокорнѣйше къ себѣ сего числа безпремѣнно...

— На кой чортъ я ему нуженъ?

— Не для чего инаго-съ, окромя, стало быть, откушать съ ими чашку чаю... просятъ убѣдительнѣйше!

— Да что у него — родины, крестины, имянины, что-ли?

— Никакихъ имянинъ-съ не числится, а только-что съ сего числа они состоятъ въ Монаршей милости...

— Въ какой милости? откуда? встревожился Федулъ Ивановичъ, почуявъ что-то недоброе для себя.

— Удостоились, значитъ, за свои добродѣтели получить для повседневнаго ношенія на груди отъ вышняго начальства регалію-съ... Станислава-съ, въ превосходной степени... Въ нашемъ городѣ на купечествѣ такого счастья-съ, можно сказать, слухомъ не слыхано, видомъ не видывано... И сказываютъ, что, окромя нашего хозяина, ни въ жисть никому теперича этого не добиться!

Федулъ Ивановичъ до того былъ озадаченъ этимъ извѣстіемъ, что совсѣмъ растерялся и только безсмысленно хлопалъ широко открытыми глазами на лукаво ухмылявшагося вѣстника этой новости.

— Ты пьянъ, негодяй, или рехнулся! съ натугой выговорилъ онъ, наконецъ, опамятовавшись.

— Помилуйте-съ! обидѣлся было «молодецъ.

— Я тебя помилую, подлеца!.. Какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ съ такими враками? Смѣяться вы, съ твоимъ хозяиномъ, такимъ-же подлецомъ, вздумали надо мной, а?.. Пошелъ вонъ такой—сякой... Вотъ я васъ посмѣюсь! оралъ уже не своимъ голосомъ до невѣроятія взбѣшенный Федулъ Ивановичъ.

Онъ еще долго не переставалъ кричать и ругаться и послѣ ухода «молодца», очевидно, нарочно посланнаго, чтобъ заварить эту кашу... Не скоро пришлось расхлебать ее несчастному Федулу Ивановичу!

Само-собой разумѣется, на «чашку чаю», ехидно предложенную счастливымъ соперникомъ, Федулъ Ивановичъ не пошелъ и не могъ пойти; но тотчасъ навелъ справки—правду-ли ему сообщилъ Ванькинъ «молодецъ?» Оказалось, что сущую правду! Съ этой поры начинаются танталовы муки нашего героя и рядъ несчастій, погубившихъ его.

*
* *

— Ничего не пожалѣю, въ рубашкѣ останусь, а не допущу моему супротивнику возвышаться надо мною!.. Нѣтъ, братъ! не на такого напалъ... Ужъ я за себя посто-о-ою!

Но, не взирая на такую энергическую рѣшимость «постоять» за тебя, т. е. добиться такой-же чести, а если можно еще большей, какую заполучилъ соперникъ, Федулъ Ивановичъ не зналъ, однако, какими путями и способами надо дѣйствовать.

Пришлось обратиться, по обыкновенію, къ «ходокамъ» — людямъ знающимъ и прошедшимъ всѣ мытарства. Первый-же изъ такихъ ходоковъ, который подвернулся Федулу Ивановичу, съ первыхъ-же словъ успокоилъ его, сказавъ, что тутъ вся сила въ лептахъ. «Преподнеси, молъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей туда-то столько-то, и получишь вожделѣнное...» За графинъ очищенной и «синюху» ходокъ преподалъ кліенту и всю программу дѣйствій.

Федулъ Ивановичъ былъ на этотъ разъ столько еще простъ, что повѣрилъ всему и немедленно отправился съ ходатайствомъ по назначенію. Пришелъ, кланяется, бережно придерживая за пазухой свертокъ.

— Что вамъ угодно? спросили его.

— Къ вашей милости—съ... Такъ—какъ, къ примѣру, состоя въ купечествѣ по первой гильдіи, и не безъ прибыли-съ, имѣемъ отъ природы склоненіе къ добродѣтели и въ вышнему начальству...

— Прекрасно! Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?

— Желаемъ вашей милости, по силѣ—мѣрѣ, пожертвованіе оказать.

— Моя милость пожертвованій не принимаетъ и въ нихъ не нуждается.

— Это все единственно-съ... на благоугодныя дѣла—съ.

— Это другое дѣло... Что—жъ, намѣреніе похвальное!

— Желательно токмо какую ни на есть отличку за нашу добродѣтель отъ вышняго начальства получить.

— Конечно, вы получите благодарность.

— Къ примѣру, регалію-съ на груди... въ превосходной степени...

— Вотъ что! Кто-жъ это васъ надоумилъ, что регаліи можно покупать и что здѣсь, куда вы пришли, мѣсто для такой торговли, а?.. Какъ вы осмѣлились явиться съ подобными предложеніями?.. Убирай-

тесь вонъ по добру по здорову съ вашими фарисейскими пожертвованіями!

Осѣкшись на первой попыткѣ, Федулъ Ивановичъ не пріунылъ. Теперь все его существованіе, все время, всѣ силы и помышленія были поглощены снѣдавшей его заботой. Онъ не могъ успокоиться, не добившись желанной цѣли.

Послѣ описанной аудіенціи, онъ пріискалъ вскорѣ новаго «ходока», уже высшаго сорта съ высшими требованіями. Пошли писать изъ кармана Федула Ивановича рубли направо и налѣво... Направо и налѣво онъ только и приговаривалъ: «бери, но разуважь!», и раскошеливался, не щадя мошны.

Надо при этомъ замѣтить, что онъ много дѣлалъ и для благотворительности, и тѣмъ искупалъ въ нѣкоторой степени свою грѣховную страсть. Поэтому хлопоты его не остались безслѣдными. Кто раздаетъ награды за усердіе и благотворительность, тотъ не можетъ, да въ этомъ нѣтъ и нужды—входить въ разсмотрѣніе, какими побужденіями руководствуется усердствующій? Принимается за оцѣнку голый фактъ, и такая оцѣнка самая справедливая, устраняющая всякое посягательство на чужую личную совѣсть...

Федулъ Ивановичъ удостоился, наконецъ, получить что желалъ; но... не «въ превосходной степени»: ему дали медаль на станиславской лентѣ. При другихъ обстоятельствахъ онъ вполнѣ удовольствовался-бы этой наградой; но теперь этого ему было слишкомъ мало: и во снѣ и на яву ему безпрерывно грезился знакъ отличія, носимый на груди его счастливымъ соперникомъ! Хлопоты и расходы, поэтому, не кончились, а усилились. Ктому-жъ, совершенно отдавшись своему страстному вожделѣнію, Федулъ Иванычъ запустилъ свои дѣла и терпѣлъ сильные убытки. Не смотря на это, завѣтная цѣль приближалась и Федулъ Ивановичъ, считая деньги «наживнымъ дѣломъ»—мало обращалъ вниманія на разстройство своего имѣнія.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ; на груди нашего героя красовалось уже

двѣ медали, за то его самого трудно было узнать. Хлопоты и хожденія, а главное неугасаемый пламень ревнивой страсти, страшно измѣнили его; осанистое брюхо спало и потеряло свой прежній внушительный фасонъ. Теперь Иванъ Федуловичъ казался уже вдвое толще Федула Ивановича, хотя и того начала снѣдать въ это время забота. Вначалѣ, когда онъ видѣлъ безуспѣшность стараній Федула Ивановича, видѣлъ какъ таетъ его благостояніе, онъ торжествовалъ; но когда для всѣхъ стало очевидно, что Федулъ Ивановичъ, хоть и съ потерей своего состоянія, но добьется цѣли, Иванъ Федуловичъ сталъ тревожиться и сталъ придумывать, какъ-бы помѣшать своему заклятому сопернику, и—придумалъ. Ехидно подготовленный ударъ онъ нанесъ несчастному въ самый патетическій моментъ.

Тщательно слѣдя за успѣхами Федула Ивановича, Иванъ Федуловичъ съ неменьшей тщательностью сталъ скупать подъ рукою его векселя и долговыя обязательства. Федулъ Ивановичъ не подозрѣвалъ этого, да ему было и не до того: онъ уже получилъ отъ своего «ходока» достовѣрное извѣстіе о представленіи его къ вождѣленной регаліи. Онъ весь горѣлъ отъ восторга, какъ, вдругъ—въ этотъ счастливый моментъ Иванъ Федуловичъ пускаетъ въ дѣйствіе свою механику. Векселя подаются ко взысканію, остатки имѣнія описываются, а его злополучный владѣлецъ, какъ неисправный должникъ, засаживается въ кутузку...

Какъ не былъ сраженъ всѣмъ этимъ Федулъ Ивановичъ, но когда, наконецъ, ему доставили достожелаемую регалію, онъ, повѣсивъ ее себѣ на грудь, самодовольно воскликнулъ:

— Хоть морда въ крови, а таки наша взяла! Не дамъ Ванькѣ возвышаться надо мною по конецъ живота моего!..

ЭЛЕКСИРЪ

отъ всѣхъ болѣзней.

(Посвящается практикующимъ врачамъ).

Жилъ былъ на свѣтѣ одинъ очень бѣдный докторъ. На диво всѣмъ лекарямъ и аптекарямъ, онъ не залечилъ на своемъ вѣку ни одного больнаго и — этимъ прогнѣвилъ фортуну...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ бѣденъ потому, что былъ очень ученъ и очень добросовѣстенъ. Великая ученость принесла ему горькое сознаніе, что въ медицинѣ трудно найти границу между наукой и шарлатанствомъ, и онъ не сталъ искать ее на счетъ жизни и смерти своихъ паціентовъ, благодаря своей добросовѣстности.

Онъ не отказывался отъ больныхъ, но лечилъ ихъ такъ своеобразно, что въ него переставали вѣрить и гнали прочь, считая бѣдняка круглымъ неучемъ и шарлатаномъ. Дѣло въ томъ, что онъ не прописывалъ почти никакихъ лекарствъ изъ аптеки и все леченіе сводилъ на соблюденіе діеты, опрятности и спокойствія. *)

— Какой вы докторъ! вопили больные. Вы прописываете намъ такіе пустяки, которые мы и безъ васъ давно знали. Развѣ можно выздоровѣть безъ лекарствъ?..

У публики на этотъ счетъ сложилось, весьма пріятное для господъ аптекарей, суевѣріе ко всякому рецепту, котораго она, въ большинствѣ, не понимаетъ, и ко всякой вышедшей изъ аптеки баночкѣ,

---

*) Въ настоящее время въ С. Америкѣ чрезвычайно быстро распространяется и пользуется успѣхомъ новая медицинская школа, отвергающая лекарства, какъ яды, и пользующая больныхъ безъ всякихъ медикаментовъ.

какая-бы дрянь въ ней не заключалась. Богатые люди нерѣдко отказываютъ врачамъ только потому, что тѣ мало прописываютъ имъ лекарствъ или прописываютъ слишкомъ простыя и недорогія.

Мы посмѣиваемся иногда надъ слѣпой вѣрой темнаго люда въ шарлатановъ—знахарей и въ ихъ незамысловатыя снадобья, а между тѣмъ, мы сами точно также безотчетно ввѣряемся весьма сомнительной мудрости и столь-же сомнительнымъ средствамъ. Какъ и у темнаго люда, наша вѣра, въ этомъ отношеніи, опирается на нашемъ незнаніи и отсутствіи критики и, слѣдственно, она ничто иное, какъ суевѣріе.

О, еслибъ въ то время, какъ васъ штудируетъ, съ глубокомысленнымъ видомъ знатока, какой-нибудь хитроумный сынъ эскулапа, могли вы постигнуть все его безсиліе и недоумѣніе — понять вашъ недугъ, еслибъ вы могли прочесть между строкъ его рецепта немудреное «авось, да не бось», «была не была» и т. под. аксіомы врачебнаго знанія, васъ охватилъ бы ужасъ уже не за болѣзнь вашу, а за ея леченіе!

Такъ или иначе, но нашъ бѣднякъ-докторъ, благодаря своему способу леченія, былъ отвсюду изгнанъ и очень скоро потерялъ всякую практику.

Онъ съ горечью сознавалъ, что его не поняли, не хотѣли понять и, послѣ тщетной неравной борьбы съ мѣдными лбами, возненавидѣлъ ихъ порознь и вмѣстѣ взятыхъ. Эту ненависть разжигалъ въ немъ еще голодъ.

Долго бѣднякъ перебивался, терпѣлъ нужду; бросилъ одно время медицину, перепробовалъ множество другихъ занятій и во всемъ терпѣлъ неудачу. Тяжелымъ опытомъ онъ пришелъ къ крайнему убѣжденію, что честно жить нельзя, что остается одно изъ двухъ: либо умереть съ голоду, либо сдѣлаться плутомъ... Другаго выхода его озлобленному уму не представлялось. Ктому-жъ, его сжигала жажда мести, страстное желаніе «проучить дураковъ»...

И вотъ, спустя нѣкоторое время, во многихъ газетахъ стало появляться во множествѣ такого рода объявленіе:

«!!!НѢТЪ БОЛѢЕ БОЛѢЗНЕЙ!!!»

Жизненный элексиръ — «Гильерунда-экстрактъ»,

придворнаго врача и поставщика абиссинскаго императора и окрестныхъ африканскихъ королей, принцевъ и князей,

доктора эквилибристики, черной магіи и чревовѣщанія,

Іоганна Шпицбубе.

«Нѣтъ болѣе болѣзней!! Гильерунда-экстрактъ, при своей совершенной безвредности, истинно превосходенъ, пользителенъ и благотворенъ во всевозможныхъ и невозможныхъ болѣзняхъ, а также и въ здоровомъ состояніи. Можно употреблять во внутрь и снаружи, съ одинаковымъ успѣхомъ. Онъ укрѣпляетъ, питаетъ, очищаетъ, возбуждаетъ, роститъ, толститъ и духъ веселитъ. А вотъ за оный и высокія заявленія признательности:

Короля папуасскаго: «Имѣя честь препроводить къ вамъ порожнія бутылки, симъ извѣщаю, что вашъ вкусный гильерунда—экстрактъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется. Пришлите еще дюжинку флаконовъ, деньги не пропадутъ.»

Магдальскаго министра Прижмискуси: «Такъ доволенъ, такъ доволенъ вашимъ экстрактомъ, что и сказать не умѣю! Представьте, моя дочь—дѣвица, послѣ девятимѣсячнаго употребленія вашего пользительнаго напитка, не только совершенно поправилась здоровьемъ, но даже родила мнѣ внука... Удивительно! непостижимо!»

Интенданта магдальскихъ госпиталей Хапенгевезена: «Къ сожалѣнію, долженъ отклонить предложеніе вашего экстракта. Намъ онъ накладенъ! Больные, начавъ пить его, стали такъ поправляться и жрать, что тутъ никакая «хозяйственная» экономія невозможна».

Зензибарскаго земледѣльца: «Страдая отъ голода, я пользо-

вался вашимъ экстрактомъ и нахожу что онъ очень крѣпителенъ и питателенъ, особенно если пить его тотчасъ послѣ хорошаго обѣда».

Я долженъ замѣтить, что объявленіе это появилось задолго до современнаго пришествія на страницы газетъ пресловутаго мальцъ—экстракта, и потому имѣло всю прелесть оригинальной новости *).

Вся публика, богатая и бѣдная, здоровая и хворая, съ невообразимой жадностью набросилась на Гильерунда-экстрактъ, въ чаяніи обрѣсти въ немъ жизненный элексиръ.

И она не ошиблась въ разсчетѣ: экстрактъ сталъ многимъ помогать, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько это обѣщалось объявленіемъ.

Докторъ Шпицбубе богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ, отъ продажи своего изобрѣтенія. Слава его стала разноситься по всему свѣту. Паціенты всячески въ немъ заискивали, онъ не зналъ отъ нихъ отбою; товарищи, дотолѣ презиравшіе его, теперь сгорали отъ зависти. Словомъ, онъ былъ на верху счастія и тщательно берегъ до поры до времени секретъ своего изобрѣтенія.

Многіе ученые ломали голову на этотъ счетъ, въ напрасныхъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ: гильерунда-экстрактъ оставался для нихъ чѣмъ-то непостижимымъ! Никто не могъ понять и изыскать, путемъ самаго тщательнаго анализа, въ чемъ заключается его цѣлебная сила?.. Наконецъ, завѣса сама собою упала съ глазъ.

Набивъ карманы сколько влѣзло, Шпицбубе рѣшилъ, что онъ достаточно обезпеченъ и отомщенъ,—пора кончить игру!

Въ одно прекрасное утро въ газетахъ появилось, на самомъ видномъ мѣстѣ, объявленіе отъ Шпицбубе такого неожиданнаго содержанія:

---

*) Гоффъ образецъ своихъ публикацій о мальцъ экстрактѣ, какъ достовѣрно извѣстно, цѣликомъ заимствовалъ изъ старыхъ абиссинскихъ газетъ, съ объявленій моего героя.

«ОТКРЫТЫЙ ЛАРЧИКЪ»

или

!!!Нѣтъ болѣе Гильерунда-экстракта!!!

«Іоганнъ Шпицбубе, врачъ и поставщикъ дагмальскаго короля, докторъ эквилибристики и прочая, и прочая, симъ извѣщаетъ почтеннѣйшую публику, что онъ прекращаетъ производство своего экстракта, цѣлебныя свойства котораго признаны уже цѣлымъ міромъ; но, въ благодарность за оказанное ему вниманіе и въ назиданіе потомству, онъ считаетъ долгомъ сообщить ко всеобщему свѣдѣнію секретъ своего заслуженнаго и прославленнаго фабриката. Секретъ этотъ, мм. гг., въ двухъ словахъ: клюква и вода... ничего болѣе, какъ клюква и вода!.. Дешево и сердито, а главное — совершенно безвредно, что и желалъ доказать вашъ всепокорный слуга!

PS. Опорожненныхъ бутылокъ можете и не присылать».

Шпицбубе торжествовалъ...

Коварная месть его достигла цѣли: ему не вѣрили и отвергали его, когда онъ прямо и честно внушалъ простую истину, и его вознесли до небесъ, когда онъ облекся въ тогу шарлатана. Конечно, его признаніе произвело необычайный переполохъ въ публикѣ и въ ученомъ мірѣ. Большинство не хотѣло вѣрить, такъ-какъ всѣ испытали несомнѣнно-здоровое дѣйствіе Гильерунда-экстракта и никакъ не могли допустить, чтобъ вся его сила заключалась въ простой водѣ и клюквѣ...

Кафрская академія наукъ, отвергавшая до сихъ поръ Гильерунда-экстрактъ, теперь именно, когда секретъ его сталъ извѣстенъ, горячо принялась отстаивать его сверхъ-естественную силу.

Съ этою цѣлью, была снаряжена ученая коммисія, для наблюденія за прохожденіемъ Венеры. Судя по направленію этой планеты, академія надѣялась рѣшить окончательно: въ астрономическомъ, химическомъ, филологическомъ, философскомъ и другихъ отношеніяхъ, вопросъ — можетъ-ли соединеніе клюквы съ водой дать что нибудь болѣе воды съ клюквой?...

Читатель жестоко ошибся бы, еслибъ подумалъ, что разсказанная небылица—вещь невозможная въ дѣйствительности. Бывало и бываетъ шарлатанство еще глупѣе, еще проще и наглѣе... повѣрьте!

Въ С. Америкѣ одно время пользовался громадною извѣстностью нѣкій цѣлительный бальзамъ. Онъ радикально излечивалъ всѣ болѣзни и — немудрено: онъ состоялъ изъ одной чистѣйшей дистиллированной воды!..

Надо отдать справедливость изобрѣтателю этого превосходнаго бальзама предъ всѣми другими авторами разнообразныхъ элексировъ, бальзамовъ и проч. Въ самомъ дѣлѣ, онъ несравненно честнѣе всѣхъ ихъ: онъ продавалъ свою чистую воду по полтора доллара за флаконъ, никого не отравляя... Великая заслуга на аренѣ врачебной практики!

Вы знаете, что въ послѣднее время во всѣхъ газетахъ, въ страшномъ обиліи, печатались рекламы о мальцъ—экстрактѣ I. Гоффа...

Избави меня Создатель, чтобъ я позволилъ себѣ заподозрить придворнаго поставщика королей, принцеъ и князей, г. Іоганна Гоффа, въ какомъ нибудь шарлатанствѣ, а его «пользительный фабрикатъ» въ негодности! Нѣтъ, я только хочу сказать, что г. Гофъ открылъ, въ этомъ случаѣ, крыловскій ларчикъ и — ничего болѣе.

Въ печатныхъ похвалахъ мальцъ-экстракту, вѣроятно, нѣтъ ни слова хвастовства и преувеличенія; онъ несомнѣнно «укрѣпляетъ, питаетъ, очищаетъ, роститъ, толститъ и духъ веселитъ...» Но что-жъ въ этомъ необыкновеннаго? Развѣ хорошее, напр., баварское пиво производитъ не такое-же дѣйствіе?

Слѣдовательно, если г. Гоффъ производитъ свой мальцъ-экстрактъ (по этимологіи: Malz солодъ, extractum-извлеченіе; значитъ, всякое пиво можетъ быть названо мальцъ-экстрактомъ) лучше, старательнѣе обыкновеннаго пива, то вотъ уже за нимъ всѣ права на «высокую» и всякую другую признательность со стороны публики...

Предположимъ, что завтра какой-нибудь булочникъ пуститъ объ-

явленіе, что онъ изобрѣлъ гигіеническій бѣлый хлѣбъ, который «укрѣпляетъ, питаетъ, роститъ и т. д.». Если этотъ хлѣбъ будетъ не хуже, чѣмъ у другихъ булучниковъ, кто осмѣлится назвать изобрѣтателя лжецомъ и шарлатаномъ?! Кто станетъ оспаривать, что хорошій бѣлый хлѣбъ не гигіениченъ—не питаетъ, не укрѣпляетъ, не роститъ, не толститъ, и т. д?..

Все это ужасно просто; но въ этой-то простотѣ и вся сила геніальныхъ изобрѣтателей!

СЕРІЯ ВТОРАЯ.

ИЗЪ АЛЬБОМА ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КАРТИНОКЪ.

ПЕРЕДЪ СВЯТКАМИ.

(сцены)

I. На улицѣ.

Сытыя, пухлыя лица точно покрываются новымъ лоскомъ. Испарина и едва-ли не самый жаръ выдѣляются изъ нихъ гуще и маслянистѣе... Дыханіе чаще, пульсъ шибче и отчетливѣе...

Румяныя щечки; вздернутый носенокъ,—краснорѣчивая реклама о необходимости носовыхъ платковъ; голубыя, влажныя зорьки, всегда жадныя и бойкія—сколько въ васъ теперь веселаго оживленія, смѣха и ожиданія! Вы будто сознаете, что вы живой, самый правдивый и самый роскошнѣйшій календарь нашихъ праздниковъ...

— Н–да! согласенъ съ авторомъ: очень милъ этотъ каленедарь тому, у кого его нѣтъ, а вотъ нашему брату съ нимъ солоно бываетъ, въ особенности коли онъ да еще во многихъ экземплярахъ.

Такъ помыслитъ въ семъ пунктѣ читатель, недовольный своей издательской плодовитостью и, мнѣ остается только пожалѣть, что его изданія дорого стоютъ и не находятъ себѣ покупателей..

Возвращаюсь къ моимъ наблюденіямъ.

Нарядныя головки, со взбитыми на лбу кудерками шелковистыхъ волосъ; нѣжныя розовыя и матовыя личики... Цѣлуй, если можно, но глядѣть на нихъ долго—ослѣпнешь!.. А очи...

«Ахъ, очи дѣвы неземныя!»

Почему поэтъ находитъ ихъ «неземными»—этого ужъ я не знаю; знаю только, что, въ тотъ моментъ, когда я ихъ наблюдаю—эти очи сіяютъ и искрятся такимъ божественнымъ чувствомъ, такой поэтически-задушевной думой, что мимо проходящіе, съ желѣзнымъ грохотомъ, кавалеры замедляютъ свои стремитительные шаги въ три пріема, трепетно покручиваютъ усики и ежеминутно запускаютъ ахти — канальскіе глазенапы подъ соболиныя рѣсницы этихъ очей...

Тщетны кавалерскія козни! глазенапы ихъ, точно заколдованные, потеряли всю свою скорострѣльную мѣткость... «Неземныя» очи искрятся и меркнутъ подъ томной влагой, опять загораются и, широко-раскрытыя, восторженно глядятъ... въ окна магазиновъ...

Продолжайте вашъ маршъ по назначенію, господа кавалеры! Велика ваша очаровательность — ни слова; но куда-жъ ей соперничать съ очаровательностью всѣхъ этихъ бурнусовъ, шляпокъ, кофтъ, платьевъ и проч!...

Въ морозномъ воздухѣ стоятъ, не по будничному, торопливый топотъ, звонкій гулъ и говоръ.

Гостинный дворъ точно въ осадѣ: кругомъ его нескончаемая вереница экипажей. Лавочныя двери безпрерывно разѣваются и хлопаютъ съ такимъ озлобленнымъ скрипомъ, будто хотятъ сказать: «Рвани-ка еще!.. Ужо мы съ петлей соскочимъ и... бррр-у-мъ, кого ни на есть да приплюснемъ — останется доволенъ!..»

Прикащики и сидѣльцы, съ потерянными, изнуренными портретами, походятъ на загнанныхъ какимъ нибудь лихимъ фельдъегеремъ почтовыхъ клячей. Ихъ сладенькія улыбочки, «великатные» разговоры и элегантные манеры какъ будто выцвѣли, прокисли и потеряли все свое обаяніе въ глазахъ плотоядно-сентиментальныхъ дѣвицъ и вдовушекъ...

На Сѣнной площади грандіозная картина убійства и истребленія невинныхъ тварей въ невѣроятномъ размѣрѣ. Горами лежатъ ихъ тѣла съ поджатыми, печальными рылами и съ вытянутыми, обожженными, точно убѣгающими отъ смерти, ножками. Ихъ бѣлыя, аппе-

титно-округленныя спины и окорока, кокетливо выглядывающія изъ подъ навѣсовъ грязныхъ балагановъ — сколько плотоядныхъ вожделѣній возбуждаютъ они въ мимоидущей толпѣ!.. Ежеминутно подходятъ къ нимъ покупатели, пытливо всматриваются и тыкаютъ пальцами въ ихъ нѣжное тѣло.

— Ужъ вы, сударыни, не извольте тыкать, потому онѣ, хоша и свиньи, а мясо у ихъ ровно какъ-бы пухъ— самое благородное!... краснорѣчиво расписываютъ передъ обольщенными потребителями откормленные мясники свой товаръ. Схватываютъ потомъ за ноги отобранныя, застывшія на морозѣ туши, бросаютъ о земь и затѣмъ начинаютъ рубить топорами ихъ «пуховое тѣло,» съ такими усиліями, какъ еслибъ оно было дубовое...

II. Праздничныя обновы въ 4 этажѣ.

Въ домахъ въ эту горячую предпраздничную пору развертываются картинки и сценки столь-же суетнаго, крикливо - шумнаго свойства.

Кто хныкалъ цѣлый годъ на свою неудачливую судьбину — тотъ хнычетъ теперь еще больше; кто ѣлъ и пилъ за двоихъ — у того желудокъ становится алчнѣе и ненасытнѣе...

Не взглянутъ-ли намъ незримымъ окомъ на эту пеструю сумятицу, въ ея закулисной красѣ?.. Попробуемъ, читатель!

Вотъ мы въ мизерной квартиркѣ небогатаго чиновника. Въ комнатахъ лирическій безпорядокъ. Мебель запылена, стоитъ не на мѣстѣ... На передиванномъ столѣ, покрытомъ ковровой скатертью, лежатъ старые женскіе полусапожки и тутъ-же стоитъ стаканъ съ недопитымъ чаемъ, остатки бѣлаго хлѣба и заржавленный съ догорѣвшимъ огаркомъ подсвѣчникъ. Диванъ уподобляется какой-то горѣ; на немъ навалены туго-накрахмаленныя женскія юбки и платья. На стульяхъ валяются разныя принадлежности мужскаго гардероба. Полъ давно не мытъ и не метенъ; правда, на немъ лежитъ половая щетка, но это еще не значитъ, чтобъ отъ ея присутствія онъ сталъ опрят-

нѣе. Видно сейчасъ, что здѣсь живутъ люди недовольные и пренебрегающіе своей обстановкой...

Въ другой комнатѣ, за тонкой стѣной, слышенъ разговоръ.

— Какъ-ты себѣ хочешь, плаксиво взвизгиваетъ чей-то молодой женскій голосокъ, но не могу же я остаться къ празднику во всемъ старомъ! Мнѣ необходимо и новое платье, и новая шляпка — безъ нихъ я никуда не могу показаться!

— Да откуда-же ихъ взять — на какія деньги? глухо возражаетъ какой-то убитый мужской баритонъ. Надѣялся, что дадутъ къ празднику награду... Ну и наградили чиномъ; а за чинъ у насъ полагается еще вычетъ... Тебѣ это извѣстно, надѣюсь?

— Очень хорошо мнѣ извѣстно только одно, что и Марья Ивановна и Софья Александровна, словомъ, всѣ — всѣ получаютъ отъ своихъ мужей къ праздникамъ обновы и подарки; одна я такая несча-а-астная... эхем...

Раздаются спазматическія рыданія.

— Ну... ну, такъ научи-же меня, гдѣ мнѣ взять денегъ на эти проклятыя ваши обновы? Фи! какъ это глупо, съ твоей стороны, требовать невозможнаго!... Было-бы жрать что, а ей — подавай наряды!

Судя по усиливающимся рыданіямъ, здравыя сужденія баритона не оказываютъ надлежащаго дѣйствія. Полемика длится въ этомъ родѣ довольно долго, даже слишкомъ долго и — наконецъ, кончается, какъ почти всегда, полнымъ пораженіемъ и покореніемъ представителя интеллигентнаго господствующаго de jure пола.

Послѣ наступившаго примиренія, начинается торопливое щелканье замковъ, отворянье ящиковъ и шкапныхъ дверей и шелестъ платья. Затѣмъ, чрезъ распахнувшуюся дверь — въ гостиную, съ трудомъ протискивается здоровеннѣйшій узелъ въ бѣлой простынѣ; за узломъ показывается, влекущая его, фигура мужчины, согбенная и покряхивающая подъ тяжестью своей ноши; за мущиной, выплываетъ наконецъ, точно майскій день послѣ обильнаго дождика—улы-

бающееся сквозь слезы лицо жаждущей обновъ супруги. Весело и живо бросается она въ переднюю, выноситъ оттуда верхнее платье и съ неизъяснимой нѣжностью облекаетъ въ него своего благовѣрнаго.

— Душка, поторопись! сладко умоляетъ она, лобзая мрачныя, блѣдныя ланиты свѣжеиспеченнаго титулярнаго совѣтника.

— Поспѣешь! гробовымъ, надорваннымъ голосомъ возвѣщаетъ онъ, направляясь съ узломъ къ выходу.

Вы увѣрены, читатель, что этотъ почтенный человѣкъ возвратится домой безъ узла?... Всеконечно! но за то у его хорошенькой супруги будетъ къ празднику восхитительнѣйшее платье, очаровательнѣйшая шляпка, а можетъ и еще кое-что...

III. Всякій купецъ имѣетъ свою фантазію.

Картина предъ нами мѣняется; собственно говоря, мы спустились однимъ этажемъ ниже.

Просторные покои, заставленные обломистой неудобной мебелью. Въ воздухѣ парно; пахнетъ кислыми щами и постнымъ масломъ. Вездѣ горятъ лампадки. Все дышетъ купецкой домовитостью и благолѣпіемъ.

Въ одномъ изъ покоевъ, у круглаго стола на диванѣ сидитъ нестарая, тучная, бѣлая, расплывшаяся купчиха. Сидитъ она неподвижно, не шевеля ни однимъ членомъ, такъ что издали ее можно бы принять за пуховикъ. Одинъ только пищепріемный органъ ея работаетъ, да и то лѣниво, безъ аппетита, — вотъ какъ, къ примѣру, коровы, наѣвшись, жвачку жуютъ. Передъ ней наставлено тарелокъ съ разными лакомствами. Сидитъ она въ этомъ сладостномъ far niente богъ вѣсть уже сколько времени и богъ вѣсть сколько несообразныхъ нелѣпостей—скорѣе полусонныхъ грезъ, чѣмъ мыслей,—переродило въ ея дремлющемъ мозгу.

Но вотъ быстро распахнулась боковая дверь и предъ слипающія-

ся очи наблюдаемой нами купчихи предстала взволнованная, раскраснѣвшаяся у кухонной печи, съ засаленными щеками, кухарка.

— Марья Митревна! заговорила она скороговоркой. Дормидонъ Ликсѣичъ прислалъ штрументъ, такъ артельщики спрашиваютъ, куда прикажешь его поставить и какъ пронести — по черной аль по парадной лѣстницѣ?...

Купчиха очнулась не сразу.

— Какой штрументъ? вытаращивъ осоловѣвшіе глаза, спросила она наконецъ.

— А кто-жъ его знае!.. Видала — большущій эдакій, матушка, ровно сундукъ какой, алибо шкапъ... Тяжелъ должно быть очень — шестеро молодцовъ еле-тащутъ.

— Господи! да чтожъ это за диковина? заволновалась вдругъ купчиха и, отодвинувъ съ грохотомъ столъ, тяжело поднялась съ своего мѣста. Позови-ко сюда артельщика; ты, должно быть, наврала мнѣ!

— Ну вотъ — съ чего я стану врать! возразила кухарка и, сходивъ, привела артельщика. Тотъ всталъ у порога и поклонился.

— Скажи, почтенный! обратилась къ нему купчиха: какой такой штрументъ прислалъ Дормидонъ Ликсѣичъ?

— Кажись — фортоплясы, матушка, неувѣренно извѣстилъ артельщикъ.

— Фор-то-плясы?! воскликнула купчиха и даже заколыхалась вся отъ ужаса и изумленія. Да на коего лѣшаго они ему понадобились?.. Кто на нихъ играть-то станетъ у насъ? Тьфу!.. Нѣтъ ты, почтенный, должно быть ошибся.. Вѣрно тебя не сюда послали...

— Помилуй, сударушка — мы вѣдь не пьяны, и васъ съ Дормидонъ Ликсѣичемъ оченно хорошо знаемъ...

— Гдѣ-же онъ ихъ раздобылъ, коли такъ?

— А сказывали ваши молодцы — за долгъ съ одной барыни, замѣсто денегъ, взялъ...

Купчиха совсѣмъ озадачилась.

Куда прикажешь поставить ихъ, матушка? спросилъ артельщикъ, помолчавъ.

— А куда хошь, — я въ комнаты не пущу... Можетъ въ нихъ тамъ сколько гадостей какихъ есть... тьфу!

— Дормидонъ Ликсѣичъ безпремѣнно приказали: поставьте, молъ, въ залу—у передней стѣны, объявилъ артельщикъ, почесывая бороду.

— Да что онъ, ошалѣлъ нѣшто?.. Ишь, выдумалъ! запротестовала купчиха; но все таки ослушаться велѣній супруга не осмѣлилась.

Фортопьяны — старыя, краснаго дерева и весьма непрезентабельнаго вида, были внесены съ великими усиліями по парадной лѣстницѣ и поставлены на самомъ видномъ мѣстѣ въ залѣ.

Марья Дмитріевна и смотрѣть не стала на нихъ. Ее очень огорчила и ошеломила своей неожиданностью эта затѣя Дормидона Алексѣича, да еще передъ самыми праздниками.

Вскорѣ, наконецъ, и онъ самъ не замедлилъ явиться.

— Что не кланяешься за обнову? первымъ словомъ его было къ нахмуренной женѣ, когда онъ ввалился подкашивающимися ногами въ ея покой.

Въ рукахъ онъ держалъ и размахивалъ въ воздухѣ объемистую пачку какихъ-то старыхъ тетрадей.

— Каку обнову? спросила недовольнымъ тономъ Марья Дмитріевна, испытующе осматривая супруга и его сомнительнаго вида ношу.

— А штрументъ?.. худъ развѣ? а? заговорилъ онъ неровнымъ дребезжащимъ отъ возліяній голосомъ. Я тѣ вотъ и ноты купилъ на Толкунѣ, цѣлыхъ десять фунтовъ... во! и онъ бросилъ свертокъ на столъ. Потому, какъ ты теперича должна у меня музыкантшей быть... да! Нонѣ этта образованныя дамы всѣ играютъ; ну и ты должна... Подь-ка попытай, я послушаю! и онъ потянулъ ее за руку; но Марья Дмитріевна энергически рванулась отъ него и — залилась такими выразительными рыданіями, что даже стекла въ окнахъ задрожали.

— Ахъ, ты дура необразованная! Другая бы въ ноги поклони-

лась за эфтакой-то богатѣющій призентъ, а она въ слезы... Э-эхъ! вознегодовалъ Дормидонъ Алексѣичъ и отправился осматривать свое пріобрѣтеніе.

— Молчи животное! оралъ онъ изъ залы ревѣвшей во все горло супругѣ и, затѣмъ, сталъ пробовать свое музыкальное искусство на фортопьянахъ...

Въ благолѣпномъ и благочестивомъ обиталищѣ пошелъ дымъ коромысломъ отъ этой музыки и рева. Кухарка, выглянувъ изъ кухни и прислушавшись къ происходившему въ хозяйскихъ покояхъ гаму, плюнула и проговорила:

— Ишь, окаянные, съ жиру-то какъ бѣсятся!..

IV. Заколдованная дверь въ бель-этажѣ.

Въ бель-этажѣ, какъ ни подойдешь къ дверямъ, непремѣнно встрѣтишь этакую нерѣшительную личность, едва – едва дотрогивающуюся до ручки колокольчика, точно она сейчасъ только вынута изъ раскаленнаго горна. Немного погодя, глядь—и другая такая-же личность трется у дверей; тамъ, смотришь, и третья и четвертая...

Послѣ долгихъ промежутковъ, робкія позваниванія, наконецъ, вынуждаютъ дверь отвориться. Выглядываютъ величественные бакенбарды, въ бѣломъ галстухѣ и во фракѣ, и сурово спрашиваютъ съежившихся пришлецовъ: Кого вамъ требуется?

— Я... я къ его-ству изъ магазина такого-то, за... за получен.....

— Дома нѣтъ! и дверь звучно захлопывается.

— И который ужъ это разъ ходишь, ходишь... все дома нѣтъ. Ок–казія! смиренно жалуется одна нерѣшительная личность другой.

— Д-да, и я тоже... А придешь въ магазинъ съ пустыми руками—хозяинъ сердится, потому деньги къ празднику всякому нужны, передаетъ товарищамъ другая личность и, разговаривая въ такомъ родѣ, они оставляютъ заколдованную дверь, безъ всякой надежды когда нибудь въ нее проникнуть.

АХЪ, КАКОЕ ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ!

(изъ дневника одной барышни).

Четвергъ, 15 августа. 1874.

«... Ахъ, какое веселое время! Каждый день либо празднество, либо торжество... Всѣ въ восторгѣ: и я, и Надя, и Люба, и Коля (это мои сестры и братъ — гимназистъ) и даже наша кухарка Афросинья. Одинъ только папаша, по своей преклонной старости и скаредству, пуще прежняго вздорить и ругаться сталъ.

— Вы, говоритъ, старыя дѣвки, рады всякому случаю, чтобы только таскаться...

«Та–скать–ся»... фи! — У папаши всегда такія выраженія... И вовсе мы не «старыя дѣвки»: намъ троимъ вмѣстѣ еще и ста лѣтъ нѣту. Еще недавно одинъ пріятный кавалеръ сказалъ мнѣ: «вы, говоритъ, мамзель, свѣжи и юны, какъ шестнадцатилѣтняя роза! И вовсе это, говоритъ, не комплиментъ, а истинная правда...»

Сегодня ходили смотрѣть «торжественный въѣздъ...» Господи, что народу–то! Насилу пробрались къ Невскому, и то благодаря Лукѣ Иванычу. Онъ хоть и околодочный, но превѣжливый кавалеръ. Намъ досталось хорошее мѣстечко, откуда всю церемонію мы видѣли отлично. Немножко заслоняли намъ только солдаты, что стояли впереди, да жандармскій унтеръ: онъ почти все время насѣдалъ на насъ своей толстой лошадью, чтобъ мы посторонились... Такой неуважительный! Мнѣ измялъ платье, Любѣ сапоги испортилъ копытами, а Надя, окромѣ хвоста его толстой лошади, ничего и не видѣла... Прекрасный ландшафтъ, нечего сказать!

Но все это пустое; мы были въ восторгѣ, пока не пошелъ вдругъ дождикъ — сперва небольшой, передъ церемоніей, а потомъ, когда она кончилась, — какъ изъ ведра. Тутъ наше пріятное расположеніе души испортилось, а также сапоги и платья... только что сшили... Прехорошенькій такой ситецъ, съ голубыми крапинками, брали въ «распродажѣ», по 16 коп. аршинъ... Прикащикъ клялся–божился, что не полиняетъ, хоть сто разъ стирай, а теперь, пока насъ дождикъ трепалъ—крапинокъ какъ не бывало... Вотъ мошенники!

Пришли домой мокрехонькія и прямо на непріятность. Папаша возвратился со службы и кричитъ «обѣдать», а обѣдъ не начинали и стряпать. Афросинья бросила все и, ни у кого не спросившись, тоже бѣгала смотрѣть церемонію. «Нѣшто, говоритъ, празднество это про васъ однѣхъ, длиннохвостыхъ!..» Вотъ тварь!.. Папаша, обыкновенно, напустился на насъ, какъ лютая тигра, что въ зоологическомъ въ клѣткѣ сидитъ.

— Куда, кричитъ, таскались?

— Натурально, ходили смотрѣть «торжественный въѣздъ», отвѣчаемъ.

— А вотъ я васъ натурально, говоритъ, какъ начну ѣздить...

Ну, дальше ужъ извѣстно что!.. Папаша куритъ трубку, и чубукъ у него такой толстый, длинный, гадкій... бррр! Хорошо еще, что передъ обѣдомъ онъ трубки не куритъ, а потому вся непріятность кончилась руганью.

Не смотря на утренній шкандалъ, ввечеру, когда папаша легъ отдохнуть, мы опять бѣгали смотрѣть люминацію... Не стерпѣли! и какъ стерпѣть, когда всюду торжество и празднество? Неужели мы однѣ такія несчастныя, что наша молодость должна пройти безъ удовольствій, въ четырехъ стѣнахъ?

Вышли на Невскій... восторгъ! Свѣтло, какъ днемъ... музыка играетъ... публики множество. Одно безпокойство только—тѣснота, и въ тѣснотѣ этой мнѣ платье оборвали, у Любы сломался зонтикъ, а у Нади мазурикъ шиньенъ съ головы утащилъ. Она такая розиня!

Воротились домой какъ разъ въ ту минуту, когда папаша трубку курилъ. Такъ было и обмерли! Однако, папаша не хотѣлъ дѣлать себѣ безпокойства, и все кончилось благополучно,—съ полчаса времени ругался только-что ни на есть ругательски, но вѣдь намъ ужъ къ этому не привыкать...»

Пятница, 16-го августа.

«... Сегодня люминація великолѣпнѣе вчерашней; даже у насъ, въ Галерной гавани, передъ рѣдкимъ домомъ не горѣло хоть одной плошки, а нашъ мелочной лавочникъ произвелъ передъ своей лавкой изъ керосину цѣлый будто бенгальскій огонь и сжегъ себѣ бороду... Теперь опасаемся, чтобъ онъ «на погорѣлое» не сталъ накидывать лишнее за товаръ; и то—цикорій у него семь копѣекъ фунтъ... безсовѣстный!

Натурально, какъ только папаша легъ послѣ обѣда отдыхать, мы побѣжали на люминацію въ городъ.

Домой возвратились поздно въ самомъ пріятномъ расположеніи души; но только переступили порогъ... Ахъ, не могу вспомнить безъ ужаса! Мы могли ждать безпокойства отъ чубука; но вышло гораздо хуже... Господи, какой срамъ!

Съ перваго-же слова, папаша закричалъ такъ, что на улицѣ было слышно: «въ сей минутъ, такія-сякія, скидывайте сапоги. Я васъ, кричитъ, научу, какъ по люминаціямъ шлендать!»

Не зная еще, что онъ хочетъ сдѣлать, мы сняли сапоги и остались въ однихъ чулкахъ; но, когда увидѣли, что онъ обобралъ всѣ наши сапоги и заперъ къ себѣ въ комодъ на ключъ, тогда только поняли—какой намъ отъ родителя стыдъ и горе!.. Онъ оставилъ насъ босикомъ, потому, по нашей бѣдности, а больше—по папашиной скаредности, сапогъ у насъ завсегда по одной парѣ...

Никакъ мы не ожидали такой жестокости... Ахъ, срамъ какой, можно сказать, на всю Гавань!..»

Суббота, 17-го августа.

«... Сегодня гулянье и фейерверкъ на островахъ, а мы сидимъ безъ сапогъ... стыдъ и горе! Умаливать папашу нечего и думать; рѣшились сами какъ–нибудь помочь бѣдѣ... Неужто–жъ, въ самомъ дѣлѣ, упустить такое гулянье и фейерверкъ, что только разъ въ году и бываютъ?.. Ни за что, хоть босикомъ, а мы рѣшили идти на острова...

Все устроилось отлично! Я выпросила башмаки у Афросиньи, Люба взяла сапоги у брата, а Надя старые папашины откопала гдѣ–то на чердакѣ. Пока папаша не легъ, по обыкновенію, отдыхать послѣ обѣда, мы и виду не показывали, что собираемся идти; но, чуть онъ задремалъ, натурально, насъ уже и слѣдъ простылъ.

Пришли на Елагинъ въ пятомъ часу и сейчасъ выбрали на травкѣ себѣ мѣсто, чтобъ хорошо видѣть фейерверкъ... Попозже, когда публики больше набралось, пожалуй, и не протискались–бы.

Пока сидѣли и ждали гулянья, только и удовольствія было, что отъ пароходныхъ свистковъ. То и дѣло—то тамъ свиснетъ, то тутъ свиснетъ, по всей Невѣ и на разные голоса... отъ скуки очень занятно!

Съ каждымъ часомъ народу прибывало все больше и больше; въ разныхъ мѣстахъ стала играть военная музыка. Гулянье началось и намъ стало повеселѣе.

Въ это время возлѣ насъ присѣлъ какой-то прекрасный молодой человѣкъ и вступилъ въ пріятный разговоръ.

— Сударыни, говоритъ, извините меня; но вы можете простудиться.

— Отъ какой причины? спросила Люба.

— Помилуйте, говоритъ, вы сидите на сырой землѣ! Для нѣжныхъ созданій это опасно...

— Ахъ, мы къ этому довольно привычны! отвѣтила Надя съ глупа; но молодой человѣкъ стоялъ на своемъ и кончилъ тѣмъ, что подост-

лалъ подъ насъ свое пальто... Такая вѣжливость была намъ очень пріятна; но потомъ оказалось, что это былъ только одинъ обманъ чувствъ и коварство. Ахъ, какъ опасны мужчины, особливо когда на гуляньи!

Въ восьмомъ часу стали зажигать люминацію. Весь Елагинъ островъ, по всѣмъ дорожкамъ, засвѣтился тысячами плошекъ; на площадкахъ между деревьями горѣли разноцвѣтными огнями этакіе большущіе щиты, съ вензелями. Напротивъ Елагина, на Крестовскомъ, тоже очень красиво были люминованы разныя дачи.

Попозже, передъ фейерверкомъ, вездѣ по берегу надъ водою, стали зажигать настоящіе бенгальскіе огни, и бѣлые, и красные, и синіе... разные.

Хоть и долго пришлось намъ дожидаться всѣхъ этихъ удовольствій, но теперь мы были очень веселы. Погода была отличная, и нашъ незнакомый кавалеръ угостилъ насъ яблоками и англійскимъ печеньемъ... тутъ–же у разнощиковъ купилъ на цѣлый двугривенный... Совсѣмъ, можно сказать, очаровалъ насъ своей обманчивой вѣжливостью!..

Фейерверкъ начался въ одиннадцатомъ часу.

Сначала стали пускать бураки и ракеты цѣлыми кучами... Зашипятъ это, зашипятъ, поднимаясь кверху, какъ зміи съ длинными огненными хвостами, а тамъ—хлопъ! и разсыпались разноцвѣтными звѣздами и пузырями... Ужасти, какъ красиво!.. Потомъ стали зажигать картины, съ вензелями; только намъ мало было видно, по причинѣ густаго дыма отъ тѣхъ самыхъ картинъ... Но прелестнѣе всего вышелъ большой послѣдній фейерверкъ... Вдругъ это пошла трескотня и пальба, что мы даже испугались... Цѣлыя тысячи ракетъ и бураковъ взлетѣли пребольшущей кучей, точно какой огромный букетъ, и разсыпались самоцвѣтными искорками и брилліантами — въ такомъ множествѣ, какъ звѣздъ на небѣ, если не больше...

Сейчасъ послѣ этого публика стала уходить, и мы пошли, а съ нами и нашъ незнакомецъ... Давка началась такая, что нельзя было протискаться.

Чтобъ тальмочки наши не оборвали, я и Люба сняли ихъ съ себя

и хотѣли нести въ рукахъ. Нашъ кавалеръ... чтобъ ему пусто было... вызвался, будто изъ вѣжливости, облегчить насъ и убѣдительно просилъ отдать ему ихъ нести. Натурально, мы отдали, да только его и видѣли, вмѣстѣ съ тальмочками-то!.. Какія ни на есть, а всеже драповыя; еще нынѣшнюю весну три цѣлковыхъ на одну отдѣлку новую къ нимъ истратили... Вотъ такъ сюрпризъ!..

Ну, какъ послѣ этого вѣрить мужчинамъ и ихъ коварной вѣжливости?.. Принимаешь его за любезнаго образованнаго кавалера, а онъ, замѣсто благодарности, облапошитъ тебя по мазурнически... Надя, между прочимъ, замѣтила, что, можетъ, нашъ-то незнакомецъ тальмочки унесъ какъ будто въ знакъ памяти о сегодняшнемъ фейерверкѣ и пріятномъ съ нами свиданіи; ну, да она чего не скажетъ... Просто неблагородный мазурикъ и... напредки надо быть осторожнѣе съ мужчинами!

Конечно, домой мы возвратились несовсѣмъ въ пріятномъ расположеніи души; а тутъ еще, не успѣли войти въ комнату, какъ папаша уже встрѣчаетъ... натурально, съ чубукомъ!.. И какая это, право, скверная привычка у папаши — наровить непремѣнно по лицу... фи! точно другаго мѣста нѣтъ...

— Теперь, по крайности, говоритъ, съ синячищами на рожахъ, авось перестанете шлендать, да транжирить отцовское добро!..

Хорошо еще, что такая непріятность постигла насъ, когда празднества кончились...

ГУЛЯНЬЕ НА МАРСОВОМЪ ПОЛѢ

(Сцены).

По заведенному порядку, ежегодно къ 30 августа, Городская дума, съ подобающимъ ей гостепріимствомъ и заботливостью о «народѣ», застраиваетъ обширное Марсово поле множествомъ красивыхъ эстрадъ, павильоновъ, аренъ для игръ; развѣшиваетъ безсчетное количество флаговъ, фонариковъ и плошекъ; накупаетъ въ Апраксиномъ рынкѣ ворохи подарковъ и премій и, захвативъ ихъ подъ мышку, является самолично, какъ радушная хозяйка, въ особахъ своихъ представителей.

Одновременно со всѣми этими даровыми прелестями, выкидывается на гулянье, по вольному найму, цѣлый дождь пивныхъ бочекъ, самоваровъ, лотковъ съ несокрушимыми пряниками и т. п. сладостями; выкатывается цѣлая коллекція самокатовъ, качелей, шарманокъ, «петрушекъ», райковъ и прочихъ хитрѣйшихъ забавъ...

Все готово, все приспособлено къ мѣсту и времени.

Флаги развѣваются, эстрады красуются группами военныхъ музыкантовъ; на сценѣ демикотонная занавѣсь готова взвиться для представленія «Филатки и Мирошки»; артисты, акробаты и «петрушки» опрокидываютъ въ горло по послѣдней «сироткѣ» (косушка) для вящшаго вдохновенія; столбы для лазанья думскіе сторожа нещадно смазываютъ саломъ безъ всякой для себя экономіи; мѣдные самовары, величиной съ маленькій винокуренный заводъ, дымятся и шипятъ подъ могучимъ дуновеніемъ своихъ хозяевъ; дюжина шарманокъ готова затянуть «подъ вечеръ осени ненастной», въ переплетъ съ «московскимъ трактирщикомъ»; а надъ всѣмъ этимъ моремъ «народныхъ» забавъ и

удовольствій, въ бѣломъ роскошномъ павильонѣ возсѣдаютъ думскіе члены, являя очамъ нѣкій ареопагъ мудрыхъ правителей, снизошедшихъ на этотъ разъ для управляемыхъ въ роль увеселителей... Отрадная картина!

По данному сигналу—море заколыхалось, запестрѣло и зашумѣло всевозможными звуками, какіе только создавала природа со временъ міроздания. Гулянье началось.

Волны народа снуютъ взадъ и впередъ, вздымая въ воздухѣ тучи пыли и оглашая его тысячеголосымъ говоромъ...

Посмотримъ теперь на это «народное гулянье»!

Передъ узенькой сценой народу столпилось по малой мѣрѣ тысячи двѣ. Всѣ глаза устремлены на ломающихъ «кумедь» актеровъ; но, само-собой разумѣется, девять десятыхъ зрителей не слышатъ ни одного слова, а остальные слышатъ кое-какъ, пятое-десятое, по одному слову черезъ каждые четверть часа, приблизительно. Да и что требовать отъ акустики Марсова поля?..

— Пойдемъ! Вѣдь что смотрѣть, коли ежели не слышно? убѣждаетъ по товарищески одинъ мужикъ «пообразованнѣе» мужика видимо «необразованнаго».

— Оно не то, штобы, а все-жъ... занятно, возражаетъ послѣдній, сіяя удовольствіемъ завзятаго театрала.

— Чего тутъ занятно, глупый ты человѣкъ? Въ наглядку, рази однѣ только бабы куръ щупаютъ, а не то, чтобы, къ примѣру, кіатральное представленіе понимать...

— Кавалеръ! вы провели-бы меня въ первые ряды, обращается къ куманьку-унтеру развязная дама, отпущенная «господами» погулять на полтора часа, часовъ семь тому назадъ.

— Какъ тутъ провести, коли, съ позволенія сказать, и плюнуть мѣста не найдешь.

— По вашему званію, вамъ можно-бы...

— Чего? плюнуть-то?

— Тьфу! Не видала я вашихъ слюней... Провести меня напередъ вы должны!

— Ну, служба, вотъ ты ей таперича свою храбрость и по–о–кажи! поощряетъ со стороны какая–то чуйка и показываетъ жестами, подмигивая канальскимъ глазкомъ, какъ слѣдуетъ показывать храбрость передъ дамами. Унтеръ ухмыляется, а дама его отворачивается, посылая чуйкѣ чорта, лѣшаго, мужика необразованнаго и проч.

У райка съ маріонетками толпа получаетъ уже полное удовольствіе. Слушать тутъ нечего, а зрѣлище для всѣхъ видно, всякому понятно и сердцу близко. Какъ извѣстно, весь репертуаръ нашего «народнаго» кукольнаго театра состоитъ въ изображеніи сплошной кулачной и палочной потасовки. Сперва одна кукла побиваетъ всѣхъ остальныхъ порознь, потомъ ее побиваютъ послѣдніе вкупѣ и, затѣмъ, всѣхъ ихъ проглатываетъ рыба–китъ.

Начало представленія. Герой, въ голубомъ рейтъ–фракѣ и островерхой шапочкѣ съ бубенчикомъ, разметалъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ дубьемъ и кулакомъ, схватилъ всѣхъ за ноги и какъ плетью хлещетъ ими о барьерчикъ сцены.

— Го–го–го–го! плотоядно гогочетъ толпа; кулаки инстинктивно сжимаются и настойчиво требуютъ практики.

— Ахъ-ха-а-ахъ! Такъ, такъ... Поддай ишо... Небось, выдержатъ—дубинноголовые... У, молодчина! Эка силища—четверыхъ-то... О-о-о, какъ въ ступѣ толчетъ. Уморилъ со смѣху, подлецъ, ей-же-ей! Ха-ха-ха.

Любители музыки толпятся у высокихъ эстрадъ, гдѣ играютъ военные оркестры.

— Ти-ти-ти, тра-та-та! подпѣваетъ музыкѣ и подплясываетъ какой-то франтовитый военный писарекъ, адресуя всепобѣждающіе глазенапы двумъ молоденькимъ горничнымъ въ скромныхъ косыночкахъ.

— Ну, ежели-бы теперь дозволили, кажись, сейчасъ-бы съ вами, барышни, польку станцовалъ... ей богу! Вѣдь какъ играютъ, просто молодцы! Вы любите, душенька, военныхъ музыкантовъ?

На это уже прямое обращеніе писарька горничныя потупляются и одобрительно хихикаютъ.

— Есть ли ваше молчаніе токма одинъ туманъ чувствъ, аль знакъ согласія? пристаетъ онъ къ нимъ.

— Военные очинно жестокіе, жеманно отвѣчаетъ дѣвица побойчѣе.

— Это напраслина-съ. А знаете вы, миленькая, романсъ, который теперь музыка играетъ:

Ахъ, какъ я люблю военныхъ!
Съ ихъ душой сливаюсь тайно я...
Когда-бъ онъ зналъ, когда-а-бъ онъ зналъ!

пропѣлъ писарь подъ тактъ оркестра, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Нѣту-ти, не слыхали.

— Не дѣлаетъ чести, потому какъ этотъ романсъ нынѣ самый моднѣющій. Его сочинилъ поэтъ Лермонтовъ. Вы Лермонтова читали? Онъ еще въ «Петербургской Газетѣ» пишетъ. Вотъ онъ тоже сочинилъ: «ахъ, шиши, шиши!..» Читали?

— Нѣту-ти... мы не обучены.

— Жалко. Ныньче безъ образованія никакъ невозможно...

У столбовъ и другихъ ристалищъ тоже столпилось много народу. Аматеры до прибыльнаго лазанья по мачтамъ, хожденія на вертящемся шестѣ и бѣга подъ ведромъ, съ прохладительнымъ душемъ, спѣшатъ показать свое искусство и получить за оное призы. Смѣху и веселья тутъ тоже не мало, особенно у «ведра», въ тѣхъ случаяхъ, когда оно окачиваетъ состязателей съ ногъ до головы холодной водой. Въ этомъ собственно и состоятъ тутъ всѣ забавы. Свалился состязатель со столба на землю, съ высоты трехъ сажень, и молчаливая до этого толпа заливается хохотомъ—веселится, «гуляетъ»; окатило состязателя холодной водой, отчего не далѣе какъ завтра его, быть можетъ, повезутъ въ больницу,—толпа опять заливается, гуляетъ; сорвался состязатель съ бревна, съ опасностью вывихнуть ногу, снова таже исторія.

Раздача призовъ происходитъ съ обычной торжественностью; распо-

рядители возлагаютъ ихъ собственноручно на нѣкоторыхъ счастливыхъ удальцовъ. Одинъ получилъ франтовскую шапку, другой — поддевку, третій — рукавицы, а вотъ какой-то шершавый, замусленный парень разукрасился кускомъ ахтительнаго ситца, какъ пледомъ на шотландскій манеръ... Широкія конфузливыя улыбки на ихъ лицахъ, низкіе поклоны и неуклюже-горделивая поступь, среди отдавшейся диву къ счастію и молодечеству удальцовъ ротозѣеватой толпы, заставляютъ радостно биться сердце наблюдателя, воспріимчивое ко всякому преуспѣянію соотечественниковъ.

У бочекъ съ пивомъ, соперничающихъ колоссальностью, идетъ перемѣщеніе тевтонской жидкости въ желудки гуляющихъ въ ужасающихъ размѣрахъ.

— Ты котору это кружку душишь? спрашиваетъ одна обшурханная мастеровая блуза другую.

— Всего девятую.

— Мало, я вотъ ужь тринадцатую хлещу и положилъ себѣ, братецъ, на сегодня задачу—выпить чтобы двѣ дюжины.

— Врешь!

— Не сойдти съ мѣста!

— Да не выпьешь, бахвалъ. Хошь на закладъ?

— Идетъ. Ежели выпью, ты плотишь за всѣ двадцать четыре.

— Нѣтъ, не такъ: будемъ пить вмѣстѣ на перегонку. Кто, значитъ, спасуетъ прежде, тотъ за все и плати. Правильно?

— Правильно.

— Мадемуазель! позвольте вамъ преподнести изъ глубины души кружку пива? извиваясь французскимъ эсомъ, подчуетъ свою жентильную дамочку какой-то плисовый пиджакъ изъ управы благочинія.

— Что вы? развѣ дѣвицамъ можно пить пиво... фи-донкъ!

— Собственно, отъ пыли, для освѣженія чувствъ... Всего одну кружечку?

— Избави Создатель! такую большую кружку? Конешно, стакан-

чикъ—и то, чтобы самый крошечный, еще бы можно... только потому, что оченно здѣсь пыльно.

— Но стаканчиковъ здѣсь нѣтъ, мадемуазель; прихлебните изъ кружечки... не побрезгайте!

— Ахъ, какой неотвязный!

Первые глотки мадемуазель цѣдитъ сквозь зубы, съ гримасами и фырканьемъ, а потомъ ничего — дѣло обходится, и за первой кружкой—коломъ, вторая идетъ соколомъ и т. д.

Вечерѣетъ, матросы зажгли иллюминацію. Думское сало и керосинъ трещатъ въ плошкахъ и фонаряхъ.

Пышно иллюминуются и нѣкоторые окрестные дома, привлекая къ себѣ съ «поля» толпы ратозѣевъ. Вотъ передъ однимъ изъ такихъ домовъ остановились какъ разъ посреди улицы двое мужиковъ. Зрѣлище это, видно, имъ еще въ диковинку.

— Вотъ такъ свѣтло-о, ажно глаза рѣжетъ!..

— Н–да, любезный, съ непривычки оно точно...

— Бе-ре-гись! надъ самымъ ухомъ собесѣдниковъ кричитъ кучеръ проѣзжающей кареты; но мужички ничего не видятъ и не слышатъ. Стоящій вблизи жандармъ отстраняетъ ихъ своей лошадью, чтобъ они не попали подъ дышло. Въ толпѣ раздается хохотъ, а мужички озадачены.

— Кажись, при этакомъ-то свѣтѣ, говоритъ одинъ изъ нихъ, иголочку и ту примѣтишь, а онъ зря на человѣка лѣзетъ... эхъ, служба!

Мало по малу Марсово поле пустѣетъ. Разномастная публика, нагулявшись до отвала, начинаетъ расходиться, толпы рѣдѣютъ; пиво примѣтнѣе начинаетъ заявлять о своемъ присутствіи въ желудкахъ гуляющихъ. Разговоры идутъ погромче, покрупнѣе, съ завитушками и трехъэтажными орнаментами. Вдругъ гдѣ-то раздается обычный кликъ нашихъ народныхъ гуляній:

— Крррра-улъ!.. кара-улъ!

— Ты чего тутъ орешь, аспидъ? Бьетъ тебя кто, что-ли!

— Нѣтъ, г. городовой... никто не бьетъ... Скушно!

— Скучно? Оттого и кричишь?

— Оттого... Скушно, закричалъ, стало нѣшто веселѣе... Вотъ съ вами въ разговоры вступилъ.

— Ахъ, ты неблагодарное животное! Начальство тутъ старается, всякихъ тутъ увеселеніевъ понастроило, а ему скучно... пшшелъ!

— Позвольте, г. городовой, еще покричать. Кррра-у-улъ!..

НА КУЛЕРБЕРГѢ.

(сцены).

Представьте себѣ небольшой клинъ изрытой ухабами и ямами болотистой земли, ограниченный съ одной стороны Невою, съ другой—канавой и проѣзжей дорогой. Кой—гдѣ торчатъ сухопарыя ели и сосны, уныло помавая въ вечернемъ воздухѣ своими кудрявыми главами, какъ бы говоря пріютившимся подъ ихъ сѣнію бонвиванамъ: «И можно-ли эдакъ-то насасываться, чортъ знаетъ ради чего? Эхъ, нехорошо, господа, нехорошо!»

Въ одной сторонѣ клина одиноко возвышается песчаный бугорокъ, вышиной эдакъ аршина въ три, по большой мѣрѣ. Бугорокъ этотъ и есть самый Кулербергъ—обычное мѣсто ристалища въ лошадиномъ вкусѣ налимонившихся ремесленниковъ чухонско-нѣмецкой расы, съ немалой, впрочемъ, примѣсью и чисто-русской... Вотъ вамъ и вся недолга этой очаровательной мѣстности!

Въ Ивановъ день вся эта мѣстность усѣяна выставками, лотками, загородями и палатками со всевозможной снѣдью и питьемъ—преимущественно, пивомъ. Близъ и около этихъ помѣщеній—по всему клину, то сталкиваясь въ густыя кучи, то разсыпаясь въ одиночку и компаніями, снуетъ и топчется, шатается и выплясываетъ, разнообразная, пестрая, подвижная толпа: физіономіи больше—пылающія, дико-разнузданныя, нестолько веселыя, сколько безобразно пьяныя и, главное—пьяныя, какъ бы по заказу или предписанію. Иной и не пьянъ еще, можетъ и выпить ужъ не на что, а показываетъ видъ, что урѣзалъ до чертиковъ, дескать, «гляди міръ—сколь радъ я Ку-

лерберг!у» И все это оретъ, поетъ, гогочетъ и взвизгиваетъ звѣриными голосами, сливаясь и перемѣшиваясь съ трескомъ и воемъ доброй сотни музыкальныхъ инструментовъ, отъ гармоники и шарманки, до скрипки и барабана, въ одно время выигрывающихъ во вся тяжкая разные гимны, вальсы и проч. Если вслушаться въ этотъ хаотическій гамъ, въ особенности зажмуря глаза, то можно получить вѣрное понятіе—каковъ есть бѣсовскій шабашъ въ натурѣ!..

Поодаль отъ центра — на берегу, близъ воды, дымятся и пылаютъ костры съ котелками, чайниками и кофейниками. Вокругъ нихъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ сидятъ и лежатъ мужчины, женщины и дѣти — все это на распашку, безъ верхняго платья, все это пьетъ и ѣстъ и тоже оретъ, поетъ и взвизгиваетъ... Но тутъ уже замѣчается больше сдержанности и мѣры, потому, какъ видится, народъ больше семейный, стало быть—солидный. Голытьбы мастеровой съ ея безшабашествомъ тутъ уже не видно.

Подъ каруселью собралась кучка поглядѣть, какъ, заодно съ малыми ребятами, катаются большіе нѣмцы, изрядно набиргаленные.

— Послюшай, мушикъ, подсади меня на ета славна ляшатка! требуетъ пресолидный съ виду pater familias съ пресолиднымъ брюхомъ.

— Эка малютка! ворчитъ мужикъ — слуга у карусели, исполняя требованіе.

Въ толпѣ острятъ и смѣются.

Началось катанье, подъ звуки флейтъ и барабана. Всадники визжатъ и гикаютъ.

Подходятъ двое мастеровыхъ, по примѣтѣ—сапожники.

— Гляди! гляди! Васюха... Нашъ хозяинъ на конькѣ катается... хо-хо-хо... да какой пьянѣющій! возговорилъ одинъ.

— Гдѣ? гдѣ? кажи! освѣдомился Васюха.

— Да вонъ — не видишь?.. Толстопузый-то!

— Вижу! Ишо кольцо сшибить нацѣливается...

— Онъ самый!.. Вотъ свалился-бы... Ну, ну —такъ и есть... ха-ха-ха!..

— Ой, батюшки, и впрямь — свалился.

— Подемъ поглядимъ!..

И дѣйствительно почтенный pater familias, потерявъ равновѣсіе, какъ куль свалился съ сѣдла, и такъ какъ одна нога его застряла въ стремени, то, въ довершеніе злополучія, его еще не мало проволокли по землѣ. Оправившись немного, онъ разсыпался отборнѣйшей русской бранью, къ великой потѣхѣ зрителей, и, замѣтивъ своихъ работниковъ, подозвалъ ихъ къ себѣ.

— Ребета, обратился онъ къ нимъ. Восмитъ меня подъ-рука и поведетъ домой... Я ошинна ушибся...

— Да мы-то еще не ушиблись, хозяинъ! съострилъ Ванюха, почесывая въ затылкѣ.

— Ну, ну!. Я тебѣ, пьяница!. пригрозилъ хозяинъ.

Ребята помялись и, съ видимымъ неудовольствіемъ подхвативъ своего патрона подъ мышки, поволокли вонъ съ гулянья...

Идутъ двѣ, почтенныхъ лѣтъ, дамы, одѣтыя въ черномъ довольно чистенько—по виду, точь въ точь казанскія сироты. Ноги и языки у нихъ какъ-то странно заплетаются — надо думать, отъ неровности почвы.

— А нынѣ, Маша, на Кулинберхѣ довольно сухо, говоритъ одна.

—Н-да. Сухо, Груня, сухо, да и въ горлѣ у насъ сухо! вздохнула въ риѳму Маша.

— Ну, это ты какъ быдто напрасно...

— Чего напрасно! Прошлый годъ было мокрѣе, да за то и повеселѣе... Кавалеръ, кавалеръ! обратилась вдругъ Маша къ проходящему военному писарю въ очкахъ и въ щегольскомъ сюртучкѣ офицерскаго покроя.

— Что вамъ угодно? остановился тотъ.

— Я хотѣла васъ просить... Одолжите мнѣ ваши очки на поддержаніе, потому теперь поздно и я ничего не вижу...

— А вотъ я, такъ и безъ очковъ вижу, перебила Груня свою подругу, что вы мусью очень хорошенькій... настоящій ду–шан–чикъ!..

Мусью пріятно осклабился.

— Шутки въ сторону! сказала Маша. Хотите съ нами, кавалеръ, променадъ сдѣлать?..

Писарь пристально осмотрѣлъ почтенныхъ дамъ, что-то сообразилъ и, наконецъ, согласился.

— Мамзель! вы оченно внимательны, и мнѣ съ вами кампанію имѣть — составитъ, можно сказать, большую честь, сказалъ онъ.

— Такъ и прекрасно!..

— Ахъ, какъ онъ умно выражается... Дюся! затараторили дамы.

— Только, мамзели мои милыя, продолжалъ писарь — надо намъ теперича говорить по существу... Какъ если, къ примѣру сказать, въ сухомятку, то мы на это не согласны, потому себѣ тоже цѣну знаемъ...

— Это вы, душка, насчетъ чего же канитель-то разводите? насмѣшливо обратилась къ нему Груня.

Кавалеръ сконфузился и сразу перемѣнилъ тонъ.

— Я, сударыни, васъ не трогалъ, а что вы, можно сказать, не въ своемъ естествѣ и ко всякому вяжетесь, то это совсѣмъ безобразно! сказалъ онъ и немедленно ретировался.

Дамы расхохотались, пустивъ вслѣдъ бѣглецу нѣсколько довольно пикантныхъ колкостей.

— Крра-улъ! крр-а-улъ! раздается вдругъ въ одномъ мѣстѣ вопль.

Сбѣгаются любопытные. Сцена представляетъ опрокинутый лотокъ съ сайками, рубцами и проч. Дѣйствующія лица: дюжій саешникъ, оборванный, всклокоченный подмастерье въ состояніи еле–можаху, и

нѣкій красноносый господинъ съ гуманнымъ направленіемъ. Дѣйствіе первое: подмастерье, влекомый невѣдомой силой, теряетъ центръ тяжести и обрушивается на лотокъ съ сайками... Картина... Дѣйствіе второе: самосудъ или кулачно-волосяное возмездіе, произведенное саешникомъ надъ подмастерьемъ. Тяжеловѣсная брань и крики—«караулъ». Зрители въ восторгѣ. Въ эпилогѣ является красноносый господинъ и проповѣдуетъ законность.

— Ты долженъ былъ жаловаться, а не самоуправствовать...

— Ну, ну, проваливай, поштенный, пока самому скулы не намазали... У насъ, братъ, этта живво!..

Красноносый господинъ, потерпѣвъ фіаско, стушевывается, показывая видъ, что идетъ искать справедливости у городоваго...

У столиковъ, обремененныхъ бутылками и стаканами, передъ палаткой сидитъ разнообразное кампанство. Девяносто процентовъ его уже «готово»... У одного стола человѣкъ шесть съ большимъ чувствомъ поютъ извѣстный гимнъ «Lieb Vaterland.» Немного поодаль черномазый тиролецъ, приложивъ къ щекѣ гармонику, наигрываетъ разные вальсы, польки и кадрили.

Подъ эти смѣшанные звуки нѣмецкія парочки съ превеликимъ рвеніемъ выплясываютъ канканчикъ, очевидно передѣланный на тевтонскій ладъ — съ поцѣлуями, объятьями и продѣлываніемъ соло въ пятой фигурѣ на четвереинькахъ.

«Вдругъ отколѣ не возмися—двое витязей лихихъ» изъ Маріинскаго рынка. Впрочемъ, лихъ—оказался только одинъ...

— Пусти, Петрунька... пусти, свиная морда! оралъ онъ, вырываясь изъ рукъ менѣе пылкаго товарища.

— Да куда ты, дура, вѣдь изобьютъ!.. Съ твоимъ-ли рыломъ? останавливалъ Петрунька.

— За што изобьютъ... гово-ри! Рази тутъ запретъ намъ? Какъ если они танцуютъ—почему мнѣ нельзя?.. Шалишь! Пусти же, чортъ!

— Ну, ступай—волкъ тѣ рѣжь!

Витязь пріосанился, подобралъ рукава и храбро выступилъ на сцену, нельзя сказать, чтобъ очень прямолинейно.

— Эй, мусью! обратился онъ къ музыканту. Вотъ тѣ двугривенный денегъ и катай ты, братъ, изъ прекрасной Алены, потому мы тоже сътанцевать желаемъ!

Затѣмъ онъ круто повернулъ къ дамамъ.

— Мамзель, позвольте васъ енгажироватъ на кандрель! развязно пригласилъ онъ молоденькую нѣмочку.

— Я съ незнакоми не танзую, возразила она, не двигаясь съ мѣста.

— Чего-съ? Мы, сударыня, конфузіи вамъ не сдѣлаемъ, а впротчемъ—не нуждаюсь.

Витязь не опѣшилъ. Подошелъ къ другой дамѣ, потомъ къ третьей—все таже исторія.

— Вы, кажется, не съ того конца попали? остановилъ его, наконецъ, дюжій нѣмецъ. Ищите себѣ компанію въ другомъ мѣстѣ.

— Очинно это хорошо, мусью, только закона такого нѣтъ, штобъ къ примѣру, на свои деньги нельзя было гулять.

— Не въ томъ дѣло... Эти дамы наши и онѣ съ вами танцевать? не станутъ.

— Тэ-экъ-съ! Въ такомъ разѣ — могу-ли я одинъ станцовать? спросилъ витязь позволенія.

— Сколько угодно!

— Очинно благодарю! Ну, музыка, катай, братъ, что ни есть позабористѣе!

Ай, барыня не могу!
Сударушка—не могу!
Ступилъ комаръ на ногу!

И апраксинскій витязь пустился въ плясъ, которому ужъ и названія никакого не придумаешь...

— Въ чемъ тутъ дѣло? спрашивали любопытные, останавливаясь у кучки, изъ средины которой раздавалась брань, крикъ и женскій плачъ.

— Да вотъ дьяволы—изъза трехъ яицъ прокламацыю подняли-передрались... Публику только тревожатъ! объясняли свѣдущіе люди.

—- Я художникъ... Я двадцать лѣтъ водилъ знакомство съ портными, но такой сволочи я еще не видывалъ! оралъ какой-то полураздѣтый господинъ, съ лютой физіономіей въ соломенной шляпѣ.

— Это ты самъ сволочь... Ты у меня три яйца зажилилъ... да! возражалъ соломенной шляпѣ господинъ въ синемъ пиджакѣ, еле-державшійся на ногахъ.

Между этими двумя соратаями егозила и суетилась какая-то нестарая еще женщина, съ широкимъ ртомъ и приторной физіономіей, значительно подслащенной изрядной вышивкой.

— Такъ-то ты слушаешь свою жену, Вася? ахъ ты, безобразникъ! укоряла она синій пиджакъ и потомъ сейчасъ-же прилипала къ соломенной шляпѣ.

— Иванъ Митричъ! голубчикъ! плюньте на него, шкандалиста, оставьте, умоляю васъ!

— Я и то оставилъ! Я даже на берегу не хочу оставаться. Вы прекрасная дама, и я васъ уважаю, но мужъ вашъ это—подлецъ изъ подлецовъ!

— Што-о? Ты самъ подлецъ... зажилилъ три яйца.

— Вася прошу тебя, оставь!

— По-шла вонъ, дура! разразился вдругъ синій пиджакъ и толкнулъ свою супругу, но, не разсчевъ толчка—самъ брякнулся о земь со всѣхъ четырехъ.

Женщина стала рыдать и выть, къ немалому развлеченію публики... Мужъ, лежа на землѣ, нѣсколько разъ останавливалъ ее, приказывалъ замолчать; но ничего не помогало.

— Послушай! сказалъ онъ наконецъ, приподымаясь. Хошь, я тебя сичасъ въ участокъ сведу... хошь?

— Смотри—самъ не угодилъ-бы туда.

— Нѣтъ, ты скажи—хошь али нѣтъ!

Женщина молчала.

— Вотъ, братцы, нонѣ времена какія! поучительно обратился онъ тутъ къ публикѣ. Сказываютъ—бить жену воспрещается. Отлично! Какъ-же, послѣ этого, съ ними, со стервами, справиться—вотъ задача? А я, господа, придумалъ! Чуть што, сичасъ ее въ кутузку, то ись, не то штобъ въ настоящую кутузку, а у меня на кватерѣ есть эдакой темной чуланишко... Запрешь и—ничего; посидитъ—потише станетъ... д—да!

Слушатели одобрительно посмѣиваются.

Однако довольно—всего не опишешь!

ВЪ МИРОВОМЪ СУДѢ.

(Сцены).

Камера мироваго судьи полна публики. На всѣхъ лицахъ тоска ожиданія. Иные дремлютъ; кто-то въ углу даже всхрапываетъ. Разговоровъ мало, да и то — черезъ пень колоду, вяло, не хотя.

— Позвольте узнать, мусье, который теперь часъ? спрашиваетъ своего сосѣда — прилично одѣтаго юношу какая-то плѣшивая потертая личность, въ потертой камлотовой шинели, съ собачьимъ воротникомъ.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Половина третьяго, сказалъ онъ и зѣвнулъ съ такимъ аппетитомъ, что у него слезы брызнули изъ глазъ.

— Пор-рядки! съ негодующей миной прошипѣла шинель. Вызвали къ двумъ часамъ; дѣло мое по реестру пятнадцатое... Разочтите-ка, въ которомъ же часу будетъ оно теперича разбираться?

— Н-да.

— Нѣтъ, вы разочтите! теребя за пуговицу у пальто сосѣда, волновалась шинель. Ежели положить на каждое дѣло только по 10 минутъ и ежели-бы г. судья сейчасъ явился, хотя онъ не является, то и тогда мнѣ придется ждать еще 140 минутъ... Такъ-ли я говорю?

— Ну, можетъ и поменьше. Иное вѣдь дѣло и пяти минутъ не тянется.

— О-о-тлично! но ужъ два часа — это какъ пить дать.

— Можетъ статься... Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, нельзя претендовать на судью, такъ какъ онъ, по болѣзни товарища, засѣдаетъ въ двухъ камерахъ. Это вамъ извѣстно?

— Господи, Боже-мой! развѣ я осмѣливаюсь претендовать? съ

желчнымъ смиреніемъ возразилъ плѣшивый господинъ Но, возьмите—за что я теряю даромъ эти три часа? Можетъ у меня каждый часъ пять рублей стоитъ? Вѣдь это можетъ быть, какъ вы полагаете?

Молодой человѣкъ взглянулъ на собесѣдника и промолчалъ...

Въ камеру вошелъ судья. Публика встрепенулась. Разговаривавшіе примолкли; дремавшіе очнулись и стали протирать глаза.

— Господинъ судья, могу-ли я подать жалобу? взошедъ за рѣшотку, освѣдомилась какая-то прилизанная, сладко-улыбающаяся личность, почтительно склонивъ голову набокъ и сдѣлавъ руки по швамъ и каблуки вмѣстѣ.

— Почему-же нѣтъ?—Давайте! сказалъ судья, разбирая бумаги.

— Вотъ... повергаю-съ! и съ магической быстротой проситель выхватилъ откуда-то изъ своего платья сложенную бумагу и подалъ ее съ трипогибельнымъ поклономъ.

Судья развернулъ великолѣпнымъ почеркомъ написанную бумагу и сталъ ее читать. По лицу его пробѣжало досадливое недоумѣніе.

— Вы русскій? спросилъ онъ, кончивъ чтеніе.

— Ка-акже-съ! восторженно извѣстилъ проситель.

— Никакъ этого не думалъ, потому ваше писанье я столько-же понялъ, какъ еслибы оно было написано покитайски.

— Помилуйте-съ, почеркъ мой, кажись, четокъ?

— Не въ почеркѣ тутъ сила... Разскажите, въ чемъ ваше дѣло?

— Собственно, объ оскорбленіи-съ... по 131-й статьѣ-съ...

— Разсказывайте!

— Въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятомъ году...

— Ужели васъ тогда оскорбили, а вы теперь только надумали жаловаться?..

— Нѣтъ-съ, г. судья! я только хотѣлъ разсказать вамъ предшествовавшія обстоятельства.

— Увольте!.. Скажите просто: какъ и когда васъ оскорбили, были-ли при этомъ свидѣтели и — ничего болѣе!

— Г. Машининъ...

— Это отвѣтчикъ?

— Да-съ. На прошлой недѣлѣ этотъ самый г. Машининъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ при свидѣтеляхъ: «г. Синицкій, вы свободны отъ занятій въ нашей конторѣ!..» То есть, это я понялъ такъ, что убирайтесь-молъ вонъ... правильно-съ?

— Совершенно: только будьте кратки пожалуйста!

— Г. судья! возговорилъ тутъ проситель патетическимъ голосомъ. Служивши столько лѣтъ при прежнемъ управляющемъ, увольненіемъ симъ жестокимъ и неожиданнымъ, я былъ столь пораженъ, что тутъже получилъ на сердце неризму, въ чемъ имѣю свидѣтельство врача...

— Это-то и есть предметъ вашей жалобы?

— Нѣтъ-съ, г. судья, главное-то впереди еще!

— Говорите-же дѣло, иначе — я васъ попрошу выдти! сказалъ судья, теряя терпѣніе.

Проситель пожимаетъ плечами, возводитъ очи горѣ, какъ-бы ища тамъ справедливости, въ которой ему здѣсь — долу — отказываютъ.

— На вопросъ мой, началъ онъ скороговоркой и измѣнивъ тонъ: «почему и за что меня увольняютъ?»—Машининъ отвѣчаетъ: «сами, молъ, знаете!» Я опять: «почему?» «Ну, если ужъ очень хотите знать, говоритъ, такъ потому, что мнѣ ваша физіономія, говоритъ не понравилась»...

Публика едва сдерживается отъ хохоту.

— И только? спросилъ судья.

— Да-съ... Но при семъ были позорящія обстоятельства...

— Возьмите вашу жалобу назадъ, — я вамъ заранѣ въ ней отказываю!

— Помилуйте-съ, г. судья! взмолился тутъ прилизанный господинъ. Какъ! если я человѣкъ, имѣю, по писанію, образъ Божій...

— Вамъ неугодно взять назадъ вашу жалобу? Отвѣчайте: да или нѣтъ?

Проситель сталъ колебаться.

— Г. судья, я умоляю васъ о справедливости! плачущимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Семенъ Иванычъ, назначьте этому господину срокъ для разбора его жалобы! обратился судья къ письмоводителю, передавая ему бумагу.

Назойливый господинъ изъявилъ величайше удовольствіе и бладарность.

По вызову къ разбирательству, выходятъ толстый, красный, съ бычачьимъ затылкомъ, подрядчикъ и сухопарый сгорбленный мужикъ, въ заскорузломъ полушубкѣ. Онъ истецъ: ищетъ съ подрядчика недополученныхъ за расколку щебня 7 р. съ копѣйками. Въ доказательство иска представляетъ росписку, скрѣпленную, вмѣсто подписи, тремя крестами.

— Терентьевъ, признаете-ли вы долгъ вашъ, по иску Панфилова? спросилъ судья подрядчика.

— Чево-съ?

— Должны-ли вы ему?

— Хе-хе... помилуйте-съ, вашескародіе; могу-ли я быть ему долженъ, коли ежели онъ получилъ съ меня не токма все, а даже лишку—съ... хе-хе...

— Какъ у тя языкъ-то ворочается говорить ефто?... Эхъ, Иванъ Терентьичъ, упрекнулъ истецъ подрядчика.

— Вы помолчите! остановилъ его судья. Грамотны-ли вы, Терентьевъ?

— Хе-хе... не обучены-съ; впротчемъ, по печатному маракуемъ —читаемъ-съ... хотѣлъ было ѣхать и далѣ, да лошади стали... хе-хе...

— Хихикать здѣсь неприлично, — вы въ судѣ, сдѣлалъ предостереженіе судья. Давали-ли вы эту росписку Панфилову?

— Никакъ нѣтъ-съ, я вѣдь не письмененъ!

— Да; но вы подписали ее тремя крестами? Взгляните!..

Подрядчикъ разсматриваетъ росписку и показываетъ жестами сожалѣніе о человѣческой порочности и наглости.

— Совсѣмъ-съ это не моей руки кресты, вашескародіе! сказалъ онъ, кончивъ осмотръ.

— Да гдѣ-жъ у тя совѣсть-то? возговорилъ къ нему мужикъ, растопыривая руки.

— Панфиловъ! я васъ прошу помолчать... Кто писалъ эту росписку?

— Человѣчекъ этотъ померъ, вашескородіе! извѣстилъ Панфиловъ, передернувъ плечами.

— Не можете-ли вы кончить миромъ? предложилъ судья.

Стороны помолчали.

— Иванъ Терентьичъ, отдай ты мнѣ деньги побожески! началъ мужикъ.

— Какія деньги, что ты, милый человѣкъ? Рази есть такой законъ, штопъ по два раза платить — говорри! оттпирался подрядчикъ.

— Ну, што зубы-то заговаривать? Коли у тя есть совѣсть, такъ отдай и—шабашъ! Я тѣ—во какое спасибо скажу...

— Нѣтъ, ты докажи, что я долженъ тебѣ!

— Да хоть подъ присягу... Вотъ—на! и мужикъ началъ божиться и креститься на образъ.

— Тссси... Вотъ оно теперича и видно у кого изъ насъ совѣсти-то больше! съ сожалѣніемъ и сознаніемъ своего нравственнаго превосходства сказалъ подрядчикъ. Я занапрасно божиться не сталъ-бы...

— Значить, вы миромъ не можете кончить? вмѣшался тутъ судья. Терентьевъ, не уплатите-ли вы истцу половины или чего нибудь изъ той суммы, которую онъ взыскиваетъ съ васъ?

— Кабы онъ, вашескародіе, не сдѣлалъ мнѣ эфтаго безпокойства, штопъ судиться, а попросилъ-бы моей милости... пошто не дать бѣдному человѣку? Ну, а теперича я не расположенъ...

— Да рази я тя не просилъ, не кланялся тебѣ? сказалъ мужикъ.

— Ну, господа, довольно! возразилъ судья и написалъ приговоръ: въ искѣ Панфилова, по бездоказательности, отказать.

Подрядчикъ отвѣсилъ поклонъ и весь сіяющій злорадствомъ побрелъ изъ камеры. Мужикъ озадачился.

— Какже эфто, вашескародіе? сказалъ онъ, разводя руками.

— А также, что, по закону, кресты на роспискѣ ничего не значатъ. Совѣтую вамъ такихъ росписокъ впередъ не брать... Можете идти!

— Вамъ что надо? спросилъ судья какую-то пожилую женщину въ бѣличьей шубкѣ, пробравшуюся незамѣтно и робко за рѣшетку.

— Да вотъ, батюшка, вызвали меня къ твоей милости, сказала старуха, придвигаясь къ столу и суя повѣстку.

— Ну, такъ погодите, когда васъ вызовутъ!

— Долгонько-ужъ жду, кормилецъ; а мнѣ-то некогда...

— Что-же дѣлать? И другіе ждутъ... Ступайте — посидите!

Старуха возвращается на прежнее мѣсто, бережно свертывая въ трубочку лежавшую въ ея рукахъ повѣстку.

Выходятъ къ столу сѣденькій, аккуратно выстриженный и выбритый старичекъ, съ огромнымъ портфелемъ подъ мышкою, и блѣднолицый господинъ среднихъ лѣтъ съ простодушнымъ видомъ. Старикъ —повѣренный домовладѣльца и въ то же время управляющій его домомъ, ищетъ съ простодушнаго господина за нарушеніе контракта, по найму квартиры. Сумма иска въ триста съ чѣмъ-то рублей. Искъ основанъ на томъ, что жилецъ, обязанный, по смыслу контракта — выплачивать за квартиру деньги впередъ за каждый мѣсяцъ, спустя

не болѣе семи дней,—не платилъ цѣлыхъ два съ половиною мѣсяца ни копѣйки. Въ силу этого, повѣренный истца, на основаніи контракта-же, требуетъ, во первыхъ, очистки квартиры и, вовторыхъ, взысканія съ отвѣтчика всей недоплаченной суммы не только за два съ половиною мѣсяца, но по срокъ заключенія условія.

— Имѣете что нибудь добавить къ вашему прошенію? спросилъ судья, прочевъ пространно изложенный искъ.

— Не имѣю-съ... рѣшительно ничего не имѣю-съ! возразилъ старикъ, наклонивъ голову.

— А вы что скажите, м. г.? обратился судья къ отвѣтчику.

— По настоящему, надо сказать, г. судья, что эти господа съиграли надо мной самую безсовѣстную штуку! горячо началъ простодушный господинъ; но тотчасъ получилъ предостереженіе — не выражаться рѣзко.

— Извольте-съ... Дѣло было такъ: по важнымъ семейнымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга на неопредѣленное время, можетъ на мѣсяцъ, можетъ на два — какъ случится. Уѣзжая, я сказалъ вотъ этому господину (онъ указалъ головой на старика), что, въ случаѣ, еслибы я запоздалъ, то пусть-бы они не претендовали на меня за эту невольную неаккуратность, тѣмъ болѣе, что въ квартирѣ я оставилъ все мое довольно значительное имущество. Онъ меня успокоилъ, что претензій никакихъ не будетъ И вдругъ — я пріѣзжаю—первымъ долгомъ посылаю имъ деньги, за все время моей поѣздки, а они мнѣ тычутъ искомъ о нарушеніи контракта... Ну, какъ вы это прикажете назвать?

— Я васъ никогда не обнадеживалъ, что претензій не будетъ, въ случаѣ нарушенія вами условія! возразилъ съ достоинствомъ повѣренный.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, отчего-же вамъ не взять съ нихъ что слѣдуетъ и оставить контрактъ въ прежней силѣ? замѣтилъ судья.

— А оттого-съ, что вѣритель мой человѣкъ точный и считаетъ своимъ долгомъ хранить всякое условіе свято и нерушимо! торжественно заявилъ почтенный старецъ.

— Штука въ томъ, г. судья, сказалъ простодушный господинъ, что они теперь, сорвавъ съ меня эту вотъ.... (ужъ какъ ее назвать?) неустойку, въ полномъ правѣ сдать мою квартиру по удвоенной цѣнѣ... Словомъ, оборудовали такую аферу, что и Карповичъ имъ позавидуетъ!

На предложеніе покончить миромъ, повѣренный домовладѣльца не далъ согласія, а потому судья, на точномъ основаніи законовъ о договорахъ, рѣшилъ дѣло въ его пользу, т. е., — взыскалъ съ отвѣтчика вышесказанную обусловленную сумму и приговорилъ очистить квартиру.

— Благодарю васъ, м. г., за урокъ! съ чувствомъ отнесся простодушный господинъ къ сѣденькому человѣку.

Словно изъ щели какой, выскользнулъ вдругъ предъ лицо изумленнаго судьи господинъ, жаловавшійся на то, что его физіономія не понравилась нѣкоему Машинину.

— Что вамъ еще надо отъ меня? съ нетерпѣніемъ обратился къ нему судья.

— Я, г. судья, къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой! сладко заговорилъ тотъ, извиваясь и разсыпаясь въ поклонахъ.

— Именно?...

— Я, г. судья, принялъ ваше нравоученіе къ свѣдѣнію и... и раздумалъ жаловаться за оскорбленіе, поэтому убѣдительнѣйше прошу возвратить мнѣ мое прошеніе!

— Что-жъ, лучше поздно чѣмъ никогда! Семенъ Иванычъ, возвратите этому господину его жалобу, сказалъ судья, принимаясь за новое дѣло.

Прилизанный господинъ опять обнаружилъ живѣйшія чувства радости и благодарности.

Камера опустѣла. Судья окончилъ всѣ дѣла и, поднимаясь со стула, обратился къ тѣмъ, не вѣсть чего ожидавшимъ личностямъ, торчавшимъ еще кое-гдѣ въ камерѣ:

— Не имѣетъ-ли еще кто либо надобность ко мнѣ?

— Какъ-же мнѣ, батюшка, теперича прикажешь: идти-ли, али еще поджидать вызову-то? обратилась вдругъ къ судьѣ знакомая уже читателямъ старуха въ бѣличьей шубейкѣ.

— Развѣ васъ не вызывали?.. Покажите вашу повѣстку!

— Нѣту-ти, не вызывали! сказала старуха, подавая повѣстку. Ужъ я ждала—ждала, что вызовутъ... всѣ уши прослушала, и даже животъ подвело... ей-богу! Съ десятаго часу, батюшка сижу, здѣсь; шутка-ли весь день на тощакъ!

— Да вѣдь васъ совсѣмъ въ другой участокъ вызывали, а ко мнѣ вамъ не зачѣмъ и ходить было! замѣтилъ судья, возвращая повѣстку.

— Какже-это?... Вѣдь вы, ваше высокое благородіе, значитца мировой?...

— Да; но вѣдь я не одинъ въ Петербургѣ, насъ много!..

— Ахъ-ти, мать моя! А мнѣ сказали—иди дескать сюда; тутъ онъ самъ и есть, кто тебя вызывалъ... Что-же теперича мнѣ дѣлать? разогорчилась старуха.

— Ну, ужъ это ваше дѣло, почтенная! сказалъ судья, снимая съ себя цѣпь.

— А вотъ, кабы, твоя милость, да разсудилъ-бы меня, глупую старуху—ужъ я бы вашему высокому благородію до земли поклонилась!

— Это, матушка, невозможно... Поищите того судью, который васъ вызвалъ!

Старуха постояла съ минуту и, тяжело вздохнувъ, поплелась изъ камеры.

— Вотъ такъ дурище! сказалъ со смѣхомъ вышедшій вслѣдъ за ней какой-то шустрый парень въ чуйкѣ, обращаясь къ сторожу.

КЛУБСКІЕ ТИПЫ.

Что такое наши клубы?

Соединительные—ли это пункты для общества, въ интересахъ обмѣна мыслей, взглядовъ и симпатій? Кто—же станетъ отрицать это! Развѣ не идетъ самый живой обмѣнъ мыслей за мушкой и ералашемъ? развѣ не сравниваются здѣсь взгляды на достоинство «листовокъ» и «померанцевыхъ», и—развѣ не обмѣниваются на семейно-танцовальныхъ вечерахъ въ нѣжныхъ симпатіяхъ прекрасныя дамы съ таковыми же кавалерами?

Все это такъ, однако, если вы, по несчастью, принадлежите къ тѣмъ «необыкновеннымъ» натурамъ, которыя пьютъ не для того, чтобы напиваться, не играютъ въ карты, не танцуютъ до седьмаго пота и одуренія, и брезгаютъ легкими интрижками съ легкими барышнями; если, ктому-же, у васъ настолько сохранилось еще вкуса, что вы не можете восторгаться вокальнымъ скрыпѣніемъ досужихъ «любителей» или столь—же талантливымъ отламываніемъ «комедій», то я рѣшительно не понимаю, для какихъ тогда надобностей стали—бы вы ходить въ наши клубы?

И однако, вы ходите, какъ хожу я, и третій, и десятый, точно также разсуждающіе на этотъ счетъ. Всѣ мы, признаться, въ такихъ случаяхъ, очень походимъ на того средневѣковаго проповѣдника, который, изобличая съ кафедры употребленіе «діавольскаго зелья», т. е. табаку, въ самомъ патетическомъ пунктѣ своей проповѣди, въ увле-

ченіи, вынулъ изъ кармана табакерку и запустилъ въ свой краснорѣчивый носъ самую соблазнительную понюшку... Mea culpa!..

И такъ мы отправляемся съ вами въ клубъ, «съ преднамѣреннымъ умысломъ» извести себя отъ тоски и ничего недѣланія. Я выбираю самый популярный петербургскій клубъ; называть его по имени нѣтъ надобности.

Въ его обширныхъ и многочисленныхъ покояхъ, скуповато освѣщенныхъ и, въ общемъ, далеко не роскошныхъ, по воскреснымъ днямъ часамъ къ 10 вечера, обыкновенно, трудно протолпиться въ густыхъ массахъ публики. И кого только здѣсь вы не встрѣтите — какихъ «нарѣчій и сословій!..»

Отъ неуклюже-застѣнчиваго апраксинскаго «молодца» и скромной, едва начинающей «карьеру», модисточки, до самоувѣренно-развалистыхъ тузовъ, купецкаго и штабъ-офицерскаго званія, и шикарныхъ барынь, съ трехъ-саженными хвостами, (самъ ужъ сатана не разберетъ, какого званія!) — почти всѣ слои петербургскаго міра имѣютъ здѣсь своихъ представителей...

По мѣрѣ накопленія публики, воздухъ здѣсь накаляется до того, что начинаешь завидовать гардеробу праотцевъ, а въ курительной и игорной половинѣ онъ еще вдобавокъ сгущается, чуть не до непроницаемости, дымомъ и копотью. Къ счастію еще, что распорядители устроили въ разныхъ перепутьяхъ своей территоріи нѣсколько спасительныхъ пристаней, гдѣ всякій странникъ можетъ благонадежно закинуть якорь и подкрѣпиться. Я говорю о буфетахъ. Тутъ многіе солидные мужи, не любящіе попусту тратить время, не снимаются съ якоря во весь вечеръ и такъ основательно нагружаются, что ужь не иначе плывутъ въ обратный путь, какъ только на буксирѣ. Но взойдемте сперва въ танцовальный залъ.

«Это прелестный букетъ цвѣтовъ—разряженныхъ дамъ, около которыхъ увиваются черные жуки —мужчины».

Не помню, въ какомъ великосвѣтскомъ романѣ вычиталъ я такое поэтическое описаніе бала, только оно, какъ-то само собой, пришло мнѣ въ голову, когда я взиралъ на волнующуюся пеструю толпу въ клубномъ танцъ-залѣ.

«Букетъ...» «цвѣты...» да!

— Ну, что скажешь ты мнѣ, пышная роза, съ лоснящейся физіономіей, на которой не знаешь—чего больше: тупости или чванства? Какою цѣною—цѣною чего куплены эти стоаршинные шелки и кружева, облекающіе твое упитанное, бездушное тѣло, на которое, съ такимъ вожделѣніемъ и «видомъ знатока», взираетъ въ сей моментъ твой кавалеръ — этотъ не по лѣтамъ шустренькій жучекъ, съ физіономіей Луи Наполеона?.. Ахъ, знаю, знаю, твою исторію... Filez plus vit ma chère!

— А вы, скромная, съ нѣжнымъ еще пушкомъ на щечкахъ, маргариточка, застѣнчиво прокладывающая себѣ дорожку по стопамъ этой пышной розы—что привело васъ на сей скользкій паркетъ? Недѣлю вы много работали... сегодня праздникъ... да, да! Зачѣмъ-же, скажите, этотъ длинный юноша, съ кривыми ногами и съ распутно-гемороидальнымъ колоритомъ въ лицѣ, такъ грубо фамильярничаетъ съ вами?.. Ахъ, это вашъ знакомый! Вы имъ, однако, недовольны; почему-же?—Конечно, конечно, вашъ стройный, милый турнюръ много теряетъ въ этомъ пятирублевомъ платьицѣ, съ этими грошовыми бантиками... Счастливаго вамъ пути, милая дѣва!

— О, мой сочный тюльпанъ, взрощенный въ купецкой теплицѣ, какая дума лежитъ на вашемъ румяномъ, сдобномъ челѣ?.. Взопрѣли, и—только? Немудрено, здѣсь жарко, хотя вашъ благонадежный бюстъ декольтированъ, словно для мясной выставки... Вы много танцовали—это другое дѣло! Съ кѣмъ-же, позвольте узнать? Вижу, вижу, этого злополучнаго «молодца», который и въ своемъ даже весельи «должонъ потрафлять на хозяевъ...» Онъ смотритъ на васъ съ такимъ видомъ, какъ еслибъ вы были десятипудовый куль, который онъ обязанъ таскать подъ музыку весь вечеръ на своихъ плечахъ. Разумѣется, его

усердіе вполнѣ вознаграждается вашимъ благоволеніемъ... Нѣтъ? Вы объ «ахфицерѣ» мечтаете?.. Тссс... тятенька такихъ мечтаній не одобряетъ.

— Вотъ и вы, мимозы стыдливыя, порядочно поувядшія — три граціи, съ неподвижно уксусными лицами и съ изысканной скромностью въ костюмѣ и манерахъ! Когда-бъ ни заглянулъ въ сей вертоградъ— всегда наткнешься на ваши замороженныя физіономіи, точно вы взяли подрядъ еще болѣе усугублять своимъ присутствіемъ тоску посѣтителей... Что ищете вы столь долго и упорно въ этихъ опостылѣвшихъ стѣнахъ? А! постигаю; но, канальство—вы ужасно дурнѣете съ нѣкотораго времени, а, главное — танцклассные женихи... это такой-же абсурдъ, какъ хрустальныя кареты! Вы, кажется, это уразумѣли наконецъ. Такъ я заключилъ по той ледяной безнадежности, которая залегла теперь въ предательскихъ морщинахъ вашихъ печальныхъ личекъ. Отчаянье, mesdames, есть знакъ малодушія—не отчаявайтесь!

— Ну-съ, а вы, безчисленныя фуксіи, неопредѣленнаго цвѣта и запаха, которыхъ и понюхать ни въ комъ не является аппетита! Вотъ вы, точно съ кустовъ, нависли со скамей густыми рядами вокругъ всей залы, и — какой одуряющей скукой повѣяло отъ васъ! Почти невѣроятно, чтобы въ одномъ пунктѣ могла добровольно сосредоточиться такая огромная коллекція на-подборъ тупыхъ, безсодержательно-апатичныхъ и совершенно довольныхъ собой физіономій. Скажите мнѣ, миленькій цвѣточекъ, съ какою цѣлью вы пожаловали сюда? «Антиресно», говорите, «себя показать, людей посмотрѣть...» Но вы, вѣроятно, въ первый разъ здѣсь?.. Какъ! Пять лѣтъ, ни одного праздника не пропускаете... о, боги!.. Скучно вамъ, покрайней мѣрѣ?— Вотъ какъ, дома еще скучнѣе!.. Сидите-жъ, сидите спокойно!

Посмотримъ теперь на васъ, господа «жуки».

— Позвольте узнать, милостивый государь, отчего на вашей вовсе неимпозантной физіономіи, опушенной внизу полдюжиной волосковъ, написано тако: «а вотъ захочу и сейчасъ велю вонъ вывести, кого-бы ни пришлось!» Ахъ, вы г. старшина и распорядитель танцевъ— начальство, стало быть. Преклоняюсь!...

— А вы, тонконогіе танцоры, тщетно усиливающіеся привѣсить къ своимъ худороднымъ носамъ модное «пенсне», какой такой олимпійской гордыней блещутъ ваши глянцевитыя лица? Точно,— у васъ панталоны послѣдняго рисунка. Франтовскіе панталоны, господа — вполнѣ согласенъ съ вами, лучшій дипломъ для порядочности! Можно задать вамъ одинъ нескромный вопросъ: о чемъ вы бесѣдуете съ вашими прелестными дамами?—Вы молчите и лукаво улыбаетесь... И, дѣйствительно—вопросъ неумѣстный. Я предложу другой: куда вы такъ часто скрываетесь изъ зала и потомъ возвращаетесь значительно подцвѣченными, полными силъ и бодрости?.. Не надо, не отвѣчайте, господа! Я и безъ того догадался, гдѣ этотъ источникъ вашего оживленія... Ангажируйте вашихъ дамъ, господа, кадриль сейчасъ начнется!

— Старательно выпрямляясь и подбадриваясь, блуждаютъ, словно блюстители и покровители клубной нравственности, солидные мужи, убѣленные сѣдинами, увѣнчанные болѣе или менѣе внушительными плѣшами. Вотъ, заложивъ руки назадъ и молодцовато выпяливъ впередъ граціозно округленныя брюшки, идутъ они одинъ за другимъ по рядамъ фуксій, розъ и маргаритокъ, точно генералы на смотру, умудренными очами знатоковъ оглядывая и оцѣнивая эту разношерстную флору.—Что вы такъ аппетитно чмокаете, ваше степенство?—Дѣйствительно, имѣются экземплярчики, хоть у кого слюнки потекутъ... Безъ «полифтики» нельзя, сказываете? Что я слышу? Ужь вы-ли не мастакъ купить и продать хоть отца роднаго!.. Вотъ вашъ пріятель капитанъ Айлюляевъ, мнящій себя въ 60 лѣтъ такимъ-же молодцомъ и красавцемъ, какимъ онъ былъ, когда являлся еще ординарцемъ къ Дибичу-Забалканскому, — ему, точно, безъ «полифтики» трудно, потому что онъ, кромѣ этой своей шестидесятилѣтней молодцоватости, никакими другими цѣнностями не обладаетъ...

Заглянемъ еще въ карточное отдѣленіе, а, впрочемъ, не стоитъ! Заранѣе можно сказать, что на всѣхъ лицахъ тамъ равно написана одна только всепоглощающая мысль: «Ахъ, какъ-бы мушку-то сорвать!»

Вечеръ кончается; большая часть публики, съ помертвѣвшими отъ сна и тоски физіономіями, разъѣзжается по домамъ; остальная, подхлестывая себя разными наркотическими возбужденіями, садится за разставленные столы ужинать не столько яствами, сколько питіями.

У выхода изъ зала, мимоходомъ, я выслушиваю слѣдующій краткій діалогъ:

— А товару ныньче мало было, замѣтилъ толстый мущина, очевидно, купецъ, широко позѣвывая.

— Не мало, а мы съ вами полѣнились! возразилъ другой, такихъ-же размѣровъ мущина и тоже зѣвнулъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Въ другорядь... всего чай не раскупятъ! и почтенные негоціанты, заплетая ногами и громко позѣвывая, вышли изъ клуба.

О какомъ «товарѣ» шла у нихъ рѣчь — я и до сихъ поръ не могу понять...

ДЕНЬ ФИЛАНТРОПА.

Достопочтенному Лавру Елисѣевичу, ничего обыкновенно не читающему въ газетахъ, кромѣ объявленій и биржевой хроники (онъ пропріетеръ и капиталистъ), подвернулся какъ-то на глаза списокъ пожертвованій въ пользу самарцевъ. Это была для него новость и новость потрясающая, ибо онъ филантропъ, по призванію, и состоитъ членомъ общества «изломанной полушки», общества «доставленія нуждающимся жителямъ дешевыхъ зубочистокъ» и многихъ другихъ. И вдругъ онъ читаетъ, что гдѣ-то, какіе-то самарцы голодаютъ, и этимъ самарцамъ отъ какихъ-то доброхотныхъ дателей поступаютъ лепты. Какъ же онъ, филантропъ pur sang, до сихъ поръ ничего этого не зналъ!..

«Отъ имянинника — 40 к.»... Боже, какъ это трогательно! волнуется Лавръ Елисѣевичъ, просматривая лежащій предъ нимъ списокъ. «Отъ маленькой Лизы — 1 р...» Вѣдь и у меня есть маленькая и, какъ нарочно—тоже Лиза... «Отъ жильцовъ образцоваго дома— 4 р...» Прекрасная идея! у меня тоже домъ и домъ образцовый — потащимъ лепту и съ жильцовъ! «Отъ прислуги дома—3 р. 7 к...» Всенепремѣнно! прислуга—это все воры, каналіи, пусть жертвуютъ... «Отъ околодочныхъ — 3 р. $33^1/_4$ к.» Даже околодочные, даже какой-то «отчужденный» пожертвовалъ 15 к., наконецъ, даже безсловесный «младенецъ Дмитрій» и тотъ уже успѣлъ подать руку помощи несчастнымъ, а между тѣмъ я до сихъ поръ пальцемъ о палецъ не ударилъ... Хорошъ фи-лан-тропъ! Эй, Иванъ, скорѣй одѣваться...

Съ помощью Ивана, Лавръ Елисѣевичъ одѣлся быстрѣе обыкновеннаго; его снѣдала жажда филантропическихъ дѣяній.

— Ба! не нужно-ли тебѣ жалованье, Иванъ? спросилъ онъ слугу, когда тотъ подавалъ ему сюртукъ.

— Покорно благодарю-съ, Лавръ Елисѣевичъ, покамѣсть не нужно.

— Словомъ, въ данный моментъ ты ни въ чемъ не нуждаешься?

— Точно такъ-съ.

— А вотъ несчастные самарцы... слышалъ можетъ быть... съ голоду въ этотъ моментъ пухнутъ... да!

— Вишь; подлинно несчастные!

— То-то-же... А ты вотъ ни въ чемъ не нуждаешься?

— Благодаримъ Создателя...

— Это прекрасно; а ты сверхъ того внеси свою лепту... да! Какъ и въ писаніи сказано: «накорми алчущаго»... Тебѣ вотъ слѣдуетъ по сіе число девять руб. съ меня,—ты и удѣли изъ нихъ что нибудь самарцамъ: они за твое здоровье помолятся...

Иванъ сталъ чесать затылокъ...

— Ныньче во всѣхъ домахъ прислуга жертвуетъ... На, читай! Лавръ Елисѣевичъ сунулъ Ивану газету въ руки и тотчасъ-же схватилъ со стола листъ бумаги, разграфилъ его и, озаглавивъ: «Приношенія въ пользу голодающихъ самарцевъ, собранныя такимъ то», предложилъ Ивану первому вписать свою лепту.

— Ну, сколько-же ты можешь удѣлить? (Иванъ молчитъ). Быть можетъ, всѣ девять рублей.. а? (Ивана даже въ дрожь ударило). Что-же, половину... а? (Иванъ передергиваетъ плечами). Ну, такъ и быть, три рубля... Это немного...

— По нашей бѣдности, Лавръ Елисѣичъ, и трехъ-бы гривенниковъ удовлетворительно.

— Знаемъ мы вашу бѣдность! Вотъ у меня здѣсь вчера на столѣ два пятака лежало... куда они дѣвались... а?

— Помилуйте, сударь, никогда я эфтимъ не занимался, кажись.

— То то, кажись. А вотъ на бѣдныхъ три рубля жаль. Въ годъ ты сколько пятаковъ у меня повытаскаешь? Ну, да ладно: я запишу отъ тебя два рубля... меньше ужь никакъ нельзя, потому очень сильный голодъ.

— Обидно-съ, Лавръ Елисѣичъ.

— Я тебѣ дамъ обидно... пшелъ!

— Папаша, прощай, я ѣду въ гимназію! вбѣжала къ Лавру Елисѣевичу его «маленькая Лиза.»

— А, Лизокъ, ты очень кстати. Прочти-ка, душенька, что здѣсь написано?..

Лиза читаетъ въ газетѣ о приношеніи рубля въ пользу самарцевъ отъ ея «маленькой» тезки.

— Видишь, какой прекрасный примѣръ! Надѣюсь, и ты ему послѣдуешь...

— Да, папа. Позволь мнѣ рубль и я отдамъ его этимъ бѣдненькимъ. Только пусть не пишутъ, что я «маленькая».

— Положимъ... пусть напишутъ: отъ «больсой» Лизы. Только вотъ что, моя «больсая», ты должна пожертвовать изъ своихъ денегъ. Ты получаешь каждый день на проѣздъ въ гимназію и на завтракъ по 30 копѣекъ. Вотъ ты ихъ и жертвуй три, четыре дня, а то вѣдь, какая-же это будетъ съ твоей стороны жертва, если я дамъ тебѣ на нее мои деньги?

— Но, папа, какже я буду ходить по такой грязи?

— Вспомни, милая, что ты ходишь въ прочныхъ ботинкахъ, а у бѣдныхъ самарцевъ не только ботинокъ, но и хлѣба даже нѣту...

— Хорошо, папа; не давай мнѣ три дни на проѣздъ. Я жертвую.

— Поцалуй-же меня, моя крошка! и Лавръ Елисѣевичъ тотчасъ-же внесъ въ свой листъ, гдѣ уже стояло—«отъ примѣрнаго слуги Ивана 2 р.», тутъ-же: «отъ благонравной гимназистки Лизы—1 р.».

Вслѣдъ за этимъ, Лавръ Елисѣевичъ призвалъ управляющаго его домомъ.

— Извѣстно-ли вамъ, сударь, что самарцы... ихъ губернія, тамъ гдѣ-то... по близости Кавказа... знаете? Такъ извѣстно-ли вамъ, что они страшно голодаютъ теперь... просто ужасно голодаютъ?!

— Читалъ-съ.

— Вотъ и прекрасно! Извольте-же сегодня обойти всѣхъ жильцовъ и предложить имъ отъ моего имени пожертвовать сколько кто можетъ въ пользу этихъ несчастныхъ... Слышите?

— Слушаю-съ... Только, Лавръ Елисѣевичъ, ежели не согласятся...

— И слышать не хочу! Всѣ до одного должны внесть что-нибудь... Кто не захочетъ, можете понудить... тысячи средствъ для этого! Ну, да васъ не учить. Прошу исполнить мое желаніе, какъ можно скорѣе.

Запихнувъ въ карманъ подписной листъ, Лавръ Елисѣевичъ отправился рыскать по городу, для сбора пожертвованій.

Онъ не пропускалъ ни одного знакомаго, ни одного пріятеля и такъ краснорѣчиво изображалъ имъ бѣдствія самарцевъ, такъ настоятельно взывалъ къ чувству гуманности, что каждый изъ нихъ волей-неволей вносилъ что-нибудь изъ своего кошелька.

Въ магазинахъ, куда онъ заѣзжалъ за покупками, онъ дѣлалъ, по вдохновенію, скидку съ цѣны въ пользу самарцевъ и такъ рѣшительно, что рѣдкій торговецъ не уступалъ его требованіямъ. Многіе изъ нихъ уже не въ первый разъ испытывали на себѣ эту благотворительную контрибуцію, со стороны Лавра Елисѣевича. У нѣкоторыхъ изъ нихъ и до сихъ поръ еще хранятся билеты на разныя благотворительныя лотереи (розыгрышъ которыхъ неизвѣстно никому, гдѣ и когда совершался), каковыми билетами, по ихъ номинальной цѣнѣ, не рѣдко расплачивался *) въ лавкахъ за товаръ нашъ изобрѣтательный филантропъ.

Возвращаясь домой съ обильной жатвой, Лавръ Елисѣевичъ еще

---

*) Это фактъ, какъ нельзя болѣе достовѣрный.

не угомонился, и закинулъ свои филантропическія мрежи на извощика, съ которымъ ѣхалъ.

— Что, какъ у васъ нынче въ деревнѣ были урожаи? спрашиваетъ онъ возницу.

— Ничего, сударь, благодарить Бога, изрядны...

— А вотъ, самарцы, слыхалъ вѣрно, отъ неурожаевъ подверглись голоду... настоящему, братецъ, голоду!..

— Такъ... это бываетъ.

— Теперь всякъ старается чѣмъ-нибудь имъ помочь.

— Дѣло доброе, что и говорить...

— Ну, коли доброе, такъ вотъ что: тебѣ слѣдуетъ съ меня сорокъ копѣекъ — ты двугривенничекъ удѣли на самарцевъ... Я тебя запишу... въ газетахъ пропечатаютъ, сказалъ Лавръ Елисѣевичъ, слѣзая съ дрожекъ.

— Вона что! Это ужъ, баринъ, не резонъ! возразилъ извощикъ и торопливо соскочилъ съ козелъ, страшась за свой двугривенный.

— Почему-жъ не резонъ?

— Да ты самъ, што-ль, голодный самарецъ-то?

— Дуракъ! я тебѣ толкомъ сказалъ...

— Ну, толкъ эфтотъ мы понимаемъ!.. Подавай-ка, баринъ, деньги, неча зубы заговаривать...

Лавръ Елисѣевичъ плюнулъ, отдалъ деньги и вошелъ въ подъѣздъ.

— Вишь, прокураторъ какой... Эко народецъ-то хитеръ сталъ ныньче на мошенничество! заключилъ эту сцену жестокосердый извощикъ, очевидно принявшій почтеннаго филантропа за мазурика.

На этомъ, однако, не кончились въ этотъ день подвиги Лавра Елисѣевича. Наканунѣ онъ обѣщалъ дать извѣстную сумму женѣ на наряды; сегодня онъ выдалъ эту сумму по принадлежности, но со скидочкой противъ назначенной цифры.

— Лавруша, вѣдь тутъ, другъ мой, не всѣ, сколько мнѣ нужно и сколько ты вчера обѣщалъ! замѣтила жена, сосчитавъ деньги.

— Да, но это, душа моя, было вчера, когда мы съ тобой еще

не знали, какъ сильно голодаютъ самарцы. Сегодня-же ты, надѣюсь, какъ сострадательная женщина, удѣлишь малую толику этимъ несчастнымъ... Я уже внесъ твою лепту въ списокъ... Вотъ: «отъ добродѣтельной матери семейства...»

— Но какъ-будто мы не въ состояніи сдѣлать такое пожертвованіе, не стѣсняя себя?

— Необходимо, душенька, сократить расходы.

— Однако, своихъ расходовъ ты, кажется, не сокращаешь? Я вижу, ты купилъ сегодня для себя нѣсколько дорогихъ и совершенно не нужныхъ къ тому вещей. Между тѣмъ, ты долженъ—бы, по настоящему, прежде другихъ сократить свои издержки въ пользу бѣдныхъ самарцевъ.

— Я отдаю на это дѣло мои хлопоты, мое время...

— Котораго тебѣ некуда дѣвать.

— Положимъ, но вѣдь все это чего-нибудь стоитъ?

— Не объ томъ рѣчь. Я думаю только, что произвольно урѣзывать однихъ, приставать чуть не къ горлу за пожертвованіями къ другимъ, не давая при этомъ отъ себя ни гроша,—это еще не Богъ вѣсть какая благотворительность...

— Ничего вы не смыслите, сударыня! прикрикнулъ даже Лавръ Елисѣевичъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ опочить отъ трудовъ...

Кончивъ мой разсказъ, я долженъ оговориться предъ читателемъ. Да будетъ ему извѣстно, что въ разсказѣ этомъ нѣтъ преувеличенія: весь онъ основанъ на подходящихъ фактахъ, и что Лавръ Елисѣевичъ хотя и дѣйствуетъ, какъ мы видѣли, нѣсколько своеобразно, но тѣмъ не менѣе за нимъ нельзя не признать существенной заслуги предъ обществомъ. Лавръ Елисѣевичъ, —это только продуктъ нашего общаго индиферентизма къ ближнему и къ его бѣдѣ, съ одной стороны, а съ другой, нашей разрозненности... Безъ преувеличенія можно сказать, что большей части тѣхъ суммъ, которыя собираются по подпискѣ въ пользу голодающихъ или погорѣльцевъ, послѣдніе обязаны главнѣе всего Лаврамъ Елисѣевичамъ и ихъ филантропической назойливости.

Нѣтъ! Лавры Елисѣевичи это дѣятели, имѣющіе право на нашу признательность.

ИЗЪ КОЛЛЕКЦІИ «БЛААРОДНЫХЪ ЧЕАЭКОВЪ».

I.

Ходатаи и покровители.

«Блаародный чеаэкъ» изъ отставныхъ...

Кто не сталкивался въ Петербургѣ съ этимъ порожденіемъ коловратности приказно-комиссаріатскихъ судебъ, столичной распущенности и тунеядства?

«Блаародный чеаэкъ», можно сказать, вездѣсущъ, ибо онъ всюду толкается, снискивая въ потѣ лица «кѣлкъ-шозъ», по его любимому выраженію, на пропитаніе или на выпивку, что для него безразлично. Особенно хорошо знаютъ его и терпѣть не могутъ швейцары, дворники и городовые.

Дѣло въ томъ, что по части дебошей, скандаловъ и неотвязнаго приставанья къ «особамъ» со всепокорнѣйшими ходатайствами, «блаародный чеаэкъ», можно сказать, собаку съѣлъ. Притомъ-же, онъ безгранично переполненъ собственнаго «блаародства», которое повсюду отворяетъ ему двери и почти всякаго ошарашиваетъ на первыхъ порахъ своей внушительностью. Съ необычайной торжественностью, онъ при всякомъ случаѣ поспѣшитъ извѣстить о себѣ, что онъ «гордъ, бла-а-родно гордъ, млстивъ сдарь!» — и, благодаря этому, ему совѣстятся подать меньше гривенника... Впрочемъ, надо и то сказать, что въ этомъ «блаародствѣ» заключается вся движимость и недвижимость нашего героя, если не считать еще неизмѣнной кокарды на околышѣ его фуражки.

Во всѣхъ похожденіяхъ и предпріятіяхъ «блаародный чеаэкъ» пу-

скаетъ въ оборотъ этотъ свой единственный капиталъ и, слѣдуетъ отдать ему справедливость, получаетъ дивидендъ, вполнѣ достаточный для повседневнаго снисканія косушекъ и полуштофовъ.

Нѣкоторые изъ промышленниковъ этого сорта, кто починовнѣе да поосанистѣе и у кого не расползлись пока швы на локтяхъ, а околышъ на фуражкѣ не утратилъ еще отъ сала и грязи своего первоначальнаго «блаароднаго» цвѣта, занимаются, между прочимъ, коммиссіонерствомъ по доставленію мѣстъ въ казенной службѣ.

Какъ ни невѣроятно подобное занятіе въ «блаародномъ чеаэкѣ», который, по обыкновенію, самъ «потерпѣлъ на службѣ», и выгнанъ изъ нея безъ возврата, но находятся простодушные люди, которые довѣряются этимъ прощалыгамъ, и конечно, приплачиваются за это.

Разскажу одинъ изъ подобныхъ случаевъ—весьма недавній и вполнѣ достовѣрный.

Любимое мѣстожительство «блаародныхъ чеаэковъ» — это Петербургская сторона, въ ея непроходимомъ районѣ за Малымъ проспектомъ, куда не проникалъ еще ни одинъ Колумбъ даже изъ «Петербургской Газеты».

Тамъ-же обитаютъ и наши герои: отставной генералъ Митковскій и отставной поручикъ корпуса лѣсничихъ Ламышевъ—допустимъ, что такія измышленныя мной фамиліи существуютъ. Генералъ и поручикъ, не взирая на неравенство въ чинахъ, друзья и дѣйствуютъ въ компаніи. Ихъ соединяетъ и общая судьба,—оба они «потерпѣли на службѣ» и оба «блаародно» негодуютъ за это на судьбу; но мы не станемъ вдаваться въ ихъ темную исторію.

Каждое утро друзья отправляются пѣшедраломъ на экскурсію. Часовъ отъ одиннадцати вы можете ихъ встрѣтить или на Невскомъ, или въ какомъ-нибудь ресторанѣ, въ родѣ Доминика и Вольфа.

Вступивъ на этотъ театръ своей дѣятельности, «блаародные чеаэки» пріосаниваются и расходятся въ разныя стороны. Глядя, какъ беззаботно и въ тоже время съ достоинствомъ и граціей выступаютъ

они коротенькими шажками по панели, вы примете ихъ за самыхъ порядочныхъ, благоприличнѣйшихъ джентльменовъ, дѣлающихъ свой утренній променадъ для аппетита... Эта-то внѣшность и обманываетъ простодушныхъ.

— Ба! милѣйшій m-r Ропуновъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ! встрѣтилъ какъ-то поручикъ Ламышевъ на Невскомъ одного юношу.

Надо знать, что знакомыхъ у «блаародныхъ чеаэковъ» высшаго полета нѣсть числа, благодаря ихъ практикѣ.

— Ну, что, какъ дѣла? какъ поживаете? развязно спрашивалъ поручикъ и, немного спустя, очень мило пригласилъ молодаго человѣка зайти вмѣстѣ «поболтать» къ Вольфу.

Взошли.

— Вы водку пьете?—нѣтъ? И вина не пьете? се не па бьенъ... Въ такомъ разѣ—чаю, кофе, шеколаду?.. Кофе, да? ну, и отлично... Чеаэкъ! подай намъ кофе, водочки и закусить... Вотъ теперь мы поболтаемъ.

На «болтовню» «блаародные чеаэки» неистощимы и мастера, особенно у графинчика.

Когда, по разсчетамъ поручика, болтовня его достаточно очаровала и предрасположила въ его пользу юнаго собесѣдника, онъ, вдругъ, точно сейчасъ только вспомнивъ, воскликнулъ:

— Ахъ, вотъ что, монъ-шеръ! нѣтъ-ли между вашими знакомыми лица, достаточно чиновнаго и солиднаго, которое-бы искало получить хорррошую казенную службу?.. Напримѣръ, генеральскій окладъ, квартиру въ двадцать комнатъ, десять деньщиковъ, ну и все прочее въ такомъ-же родѣ. Я могъ-бы доставить эту службу, благодаря моимъ связямъ... понимаете? Мнѣ самому ее предлагали, но... «служить — я радъ, прислуживаться тошно». Наскучило... послужилъ и не нуждаюсь... какъ блаародный чеаэкъ!

Ропуновъ очень обрадовался этому предложенію. Какъ нарочно, одинъ изъ его хорошихъ знакомыхъ, нѣкто Клинипъ, подходилъ подъ искомыя требованія и дѣйствительно желалъ получить порядочную

службу. Узнавъ объ этомъ, поручикъ принялся за дѣло горячо, и тутъ-же было условлено на другой день свиданье съ Клининымъ у него на квартирѣ.

Разставаясь, собесѣдники горячо пожали другъ другу руки... Поручикъ былъ доволенъ начатымъ днемъ, хотя-бы ужъ потому только, что онъ плотно позавтракалъ, не заплативъ за это ни гроша.

«Благородные чеаэки» всегда предоставляютъ покрытіе такихъ расходовъ своимъ собесѣдникамъ, которыхъ они-же сами и подчуютъ притомъ.

Переговоривъ съ генераломъ объ открывшейся оказіи, Ламышевъ на другой день аккуратно явился къ Клинину. Тотъ принялъ его до того радушно, что поручикъ не стѣснился въ срединѣ бесѣды потребовать «водки».

— Я старовѣръ на сей счетъ... ужъ извините: адмиральскій часъ вездѣ соблюдаю... ха — ха! снисходительно извинился онъ въ своей безцеремонности.

Дѣло шло, между тѣмъ, какъ нельзя лучше. Чтобы его покончить скорѣе, Клининъ долженъ былъ завтра явиться къ генералу Митковскому.

— Вы понимаете, говорилъ поручикъ, что я здѣсь только посредникъ. Все зависитъ отъ генерала, который, впрочемъ, бла-ароднѣйшій чеаэкъ и съ удовольствіемъ выхлопочетъ для васъ это мѣстечко... Понимаете, это ему ровно ничего не стоитъ: генералъ Айбабковъ, у котораго вы будете служить, съ нимъ на «ты» и души въ немъ не слышитъ. Скажетъ только слово за васъ и — кончено: «принять!» «зачислить!» «выдать годовой окладъ на подъемъ!..» ха—ха... какъ блаародный чеаэкъ.

И вотъ нашъ простодушный искатель «хорошаго» мѣста въ квартирѣ генерала Митковскаго, которому его представилъ никто, иной конечно, какъ Ламышевъ.

Генералъ важенъ, но радушенъ — мѣсто обѣщаетъ, но жалуется на людскую неблагодарность.

Подаютъ водку; языки у друзей развязываются. Генералъ пьетъ, наконецъ, за здоровье будущаго сослуживца своего закадыки, генерала Айбабкова.

— Отцу родному не могъ-бы лучше услужить! восклицаетъ онъ растроганно.

— Мѣсто, въ полномъ смыслѣ, генеральское, ваше превосходительство! почтительно подтверждаетъ поручикъ.

— Квартира одна чего стоитъ: тридцать пять комнатъ!

— Можно сказать, фельдмаршальская!

— Сорокъ деньщиковъ...

— Полное отопленіе и освѣщеніе.

— Столовыхъ однихъ за добрый окладъ полный хватитъ!

— Источники отъ разумной экономіи тоже надо присчитать, ваше превосходительство.

— Позвольте еще разъ поздравить васъ! снова налилъ рюмки генералъ.

— И отъ меня примите салютъ! чокнулся рюмкою поручикъ.

Выпили и помолчали.

«Блаародные чеаэки» значительно переглянулись, и генералъ вдругъ началъ:

— Ахъ, вотъ что, шеръ Клининъ! нѣтъ-ли у васъ пяти тысячъ?.. Мнѣ крайне нужна эта ничтожная сумма на короткій срокъ и, ррра-зу-мѣ-ется, подъ вѣрное обезпеченіе... Мое имя, надѣюсь, чего-нибудь стоитъ... Но если вамъ этого мало, на крайній конецъ поручикъ Ламышевъ можетъ...

— Поручусь за васъ, генералъ, хоть на сто тысячъ... какъ блаародный чеаэкъ! съ горячностью вставилъ поручикъ.

— Ахъ, у васъ нѣтъ такой суммы? Очень жаль! Но быть можетъ, кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ снабдилъ-бы меня?.. И этого нельзя?.. Со-жа-лѣ-ю...

Послѣ этого свиданія, заронившаго уже нѣкоторое сомнѣніе въ Клининѣ относительно его новыхъ патроновъ, генералъ, какъ свѣтскій человѣкъ, на другой-же день отплатилъ визитъ.

Цѣлыхъ полчаса онъ разсыпался въ увѣреніяхъ и обѣщаніяхъ о доставленіи условленнаго мѣста; но уходя, уже въ передней, предъявилъ неожиданное требованіе:

— Вообразите, милѣйшій, я сейчасъ только спохватился, что забылъ дома кошелекъ... Не одолжите-ли вы мнѣ три цѣлковыхъ до завтра... только до завтра, бла-аороднѣйшее слово!

Нужно быть слишкомъ травленнымъ звѣремъ, чтобы отказать въ такомъ внезапномъ требованіи и кому?—ге-не-ра-лу!..

Само собой разумѣется, генеральское «завтра» въ этомъ случаѣ до сихъ поръ еще не наступало и едва-ли когда-нибудь наступитъ.

Быть можетъ, страннымъ покажется, что «блаародные чеаэки» ограничились такимъ ничтожнымъ гонораріемъ за свои хлопоты; но во-первыхъ, они не брезгаютъ никакимъ даяніемъ, а во-вторыхъ, отъ Клинина они узнали, что Айбабковъ ему знакомъ. Это извѣстіе разстроило всѣ ихъ планы, и потому надо было торопиться сорвать хоть что-нибудь.

Дѣло въ томъ, что, какъ слѣдовало ожидать и какъ оказалось по справкамъ, у Айбабкова рѣшительно никакого мѣста по службѣ не было, да и быть даже не могло, а что касается генерала Митковскаго, то Айбабковъ сорокъ лѣтъ уже, какъ съ нимъ нигдѣ не встрѣчался и никогда ни въ дружбѣ, ни даже въ близкомъ знакомствѣ съ нимъ не состоялъ...

Вотъ каковы бываютъ продѣлки изобрѣтательныхъ «блаародныхъ чеаэковъ», даже высшаго полета! Берегитесь ихъ искатели «хорошихъ» мѣстъ и благонадежной протекціи!..

II.

Отверженный.

Мусье, од-д-должите блаародному чеаэку келкъ шозъ на пропитаніе!... Повѣрьте-съ моей ужаснѣйшей крайности! Жена и малютки... семь душъ... малъ мала меньше... три дня безъ пищи, какъ честный джентломъ!..

Бла-а-дарю, мусье!.. Пятачекъ монета малая; но.....признательность блаароднаго чеаэка не имѣетъ предѣловъ... пароль онеръ!

Вамъ желательно выпить со мной по «маленькой»?... О , какъ вы великодушны, государь мой!... Ко-о-нечно, по долгу моей, такъ сказать, ррепутацыи, быть можетъ я обязанъ былъ бы отклонить ваше любезное приглашеніе и объявить на отрѣзъ, что—не употребляюсъ! Но, можетъ-ли блаародный чеаэкъ лгать и призывать имя Творца всуе?.. Никогда! никогда!..

Да, мусье, торжественнѣйше сознаюсь передъ вами въ своемъ окаянствѣ: я пью и пью зло и много!

Знаю-съ, что это подлѣйшій порокъ; знаю, что онъ портитъ мою физію и вредитъ моимъ доходамъ (нерѣдко на мольбы о насущномъ—получаю лишь попрекъ и презрѣніе!); но какъ быть—если жестокая скорбь моей блаародной обиженной души превыше всякаго терпѣнія!

Она вопіетъ среди пустыни, которая отвѣтствуетъ ей токмо рыканьями львовъ и шакаловъ! Тогда, преисполнясь плача и ужаса.... позвольте привести, въ семъ случаѣ, слова геніальнаго стихотворца! Тогда—

«Я ищу сво-бо-ды и по-ко-я,
Я-бъ желалъ за-быть-ся и ус-ну-уть!»

Милостивый государь мой! не найдете-ли вы, послѣ этого, въ сострадательномъ сердцѣ вашемъ нѣкоторое, хотя самомалѣйшее, оправданіе.... нѣтъ! извиненіе окаянству вашего всепокорнѣйшаго слуги?..

Согласенъ съ вами, что тутъ есть и навыкъ—есть анафемскій, это неоспорно! Однако корень ему не въ чемъ либо другомъ, какъ только въ жестокомъ преслѣдованіи судьбы... повѣрьте-съ!

Возьмите одни нестерпимые афронты, ежеминутно получаемые моей гордостью. Потому я гордъ—блаародно гордъ, великодушный другъ мой! И вотъ я снискиваю пропитаніе себѣ и семейству столь гнусными, даже можно сказать, подлыми способами... Не есть-ли это цѣлая трагедія въ натурѣ, государь мой?...

Всякій разъ когда я трезвъ, а это бываетъ чаще, чѣмъ вы можетъ быть думаете—я посыпаю многогрѣшную главу мою пепломъ, я плачу и стенаю, какъ сорокъ покаявшихся разбойниковъ. И вообразите, мусье, все это напрасно, совершеннѣйше напрасно!... Вотъ что прискорбно свыше всякой мѣры!...

Мнѣ нѣтъ болѣе возврата въ лоно преуспѣянія на пользу себѣ и ближнимъ... Я свободенъ и—какъ будто въ темницѣ; я человѣкъ и гражданинъ и—между тѣмъ, я ничтожнѣйшій червь и самоненужнѣйшее отребье; скажу болѣе—я живъ и здравъ, но я—мертвъ и давно сгнилъ въ гробу моемъ... О, государь мой, уразумѣете-ли вы глубину моего отчаянія и снизойдете-ли къ моимъ погрѣшностямъ?

Впрочемъ—не надо! не требуется!... Даже Творца моего не молю я теперь о снисхожденіи ко мнѣ—не могу, не смѣю; мольбы мои токмо о несчастнѣйшихъ малюткахъ, коихъ азъ, недостойный, есмь отецъ, по неисповѣдимой волѣ Его... Не лгу—нисколько не лгу, почтеннѣйшій!..

Что я былъ и что я есмь нынѣ? Былъ-ли я богатъ и силенъ властью, облеченъ почестями и славой земной, хотя въ малѣйшей степени? Не былъ даже въ малѣйшей степени!.. Но, я былъ человѣкъ

и жаждалъ всего этого, государь мой, не менѣе чѣмъ жаждете вы и всякій смертный... Суета суетствій!

Первый вопросъ мой на жизненномъ поприщѣ былъ: позволено-ли человѣку быть благополучнымъ по мѣрѣ заслугъ своихъ и своего предназначенія? Учители отвѣтствовали мнѣ утвердительно... Тогда я усугубилъ мои труды и заслуги, я напрягъ всѣ силы души и тѣла къ выполненію даннаго мной рукоприкладства «вѣрѣ» и «правдѣ...»

Однако я былъ причастенъ заблужденію... Преуспѣвая на означенномъ пути и возвышаясь въ собственныхъ глазахъ, я незамѣтно впалъ въ губительное самомнѣніе и соревнованіе. Я возмнилъ, что могу судить и цѣнить свою дѣятельность и, видя, что оная не оцѣнивается и не награждается по моей мѣрѣ и хотѣнію — зѣло вознегодовалъ и возропталъ...

Неоспорно, что я встрѣчалъ пристрастіе и несправедливость, неоспорно, что другіе, осмѣлюсь утверждать, менѣе достойные меня—сподобились, на завистливыхъ глазахъ моихъ, лучшей оцѣнки и безмѣрно щедрѣйшаго вознагражденія и благоволенія!

Но, какъ смѣлъ я—дерзкій глупецъ и себялюбецъ—впадать оттого въ разстройство и сумнѣніе и терять душеспасительную бодрость духа?

Священнѣйшія слова — «воздастся вамъ по дѣламъ вашимъ», я истолковалъ не въ смыслѣ «влагалища неветшающаго и сокровища неоскудѣвающаго», а въ смыслѣ даровъ Маммона.

Выходитъ, что уже тогда я былъ пороченъ, какъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ!

* * *

Смалодушествовавъ разъ, я, уже не задумываясь, вступилъ на стезю лжи, обмана и коварства. Я забылъ существо даннаго мной нѣкогда рукоприкладства и законопатилъ порокомъ слухъ мой отъ воплей смятенной совѣсти...

Къ таковому эхидному перевороту немало поощрило меня еще и то обстоятельство—обстоятельство подлѣйшее, если разсудить,—что,

съ перваго, такъ сказать, фальшиваго шага, я сталъ, нѣкоторое время, замѣтно возвышаться по лѣствицѣ суетнаго благоденствія...

Есть пословица—изволите знать: «у всякаго плута свой разсчетъ». У меня былъ разсчетъ—продать свою душу діаволу по цѣнѣ возможно сходной для меня; притомъ—заразъ, а на мелочахъ не пачкаться...

Только вотъ что, почтеннѣйшій мой мусье, разсчета-то, какъ видится, у меня тогда еще никакого не было — было одно сильнѣйшее хотѣніе и ничего болѣе! Собственно—правду сказать—я еще настоящимъ, заправскимъ плутомъ вовсе и не былъ... Въ противномъ случаѣ—быть можетъ—я и доселѣ бы здравствовалъ цѣлъ и невредимъ.

Это, государь мой, очень часто случается; то есть, что плуты, цѣлый вѣкъ плутуя, пребываютъ въ полнѣйшемъ благоденствіи и никто съ нихъ единаго волоска сорвать не смѣетъ... Наука, мусье, не столь хитрая, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляду-съ!..

Разскажу вамъ, при семъ случаѣ, нѣкое преказусное событіе!

Зналъ я, сударь мой, одного чиновничка... Такого, доложу вамъ, добрѣйшаго, честнѣйшаго и въ то же время несчастнѣйшаго человѣка мнѣ рѣдко приходилось видѣть, а видывалъ я всего, благодаря Творца, не мало! Получалъ онъ, помнится, рублей 7 или 8 жалованья въ мѣсяцъ, и на сію сумму долженъ былъ продовольствовать себя, жену и четверыхъ дѣтей... Удивительная-съ игра природы, что эдакіе горемыки всегда женаты и всегда ужасно плодовиты-съ!.. Это я не однажды замѣчалъ... Живетъ это злополучнѣйшее семейство—понятное дѣло — въ нуждѣ, можно сказать, кромѣшной и безъисходной, и хотя бы одинъ членъ онаго возропталъ когда... Зрѣлище было, воистину, умилительное и поучительное-съ! Продолжалось такимъ чередомъ достаточно долго—на года сколько—опредѣлительно не скажу, потому дѣло это давнее-съ! Только, помнится, стояла у насъ какъ-то зима и—столь лютая-съ, что птицы на лету околѣвали... Такая зима, почтеннѣйшій, для бѣдныхъ людей хуже смерти, ей богу-съ! Въ эту-то пору чиновничекъ мой и свихнулся-съ, и—какимъ удивительнѣйшимъ манеромъ—слушайте дальше! Отъ стужи-ли, иля отъ го-

лоду, семейство его пришло въ ужаснѣйшее разстройство — двое дѣтокъ умерло, жена готовилась отправиться за ними... Какъ тутъ не упасть духомъ?.. Вотъ, однажды, является этотъ злосчастный человѣкъ къ нѣкоему богатому подрядчику и проситъ у него ни много, ни мало—одолжить ему тысячу рублей... Разумѣется, тотъ принялъ его за сумасшедшаго... «Что-жъ, не дадите?» спрашиваетъ чиновничекъ. «Дурака нашелъ!» отвѣчаетъ подрядчикъ и посмѣивается. «Анъ, врешь—дашь!» и при этихъ словахъ выхватилъ мой чиновничекъ изъ кармана пистолетъ (послѣ обнаружилось, сударь мой, что онъ и заряженъ-то не былъ) и, приставивъ его къ груди подрядчика, какъ заоретъ: «Давай, не то — сейчасъ духъ вонъ!» Какъ-бы то ни было, купчина струсилъ и требуемое выложилъ — уже безъ разговора; а чиновничекъ мой взялъ деньги, да тутъ-же въ другой комнатѣ и чубурахнулся въ обморокъ.

Конечно, законъ осудилъ его строго и совершенно правильно-съ...

Если вамъ, государь мой, пожелается когда либо опредѣлиться въ мошенники—я это къ примѣру говорю — наипервѣе не геніальничайте-съ! Эта наука, мусье, требуетъ постепенности, какъ и всякая другая—повѣрьте-съ! Какъ невозможно приступить къ чтенію, не научившись спервоначала азбукѣ, такъ точно невозможно, безъ терпѣливой подготовки на мошенническомъ поприщѣ, сразу приступить къ сложнымъ и значительнымъ махинаціямъ...

Увы, государь мой, я свѣдалъ сію истину на собственномъ горьчайшемъ опытѣ! Какъ вышеупомянутый чиновничекъ, я восхотѣлъ съ однаго маху царапнуть солидный кушъ и — потомъ закаяться... Разница лишь въ томъ, что мнѣ не предстояло такой ужаснѣйшей крайности... О, горе, горе, мнѣ многогрѣшному!..

* * *

Оборвался я и былъ низвергнутъ (совершенно справедливо! совершенно правильно!) низвергнутъ столь позорно и глубоко, что и всяческое помышленіе подняться я долженъ былъ оставить втунѣ... Да!

Тяжекъ мечъ Ѳемидинъ... не ропщу! не ропщу, государь мой!

потому, кто можетъ, для кого сіе обязательно или интересно проникать въ душу грѣшника и лиходѣя, хотя бы даже онъ и покаялся искренно и чистосердечно? Одинъ только Вседержитель всевидящимъ окомъ своимъ зритъ душу окаянную и судитъ и милуетъ ее по дѣломъ ея!

Человѣческой юстиціи таковая проницательность не дана... Можетъ-ли раскаявшійся роптать на сіе? Нѣтъ, какъ бы ни было тяжко бремя его осужденія; ибо чѣмъ жесточаѣ мзда человѣческая, тѣмъ болѣе отпустится ему въ будущемъ... Токмо въ миротворномъ упованіи семъ нахожу, государь мой, нѣкое облегченіе въ моихъ скорбяхъ!

Было время, невдолгѣ по моемъ низверженіи, я помышлялъ инако и надѣялся на «возвратъ...» И повѣрьте-съ: пройдя сквозь огнь тяжкаго испытанія, намѣренія мои отряслись отъ всякой гордыни и стяжанія... Однако сіе было напрасно!

Правдива та пословица, мусье, въ которой сказано: «береги честь съ молоду...» Я не сберегъ этого сокровища и ужъ никакъ не могъ ни смыть, ни стереть въ глазахъ человѣческихъ пятна, осквернившаго честь мою... Много значитъ еще и злопамятство людское: я слезно молилъ и ползалъ на колѣняхъ и—былъ отринутъ... Да будетъ воля Его!

Пыталъ я обращаться къ разнымъ занятіямъ — даже и несвойвеннымъ вовсе званію моему—и, по малоспособности и окаянству моимъ, всюду терпѣлъ неудачи, неуспѣхи и гоненія! И вотъ, оскудѣлъ я духомъ, предался незамѣтно порочной невоздержности и сталъ тѣмъ, чѣмъ вы теперь меня видите, даже самъ не знаю какъ...

И сколь ужасно палъ я и содѣлался звѣроподобенъ, что даже о насущномъ хлѣбѣ несчастнѣйшимъ малюткамъ, коихъ породилъ я на грѣхъ и мученіе—никакой почти заботы не прилагаю!.. Вотъ, государь мой, какого аспида вы передъ собой видите!..

Малютки эти, мусье, не баснословіе... ей-богу-съ! Совралъ я предъ вами въ количествѣ оныхъ—это правда, но они есть, числомъ четверо и, вотъ,—провалиться мнѣ сквозь землю,—въ это время, какъ

я съ вами здѣсь прохлаждаюсь, они сидятъ голодныя, какъ самыя последнія щенята!.. Од-дол-жи-те, государь мой... Нѣтъ! не надо! пусть околѣваютъ!..

АРКАДІЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЫ.

(Опытъ юмористической географіи).

I.

Топографія.

Древняя Аркадія, какъ извѣстно, находилась въ Пелопонезѣ; описываемая мной, какъ явствуетъ изъ заглавія, существуетъ на Петербургской Сторонѣ. Надо признаться, что общаго между ними ничего нѣтъ, кромѣ одного качества—это, великаго преизобилія и благодати, въ свойствѣ и мѣрѣ сообразныхъ, разумѣется, разности климата, народа, цивилизаціи и проч. Древняя Аркадія, по словамъ очевидцевъ, орошалась чистѣйшими млекомъ и медомъ; петербургская тоже обильно орошается, но питіями гораздо живительнѣйшими и несравненно болѣе «крѣпительными». Преимущество это подтверждается тѣмъ, что штофъ молока стоитъ 20 коп., а штофъ «очищенной»—50 коп. Изъ этого отношенія нетрудно заключить, что наша Аркадія даже благополучнѣе древней и—благополучнѣе въ два съ половиной раза, по малой мѣрѣ. Такъ тому и слѣдуетъ быть, и, если принять во вниманіе историческое бытіе сравниваемыхъ странъ, раздѣляемое слишкомъ тысячелѣтіемъ, то цифра $2^1/_2$, выражающая въ семъ случаѣ нашъ прогрессъ, ясно говоритъ, что мы были достаточно постепенны. (Чортъ побери, эдакое вдругъ пріятное открытіе сдѣлалъ я совсѣмъ неожиданно!..)

И того превосходнѣе Аркадія наша предъ древней, что, кромѣ большаго изобилія и большей цѣнности питей, она цвѣтетъ безпредѣль-

нымъ веселіемъ и ликованіемъ, украшается, къ великой потѣхѣ пришлецовъ и туземцевъ, боксами и скандалами, отъ норда до зюда, отъ оста до веста—на всякомъ углу и перекресткѣ, въ невѣроятномъ числѣ и разнообразіи!..

Впрочемъ, надо сперва сказать вамъ что нибудь о положеніи и видѣ этой благодатной страны. Кто первый открылъ ее—Христофоръ-ли Колумбъ изъ «Петербургскаго Листка», или нѣкій Америго Веспуччи изъ «Петербургской Газеты»—это вопросъ покамѣстъ спорный и мы его предоставимъ разрѣшать потомству. Границы ея еще не опредѣлены точно; извѣстно только, что съ сѣвера, востока и запада ее облегаютъ мало извѣданныя и мало проходимыя дефилеи и трясины, названныя какимъ-то географомъ-юмористомъ для ироніи «улицами». За то съ юга ей граничитъ и какъ бы дополняетъ ее великолѣпный, зеленокудрый Александровскій паркъ, населенный различными звѣрями *), между которыми особенно замѣчательны такъ называемые «шестерки» **), изъ семейства хищныхъ. Почва нашей страны довольно ровная и довольно болотистая. Въ дождливое время на ней образуются цѣлыя озера и тогда нѣкоторые обыватели закидываютъ въ нихъ свои мрежи и удочки для ловли сапогъ, калошъ и проч., чѣмъ и снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Теперь представьте себѣ такую картину! Просторная, почти квадратная площадь живописно обставлена кругомъ—всплошную трактирами, распивочными и портерными въ неисчислимомъ множествѣ. Каждая дверь тутъ есть не дверь, а «въ ходъ въ завѣдѣніе!» Все что только могли произвесть мѣстная кисть и краски плѣнительнаго и геніальнаго—украсило эти «въ ходы», въ видѣ аппетитныхъ чайниковъ, сокрушительныхъ графиновъ и обворожительныхъ штофовъ и бутылокъ! Вы уже очарованы, но этого мало: каждый «въ ходъ» здѣсь до того соблазнительно и часто растворяется предъ вами, до того сла-

*) Въ этомъ паркѣ, какъ извѣстно, помѣщается звѣринецъ г-жи Гебгардтъ.

**) «Шестерка»—равнозначаща «мазу», «жулику» и проч.

достно дышетъ на васъ ароматнымъ «духомъ» «заведенія», что надо быть камнемъ и пройти мимо; въ особенности, когда подобный соблазнъ встрѣчаетъ васъ на каждомъ шагу, канальски мигаетъ со стѣнъ золотыми литерами, звонко кличетъ и манитъ васъ изъ оконъ, сладко нашептываетъ изъ каждой щели и трещины!..

Чтобъ докончить нарисованную картину, намъ остается обмакнуть кисть въ яркую vert-de-gris и набросать съ плеча красоту и роскошь флоры Александровскаго парка, прилегающаго къ описываемой территоріи и составляющаго съ нею чудное соединеніе даровъ природы и искусства. Тамъ зной и шумный говоръ — здѣсь прохлада и сладкій шелестъ листьевъ; здѣсь запахъ цвѣтовъ и травъ—тамъ—«травника» и очищенной; тамъ возбудительное «млеко»—здѣсь сонъ и отдыхъ на бархатной муравкѣ!.. О, тутъ столько гармоніи, столько поэзіи, что я кладу перо и предлагаю любознательнымъ читателямъ личнымъ опытомъ убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ!

Если таковые найдутся, я настолько вѣрю въ ихъ географическія познанія, что не стану болѣе точно указывать имъ—какъ найти мою «обѣтованную» страну... Это было-бы пожалуй и не «политично» даже...

II. Этнографія.

Народонаселеніе здѣсь, по роду жизни и занятіямъ, рѣзко раздѣляется на двѣ группы: «отпускающихъ» и «распивающихъ» или, съ одной стороны — «трактирщиковъ» и «кабатчиковъ» съ домочадцами, съ другой — «гостей...» Простота истинно демократическая! Правда, есть тутъ, повидимому, еще третья группа — «блюстителей», но это только повидимому... Въ сущности, она почти всецѣло сливается со второй группой—«распивающихъ», и играетъ роль, такъ сказать, декоративную — не болѣе. Значитъ, и красота соблюдена и никому нѣтъ безпокойства—образецъ блюстительности!

Уже изъ одного названія группъ ясно видно, что отличительная черта первой изъ нихъ есть гостепріимство. «Угостить», удоб-

летворить жаждущихъ, въ елико возможно большемъ числѣ и хотя-бы для сего потребовались океаны «питей»—вотъ цѣль, вотъ задача хозяевъ здѣшнихъ «завѣденій!..» Неправда-ли—какая благодатная, патріархальная черта, свойственная лишь золотому вѣку! Другая существенная черта этой группы—снисходительность. Если «удоблетворенный» гость не имѣетъ презрѣннаго металла для уплаты за свое «удоблетвореніе», то ему дѣлаютъ тутъ весьма обязательное облегченіе, сообразно объему потребленныхъ имъ питей. Одинъ облегчается отъ «спинжака», другой отъ жилета, овый отъ шапки, и т. д.

«Гости» раздѣляются на пришлецовъ и туземцевъ. Первые стекаются сюда въ великомъ множествѣ въ лѣтнее время, преимущественно по праздникамъ, изъ окрестныхъ областей, гдѣ нѣтъ ни того благорастворенія воздуха, ни того изобилія и веселія, ни того братскаго сліянія природы съ «завѣдѣніемъ», какими преисполнена наша счастливая Аркадія. Къ этому надо прибавить, что здѣсь, какъ нигдѣ вѣроятно, нерушимо и строго соблюдается мудрый завѣтъ отцовъ: «чти день субботній» и «кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ». Понятно, что все это вмѣстѣ взятое не можетъ не привлекать благочестивыхъ чужеземцевъ...

Характеръ гостей, вообще, выражается въ снѣдающей ихъ ненасытимой жаждѣ. Наблюдая ихъ, невольно думаешь, что эти люди «ничего отъ роду не пили» или, покрайней мѣрѣ, только что совершили трудный переходъ чрезъ безводную Сахару. Этимъ-же качествомъ измѣряется и достоинство каждаго изъ нихъ и служитъ ареной состязанія и соревнованія. Пить мало, т. е. не «нализываться»—значитъ здѣсь не имѣть никакой путной репутаціи ни въ своей средѣ, ни въ глазахъ гостепріимныхъ хозяевъ «завѣдѣній», или даже болѣе — быть причисленнымъ къ категоріи «шушеры», «дряни» и т. п. Пить умѣренно — въ объемѣ, напримѣръ, одного полуштофа заразъ, уже имѣетъ значеніе нѣкоторой заслуги. Такой гость можетъ уже разсчитывать на уваженіе къ себѣ и, глядя — какъ часто повторяетъ онъ свои эксперименты надъ полуштофами—упрочиваетъ за собой лестное

реномэ «порядочнаго гостя». Впрочемъ, для этого необходимо то условіе, чтобы вы фактически доказали, что дѣйствительно болѣе одного полуштофа выпить заразъ не въ состояніи — иначе рискуете попасть въ число «скавалыгъ» и «нѣмцевъ». Превосходнѣе всего пить очень много—до края, чтобъ, глядя на васъ, никому не запало канальское подозрѣніе, что вы еще невполнѣ «готовы». Мѣра питей для этого нужна большая, одинъ штофъ, приблизительно, разумѣется—въ одинъ присѣстъ. Если вы потребляете въ такой пропорціи не случайно, а систематически—вы дѣлаетесь славой и гордостью «завѣдѣнія». Трактирщаки искательно улыбаются и низко кланяются вамъ, гости взираютъ очами изумленія и глубокаго почтенія, какъ на героя и богатыря... «Кормилецъ!» нѣжно именуетъ васъ хозяинъ «завѣдѣнія», «ваше степенство-съ!» бьетъ челомъ буфетчикъ; «ссс-си-ссс-сусссс!..» растерянно сипятъ половые, пораженные вашимъ величіемъ.

Не малое число индивидуумовъ изъ разсматриваемой группы отличается, сверхъ вышеписаннаго качества—безпримѣрной любезностью и услужливостью. Такъ, если кто изъ «удоблетворенныхъ» чувствуетъ, напримѣръ, отъ жары и пресыщенія, бремя одежды своей, то не успѣетъ онъ помыслить объ этомъ, какъ услужливая рука «шестерки» уже спѣшитъ обязательно облегчить рамена его отъ излишняго бремени! Такимъ образомъ, многіе пиллигримы, отправляясь въ нашу страну въ «спинжакахъ» и чуйкахъ, возвращаются восвояси безъ оныхъ, но за то съ благодарностью въ сердцѣ, ибо не чувствуютъ болѣе тягости и жара... Немало тамъ и такихъ филантроповъ, которые безплатно снабжаютъ многихъ странниковъ фонарями, дабы они не сбились съ пути къ пенатамъ своимъ въ ночную темную пору. И еслибы вамъ случилось попасть сюда ночью, то изумленнымъ очамъ вашимъ представилась—бы нѣкая ходячая иллюминація—такое обиліе фонарей подставляется здѣсь къ обывательскимъ физіономіямъ! Въ виду этого счастливаго обстоятельства, улицы въ нашей Аркадіи не только не освѣщаются газомъ, но даже и никакъ не освѣщаются... Нельзя—же считать освѣщеніемъ «американскую темень» г. Шандора!

ГЕРОИНЯ ИНДУСТРІИ.

(Съ натуры).

Мы застаемъ нашу героиню на дачѣ — лѣтомъ.

Представте себѣ такую идилію: гдѣ-то въ Новой Деревнѣ, по какой-то Мигуновской улицѣ, на прелестной дачѣ—скажемъ—подъ № 1197, то есть, почти-что у самаго «чорта на куличкахъ», живетъ и процвѣтаетъ нѣкоторое распріятнѣйшее семейство, въ числѣ четырехъ особъ: мужа, жены и, какъ «плодъ ихъ любви счастливой» — двухъ восхитительныхъ херувимчиковъ. Назовемъ ихъ хоть Ивановыми, не во гнѣвъ будь сказано сущимъ въ природѣ, аки песокъ морской, другимъ гг. Ивановымъ.

Глава этого благополучнаго семейства можетъ быть причисленъ къ тѣмъ «загадочнымъ натурамъ», кои, обыкновенно, «не сѣютъ не жнутъ» и, несмотря на это, по вся дни сыты и пьяны бываютъ. Въ Мигуновской улицѣ ходитъ легенда, что самъ чортъ изъ близълежащей резиденціи своей, что «на куличкахъ», все нынѣшнее лѣто производилъ развѣдки о званіи, чинѣ и занятіяхъ почтеннаго г. Иванова и—наконецъ, сломалъ ногу и плюнулъ. Стало быть мнѣ нечего и думать разрѣшать сей ребусъ! Впрочемъ, это меня мало и интересуетъ, такъ какъ въ разсказѣ моемъ г. Ивановъ останется на заднемъ планѣ, въ ореолѣ своей непроницаемости. Если вы замѣтите невзначай, что онъ, быть можетъ, иногда секретно дергаетъ руками, какъ бы регулируя работающую впереди его махинацію; то... я оставлю васъ при вашихъ подозрѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что я не слѣдствіе произвожу, а пишу

только очеркъ, поэтому сосредоточиваю мое вниманіе на томъ лицѣ, которое, повидимому, есть главный и единственный двигатель всей «механики». Лицо это г-жа Иванова, и о ней моя рѣчь!

По многимъ причинамъ я допускаю: во-первыхъ, что героиня моя, если имѣетъ деньги, то непремѣнно въ выигрышныхъ билетахъ; если на что либо тратитъ ихъ безъ сожалѣнія, то въ пользу дѣтскихъ пріютовъ — на лотерейные билеты, въ сладостномъ чаяньи цапануть заразъ приличный кушъ; во-вторыхъ, что у г–жи Ивановой есть еще другая—болѣе существенная мечта—открыть «гласную кассу ссудъ», съ «покупкой и продажей», и если мечта эта доселѣ не приведена въ исполненіе, то единственно потому, что намъ не хватаетъ какихъ-нибудь двухъ, трехъ тысченокъ, а, впрочемъ, можетъ быть еще и потому, что, по пословицѣ, «бодливой коровѣ и т. д.; въ—третьихъ, въ терпѣливомъ ожиданіи будущихъ благъ, т. е. выигрыша или «кассы», г–жа Иванова неукоснительно придерживается безошибочнаго средства скопить денежку, и въ этомъ случаѣ является даже изумленнымъ очамъ нашимъ — новаторшей въ экономической наукѣ. Средство это просто, какъ все великое, и состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ: рвать, драть, по мѣрѣ возможности, съ «живаго и мертваго», и, по мѣрѣ возможности, никому ни за что не платить ни гроша! Очевидно, что тутъ вся штука состоитъ въ созданіи подобной «возможности», то есть, чтобы разные эти господа судьи, пристава и проч. были–бы безсильны положить предѣлъ свободному разработыванію означеннаго правила, и— вы увидите ниже, сколь блистательно побѣдила это препятствіе моя несравненная героиня!..

Здѣсь я останавливаюсь на моихъ синтетическихъ изслѣдованіяхъ характера г–жи Ивановой и перехожу къ фактамъ, какъ къ доказательствамъ. Къ сожалѣнію, въ распоряженіи моемъ ихъ весьма немного и они освѣщаютъ занимающую насъ личность только съ одной стороны и только въ одной сферѣ ея многообразной полезной дѣятельности.

Зная, что самый беззащитный, неопытный и безропотный народъ въ Петербургѣ — это тѣ безпріютныя и бездомныя дѣвушки, которыя ищутъ хлѣба не на улицѣ и въ кафе-шантанахъ, а въ честномъ трудѣ, какъ бы ни былъ онъ тяжелъ; зная, что предложеніемъ ихъ рукъ переполненъ рынокъ и, слѣдовательно—нѣтъ цѣны, какъ бы низка она ни была, за которую не стали-бы работать эти несчастныя руки,—господа промышленники описываемаго типа, смекнувъ все это своимъ хищническимъ чутьемъ, моментально превратились въ покровителей женскаго труда не на словахъ, а на практикѣ...

Мы утѣшаемся тѣмъ обстоятельствомъ, что женщина получила въ наше время доступъ во многія области труда. Это совершенно справедливо; надо бы только справиться — кто тутъ въ выигрышѣ? Пока — признаться — онъ вовсе не на сторонѣ женщинъ...

Въ одно злополучное утро нѣкая Марья Гавриловна — юная искательница хлѣба и независимости въ «благородномъ» трудѣ, съ великой радостью прочла въ «Полиц. Вѣд.» слѣдующее обольстительное объявленіе: «Нужна машинистка со своею машиною, на жалованье отъ 15 до 18 р., и бѣлошвейки въ Нов. Дер. по Мигунов. ул. № 1197».

Марья Гавриловна свѣдуща въ убійственномъ искусствѣ шитья на машинѣ, можетъ орудовать и иголкой, а потому, немедля ни минуты, устремляется въ Мигуновскую улицу, дабы запречь себя на «весьма выгодныхъ условіяхъ».

Послѣ долгихъ поисковъ она наконецъ обрѣтаетъ спасительный № 1197, а въ нумерѣ томъ почтеннѣйшую г-жу Иванову.

Начался уговоръ о «выгодныхъ условіяхъ».

— Первое ужъ то сообразите, мамзель, что вы проведете лѣто на дачѣ... Здѣсь такой прекраснѣйшій воздухъ! Окромя того, припасы это—зелень, молоко, картофель, все это здѣсь самое свѣжее, самое лучшее... Вѣдь вы у меня будете, мамзель, на всемъ моемъ иждивеніи—рѣшительно на всемъ! Это для васъ очень «выгодное условіе!»

Съ описанія дачныхъ прелестей, краснорѣчивая г–жа Иванова перешла къ уговору касательно жалованья.

— Такъ какъ вы, мамзель... Позвольте узнать ваше имя и отчество?.. Марья Гавриловна? ахъ, очень пріятно!.. у меня бабушка была Марья Гавриловна. Такъ вотъ, душенька Марья Гавриловна — какъ вы искусссны шить на машинѣ, то жалованье вамъ будетъ положено прекрасное!.. У меня въ мастерской ни одной еще нѣтъ машинистки и — очченно я рада, что съ вами познакомилась! Вы будете получать пятнадцать рублей въ мѣсяцъ... Довольно?

Марья Гавриловна изъявила удовольствіе.

— О, я такъ и знала, потому, милая, никто столько не платитъ — повѣрьте–съ! Я вѣдь доставляю работу въ хорошіе магазины, такъ мнѣ не разсчетъ нѣсколько рублей; лишь–бы чиста была работа, а то я и прибавить согласна... ей–богу–съ.

Затѣмъ плѣнительная г–жа Иванова, по водвореніи у нея Марьи Гавриловны, завела такой разговоръ:

— Вотъ что, душенька! Чтобы у насъ съ вами все это было по честному и чтобъ избѣжать всякихъ споровъ и недоразумѣній (терпѣть я не могу никакихъ споровъ!..), намъ необходимо заключить письменный договоръ... Это для васъ тоже очень и очень «выгодное условіе!..» Другія хозяйки никакихъ такихъ договоровъ не дѣлаютъ и, если не поладятъ съ мастерицами—выгоняютъ ихъ безъ всякаго разсчета. Поди ищи съ пустыми руками!.. А у меня совсѣмъ не такъ: у меня прежде всего, чтобъ честно, чтобъ ни вы меня, ни я васъ—никакъ не обидѣли! И съ этими словами честнѣйшая и безобиднѣйшая дама вручила къ подписанію Марьѣ Гавриловнѣ нижеприводимое невиннѣйшее условіе, для огражденія якобы обѣихъ сторонъ отъ взаимныхъ обидъ и несправедливостей. (Условіе это было написано мужскимъ почеркомъ, и читатель воленъ думать, что стоящій въ тѣни г. Ивановъ не оставался въ семъ случаѣ въ бездѣйствіи.)

Послѣ означенія года и мѣсяца, именъ договаривающихся и суммы вознагражденія, въ условіи этомъ находился слѣдующій пунктъ: «если-

же (Марья Гаврилова) пожелаетъ отойдти отъ меня, то должна за 7 дней до сего предъявить мнѣ, о чемъ на сей книжкѣ должна быть сдѣлана рукой моею отмѣтка, въ противномъ случаѣ она лишается недополученнаго жалованья».

Марья Гавриловна, подписывая въ простотѣ души сіе затѣйливое условіе, разумѣется не задавала себѣ вопроса—для какой надобности г–жа Иванова связала себя обязательствомъ сдѣлать вышеозначенную «отмѣтку», въ случаѣ если–бы та пожелала отойти отъ нее? Въ этомъ я не вижу ничего удивительнаго, а даже полагаю, что Марья Гавриловна вовсе и не читала подписаннаго ею смаху условія, въ моментъ его заключенія. Но хотя–бъ и читала, то откуда она — неопытная дѣвушка—могла набраться того прозорливаго чутья, котораго лишены даже и многіе мужи, чтобы въ приведенномъ сплетеніи крючкотворства съ произволомъ усмотрѣть нѣкоторую для себя западню?..

Нѣсколько дней все шло прекрасно. Г–жа Иванова была любезна и снисходительна, какъ ангелъ, «иждивеніе» ея дѣйствительно отличалось «свѣжестью» и обиліемъ; словомъ, № 1197 превратился для Марьи Гавриловны въ благодатный рай. Но такъ продолжалось недолго. Вскорѣ число рабочихъ часовъ было увеличено безъ всякой совѣсти и церемоніи. «Нужно–де до зарѣзу, потому срочная работа!» Противъ такого хозяйскаго резона ничего не возразишь. Затѣмъ, «иждивеніе» стало какъ-то не замѣтно превращаться изъ хорошаго въ посредственное, изъ посредственнаго въ дурное, изъ дурнаго въ невыносимое и—ниспустилось, наконецъ, до сухаго картофеля и кружки разсыропленнаго водою молока. Это при пятнадцатичасовой работѣ въ день!

Я сильно подозрѣваю—не задалась–ли на этотъ разъ г–жа Иванова тою практической задачей, которую едва не разрѣшилъ было одинъ умный нѣмецъ, желавшій отучить свою лошадь отъ скверной привычки ѣсть овесъ и сѣно. Отъ такой барыни это станется!..

Такъ или иначе, но послѣ трехнедѣльной безустанной работы на

машинѣ, силы Марьи Гавриловны, мало подкрѣпляемыя молочно-картофельнымъ «иждивеніемъ», стали слабѣть; нервы ея разстроились, и она увидѣла, что работать столько и при такой обстановкѣ — она не въ состояніи. Согласно условію, она заявила г-жѣ Ивановой, что служить у ней не можетъ.

— Помните, милая, уговоръ? Я раньше семи дней васъ не отпущу, а если уйдете раньше—я въ моемъ правѣ ничего вамъ не заплатить! сдѣлала предостереженіе г-жа Иванова.

Марья Гавриловна заявила, что уговоръ помнитъ, и просила сдѣлать условленную въ книжкѣ отмѣтку.

— А это я сдѣлаю тогда, когда вы будете отходить, возразила Иванова.

Возраженіе это хоть и показалось Марьѣ Гавриловнѣ нѣсколько сомнительнымъ, но спорить съ своей хозяйкой она не нашла удобнымъ. Да и къ чему могъ привести подобный споръ?.. Между тѣмъ, продолжая работать безъ отдыха, бѣдная дѣвушка до того разнемоглась, что ей оставалось слечь въ постель.

На просьбы освободить и разсчитать ее, г-жа Иванова пребывала нерушимо тверда въ данномъ обязательствѣ.

— Полно, милая, говорила она, вамъ притворяться больной!.. Мы эти штуки довольно знаемъ и—вы ужъ извините меня, если отойдете ранѣе срока, ей-богу ни копѣйки вамъ не заплачу... Надо быть твердымъ въ своемъ словѣ и честно соблюдать уговоръ!..

Марья Гавриловна крѣпилась сколько могла, но вѣдь лихорадка, не менѣе г-жи Ивановой, неумолима въ исполненіи своей обязанности и никакихъ отсрочекъ и льготъ не даетъ и не признаетъ! Она одолѣла Марью Гавриловну окончательно, и та, уже при помощи сестры, уѣхала въ городъ лѣчиться, разумѣется, не получивъ почти за четырехъ-недѣльный египетскій трудъ ни копѣйки.

Недѣли через двѣ она выздоровѣла и, съ безпримѣрной наивностью, отправилась къ г–жѣ Ивановой просить разсчета. Между ними произошелъ приблизительно такой разговоръ:

— Ахъ, мамзель, не стыдно–ли вамъ просить у меня разсчета, когда вы не выполнили нашего условія и отошли отъ меня однимъ днемъ ранѣе положеннаго срока? изумилась г–жа Иванова.

— Да развѣ вы не видѣли, что я съ ногъ свалилась, что не только работать, но даже сидѣть не могла?.. Какъже вы можете говорить, что я не выполнила условія? возразила возмущенная Марья Гавриловна.

— Говорю, потому что это справедливо, а до болѣзней вашихъ мнѣ не можетъ быть никакого дѣла!

— Однако, ужели, по совѣсти, вы найдете возможнымъ ничего мнѣ не заплатить?..

— Ничего и не заплачу, какъ есть. Это достовѣрно!

— Да вѣдь я жаловаться на васъ пойду!..

— Ха–ха–ха!.. Нашли чѣмъ испугать! развеселилась г–жа Иванова. Не вы первая, не вы послѣдняя, мамзель, будете на меня жаловаться... А мой совѣтъ: не теряйте времени! Придете это вы къ мировому судьѣ — просидите часовъ шесть у него въ камерѣ, пока васъ вызовутъ... Спроситъ онъ у васъ, чѣмъ вы докажете свой искъ? Вы, обнакнавенно, доказать его ничѣмъ не можете, потому книжонка эта, что у васъ съ моей подписью, ничего не значитъ; свидѣтелей–же, при гражданскомъ искѣ, привлекать не полагается... «А потому я, мировой судья, призналъ, по бездоказательности, въ искѣ такой–то на такую–то отказать...» Хо–хо–хо, мы вѣдь, мамзель, эту механику отличнѣйше знаемъ!.. Счастливо оставаться, почтеннѣйшая!..

Да не подумаетъ читатель, что это единственный случай изъ практики моей героини и что она единственная въ своемъ родѣ,—тогда, пожалуй, не стоило–бы и говорить объ этомъ. Нѣтъ! подобнаго рода «разсчотъ» съ работающими на нихъ дѣвушками эти барыни возвели въ систему и, благодаря своей наглости и безстыжему обману, безна-

казаннѣйшимъ образомъ эксплуатируютъ и обираютъ неопытныхъ и беззащитныхъ труженицъ!..

Врядъ-ли найдется въ Петербургѣ хоть одинъ мировой судья, которому не была-бы извѣстна г-жа Иванова, хотя по фамиліи, такъ какъ на приглашенія въ судъ лично она никогда почти не является, зная бездоказательность исковъ на нее.

Писали о моей героинѣ и въ газетахъ. «Листокъ», согласно своему profession de foi разоблачать всякаго рода нечистоты, вспрыснулъ г-жу Иванову, какъ нѣкое противуобщественное зловоніе, дезинфекціонной кислотой обличенія. Можетъ быть это ей и не понравилось; но съ достовѣрностью можно сказать, что ни исправить, ни сдѣлать ее сдержаннѣе—обличительная кислота не могла и не можетъ. Такого сорта героевъ словомъ правды и сатиры не проймешь и не исправишь—тутъ еще можетъ быть дѣйствительна только добрая палка, да казацкая плеть...

СЪ ПОХМѢЛЬЯ

въ чистый понедѣльникъ.

(СКАЗКА-ФАРСЪ).

Охъ—о—охъ, грѣхи, грѣхи! съ тяжкимъ вздохомъ встрѣтилъ чистый понедѣльникъ Иванъ Панкратьевичъ, проснувшись позже обыкновеннаго.

Надо замѣтить, впрочемъ, что такой сокрушительной фразой онъ встрѣчалъ утро всякаго понедѣльника, вторника или другаго дня, наканунѣ котораго бывалъ въ состояніи, именуемомъ «еле можаху...» Въ самомъ дѣлѣ, на утро послѣ такого состоянія, совѣсть становится какъ—то особенно склонной къ сугубому угрызенію и покаянію. Бичеваніе ея доходитъ иногда до того, что несчастный грѣшникъ съ наслажденіемъ радъ—бы въ эти минуты, вопреки отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, лечь подъ розги или перенесть другое какое—нибудь истязаніе.

— Охъ, грѣхи, гр—рѣ—х—и—и! вздохнулъ вторично Иванъ Панкратьевичъ и почувствовалъ необходимость проштудировать свое грѣшное естество. Онъ не былъ твердо увѣренъ — точно—ли онъ самъ, Иванъ Панкратьевичъ, лежитъ вотъ тутъ, какъ бревно, на постели, или это какой—нибудь посторонній предметъ, временно исправляющій его, Ивана Панкратьевича, должность.

— Домна Семеновна! крикнулъ онъ, желая рѣшить это недоразумѣніе при посредствѣ супруги, и, услышавъ свой голосъ, почти окончательно убѣдился, что онъ — не онъ.

— Что, не бойсь, квасу понадобилось? спросила Домна Семеновна, входя въ спальню съ кувшиномъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, ты сначала скажи: кто тутъ лежитъ?.. какой предметъ? го–во–рри! обратился тревожно къ женѣ Иванъ Панкратьевичъ.

— Гдѣ лежитъ? съ удивленіемъ оглянулась та.

— Да вотъ здѣсь, гдѣ, примѣрно, мое мѣсто... твоего законнаго супруга?

— Вишь, вѣдь, ошалѣлъ какъ за масляницу. Доселѣ не очувствовался... Проспись–ка, любезный, какъ должно для чистаго понедѣльника! и Домна Семеновна, оставивъ кувшинъ съ квасомъ на столикѣ у кровати, вышла.

Иванъ Панкратьевичъ послалъ ей вдогонку «дуру» и всецѣло предался овладѣвшему имъ сомнѣнію. Сталъ онъ щупать языкомъ во рту... эге! языкъ какъ будто и свой, а какъ будто взятъ на прокатъ изъ колбасной... Еще пощупалъ... тьфу! совсѣмъ это и не языкъ даже, а просто пеньковый матъ, обо что грязь съ ногъ въ сѣняхъ вытираютъ. Да и ротъ—вовсе не ротъ, а развѣ ночлежный пріютъ. Окончательно смущенный этимъ открытіемъ, Иванъ Панкратьевичъ началъ тереть глаза—что тутъ молъ за оказія—теръ, теръ, и вдругъ чувствуетъ, что вмѣсто глазъ, у него двѣ свинцовыя пуговицы, преступно якобы сорванныя имъ, во время дебоша, съ пальто городоваго, бляха № 111,111–й... «Вотъ–те разъ! этого еще не хватало... Гдѣ же голова то, чтобъ эдакую улику на себя, да на самое видное мѣсто вставить?» подумалъ Иванъ Панкратьевичъ; но тотчасъ–же ощутилъ, что то мѣсто, посредствомъ котораго предоставляется обывателю думать, т. е. голова, ни болѣе ни менѣе, какъ привинчена у него какими–то аспидскими тисками къ кровати... «Чуръ меня!» испугался даже бѣдный Иванъ Панкратьевичъ, силясь, съ ужасной болью, освободить какъ–нибудь изъ тисковъ свою побѣдную головушку; но чѣмъ болѣе употреблялъ онъ усилій, тѣмъ тиски сжимались все крѣпче и крѣпче. Наконецъ, Иванъ Панкратьевичъ, потерявъ терпѣніе, рванулся со всей мочи, и шмякнулся съ кровати на полъ всею тяжестью своего грѣшнаго тѣла. Раздался грохотъ и стукъ опрокинутаго столика, при этомъ что–то съ трескомъ хрупнуло и полилось... Иванъ Пан-

кратьевичъ съ отчаяніемъ схватился за голову... Ему отчетливо представилось, что онъ, освободивъ свой черепъ изъ тисковъ, сокрушилъ его теперь объ полъ, по собственной неосторожности.

— Такъ... такъ... ни малѣйшаго не можетъ быть сомнѣнія... сокрушилъ, сокрушилъ въ дребезги!.. Охъ, грѣхи, грѣхи! говорилъ онъ самъ съ собою, тревожно щупая голову и дико озираясь на лежавшіе передъ нимъ осколки, которые Иванъ Панкратьевичъ принималъ за осколки своего разбитаго черепа, а разлившуюся жидкость за его содержимое, т. е. мозгъ...

— Господи! да какъ же мнѣ быть теперь безъ этого мыслительнаго матеріала?

Однако, будучи человѣкомъ находчивымъ, Иванъ Панкратьевичъ не сталъ долго предаваться отчаянью и рѣшился немедленно поправить какъ-нибудь бѣду. Онъ сознавалъ, что человѣку, а въ особенности чиновнику, съ разбитымъ черепомъ безъ мозгу—стыдъ глаза показать гдѣ-бы ни было; все равно, что явиться, напримѣръ, на балъ безъ галстуха или, еще того хуже,—къ начальнику съ поздравленіемъ не въ мундирѣ...

— Не будемъ медлить ни минуты... Весь городъ обѣгаю, ко всѣмъ жидамъ и закладчикамъ пойду, а достану таки, хоть по случаю... Никакихъ денегъ не пожалѣю!

Иванъ Панкратьевичъ, не взирая на страшную боль въ оставшейся части головы и на дрожаніе членовъ, сталъ съ лихорадочной живостью одѣваться...

Вошла Домна Семеновна и остановилась въ трагической позѣ у дверей.

— Чего во мнѣ не хватаетъ, Домнушка? быстро спросилъ ее Иванъ Панкратьевичъ.

— Извѣстно чего—мозгу! съ увѣренностью возразила Домна Семеновна.

— Такъ, такъ... угадала! сказалъ Иванъ Панкратьевичъ и при-

стально взглянулъ на черепъ своей благовѣрной. Но, спустя немного, безнадежно махнулъ рукой и продолжалъ одѣваться.

Одѣвшись, онъ сѣлъ къ столу и написалъ въ свое присутственное мѣсто слѣдующій рапортъ:

«Имѣю честь извѣстить ваше высокоблагородіе, что по непредвидѣнному случаю ныньче на службу явиться не могу. Случай оный состоитъ въ томъ, что сего 00 числа въ 00 часовъ утра принадлежавшій мнѣ головной черепъ, столкнувшись съ поломъ, претерпѣлъ совершенное крушеніе, а оказавшійся въ немъ, по освидѣтельствованіи, мозгъ, не имѣя болѣе предназначеннаго для него мѣстослуженія, выступилъ изъ береговъ, о чемъ жители столицы были своевременно извѣщены пушечными выстрѣлами, на случай могущаго послѣдовать наводненія... Посему, хотя въ регламентѣ и не поставлено въ непремѣнную обязанность служащимъ имѣть въ наличности мозгъ, но, уступая духу времени и просвѣщеннымъ видамъ начальства, убѣждаюсь въ умѣстности опредѣленнаго свыше количества мозга и въ головахъ подчиненныхъ. Рапортуя о случившемся вашему высокоблагородію, осмѣливаюсь ходатайствовать о выдачѣ мнѣ казеннаго пособія на скорѣйшее отысканіе и покупку мозга, приличнаго моему званію и чину».

Минутъ черезъ десять Иванъ Панкратьевичъ уже торопливыми, неувѣренными шагами бѣжалъ по улицѣ. На углу ему попался городовой, съ замѣчательно широкимъ черепомъ. Глаза у Ивана Панкратьевича разгорѣлись...

«Вишь его, простой городовой, а башка просто генеральская... Вотъ гдѣ мозгу-то, и—вѣрно, не дорого уступитъ, потому жалованье вѣдь у нихъ плевое!» молвилъ про себя Иванъ Панкратьевичъ и, съ отмѣнной деликатностью, обратился къ городовому.

— Почтеннѣйшій! не имѣется-ли у васъ мозгу... на продажу?

— Мозгу?.. Нѣтъ, вашбродіе, у насъ эфтаго не полагается, а вотъ, ежели угодно — въ мясную лавочку пожалуйте... всего черезъ два дома.

Иванъ Панкратьевичъ, разочарованный въ своемъ уповапіи, уже

бѣжалъ далѣе, зорко посматривая на вывѣски, въ надеждѣ прочесть подходящее къ его требованію предложеніе. Ему попадались все больше національные цвѣта—красный съ синимъ или одинъ красный. Цвѣта эти поддразнивали его и точно манили, какъ-будто на нихъ написано было: «Не объ одномъ мозгѣ человѣкъ уменъ бываетъ—есть на то еще и хмѣль...» Иванъ Панкратьевичъ не выдержалъ и—забѣжалъ...

— Очищенной прикажете? спросилъ его буфетчикъ, по привычкѣ протянувъ руку къ графину.

— Нѣтъ... подай мнѣ сначала мозгу! рѣшительно сказалъ Иванъ Панкратьевичъ.

— Хорошо-съ... Съ горошкомъ угодно или съ картофельнымъ пюре?

— О, чтобъ васъ... Давай очищенной!

Три рюмки очищенной еще сильнѣе подзадорили нашего героя— во что-бы то ни стало добиться своего. Выходя изъ трактира и спускаясь съ лѣстницы, ему попалась на однѣхъ дверяхъ четкая надпись: «Совѣты, справки, консультаціи, защита по дѣламъ, веденіе оныхъ во всѣхъ инстанціяхъ...» Иванъ Панкратьевичъ, не дочитавъ и половины, позвонилъ. Ему отворила дверь и сняла съ него шинель какая-то чумазая, ухмыляющаяся рожа.

— Вы за «совѣтами?..» Пожалуйте въ залу — ходатай сейчасъ выйдетъ.

Иванъ Панкратьевичъ вошелъ; черезъ минуту изъ другой двери явился ходатай—та самая чумазая личность, что передъ этимъ снимала съ Ивана Панкратьевича шинель.

— Вы что собственно ищете? спросила она вкрадчиво, потирая съ аппетитомъ руки.

— Я ищу, милостивый государь, хорошаго качества человѣческаго мозгу! предъявилъ требованія нашъ герой.

— А кто отвѣтчикъ, позвольте узнать?

— Отвѣтчикъ... какой отвѣтчикъ?

— Да съ котораго вы ищете, если не ошибаюсь, мозгу...

— Никакого отвѣтчика я не знаю.

— Ничего-съ... Можно искать и безъ отвѣтчика, если, конечно, будутъ оплачены ходатайскія и судебныя издержки.

— А вы поручитесь, что отыщете мнѣ то, что я требую?

— Пхе... что-же мнѣ ручаться, если я не далѣе какъ вчера выигралъ князю Айдахватскому точь въ точь такой-же искъ, какъ вашъ... ей-богу!

— Когда-же вы могли-бы удовлетворить меня?

— Ну, это смотря по обстоятельствамъ — мѣсяца черезъ два, три...

— Мнѣ нужно сегодня, сейчасъ... Прощайте!

— Позвольте, господинъ... За совѣтъ съ васъ и консультацію— три рубля.

Иванъ Панкратьевичъ отдалъ деньги, плюнулъ и выбѣжалъ, какъ угорѣлый. Изъ дверей въ двери онъ вскочилъ къ врачу, излечивающему, подобно г-ну Севастѣеву, всѣ болѣзни электрогальванизмомъ.

— Давно изволите страдать? заботливо спросилъ его врачъ.

— Съ сегодняшнаго утра.

— Хорошо, что во время захватили... Нѣсколько сеансовъ электрогальванизма возвратятъ вамъ мозгъ въ лучшемъ видѣ.

— Мнѣ сейчасъ его нужно.

— Можно и сейчасъ, но только это будетъ гораздо дороже стоить.

— Съ условіемъ: деньги, когда вылѣчите.

— На это условіе развѣ только, дѣйствительно, безмозглый болванъ согласится... Мое вамъ почтеніе-съ!

Выйдя на улицу Иванъ Панкратьевичъ прямо передъ собой увидѣлъ громадную вывѣску во весь этажъ: «акціонерное общество взаимнаго одолженія».

— Какого «одолженія» и чѣмъ?.. Надо справиться... Можетъ быть, тутъ-то и найдемъ искомое! сказалъ себѣ Иванъ Панкратьевичъ и быстро поднялся по великолѣпной лѣстницѣ въ бель-этажъ. Вошелъ и, пройдя нѣсколько роскошныхъ покоевъ, очутился въ обшир-

ной залѣ, гдѣ ходило, сидѣло и стояло человѣкъ до пятидесяти весьма почтеннаго вида джентльменовъ...

— Это и есть члены «общества взаимнаго одолженія?» спросилъ онъ перваго встрѣчнаго.

— Да, они самые; сейчасъ начнется засѣданіе... послушать пришли?

— Мм... да!.. Позвольте, господа, узнать, обратился съ экспромту Иванъ Панкратьевичъ къ кучкѣ стоявшихъ вблизи членовъ: чѣмъ именно вы взаимно одолжаетесь?

— Мы вовсе не одолжаемся, а только одолжаемъ... директора и правленіе.

Иванъ Панкратьевичъ не смутился отъ этого отвѣта и юркнулъ къ другой кучкѣ.

— Милостивые государи, сказалъ онъ, не могъ-ли бы я, записавшись въ акціонеры вашего прекраснаго общества, одолжиться у васъ толикой долей мозгу?

— Вишь съ чѣмъ подъѣхали! возразилъ один изъ членовъ. Да если-бы нашелся кто, чтобъ намъ самимъ его одолжилъ для обсужденія дѣлъ нашего «прекраснаго» общества, мы-бы того озолотили...

— Почтеннѣйшій! сказалъ Ивану Панкратьевичу другой членъ. Весь нашъ мозгъ—въ головѣ директора... обратитесь къ нему.

Иванъ Панкратьевичъ не сробѣлъ и къ директору обратиться; но тотъ, выслушавъ его просьбу, пожалъ плечами и добродушно усмѣхнулся—откуда и для какой-де надобности имѣть ему, директору, подобный матеріалъ?

— Дружекъ мой! шепнулъ онъ на ухо Ивану Панкратьевичу. Для моей службы нужны только цѣпкія руки и широкій карманъ, а о мозгѣ можетъ не быть и рѣчи...

Минутъ черезъ десять Иванъ Панкратьевичъ позвонилъ у дверей, на которыхъ блестѣла великолѣпная бляха, съ надписью «редакція Продажныхъ вѣдомостей.»

— Ну, тутъ ужъ навѣрное продадутъ, думалъ онъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда наконецъ ему отворятъ.

Его встрѣтилъ въ передней суровый швейцаръ и, не снимая съ него платья, грубо спросилъ, чего ему надо?

— Редактора хотѣлъ-бы видѣть, любезный.

— А зачѣмъ вамъ ледахтора?

— Видишь-ли... «Продажныя вѣдомости» такая умная газета, съ такой готовностью продаетъ всякому свои услуги, и надѣюсь, продастъ и... мозгъ свой. Такъ вотъ я хотѣлъ купить и на свою долю.

— Чего-съ, мозгу-то?

— Да, да, именно — редакторскаго мозгу.

— Этого здѣсь не продается — проходите-съ.

Иванъ Панкратьевичъ началъ приходить въ отчаяніе отъ безуспѣшности своихъ поисковъ. Онъ шелъ теперь по Невскому и уже не смотрѣлъ на вывѣски. Вдругъ, въ глаза ему бросилась величественная думская каланча.—Вотъ гдѣ должно быть! воскликнулъ онъ, просіявъ и ускоривъ шаги. Онъ шелъ прямо къ каланчѣ, не спуская съ нея глазъ.

— Да, да... Эта чудная башня не олицетворяетъ-ли собой высоко-поднятую, преисполненную думъ голову городскаго самоуправленія? Сколько тутъ самаго лучшаго мозгу! воскликнулъ онъ и—вдругъ, сконфузился и остановился. На вышкѣ городской каланчи онъ увидѣлъ нечаянно пожарнаго солдата.

— Зачѣмъ онъ тамъ торчитъ? съ досадой спрашивалъ себя Иванъ Панкратьевичъ, созерцая болтавшагося на каланчѣ часоваго. Не олицетворяетъ-ли сіе... ха-ха-ха!.. Величественная городская голова и, вмѣсто мозгу—пожарный солдатъ... ха-ха!

Иванъ Панкратьевичъ не скоро унялъ свой истерическій хохотъ. Наконецъ, немного успокоившись, онъ задался вопросомъ: куда ему теперь идти? Онъ обѣгалъ множество всевозможнаго рода заведеній—торговыхъ, промышленныхъ, справочныхъ, даже благотворительныхъ, даже учебныхъ, и—вездѣ ему либо на отрѣзъ отказывали, либо старались какъ-нибудь обойти ловко и надуть... Въ одной только какой-то коммисіи сердобольные члены ея предложили Ивану Панкратьевичу,

изъ состраданія—снабдить его для потребной цѣли землеудобреніемъ, обработаннымъ по англійской системѣ А. В. С., предлагаемой гг. Буровымъ и Поллардомъ. «Мы, говорятъ члены, лично производили испытаніе... Ничего лучшаго и быть не можетъ!» Однако, Иванъ Панкратьевичъ отклонилъ это обязательное предложеніе; но рѣшительно не зналъ теперь, куда и къ кому обратиться?..

— Этакой городище, и... хоть–бы на копѣйку! со вздохомъ молвилъ онъ, еле волоча ноги отъ усталости.

— Одно осталось! сказалъ онъ, подумавъ: обратиться къ начальству... ужь тамъ–то должно быть всенепремѣнно... Страшновато только—какъ приступиться? Э, была не была!

Иванъ Панкратьевичъ взялъ извощика и покатилъ прямо на квартиру къ своему начальнику. Тотъ его принялъ съ величаво удивленной физіономіей.

— Что надо, почтеннѣйшій? спросилъ онъ, подозрительно мѣряя фигуру Ивана Панкратьевича съ ногъ до головы.

— Вашество! заговорилъ послѣдній дрожащимъ, умоляющимъ голосомъ. Такъ, молъ, и такъ—лишился послѣдняго мозгу. Обѣгалъ весь городъ, чтобы, въ угоду начальству, поправить этотъ изъянъ... послѣднихъ средствъ не жалѣлъ, и—нигдѣ, нигдѣ, рѣшительно, ни одной капли не оказалось.Ваше–ство! вы мой начальникъ... маститая глава ваша преисполнена мудрости... вашество! благодѣтель! удѣлите отъ щедротъ вашихъ несчастному... по вѣкъ буду помнить и Бога за васъ молить, и—Иванъ Панкратьевичъ сталъ даже на колѣни.

Вашество испугалось не на шутку и позвонило.

— Какъ же ты смѣлъ, негодяй, впустить ко мнѣ человѣка въ бѣлой горячкѣ? строго обратилось оно къ вбѣжавшему лакею. Возьми его съ моихъ глазъ!

Несчастный Иванъ Панкратьевичъ, услышавъ такую напраслину изъ устъ вашества, пришелъ въ великій азартъ и, оттолкнувъ слугу, требовалъ, чтобы начальникъ взялъ свой упрекъ назадъ.

Печальная трагикомедія длилась не долго. На вопли начальства

сбѣжались дворники, явилась полиція и, не болѣе какъ черезъ полчаса, Иванъ Панкратьевичъ, связанный съумасшедшей рубашкой по рукамъ и ногамъ, барахтался и рычалъ, какъ звѣрь, лежа на койкѣ въ «пріемномъ» покоѣ полицейской части...

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

(Изъ дневника покойника.)

Привратники ....ской больницы народъ весьма любознательный и многосвѣдущій по медицинской части. Въ этомъ я убѣдился изъ слѣдующаго разговора, происшедшаго между мной и однимъ изъ нихъ какъ-то весною 186* года.

— Скажите пожалуйста, гдѣ здѣсь больничная контора? спросилъ я.

— А вамъ почто? возразилъ привратникъ, величаво обозрѣвая мою невзрачную фигуру.

— Я болѣнъ и хотѣлъ-бы поступить въ больницу...

— Какою-же, примѣрно, болѣзнію вы больны?

— У меня разстройство въ груди.

— Э, значитъ, тамбуркалоза... Тэкъ-съ... Мѣсто вамъ найдется. Вотъ если-бы по симфилической... шабашъ! Ни одной кровати свободной нѣту-ти... Кромѣ энтихъ, у насъ по всѣмъ болѣзнямъ мѣста полагаются: и по тихозной, и по горбенозной и по фирунгической...

Я почтительно перебилъ этотъ потокъ учености:

— Такъ, гдѣ-же, почтеннѣйшій, ваша контора?

— Ступайте прямо! сухо отвѣтилъ привратникъ, очевидно недовольный моимъ невѣжественнымъ равнодушіемъ къ его познаніямъ.

*
* *

Благоговѣйно вступилъ я въ великолѣпныя нѣдра ....ской больницы, по виду похожей скорѣе на увеселительное эльдорадо, чѣмъ на печальный пріютъ скорбей и немощей, и — предсталъ предъ ученыя очи дежурнаго медика...

Надо отдать справедливость врачебной бдительности этого мужа: онъ немедленно приступилъ къ самому внимательному осмотру моего вида... то есть, моего письменнаго вида; и такъ какъ послѣднiй оказался не фальшивымъ и не просроченнымъ, то меня тотчасъ-же, безъ всякихъ разговоровъ, и записали въ число благополучныхъ пацiентовъ больницы, подъ № 000,000-мъ.

*
* *

Изъ конторы я былъ отведенъ нѣкоторымъ служителемъ въ гардеробную. Когда я переодѣвался изъ своей одежды въ больничную, онъ весьма тщательно осматривалъ мои карманы и узелокъ, заботясь чтобъ я не пронесъ съ собой чего-нибудь запрещеннаго. Найдя въ узелкѣ четвертку миллеровскаго табаку и зажигательныя спички, онъ восхотѣлъ ихъ конфисковать, но смягченный гривенникомъ, разрѣшилъ взять съ собою.

— Ужъ такъ и быть... для васъ только! проговорилъ онъ, презрительно посматривая на презрѣнный металлъ послѣдняго чекана. Затѣмъ онъ сдалъ меня съ рукъ на руки другому служителю.

Сей послѣднiй, препроводивъ меня въ палату, гдѣ я сдѣлался предметомъ живѣйшаго любопытства всѣхъ больныхъ, любезно предложилъ мнѣ свои дружбу и покровительство, взамѣнъ коихъ обязалъ уплатить ему пять копѣекъ, какъ-бы въ знакъ памяти.

*
* *

Вечерѣло. Первое чувство овладѣвшее мною на новосельи, былъ нестерпимый холодъ. Толстыя каменныя стѣны больницы, по случаю наступленiя мнимой петербургской весны, какъ полярныя льдины дышали на насъ холодомъ.

Сосѣдъ мой по койкѣ, человѣкъ опытный и сострадательный, видя мои терзанiя, посовѣтовалъ мнѣ мудро—вытащить изъ-подъ себя тюфякъ и покрыться имъ... Мѣра была сильная и оригинальная!.. Я послушался и не пожалѣлъ.

*
* *

Утро для больныхъ начиналось въ 5 часовъ и начиналось весьма непрiятнымъ пробужденiемъ. Служители и поломойки, блюдя чистоту,

чуть не съ полуночи начинали возню въ палатахъ: выметали и мыли полы, громыхали табуретами и посудой и, какъ водится, громко разговаривали и ругались... Тутъ и мертвый проснулся-бы!

Въ 6 часовъ вахтеръ раздавалъ больнымъ микроскопическіе кусочки сахару и, вслѣдъ за тѣмъ, двое служителей съ большимъ трудомъ втаскивали въ палату огромный чанъ чаю. Такое, по крайней мѣрѣ, громкое названіе носило это хлѣбало изъ невской воды, испорченной нѣсколькими щепотками сквернѣйшаго чаю.

Несмотря, впрочемъ, на это, между больными оказывались мастера, въ одинъ присѣстъ осушавшіе по 12 кружекъ этой, ни съ чѣмъ несообразной жидкости. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, что сквозь десятую кружку онъ уже отчетливо видѣлъ не только Кронштадтъ, но и Свеаборгъ, а послѣ 12-й чувствовалъ себя точь въ точь, какъ если-бы переплылъ весь Финскій заливъ.

*
* *

Послѣ чаю, вплоть до прихода врачей, время наполнялось приведеніемъ въ порядокъ наружнаго вида палаты подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ надзирательницы—особы плотной, голосистой и суровой... Солидная фигура ея являлась какъ живой упрекъ всему нашему чахоточному отдѣленію. Распоряженія ея исполнялись больными мгновенно и безпрекословно...

Любо было смотрѣть, какъ по ея командѣ живо шевелился весь наличный составъ палаты: постели получали видъ, какъ будто на нихъ никто никогда не ложился; посуда на столикахъ и скляночки выстраивались, какъ солдаты на смотру; малѣйшая пылинка заботливо смахивалась; полъ выметался, приблизительно, разъ 12 въ часъ...

Надзирательница наша терпѣть не могла двухъ вещей: видѣть, какъ больной валяется на постели до прихода доктора, и какъ онъ, во время всеобщей суетни, праздно шатается. Послѣднее я имѣлъ случай въ первое же утро испытать на себѣ.

Убравъ свою постель и столикъ, я съ спокойной совѣстью расхаживалъ по палатѣ... Начальница остановила меня:

— Слушай ты... колпакъ! Что ты слоняешься безъ всякаго дѣла, словно баринъ какой?.. Возьми-ка лучше щетку, да подмети палату! И съ этими словами она всунула мнѣ въ руки половую щетку.

Конечно, мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ повиноваться...

*
* *

Въ 10-мъ часу къ намъ являлся ординаторъ. Между скобокъ я долженъ замѣтить, что въ половинѣ курса моего леченія, нашего палатнаго ординатора смѣнилъ другой. Первый изъ нихъ, изветшавшійся нѣмецъ, отличался деревянной невозмутимостью духа и необычайнымъ лаконизмомъ въ словахъ и поступкахъ. Того же требовалъ онъ и отъ насъ — своихъ паціентовъ. Едва появлялся онъ въ коррпдорѣ, какъ фельдшеръ мгновенно поднималъ на ноги всю палату, выстраивалъ больныхъ въ шеренгу, приказывая имъ держать на готовѣ скорбные листы и не копаться при отвѣтахъ и показываніи больнаго мѣста.

При такой торжественной обстановкѣ входилъ въ палату нашъ докторъ, садился за столъ и сеансъ начинался:

— Ню, ти што? вопрошалъ онъ флангового паціента, принимая отъ него скорбный листъ одною рукою и другой мокая перо въ чернильницу.

— Ничего, слава Богу! былъ обычный отвѣтъ.

Врачъ черкалъ на листѣ два гіероглифа, которые должны были выражать status quo, относительно болѣзни, и continuatio, относительно лѣченія.

Въ такомъ несложномъ порядкѣ продолжалась вся недолга визитаціи изо дня въ день. Рѣдко случалось, чтобы больной на вопросъ доктора отвѣтилъ что-нибудь болѣе—«ничего, слава Богу», и ни разу не случалось, чтобы самъ докторъ прибавилъ хоть одно слово къ своему неизмѣнному «ню, ти што?..»

Надо сказать — лѣченіе было краткое и ясное!

*
* *

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ его намѣстникъ — «молодой пожилой» человѣкъ, съ свойственнымъ его поколѣнію духомъ изслѣдованія.

Прежде всего онъ осматривалъ больныхъ порознь, самолично подходя къ каждому, причемъ любилъ, чтобы они лежали. «Что за больной, коли шатается?» говорилъ онъ. Больныхъ онъ осматривалъ не очень, за то разспросамъ конца не было: и сколько лѣтъ, и гдѣ родился, и кто крестилъ, женатъ или холостъ, и проч. и проч.

На такую массу вопросовъ, натурально, не всякій могъ толково отвѣчать, а, между тѣмъ, глупые отвѣты рѣшительно выводили изъ себя нашего любознательнаго ординатора.

— И какъ это ты, болванъ, не соображаешь, когда говоришь? отечески укорялъ онъ зарапортовавшагося паціента.

Впрочемъ, въ сырую погоду ему всякіе отвѣты казались глупыми... Секретъ въ томъ, что онъ страдалъ ревматизмомъ. Спрашиваетъ это, къ примѣру, больнаго: «Гдѣ у тебя болитъ?»

— Въ боку, батюшка... Чуть тронешь, такъ и заболитъ, отвѣчаетъ страдалецъ.

— Дуракъ! зачѣмъ–же ты трогаешь? Не трогай—и болѣть не будетъ.

*
* *

Между нимъ и фельдшеромъ нашимъ царствовалъ непримиримый антагонизмъ.

И понятно—первый былъ человѣкъ акуратный и обстоятельный, второй—преестественный бездѣльникъ. Почти каждое утро между ними происходило уморительное объясненіе. Одинъ распекалъ, другой оправдывался.

Фельдшеръ имѣлъ слабость, общую, кажется, всѣмъ его собратамъ по профессіи, къ спирту, который онъ, не знаю, какимъ уже образомъ, ежедневно похищалъ изъ больничной аптеки. Вслѣдствіе–ли этой слабости, или по врожденному легкомыслію, онъ безпрерывно дѣлалъ ошибки, которыя бывали не всегда только забавны...

Однажды докторъ, осматривая одного изъ своихъ паціентовъ, вольно или невольно, взялъ съ его стола стклянку съ микстурой, прочелъ ассигнатурку, понюхалъ и сдѣлалъ кислую гримасу.

— Прочти рецептъ! обратился онъ къ предстоявшему фельдшеру. Тотъ прочелъ.

— Алкоголь прописанъ?

— Никакъ нѣтъ—съ!

— Отчего—жь микстура воняетъ спиртомъ?

— Не могу знать...

Больной, спроста или нарочно, выдалъ фельдшера:

— Вчера, говоритъ, в. в—діе, въ этой самой стклянкѣ водка была...

— Какъ такъ? говоритъ докторъ.

— Фершалъ для себя приносилъ.

Докторъ не сказалъ ни слова, но бросилъ такой взглядъ на фельдшера, отъ котораго тотъ невольно съежился...

*
* *

А сколько случалось съ нашимъ безпутнымъ фельдшеромъ грѣховъ, о которыхъ мы, больные, одни только знали, безмолвствуя передъ докторомъ, или изъ жалости, или изъ опасенія прослыть ябедникомъ, или, наконецъ, что бывало еще чаще всего, изъ боязни, чтобы оговоренный не воздалъ за пакость десятерицею.

Самая обыкновенная ошибка, въ которую по вся дни впадалъ фельдшеръ, состояла въ томъ, что онъ перемѣшивалъ лекарства: давалъ одному то, что прописано другому, или же лекарство для наружнаго употребленія заставлялъ принимать внутрь и наоборотъ.

Больные, большею частію люди темные и неграмотные, безропотно и съ вѣрой вытирали себѣ бока лавровишневыми каплями и принимали внутрь летучую мазь черезъ два часа по столовой ложкѣ, или что—нибудь въ подобномъ родѣ...

Если случалось, что желудокъ больнаго не воспринималъ несвойственныхъ ему медикаментовъ и на ту пору обрѣтался фельдшеръ, то, обслѣдовавъ причины происшествія, онъ же еще и выругаетъ больнаго:—Какъ, дескать, мужицкая морда, не можешь распознать, что принимать внутрь, что наружу!..

*
* *

Послѣ ухода ординатора, часу въ 11–мъ насъ посѣщалъ ежедневно самъ главный докторъ. Посѣщеніе это бывало кратко и рѣдко ознаменовывалось чѣмъ–нибудь особеннымъ. (Я даже сомнѣваюсь, чтобы больные могли что либо потерять, если–бъ эта важная особа и вовсе ихъ не посѣщала.)

Обыкновенно главный докторъ, сопровождаемый смотрителемъ и дежурнымъ врачемъ, величаво и безмолвно проходилъ по палатамъ, бросая испытующіе взоры по сторонамъ. Горе смотрителю, если онъ замѣчалъ какой–либо безпорядокъ!.. Нѣчто подобное разъ случилось.

Какъ–то ни смотритель, ни даже безпримѣрная надзирательница наша, не усмотрѣли, какъ одинъ предерзостный больной, не дожидаясь визита, испортилъ внѣшность своей постели лежаньемъ и безсовѣстно нахаркалъ въ плевальницу. Вошелъ главный докторъ, взглянулъ и взъерепѣнился:

— Это что? обратился онъ къ трепетавшему смотрителю, торжественно указывая перстомъ на плевательницу.

Тотъ не съ разу нашелся.

— Что это такое, я васъ спрашиваю? повторилъ онъ вопросъ.

— Пле... пле... плевальница, васство!.. отвѣтилъ растерявшійся смотритель.

— Нѣтъ, милостивый государь!.. Это... это... это... безпорядокъ, безпорядокъ и безпорядокъ!

Атмосфера нашей палаты напиталась ужасомъ, отъ котораго освободилась нескоро и послѣ ухода грознаго начальника.

*
* *

Съ уходомъ главнаго доктора, палата оживлялась: приближалось время обѣда. Не только на лицахъ, но даже въ походкѣ больныхъ выражалось судорожное нетерпѣніе, которое возрастало, по мѣрѣ приближенія часовой стрѣлки къ 12, до ужасающей степени... О Господи, какъ они бывали голодны! Казалось, промедли повара одинъ только часъ, и больные стали–бы пожирать одинъ другаго.

Наконецъ въ 12 часовъ вносился въ палату давно желанный чанъ съ супомъ и всѣ разомъ бросались на него, тѣсня, толкая и опрокидывая другъ друга. Поваръ, разливавшій супъ въ чашки, нерѣдко вынуждался прибѣгать къ довольно крутымъ мѣрамъ для укрощенія хищности больныхъ: онъ безцеремонно темяшилъ ихъ по головамъ жестянымъ черпакомъ... Рвеніе, разумѣется, охлаждалось...

* * *

Комплектъ палаты, въ которой я лежалъ, состоялъ изъ нетруднобольныхъ, по отдѣленію грудныхъ болѣзней; слѣдовательно, все это были люди, большею частью обладавшіе превосходнымъ аппетитомъ; а между тѣмъ, ихъ томили строгой діэтой, въ виду, надо думать, ихъ же собственной пользы. Нѣкоторое еще время, благодаря ординатору, къ обыкновенной порціи, состоявшей изъ супа на обѣдъ и ужинъ, съ полуфунтомъ бѣлаго хлѣба на цѣлыя сутки, намъ давали прибавочныхъ полфунта хлѣба... Кое-какъ можно было быть не голоднымъ; но, не знаю, по чьему ужь усмотрѣнію, въ одно прекрасное утро, мы были лишены этой отрадной прибавки. И грустно, и смѣшно, какъ вспомнишь, въ какое уныніе повергла насъ эта скаредная мѣра!..

Многіе озлобились, клялись даже безпощадно мстить смотрителю и эконому... Угрозы эти впрочемъ разрѣшились не такъ грозно и именно вотъ какъ.

Въ тотъ же злополучный день, когда намъ объявили вышеупомянутое жестокое рѣшеніе, въ палату нашу пришелъ смотритель и, сморщивъ носъ, спросилъ:

— Что это, господа, воздухъ у васъ какой нечистый?

— Завтра, ваше в-діе, будетъ не въ примѣръ чище! откликнулся одинъ больной.

— Отчего-жъ бы это? удивился смотритель.

— Оттого, ваше в-діе, что завтра намъ уже не дадутъ прибавочныхъ булокъ.

Вся палата дружно захихикала... Смотритель нѣсколько смутился и, проговоривъ—«экой вздоръ!», ушелъ.

*
* *

Истина доказанная, что человѣкъ всегда мечтаетъ о томъ, чего ему не хватаетъ; потому, можно сказать — почти исключительной темой нашихъ бесѣдъ, нашихъ размышленій, мечтаній и сновъ, были яства и выпивка. Такимъ образомъ, не испытывая ни хмѣлю, ни засоренія желудка, мы ежедневно обжирались и опивались... во снѣ...

* *
*

Въ такомъ неизмѣнномъ порядкѣ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Невыносимое однообразіе и гнетущая скука, лежавшія на всемъ и вся, что обрѣталось и коптилось въ больницѣ, дѣлало въ глазахъ нашихъ ничтожные случаи, сколько-нибудь нарушавшіе обыденное теченіе больничной жизни, событіями, о которыхъ горячо, много и долго говорилось...

Получалъ-ли кто невзначай страннаго вида невыразимые съ одной штаниной—событіе, возбуждавшее неудержимый, гомерическій смѣхъ въ цѣломъ отдѣленіи... Подерутся-ли двое больныхъ и въ потасовкѣ ошпарятъ одинъ другаго горячимъ супомъ—событіе, о которомъ толковали, смѣялись и спорили цѣлую недѣлю. Поймаетъ-ли смотритель любителей «цигарки» на мѣстѣ преступленія—опять событіе, заставлявшее, имѣвшихъ что либо запрещенное прятать оное подальше, причемъ разсужденіямъ конца не бывало, и т. д., и т. д...

*
* *

Во время моего лѣченія, въ больничной церкви случился храмовой праздникъ, а слѣдовательно, торжество для всей больницы...

День этотъ былъ долго въ памяти больныхъ, не потому, впрочемъ, чтобы они получили тогда какое-нибудь бенефисное блюдо или что-либо въ подобномъ родѣ—нѣтъ! Они собственными средствами постарались отпраздновать день сей на славу...

Въ то время, когда все начальство наше пировало, потрясая радостными кликами «ура» все громадное зданіе больницы, мы, въ свою очередь, не скучали...

Пользуясь всеобщимъ ликованіемъ, мы ублажили пьянаго служителя купить намъ вина и, когда оно появилось, учинили настоящую

сатурналію, съ пѣніемъ, плясками, борьбой и пролитіемъ... пролитіемъ не одной только крови... Словомъ, пиръ былъ, какъ и слѣдъ ему быть.

***

Черезъ два мѣсяца лѣченія, я почувствовалъ себя на столько въ здоровьи, что рѣшился проситься у доктора на выписку... Онъ отпустилъ меня съ непремѣннымъ совѣтомъ—беречься того–то и того–то, дѣлать то–то и то–то...

Простившись съ товарищами по палатѣ, я отправился въ гардеробъ переодѣваться въ свое платье. Тутъ, увы, надѣвая собственныя брюки, я наглядно увидѣлъ печальныя послѣдствія двухмѣсячной діэты и — повѣсилъ носъ.

Гардеробщикъ, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ съ ироніей, что лѣченье, де–скать, пошло мнѣ въ прокъ.

ИЗЪ ПРИЗНАНІЙ ОДНОЙ КУПЕЧЕСКОЙ ДЩЕРИ.

———

1 октября 186.. года.

Какъ это въ театрѣ поютъ:

«Мнѣ всего семнадцать лѣтъ,
И спросить любаго...»

А вотъ дальше-то и позабыла—память такая глупая!

Да, точно: мнѣ семнадцать лѣтъ минуло сегодня; сегодня-же меня взяли изъ пинціона... Потому собственно, какъ говорятъ тятенька—эфто одинъ переводъ денегъ задарма... Коли ежели ты, говорятъ, польку-трамбланъ сыграть можешь и, къ примѣру, парле-франсѣ, ну и шабашъ! Для насъ и эфтаго за глаза... Опять-же, говорятъ, какъ ты теперича дѣвка въ порѣ—тебѣ замужъ надо, штоба не прокисла въ дѣвкахъ-то...

Фи! какой тятенька мой необразованный... прокисла?.. Ужасти, что за выраженія!.. И вдругъ это... замужъ идти?.. Какія страсти!.. Ни за что, ни за что замужъ я не пойду, а хочу въ монастырь... Тамъ такъ прекрасно поютъ; такой вездѣ ароматъ, — всюду ладонъ, ладонъ... просто манификъ! — Непремѣнно пойду въ монашенки...

Черезъ недѣлю.

Скучно!.. Съѣла коробку халвы — думала, веселѣе станетъ. Не тутъ-то было: стало еще скучнѣе!.. Просто даже тошнитъ отъ скуки... Думаю все о томъ, какъ-бы уйти въ монастырь. Сказала мои мысли маменькѣ... Выругали... Жестокіе родители! если они столь необразованы — могутъ-ли понимать мою душу?!

Еще черезъ недѣлю.

Боже! проѣдетъ-ли онъ сегодня мимо нашихъ оконъ?.. Вотъ уже цѣлый часъ сижу у окна, а онъ все не показывается... Ахъ, какой онъ душка, хорошенькій! Вотъ съ кѣмъ-бы... Нѣтъ, нѣтъ! я въ монастырь уйду; не стану теперь и въ окошко смотрѣть...

Вотъ и онъ... Совсѣмъ нечаянно увидѣла его... Я вся трясусь... что со мною?.. Монъ дью, какъ прелестно колышется султанъ на его кепи!.. О, еслибъ я могла быть эта счастливая кепи?!. И что я такое болтаю?—Господи!.. А все оттого, что ужасно скучно — не съ кѣмъ слова сказать; только и слышишь, какъ тятенька съ маменькой скверными словами ругаются... ужасти!

Черезъ три дня.

Какое счастье! вчера тятенька отпустили меня съ мамашей въ молодцовскій клубъ... Ахъ, какъ тамъ пріятно и весело! Музыка это таково громко гудитъ... кавалеры все такіе обворожительные... Позвольте, мамзель, енгажеровать васъ на кандрель!.. Боже, какіе душки, какіе франты, какіе вѣжливые!..

Думала встрѣтить въ клубѣ мой предметъ, съ красивой кепи... Не былъ... Полагаю, какъ онъ офицеръ, благородный человѣкъ (Мавруша, наша кухарка, сказала что онъ кульеръ... чинъ такой, говоритъ,—ровно-бы капитанъ), въ молодцовскомъ не бываетъ, а все въ благородномъ... Впрочемъ, что его не встрѣтила—не сожалѣю. Познакомилась съ другимъ... танцовалъ со мною двѣ кандрели и лянсэ... Хоть и штатскій, а прехорошенькій... всю ночь потомъ снился; даже и на яву все мнѣ грезится... Совсѣмъ я отъ него безъ ума... Господи! и что я это такое болтаю?! Надо скорѣе идти въ монашенки, а то одно искушеніе.

Тятенька съ маменькой сегодня ужасно разругались, а мнѣ все скучно и скучно...

На другой день.

Тятенька произвелъ дебошъ... Скучно... Офицеръ, съ прелестной кепи, пересталъ ѣздить мимо нашихъ оконъ; но я не могу забыть его!.. Такъ все и мерещется передъ глазами очаровательный султанъ его кепи...

Штатскій, что третьяго дня танцовалъ со мною въ клубѣ, кажется, овладѣлъ моимъ сердцемъ... Какъ задумаюсь о немъ, такъ и вздохну...

Видѣла сегодня тятинькина подручнаго молодца — Павлушку... Хоть и сидѣлецъ, однако — премиленькій; не то что старшій прикащикъ, Мойсѣй Иванычъ... вотъ уродина... даже скверно вспомнить! Тятенька, впрочемъ, очень его почитаетъ...

Павлушка, если не ошибаюсь, произвелъ на меня впечатлѣніе... Еслибъ его одѣть въ модную визитку и брюки съ лампасами, въ него можно было-бы даже и серьезно влюбиться... Право! такой антиресный...

Мать пресвятая! и что мнѣ это все такое неподобное въ голову лѣзетъ?.. Большая, большая я грѣшница!.. О монастырѣ теперь стала все рѣже думать...

Черезъ недѣлю.

Опять были въ клубѣ... Штатскаго предмета не было... обманщикъ!

Очень много танцовала... Танцовала и съ офицерами и со штатскими—всѣ ужасныя душки!.. Цѣлую ночь всѣ снились мнѣ и порознь, и вмѣстѣ... такъ смѣшно. Однако, влюбилась я только въ двоихъ: въ перчаточника изъ Большой Морской и въ офицера съ золотымъ пансѣ... Который больше нравится — хоть убей, не знаю. Такая тоска!..

Гадала на картахъ и — вышелъ мнѣ марьяжъ съ пиковымъ королемъ... Ужасно разстроилась животомъ! Хоть маменька и сказала, что отъ винныхъ ягодъ, а я такъ думаю—отъ горькой моей доли...

Тятенька пришелъ изъ лавки выпивши и обезпокоилъ маменьку... кулаками, а меня колѣнкомъ—зачѣмъ заступилась за мамашу... Такая необразованность!

Черезъ три дня.

Павлушка мнѣ съ каждымъ днемъ все больше нравится: у него такія румяныя, пушистыя щеки... такъ и хочется поцѣловать!..

Совсѣмъ я стала ныньче безстыдница въ моихъ мысляхъ и о монастырѣ больше не думаю... Грѣхи, грѣхи!

Офицеръ, съ прелестной кепи, опять сталъ ѣздить мимо нашихъ оконъ... Ахъ, сколь я влюблена въ него; но, увы, онъ объ этомъ и не догадывается... жестокій!

Ходили въ Гостинный покупать башмаки. Я влюбилась въ прикащика, который примѣрялъ мнѣ ихъ.

— У васъ, сударыня, ножка, сказалъ онъ, самая субтельная-съ!

Какъ сказалъ онъ мнѣ это, я такъ сейминутъ въ него и влюбилась...

Пришли домой — тятенька дебошъ сдѣлалъ за то, что башмаки купили дорого...

На другой день.

Скучно... скучно! Стала со скуки считать въ кого я влюблена: офицеръ, съ обворожительной кепи — разъ; офицеръ, съ золотымъ пансѣ—два; перчаточникъ изъ Большой Морской—три; прикащикъ въ башмачной лавкѣ—четыре; Павлушка—пять; одинъ штатскій, другой штатскій... совсѣмъ счетъ потеряла... Хочу, чтобъ который нибудь изъ нихъ посватался на мнѣ,—сейчасъ-бы за него замужъ пошла... А кабы можно было за всѣхъ разомъ выдти, ахъ, какъ-бы это было прелестно!..

Тьфу! какая ахинея въ голову идетъ, а все отъ скуки... Сегодня, отъ скуки, съѣла полфунта мѣлу—не помогло нисколько!..

И число и мѣсяцъ позабыла.

Рѣшилась моя судьба, какъ я совсѣмъ не чаяла!..

Хотѣли сегодня ѣхать въ клубъ; папаша вдругъ не пускаетъ.

— Шабашъ, говоритъ, вамъ попусту шалаберничать. Чего добраго, дѣвка, говоритъ, въ изъянъ еще попадетъ въ клубахъ-то этихъ. Да ктому-жъ, говоритъ, я ее пристроилъ уже...

Какъ онъ сказалъ это, я такъ и похолодѣла... За кого это онъ меня пристроилъ? думаю про себя и вся трясусь... Смотрю: вошелъ въ комнату противный Мойсѣй Иванычъ и — въ поясъ мнѣ.

— Тятенька вашъ, говоритъ, порѣшили судьбу нашу съ вами... Не побрезгайте суженымъ!..

Я закричала — такъ это меня ошарашило... Хотѣла было въ обморокъ упасть, какъ слѣдъ дѣвицѣ съ нѣжными чувствами, но по близости не было ни кресла, ни дивана... Оставалось покориться своей жестокой судьбѣ...

Прощайте, прощайте, мои счастливые, мои золотые дѣвичьи годы!»...

ПОѢЗДКА НА БОГОМОЛЬЕ «КЪ СЕРГІЮ».

Та часть петербургской публики средняго достатка, которая не посѣщаетъ вовсе или посѣщаетъ очень рѣдко наши обычныя увеселительныя мѣста, любитъ совершать лѣтомъ загородныя прогулки куда нибудь въ глушь или въ окрестныя иноческія обители и храмы, чѣмъ нибудь замѣчательные.

Самымъ такимъ излюбленнымъ мѣстомъ, куда пиллигримствуютъ, для мольбы и забавы, наши благочестивые купцы и чиновники, надо считать извѣстную Сергіевскую пустынь, расположенную на берегу Финскаго залива, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. Мѣстность эта, со стороны живописности, далеко уступаетъ многимъ другимъ столичнымъ окрестностямъ; но ее украшаетъ, въ глазахъ благочестивыхъ людей, монастырь превыше всѣхъ красотъ природы—монастырь, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Онъ красиво расположенъ на невысокомъ взгорьи, откуда, къ сторонѣ залива, открывается широкая картина зеленѣющихъ луговъ, далѣе свинцовая гладь моря, а еще далѣе заволоченные дымомъ и туманомъ приземистые берега Кронштадта.

Зданія монастыря, хотя и не отличаются особенной внѣшней роскошью, выстроены почти всѣ въ русскомъ стилѣ и со вкусомъ. Особенно хороша, по внутренней изящной отдѣлкѣ и богатству, новая церковь, находящаяся въ самой обители. Начиная отъ живописи на потолкѣ и стѣнахъ до высѣченныхъ изъ бѣлаго мрамора придѣловъ, здѣсь все, до мелочей, отдѣлано въ чисто-русскомъ стилѣ. Замѣчательно также, по разнообразію и богатству монументовъ, монастырское кладбище, на которомъ покоятся, преимущественно, вкладчики

обители — съ громкими титулами и аристократическими фамиліями... Миръ ихъ праху!

Вотъ въ этотъ–то пріютъ молитвы и благочестія стекаются цѣлыми семействами и компаніями петербургскіе богомольцы.

Обыкновенно, экскурсія предпринимается по какому–нибудь религіозному предлогу—«по обѣту», и чтобы придать ей характеръ истиннаго пиллигримства, совершается преимущественно пѣшкомъ къ монастырю. Подвигъ, нельзя сказать, чтобъ особенно великій, но вѣдь тутъ важно усердіе...

Часовъ въ семь утра, шумной гурьбою выплываетъ изъ–подъ воротъ какого–нибудь дома въ Болотной или Разъѣзжей благочестивое семейство, персонъ эдакъ въ двѣнадцать, обремененныхъ саками, корзинками и корзинищами, въ которыхъ заботливо уложена чуть не цѣлая съѣстная лавка, съ немалымъ придаткомъ и питейной. Все это мастерски размѣщается въ двѣ извощичьи четвероместныя кареты, такимъ манеромъ, чтобы въ нихъ могли съ неменьшимъ комфортомъ размѣститься и всѣ двѣнадцать пассажировъ. Кучеръ и глубокомысленные кони, какъ–бы изъ уваженія къ благочестивой цѣли поѣздки, а отчасти, можетъ, изъ подвижничества, не ропщутъ на этихъ сверхкомплектныхъ сѣдоковъ,—даже изъявляютъ удовольствіе, если послѣдніе ухитрятся, наконецъ, втиснуть себя какъ–нибудь въ узкіе экипажи...

Всѣ усѣлись—поѣздъ двинулся, тажело громыхая по булыжнымъ мостовымъ.

Выѣхавъ за Нарвскую заставу, богомольцы, порядочно взопрѣвшіе въ тѣсныхъ экипажахъ, выражаютъ желаніе промять и порасправить кости. Начинается пѣшеходное пиллигримство; но, вскорѣ, густая, ѣдкая пыль шоссе и солнечный припекъ оказываютъ на малодушныхъ разслабляющее дѣйствіе. Въ горлѣ пересохло, въ ногахъ усталь, а тутъ какъ–разъ поблизости и «заведеніе...» Зайдти и царапнуть для подкрѣпленія, мимоходомъ не долго. Тѣмъ быстрѣе и незамѣтнѣе совершается это уклоненіе отъ прямаго пути, чѣмъ строже относятся

къ такому малодушію болѣе твердые и авторитетные члены компаніи, а въ особенности, такъ называемый, самъ—pater familias.

Въ подобномъ порядкѣ, то пѣшкомъ, то въ экипажѣ, одни, подкрѣпляясь, по мѣрѣ надобности, другіе, мужественно вынося искусъ, добираются наши богомольцы, часамъ къ девяти или къ десяти къ Сергіевской пустынѣ. Едва въѣхали они въ посадъ, какъ тотчасъ, точно изъ земли, выскакиваетъ цѣлая орда, всякаго пола и возраста, быстроногихъ и голосистыхъ зазывальщиковъ и, съ азартомъ, толкая другъ друга, накидывается на кареты.

— Къ намъ, господа хорошіе, пожалуйте! У насъ комнаты отличнѣйшія... ей-богу!.. Останетесь довольны!

— Не вѣрьте, господа — плюньте ему въ глаза. У него свиной закутъ,—а вотъ у насъ, такъ комнаты!.. Ахъ, и какія-же комнаты... Анаралы все останавливаются—провалиться скрозь землю.

Въ такомъ родѣ идетъ полемика добрыхъ четверть часа, пока, наконецъ, пріѣзжіе не избираютъ, сообразно своему вкусу, временное помѣщеніе въ какомъ нибудь изъ мизерныхъ и немногочисленныхъ домиковъ, безпорядочно раскинувшихся поблизости съ монастыремъ.

По пріѣздѣ, первымъ долгомъ, вся компанія отправляется слушать обѣдню въ монастырь, и наслаждаться артистическимъ пѣніемъ монаховъ. При этомъ, желающіе запасаются освященными просфорами за здравіе и, по окончаніи обѣдни, пробуютъ монастырскій ржаной хлѣбъ, хорошо выпеченный и очень вкусный.

Затѣмъ возвратившись въ «отличнѣйшую» квартиру, богомольцы, съ умиленнымъ духомъ и возбужденнымъ отъ дороги аппетитомъ, принимаются за привезенныя съ собою корзины. Полуободранныя, засиженныя мухами стѣны комнатки и вся ея жалкая меблировка принимаютъ нарядный видъ отъ этого обилія и разнообразія выставленныхъ по всѣмъ столамъ яствъ и бутылокъ. Въ раскрытыя окна несется кулинарное благовоніе и привлекаетъ къ нимъ столько-же чуткихъ, сколько и голодныхъ, псовъ и всякихъ другихъ домашнихъ тварей, считая въ томъ числѣ и съ полдюжины хозяйскихъ ребятишекъ. Сво-

рачиваютъ сюда съ дороги и монастырскіе нищіе. И все это пестрое населеніе посада смотритъ, съ патріархальной безцеремонностью, изумленными алчно-молящими глазами въ окна — на такое необычайное изобиліе земныхъ плодовъ.

Благодушно настроенные свершеннымъ подвигомъ, богомольцы щедро расточаютъ подачки алчущей братіи, которая начинаетъ подъ конецъ и привередничать.

— Пошли тебѣ, родимый, пресвятая Богородица здоровья и счастья! благодаритъ одинъ изъ нищихъ — дюжій, широкоплечій парень, принявъ кусокъ пирога. А ужь не осердись, кормилецъ, если я тебя попытаю—что энто у васъ такое въ графинчикѣ?

— Водка, отвѣчалъ благотворитель.

— Такъ... Охъ, грѣхи, грѣхи! вздыхаетъ нищій и, стыдливо потупившись, чешетъ себѣ животъ.

— Не хочешь-ли пропустить рюмочку?

— Почто искушаеши мя?.. Отыде!.. Соблаговоли ужь, милостивецъ, не рюмочку, а стакашекъ. Повѣкъ молиться буду!..

У благотворителя хватаетъ филантропіи и на «стакашекъ».

Изрядно поопустошивъ корзины, компанія богомольцевъ, съ сонными глазами и не совсѣмъ твердой отъ усталости, разумѣется, походкой, отправляется куда-нибудь подъ кустики полежать и подремать на зеленой муравѣ. Искать этого блага ходить далеко здѣсь не надо.

Наиболѣе уставшіе неомедлительно погружаются въ сладкій сонъ, подъ тихій шелестъ осиновой листвы; прекрасный полъ и дѣти идутъ гулять, не покидая, впрочемъ, изъ виду своихъ спящихъ благовѣрныхъ и отцовъ, въ неосновательномъ подозрѣніи, чтобы ихъ не стащилъ кто-нибудь, а если не ихъ самихъ, то что-нибудь изъ ихъ костюма.

Такъ проходитъ время до вечеренъ. Гармоничный звонъ монастырскаго колокола пробуждаетъ спящихъ, напоминая имъ, что подвигъ ихъ совершенъ только наполовину. Напоминаютъ объ этомъ и бдительныя супруги...

Послѣ слушанія вечеренъ, компанія снова возвращается къ корзинамъ и ревностно опустошаетъ ихъ содержимое уже до послѣдней крайности. Всѣ одушевляются гордымъ сознаніемъ, что «обѣтъ» выполненъ ими теперь въ надлежащей мѣрѣ, и стало быть, насталъ чередъ — безпрепятственному ликованію.

На лужокъ, подъ кустики выносятся самоваръ и корзины. Одновременно съ насыщеніемъ, распоясываются благочестивыя души во всю ширь веселья и гульбы. Солидные мужи катаются по травѣ и кувыркаются съ ловкостью мохнатыхъ дѣтей лѣсовъ; злосчастныя монастырскія осины и березки трещатъ и выламываются чуть не съ корнемъ, подъ бременемъ взлѣзающихъ на нихъ разыгравшихся богомольцевъ.

Невинныя шалости въ такомъ родѣ, говоръ и смѣхъ далеко раздаются по мирнымъ лугамъ и привлекаютъ вниманіе мирныхъ обитателей. Для нихъ это даровое увеселительное зрѣлище, такъ какъ никакихъ другихъ скромное Сергіево не представляетъ.

Позднимъ вечеромъ, намолившись, насытившись и наигравшись по горло, компанія наша отправляется обратнымъ шествіемъ въ Петербургъ. Кони везутъ бодрѣе прежняго — нельзя сказать, чтобъ отъ уменьшенія тяжести, ибо, если корзины выгрузились, то зато сами путники пропорціонально нагрузились,—можетъ быть, просто отъ сознанія, что и они совершили свою миссію добросовѣстно.

Вначалѣ обратнаго пути, богомольцы поддерживаютъ въ себѣ игривое настроеніе пѣніемъ, спустя версты двѣ—пѣніе смѣняется разговоромъ; еще верста—въ каретахъ воцаряется тишина и, по мѣрѣ приближенія къ городу, съ каждой верстой, все звонче и раскатистѣе разносится изъ ихъ оконъ дружный храпъ, во всѣ двѣнадцать носовыхъ завертокъ.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ДВЕРЬ.

(Быль).

Ежели Тиша Самохлестовъ, представитель jeunesse dorée Александровской линіи, успѣвалъ, въ отсутствіи тятеньки, «окласть» двухъ, трехъ покупателей на нѣсколько десятковъ рублей, то это искони означало, что Тиша преспокойно положитъ эти рубли къ себѣ въ карманъ, немедленно улетучится изъ лавки и—загуляетъ... Тутъ ужъ дня три его и съ собаками не отыщешь!..

Такъ случилось и теперь.

— По крайности, Тихонъ Иванычъ, ежели самъ спроситъ о васъ—какъ сказать, насчетъ, тоись, вашего теперешняго вояжа-съ? не безъ нѣкоторой ироніи освѣдомлялся старшій прикащикъ, досконально знавшій цѣль и сущность этихъ «вояжей» хозяйскаго сынка.

— А скажи, что, молъ, къ покупателю ушелъ—заказъ принять! вретъ безъ смущенія Тиша, натягивая на ходу пальто и пробираясь къ заднему выходу.

Выскользнувъ изъ лавки, онъ быстро проходитъ по линіи, останавливаясь передъ стеклянными дверями нѣкоторыхъ лавокъ, взглядываетъ внутрь ихъ инквизиторскимъ окомъ и, смотря по обстоятельствамъ, или проходитъ мимо, или адресуетъ туда кому-то нѣкакія сообщенія и указанія выразительными жестами рукъ, головы, рта и проч. Затѣмъ, онъ пытливо оглядываетъ всю линію и, вскочивъ безъ торгу въ сани перваго попавшагося извощика, исчезаетъ съ горизонта со скоростью мазурика, улепетывающаго отъ полиціи.

Въ теченіи непосредственно слѣдующихъ за симъ тридцати минутъ, экспериментъ бѣгства изъ линіи неизвѣстно куда повторяется еще двумя юными рыцарями аршина, съ соблюденіемъ точно такихъ-же предосторожностей.

И вотъ они съѣхались.

— Послушай, Тиша, ты не тотъ номеръ взялъ! говоритъ Ваня Брандахлыстовъ, ввалившись въ номеръ гостиницы и окинувъ взоромъ всю его комфортабельную обстановку, разсчитанную на гг. «пріѣзжающихъ», съ разрушительными наклонностями.

— Чѣмъ-же онъ не тотъ? — спрашиваетъ Тиша, успѣвшій уже распорядиться насчетъ «того, собственно», и успѣвшій уже, до пріѣзда пріятелей, заложить «у себѣ» приличный «хундаментъ».

— Да вишь двери... Чортъ его знаетъ, кто тамъ за ними сидитъ, а отсюда все слышно!—замѣтилъ Ваня, указывая на запертую дверь, раздѣлявшую ихъ номеръ отъ сосѣдняго, въ которомъ тоже слышался въ эту пору говоръ и чоканье стакановъ.

— Эка, важность! Пусть слушаютъ, коли для нихъ антиресно... плевать!

— Сужденіе твое довольно глупое, мой другъ! разсудительно возразилъ Ваня, наливая себѣ рюмку «горлометру». Ежели тамъ сидитъ, къ примѣру, кто-либо изъ нашихъ,—продолжалъ онъ, проглотивъ водку,— тогда у насъ съ родителями безпремѣнно можетъ выдти большое изъ эфтаго недоразумѣніе, потому пойдутъ кляузы...

— А плевать мнѣ и на родителевъ!

— Ну, это ты напрасно... Безъ родителевъ и ихней власти тожъ никакъ невозможно, а впрочемъ... выпьемъ-ка!

Пріятели прошлись по хересамъ.

— А я тѣ вотъ разскажу, какой со мной анекдотъ приключился отъ эфтихъ самыхъ дверей... Гулялъ я какъ-то, братецъ ты мой, одинъ—фантазія такая пришла... Нафотогенившись этта по разнымъ мѣстамъ въ надлижащую припорцію, взялъ номеръ въ гостинницѣ, за-

перся въ немъ одинъ, да и завалился спать, потому домой — самъ знаешь—въ эдакомъ видѣ невозможно... Спалъ я, должно быть, мертвецки. Только просыпаюсь на другой день, погляжу, поищу одежи— нѣту; поищу часовъ — нѣту; денегъ немного было и — тѣ сгинули; даже сапогъ не стало. Остался я, значитъ, какъ есть, въ одномъ только бѣльѣ... Обнаковенно, сейчасъ номернаго: «такъ и такъ, говорю, денной грабежъ...» «Не могу знать», говоритъ. «Да откуда-же ворамъ-то взяться, спрашиваю: съ улицы нельзя—высоко, съ корридору, говоришь, ходу нѣтъ,—не изъ вѣтру-же они, чтобъ въ замочную скважину пролѣзть?» Стали осматривать комнату, — глядимъ: дверь-то изъ сосѣдняго номера не заперта—замокъ свороченъ... Въ номерѣ никого и ничего... Что за оказія? «Точно — говоритъ номерной-то, — въ этомъ самомъ номерѣ ночью побывало какихъ-то двое молодцевъ, съ барышней; кто такіе, неизвѣстно, — поваландались съ часикъ, да и были таковы... Вотъ ты и разумѣй!»

— Ферплухтинъ — штука, значитъ... Какже ты въ этомъ дѣлѣ поступилъ?

— А никакъ—плюнулъ... Не судиться-же! Правда, съ хозяиномъ гостинницы денька два важно погуляли, на его-же счетъ. Онъ мнѣ и одежу давалъ свою на это время... Вотъ и только.

— Такъ, такъ... А что; братъ, не простыло-бы «того, собственно?»—Тиша налилъ стаканы.

— И то... А гдѣ-же Петрунька — я не спросилъ?

— За «товаромъ» уѣхалъ...

— Гм... Онъ по этой части ходокъ!..

Налитые стаканы мгновенно опорожнены.

— И съ той самой поры, — возвратился къ своему анекдоту Ваня,—вѣришь-ли, Тиша, не могу даже сидѣть съ равнодушіемъ въ томъ номерѣ, гдѣ эти самыя двери есть...

— Пустое—вѣдь, ты не одинъ теперича!

— Это точно, а все какъ-то оно того. Развѣ дерябнуть для равнодушія собственно?

— Дерябнемъ!

Хереса опять полились.

Вскорѣ явился и Петрунька съ «товаромъ» изъ депо, что въ Щербаковомъ переулкѣ... Съ прибытіемъ его, кутежъ пошелъ и въ ширь и въ глубь...

Говоръ, смѣхъ, пѣніе, звонъ стакановъ и поцѣлуевъ, густыми волнами прорываясь сквозь всевозможныя щели и отверстія въ корридоръ и сосѣдніе номера, шумно славословили залихватскій загулъ, разливанный пиръ молодцевъ–купецкихъ сынковъ!

Вдругъ дверь изъ сосѣдняго номера треснула, заколыхалась и — разверзлась на обѣ половинки.

Въ ея отверстіи, передъ очи смолкнувшей, остолбенѣвшей компаніи, предстали во всемъ величіи «тятенька» Самохлестова и «тятенька» Брандахлыстова... Ихъ глянцевые лики пылали какъ раскаленное желѣзо; ихъ посоловѣвшіе взоры метали молніи, а тяжелые кулаки круто сжимались и готовы были обрушиться...

Жуткое молчаніе длилось недолго.

— Эге, соколики, попались... трахъ–тарарахъ–тахъ!—зычно возговорили тятеньки и ринулись...

Закипѣла свалка, раздались неистовыя рыканія и стоны, зазвенѣли сокрушаемые бутылки и стаканы...

Первой жертвой родительскаго возмездія былъ Тиша, такъ какъ онъ ближе всѣхъ сидѣлъ къ предательской двери и ближе всѣхъ былъ «до положенія ризъ»... Тятенька сгребъ его подъ себя, стиснулъ между колѣнъ голову несчастнаго и забилъ кулаками на спинѣ его такую дробь, какую не выдержалъ–бы ни одинъ барабанъ...

Ваня былъ счастливѣе всѣхъ: онъ первый спохватился и первый задалъ спасительные лататы... За него поплатился Петрунька. Увѣренный, что его не тронутъ, онъ не спѣша облекался въ пальто, какъ вдругъ на него налетѣлъ Брандахлыстовъ, неуспѣвшій изловить собственнаго сына...

— Что вы, Иванъ Иванычъ! Какъ это можно?.. Я, кажется,

вамъ несродственникъ? запротестовалъ ошеломленный неожиданнымъ нападенiемъ Петрунька и сталъ тереть правую щеку.

— А вотъ я съ тобой породнюсь!.. (бацъ!)

Пришлось Петрунькѣ тереть и лѣвую щеку.

— Это съ вашей стороны... Иванъ Иванычъ... даже... довольно... стыдно!—чуть не плакалъ несчастный.

— А вотъ я тѣ покажу стыдъ! (Дѣло дошло до «волосянаго правленiя...»)

Петрунька забарахтался и, вынырнувъ съ великимъ усилiемъ изъ подъ толстаго Брандахлыстова,—давай Богъ ноги... Въ этотъ-же моментъ вынырнулъ, наконецъ, и Тиша изъ подъ тятеньки, да какъ стоялъ, такъ и ринулся въ дверь... Куда и хмѣль прошелъ...

— Теперича не скоро забудетъ! — самодовольно возвѣстилъ Самохлестовъ, пыхтя и отдуваясь. Брандахлыстовъ пожалѣлъ, что ему «своего» поучить не удалось...

Притаившiяся во время «сраженiя» за перегородкой «милыя, но погибшiя созданiя» (они-же «товаръ»)—рѣшились тоже ретироваться, пользуясь затишьемъ...

— Не худо-бы этто теперь и васъ маленько потрепать, барышни! обратился къ нимъ Самохлестовъ.

— А за что-съ, позвольте спросить? отозвалась барышня побойчѣе, надѣвая ветхiй бурнусикъ.

— А за то-съ... отъ вашей сестры одна пагуба намъ и дѣтямъ нашимъ...

— Хи-хи-хи,—засмѣялись барышни.

— Уйдемъ-ка, Маша, поскорѣе,—лукаво добавила бойкая,—а то и въ самомъ дѣлѣ господа купцы изобьютъ насъ...

— Ну, этто одинъ разговоръ. Такихъ какъ вы не бьютъ, а жалуютъ, хе-хе-хе... Не для чего вамъ уходить-то отседева,—я такъ понимаю! сказалъ Брандахлыстовъ.

Обѣ барышни нерѣшительно посмотрѣли съ минутку одна на другую и — сняли съ себя бурнусики...

Вошелъ номерной слуга и, не говоря ни слова, сталъ приводить въ порядокъ мебель и подбирать битую и опрокинутую посуду.

Ему, очевидно, въ привычку были подобные «дебоши» и онъ заранѣе зналъ, что за все и битое и выпитое будетъ уплачено съ лихвою.

НЕВѢСТА СЪ ПРИДАННЫМЪ.

(Вовсе не романическая исторійка).

Если, часовъ въ одинадцать октябрьскаго вечера, особенно въ воскресенье, прокатитесь вы вдоль Петербурга, то почти въ каждой улицѣ вамъ непремѣнно бросится въ глаза какой-нибудь домъ съ ярко-освѣщеннымъ бель-этажемъ. Сквозь высокія окна вы замѣтите снующія толпы расфранченныхъ гостей и танцующія пары. У подъѣзда, драпированнаго тиковой полосатой маркизой, вы увидите цѣлую вереницу каретъ, съ дремлющими на козлахъ кучерами. Неопытный наблюдатель сразу подумалъ-бы, что здѣсь балъ у какого-нибудь, по малой мѣрѣ, посланника, у какого-нибудь финансоваго или административнаго свѣтила; но, взглянувъ пристальнѣе на вывѣску, надъ сіяющимъ бель-этажемъ, онъ, не безъ удивленія, прочелъ-бы, что здѣсь не посольство, а просто—«кухмистерское заведеніе».

Петербуржцы очень хорошо знаютъ, что ныньче такой блескъ, такіе пышные балы, чуть-ли не въ однѣхъ только кухмистерскихъ и бываютъ, и что пируютъ въ нихъ ужъ конечно не финансисты и не посланники.

Въ этой разряженной толпѣ, по послѣдней картинкѣ, въ этихъ завитыхъ, подчищенныхъ и до отвращенія напомаженныхъ Альфонсомъ Ралле франтахъ, вы безъ труда узнали-бы тѣхъ самыхъ молодцевъ, что еще сегодня утромъ на «линіи», быть можетъ, таскали васъ за полы, крикливо предлагая «пальты, спинжаки, брюки, жилетки» и т. п.

Эти салонные кавалеры покамѣстъ женируются, не знаютъ, гдѣ встать, гдѣ сѣсть, конфузятся, точно красныя дѣвицы... Дайте имъ

время походить около буфета и—они предстанутъ во всей красѣ своей лошадиной развязности, они затмятъ своей хореграфической игривостью всѣхъ корифеевъ «Эльдорадо» и «Марцинкевича...»

Рѣдкій изъ такихъ ослѣпительныхъ «баловъ», гдѣ трезвый гость—чуть не кровная обида гостепріимнымъ хозяевамъ, кончается благополучно. Иной бонтонный франтъ прямо изъ танцовальной залы попадаетъ въ кутузку, иного сволокутъ домой въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости, а недавно одного гостя непосредственно съ балу, подъ музыку изъ Анго, свезли на кладбище... Угостили!

Петербургскій купецъ, притомъ далеко не первостатейный, завелъ суетный и очень дорого стоющій обычай справлять наиболѣе торжественные случаи своей жизни непремѣнно въ кухмистерскихъ. Купеческая свадьба и купеческія похороны почти не мыслимы безъ пиршества въ кухмистерской.

Разница между пиршествами, по этимъ двумъ, казалось-бы, весьма различнымъ поводамъ, небольшая: на похоронномъ «балѣ» не бываетъ только музыки, что не исключаетъ, конечно, возможности танцевъ, тѣмъ болѣе, что на похоронахъ «съ горя» выпивается гораздо больше, чѣмъ «отъ радости»—на свадьбахъ.

Промежутокъ времени, съ Покрова по Рождественскій постъ (15 ноября), особенно богатъ свадьбами въ купечествѣ, и всѣ кухмистерскія, по мѣрѣ приближенія поста, сверкаютъ огнями по ночамъ, справляя свадебный балъ за баломъ.

Поддѣлываясь къ купеческому свадебному сезону, хлопочутъ въ этотъ промежутокъ времени, по части сватовства, и многіе женихи изъ «благородныхъ».

Было-бы величайшей ошибкой думать, что въ наше время когда—«благородный» женихъ, а тѣмъ паче военный, потерялъ свою былую прелесть въ глазахъ купеческихъ невѣстъ и ихъ родителей, точно также, какъ онъ самъ пересталъ пользоваться своимъ положеніемъ.

Въ Петербургѣ есть масса «благородныхъ» жениховъ, которые спятъ и видятъ, какъ-бы имъ сосватать купеческую дщерь, а глав-

ное—ея капиталецъ. Для многихъ изъ нихъ это единственная надежда на спасеніе отъ проголоди, отъ кредиторовъ и долговаго. Впрочемъ, этихъ господъ такъ много, между ними такъ сильна конкуренція, что купеческихъ невѣстъ на все ихъ число далеко не хватаетъ.

Явился поэтому особый классъ промышленниковъ, спеціализировавшихъ сватовство, устраивающихъ смотрины, а еще проще — знакомящихъ жениховъ и невѣстъ по карточкамъ. Сколько при этомъ расточается краснорѣчивой лжи, въ описаніи красотъ и добродѣтелей рекомендуемыхъ претендентогъ—нельзя описать; но, вообще, вся операція эта очень некрасива...

Впрочемъ, пусть ее раскажетъ одинъ изъ такихъ «благородныхъ» жениховъ, въ ниже приводимомъ дневникѣ.

5-го сентября

«Приводилъ сегодня въ извѣстность мой бюджетъ:

Тридцать три руб. съ копѣйками въ мѣсяцъ или 400 въ годъ, правильнаго «поступленія».

Кромѣ того, займы: внутренній—у родныхъ и знакомыхъ, случается, у кухарки и даже у дворника; внѣшній—у жидовъ и Карповичей; вынужденный (только въ крайнихъ случаяхъ)—у извощиковъ, посредствомъ сквозныхъ калитокъ, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ удастся, посредствомъ забывчивости, не уплатить за покупку...

Всѣ сіи «разнаго рода поступленія» могутъ простираться отъ ноля, до трилліона; но, въ дѣйствительности, не покрываютъ расходовъ, кои суть, считая самые необходимѣйшіе: перчатки, духи, помада, папиросы и проч. 50 р. въ годъ; мундиръ, два сюртука и, вообще, костюмъ 250 р.; парти-де-плезиры, театръ и клубъ—100 р.; квартира и обѣдъ... Ну ужъ всѣ расходы этого сорта относятся исключительно къ займамъ. Вѣрятъ нашему благородному слову—мы квартируемъ и обѣдаемъ, а не вѣрятъ—дѣлаемъ променадъ по Невскому и питаемся философскими разсужденіями...

Тру-ля-ля, тру-ля-ля...

Однако, философъ, а тѣмъ болѣе благородный человѣкъ, долженъ помышлять о будущемъ. Займы отличная вещь, но они имѣютъ скверное свойство прекращаться, когда ихъ не погашаютъ... Опять-же, долговое до сихъ поръ еще не уничтожено... Благородный человѣкъ чувствуетъ себя, нѣкоторымъ образомъ, въ осадѣ..

Что ему остается дѣлать, если онъ представительный мужчина, съ благовоспитанными манерами, имѣетъ рангъ, имѣетъ мундиръ и мастерски полькируетъ?—Остается одно: жениться на купеческой дщери, съ богатымъ приданнымъ, а тамъ—

Тру-ля-ля, тру-ля-ля!»

10-го сентября.

«Велъ переговоры со сватами и свахами. Заразъ предлагаютъ нѣсколько невѣстъ—всѣ съ приданнымъ, всѣ красавицы, всѣ образованныя... Повалило!

Ѣздилъ смотрѣть одну... Рожа; впрочемъ, брилльянты на ней не дурны... Показалъ ей видъ, что влюбленъ, на всякій случай, пока другихъ не видалъ... Благородный человѣкъ долженъ соблюдать политику...»

15-го сентября.

«Смотрѣлъ еще трехъ невѣстъ, порознь, и всѣмъ, порознь каждой, показалъ видъ, что влюбленъ...

Съ одной изъ нихъ имѣлъ разговоръ глазами. Ничего; нѣмой пантомимъ любви понимаетъ... Послалъ воздушный поцѣлуй—она языкъ высунула... Такой мове-жанръ!.. Съ другой вступилъ въ словесное объясненіе... Набитая дура! Спрашиваетъ, вдругъ:

— Вы, говоритъ, конный?

— То-есть, какъ это—«конный?» освѣдомляюсь.

— А значитъ, состоите на конѣ?

— Нѣтъ, отвѣчаю, я пѣшій.

— Жалко, говоритъ, потому—конный кавалеръ не въ примѣръ вальяжнѣе пѣшаго...

Основательнѣе всѣхъ оказалась третья. Какъ увидала меня изъ окна, сейчасъ это къ свахѣ: посылайте, говоритъ, его къ тятинькѣ... Такого, говоритъ, душку въ нашей Пушкарской я еще и не видала».

17-го сентября.

«Былъ у «тятенки»... Сиволапъ, безъ всякой благовоспитанности! Прямо спросилъ, въ какомъ я чинѣ, и когда узналъ, на отрѣзъ заявилъ, что я–де еще мелко плаваю для его дочки... Вотъ скотина!

— Имѣете ли, по крайности, какую ни на есть регалію? спрашиваетъ.

— Не имѣю; но развѣ регалія нужна для семейнаго счастья? попробовалъ я возразить.

— Можетъ, и ненужна, отвѣчаетъ, а только, по нашему капиталу, ужъ ежели родниться съ благороднымъ, такъ, штоба былъ либо полный капитанъ, либо—съ регаліей...

Напрасно сталъ я говорить, что все это придетъ ко мнѣ въ свое время, что регалію я могу заслужить.

— Заслужите, отвѣчаетъ, тогда и приходите!

Оставалось одно: благородно плюнуть и отретироваться... Такъ я и сдѣлалъ».

12-го октября.

«Съ той, которая при первомъ знакомствѣ, показала мнѣ языкъ, дѣло идетъ, кажется, на ладъ...

Очень интересная барышня: приданнаго деньгами 75 тысячъ, не считая тряпокъ... Ухаживаю на пропалую; видаюсь чуть не каждый день въ клубахъ и въ театрѣ. Вчера мнѣ передали ея мнѣніе на мой счетъ.

— Какой онъ, сказала, ловкій и милый куколка!

Рѣшаюсь сдѣлать наступательное движеніе съ фронта... Панъ или пропалъ!»

13-го октября.

«Неожиданный отпоръ!..

Сегодня въ клубѣ, протанцовавъ съ нею польку, началъ разговоръ о чувствахъ благородной души. Она слушала, слушала и вдругъ спрашиваетъ:

— А какую, говоритъ, кадриль вы больше любите—изъ «Бель-Елены» или «Анго»?

Несообразный вопросъ; но я не опѣшилъ, повелъ атаку стремительно и кончилъ формальнымъ предложеніемъ руки и сердца...

Смотрю: смѣется самымъ жестокимъ манеромъ... Кеске-се?

— Вы очень милый, говоритъ, кавалеръ и прекрасно танцуете; я рада съ вами хоть каждый день полькировать; но, скажите по совѣсти: развѣ вы женихъ? Какая невѣста, съ умомъ и деньгами, пойдетъ за вашего брата?..

Признаюсь... не ожидалъ!

Дѣлать нечего; отретировался, напѣвая—

Тру-ля-ля, тру-ля-ля!»

27-го октября.

«Предусматривая вышеописанный афронтъ, дѣлалъ, еще до его наступленія, рекогносцировки по сторонамъ, и не безъ успѣха. Нынѣ произвожу подступы къ одной милой сироткѣ... Даютъ десять тысячъ, кромѣ тряпокъ: но въ перспективѣ наслѣдство отъ дяди... Богатый гостинодворецъ и очень обязательный человѣкъ; поощряетъ мои исканія, мать невѣсты—тоже и сама невѣста—тоже...

Рѣшаюсь перейдти Рубиконъ; ибо съ займами стало очень слабо и кредиторы со всѣхъ сторонъ подводятъ мины и траншеи...

Имѣлъ объясненіе въ любви... Милашка, какая она невинная!

— Насъ, говоритъ, этому въ пинціонѣ не обучали...

— Но, ужели, спрашиваю, амуръ не касался вашего сердца?

— Не такъ я, говоритъ, воспитана, чтобы понимать такія глупости!

Говорили, говорили и, вдругъ, я ее—чмокъ... Расплакалась...

— Отродясь, говоритъ, меня еще мужчины не цѣловали...

Такой наивный, цѣломудренный ребенокъ».

30-го октября.

«Наконецъ-то побѣда... ура! Вчера насъ обручили... черезъ двѣ недѣли свадьба... Моя невинная невѣста начинаетъ понимать, что такое амуръ... Дядя ея далъ мнѣ на жениховскіе расходы 100 р... Чортъ знаетъ, какъ я счастливъ!».

8-го ноября.

«Вотъ такъ удружили... скандалъ! И такой скандалъ, что и во снѣ не могъ присниться... Представьте: эта-то олицетворенная невинность... Разскажу, впрочемъ, по порядку, какъ это все обнаружилось.

Желая, какъ должно благородному человѣку распроститься съ холостой жизнью, учинилъ я съ товарищами кутежъ... Ну обыкновенно, выпили, а потомъ поѣхали часу въ первомъ ночи искать сильныхъ и благородныхъ ощущеній. Прежде всего направились во вновь открытое эльдорадо, подъ названіемъ «Хрустальный дворецъ...» Заведеніе приличное; дѣвицъ достаточно и всѣ, большей частью, высшаго образованія: изъ кончившихъ курсъ въ Демидронѣ и Орфеумѣ... Обыкновенно, мы выпили тамъ еще... Кто-то изъ товарищей предложилъ занять отдѣльный кабинетъ, чтобъ не шокировать себя передъ разными холуями...

Пошли; отворяемъ первую дверь и... громъ и молнія—что я тамъ вдругъ увидѣлъ! Въ кабинетикѣ на столѣ стояла куча бутылокъ; передъ столомъ, на диванчикѣ сидѣлъ онъ, на его колѣняхъ, въ объятіяхъ, сидѣла она...

Кто изобразитъ мой гнѣвъ и негодованіе?—Эта она... языкъ не поворачивается сказать,—была моя невѣста; этотъ онъ былъ ея попечительный яко-бы дядюшка... Вотъ-те и цѣломудренная невинность!..

Я былъ до того пораженъ и разбитъ на всѣхъ пунктахъ, что, дѣлая ретираду, не спѣлъ даже успокоительное: «тру-ля-ля...»

10-го ноября.

«Получилъ отъ «дядюшки» письмо (оказалось, что онъ вовсе и не дядюшка, а просто «содержатель» вѣроломной). Пишетъ, что все это

было одно недоразумѣніе. Любя племянницу, какъ дочь, онъ имѣлъ съ нею одно только будто бы родственное объясненіе о семейныхъ дѣлахъ... Хорошъ родственникъ! Далѣе пишетъ, что я напрасно разстраиваю свадьбу; что другой такой невѣсты мнѣ, по моему маленькому рангу, не скоро найти; что всѣ 10 тысячъ приданаго мнѣ будутъ выданы тотчасъ послѣ вѣнца... Мерзавецъ, онъ хочетъ купить мою благородную честь!..

Однако, постъ на носу; кредиторы готовы взорвать свои мины, а я—какъ Марій въ Карфагенѣ, сижу на развалинахъ моего счастья... Бьенъ маль, чортъ побери!..»

16-го ноября.

«Къ какимъ иногда подлостямъ долженъ прибѣгать благородный человѣкъ, для поддержанія своего достоинства!.. Представьте: я внялъ коварнымъ внушеніямъ «дядюшки» и вчера... повѣнчался, а сегодня пою, какъ ни въ чемъ не бывало:

Тру–ля–ля, тру–ля–ля!..»

ПОДЪ СМЫЧКАМИ ПАВЛОВСКИХЪ СКРИПОКЪ.

(ТЕМА ДЛЯ ДАЧНАГО ФАНТАСТИЧЕСКАГО РОМАНА).

Молодой человѣкъ, по фамиліи Ванилинъ, «прожигающій», по выраженію одного современнаго романиста, и жизнь и наслѣдство самымъ основательнымъ образомъ на жертвенникѣ новѣйшаго Ваала, съ его веселыми жрицами, собрался однажды, въ концѣ прошлаго мая мѣсяца, съѣздить въ Павловскъ къ пріятелю, нанявшему тамъ дачу.

Ванилинъ жилъ еще въ городѣ, потому-что не могъ рѣшить благовременно—куда ему дѣвать себя на это лѣто: ѣхать-ли, для окончательнаго «прожиганія», куда-нибудь на воды, заграницу, — или отдохнуть отъ треволненій зимняго сезона подъ сѣнью скромныхъ павловскихъ березъ?

Судьба рѣшила этотъ вопросъ по своему...

Поѣздъ изъ Петербурга въ Павловскъ, готовъ былъ уже двинуться въ то время, когда Ванилинъ, вѣчно вездѣ опаздывающій по привычкѣ и по принципу — появился у дебаркадера. Одна только его бонтонная, шикарная внѣшность и билетъ перваго класса побудили кондуктора отворить ему дверь въ вагонъ, уже на ходу поѣзда. Ванилинъ опустился на первое попавшееся сидѣнье и осмотрѣлся. Въ вагонѣ сидѣло, по разнымъ угламъ, всего человѣка три, четыре; — но его вниманіе всецѣло сосредоточилось на случайной сосѣдкѣ. Какъ разъ противъ него, у окна, на разстояніи, съ котораго можно слышать дыханіе другъ–друга, сидѣла красивая молодая женщина, изящно и просто одѣтая, и съ такимъ лицомъ, которое точно ожигаетъ глаза когда на него смотришь. Это ощущеніе испыталъ и Ванилинъ, въ

15*

особенности, когда они встрѣтились взглядами. Въ ея темныхъ глазахъ свѣтился не то вызовъ, не то холодное пренебреженіе...

«Это глаза опытной свѣтской женщины, которая—кто знаетъ?—можетъ быть не прочь и покутить!» подумалось Ванилину, и онъ сталъ искать приличнаго предлога для начала бесѣды.

«Особа» его крайне заинтересовала. Его привычное къ этой темѣ воображеніе подогрѣвало въ немъ ту дешевенькую страсть, которой сердце ежечасно вспыхиваетъ при видѣ всякой хорошенькой женщины—на долго-ли? объ этомъ можно и не упоминать.

Поѣздъ мчится чертовски скоро... Безцѣнное время уходитъ, а предлогъ для бесѣды все еще не придуманъ; вдругъ,—о, счастье—она первая раскрыла уста и заговорила!

— Вы, m-sieur, вѣроятно хотите что-нибудь сказать мнѣ? громко обратилась она, смѣло и насмѣшливо глядя въ глаза Ванилину.

Тотъ даже отшатнулся отъ этого взгляда; но тотчасъ-же подвинулся впередъ и, сощуривъ глаза, медленно, сквозь носъ протянулъ съ снисходительной улыбкой (Онъ уже считалъ, что его дѣло на половину выиграно).

— Я хотѣлъ сказать, madame... Но почему вамъ вдругъ показалось, что я хочу что-нибудь сказать?

— Очень натурально! Вотъ уже четверть часа, какъ вы точно стараетесь вскочить мнѣ въ глаза. Я полагаю, что такъ пристально смотрятъ только тогда, когда хотятъ что-нибудь сказать?

— Вы угадали. Надѣюсь, впрочемъ, васъ не шокируетъ, что во мнѣ явилось это желаніе и такъ или иначе высказалось. Согласитесь—оно такъ естественно въ дорогѣ, и въ этомъ случайномъ tête à tête, въ которое мы съ вами поставлены, волею судебъ—voilà!..

— Вы находите, что оно очень естественно?

— У меня есть еще сильнѣе аргументъ, къ вашимъ услугамъ!

— Напримѣръ?

Ванилинъ подвинулся еще ближе и пристально посмотрѣлъ въ глаза молодой женщины.

Онъ держался въ своихъ походахъ на женскія сердца тактики — быстроты и натиска и былъ убѣженъ, по опыту, что это самая вѣрная система; но теперь почему-то колебался.

— Madame! проговорилъ онъ съ чувствомъ. Ужели-бы вы, какъ женщина, простили мнѣ, еслибъ я не обратилъ должнаго вниманія на вашу обворожительную наружность и не искалъ приличнаго предлога слышать вашъ голосъ, восхищаться вашей улыбкой?

Выслушавъ эту тираду, она расхохоталась, ярко блеснувъ своими ослѣпительно бѣлыми зубами.

— Признаюсь, такого... сильнаго аргумента я даже не ожидала!

— Вы смѣетесь; однако, это такъ и иначе быть не можетъ! проговорилъ Ванилинъ, все болѣе и болѣе наэлектризовываясь созерцаніемъ ея наружности.

— Какъ видно, вы опасный человѣкъ! лукаво усмѣхнулась она.

— Кто изъ насъ опаснѣе—вы или я, это трудно рѣшить!

— Ахъ, вовсе не трудно! Возлѣ васъ даже сидѣть, кажется, небезопасно... Вы мнѣ отдавили мозоль на ногѣ...

До нельзя сконфуженный Ванилинъ быстро отдернулъ свои ноги, а молодая женщина спокойно встала и пересѣла на другое мѣсто... Дремавшій насупротивъ сѣдой генералъ раскрылъ глаза, посмотрѣлъ на нихъ пристально и многознаменательно высморкался.

Такъ начался романъ моего героя.

Надо-же было случиться такому стеченію обстоятельствъ, что предметъ новой страсти Ванилина оказался очень хорошей знакомой его пріятеля, жившаго въ Павловскѣ и, притомъ, сосѣдкой по дачѣ. Въ тотъ-же день, «на музыкѣ»—ввечеру, Ванилинъ былъ ей представленъ и, не взирая на утреннюю сцену въ вагонѣ, получилъ приглашеніе отъ нея и отъ ея мужа бывать у нихъ въ домѣ.

Герой мой торжествовалъ и, отправляясь обратно въ Петербургъ въ тотъ-же день, самодовольно помышлялъ, что его тактика покоренія женскихъ сердецъ и въ этотъ разъ принесетъ въ концѣ-концовъ желанные плоды.

Прошло недѣли двѣ. Ванилинъ чуть не каждый день ѣздилъ къ Саврасовымъ (фамилія его новыхъ знакомыхъ) и только ждалъ рѣшительнаго объясненія съ г-жей Саврасовой, чтобы и совсѣмъ переѣхать въ Павловскъ. Страсть его къ ней росла не по-днямъ, а по часамъ. Вздохи, намеки и краснорѣчивые взгляды влюбленнаго, казалось, начинали оказывать свое неотразимое дѣйствіе на молодую женщину.

И вотъ, улучивъ, однажды, минуту, когда ни откуда не ожидалось помѣхи, — такъ-какъ мужъ уѣхалъ въ Петербургъ — Ванилинъ приступилъ къ рѣшительному объясненію. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ безбрежность своей страсти и робко просилъ отвѣта...

Г-жа Саврасова слушала его внимательно... Хорошій признакъ! И когда онъ кончилъ, сказала:

— Прекрасно! вы мастеръ своего дѣла, m-r Ванилинъ; но я не такая уже дурочка, чтобы повѣрить вамъ и всѣмъ вамъ подобнымъ, что вы дѣйствительно способны серьезно полюбить женщину. Вспомните, m-r Ванилинъ, ваше прошлое; сочтите хорошенько какою цѣною обошлись для васъ вереницы вашихъ прошлыхъ страстишекъ со всѣми этими Армансъ, Эмиль и проч., и увидите, что вы до послѣдней полушки израсходовали на нихъ ваше любвеобильное сердце... Не правда-ли?

Слова прискорбныя, но развѣ трудно ихъ опровергнуть?

— О, какъ вы несправедливы къ самой себѣ и ко мнѣ! воскликнулъ нашъ герой. Развѣ возможно сравнивать страсть, которую вы внушаете, съ минутной склонностью къ какой нибудь... misérable? Клянусь вамъ, я васъ люблю безгранично...

— Но, доказательствъ m-r!.. Докажите мнѣ не на словахъ, а на дѣлѣ, что вы не лжете!

— Какихъ доказательствъ — требуйте! Я все сдѣлаю для васъ!

Ванилинъ готовъ уже былъ поздравить себя съ полнымъ успѣхомъ, потому-что когда женщина требуетъ доказательствъ любви — дѣло ея проиграно окончательно!..

— Извольте, я вамъ назначу испытаніе! Если вы его выдержите тогда... тогда я вамъ повѣрю. Оно вотъ въ чемъ будетъ состоять: начиная съ завтрашняго дня, въ теченіе цѣлой недѣли, вы должны бывать каждый разъ въ Павловскомъ воксалѣ «на музыкѣ» г. Мансфельда и внимательно прослушивать все, чтобы онъ ни игралъ по своей программѣ. Согласны ли вы принять это испытаніе?

— Вы шутите... какое-же это испытаніе? легкомысленно возразилъ Ванилинъ.

— Какое бы ни было, — попробуйте его выдержать! Замѣтьте, что за вами будутъ зорко слѣдить и, пока вашъ искусъ не кончится, видѣть меня вы не можете. Au revoir m-r!..

Ванилинъ счелъ это условіе за пустой женскій капризъ, исполненіемъ котораго, однако, онъ получалъ все... Поэтому, нечего и говорить, что онъ, съ радостью и съ великимъ усердіемъ, сталъ продѣлывать назначенное ему смѣхотворное испытаніе. Если было въ чемъ для него испытаніе, такъ это въ отсрочкѣ блаженства — ни болѣе.

Вечеръ.

На неширокой площадкѣ, уставленной посрединѣ скамейками и очерченной ротондой воксала, круговращательно толчется павловская публика, со свойственной одной ей респектабельностью. Ея сѣроватыя волны мужскихъ пальто и пиджаковъ, какъ-бы вспѣненныя скромнымъ мусленъ-де-леномъ и ситчикомъ дамскихъ костюмовъ, павловской сезонной моды, пестрѣютъ изрѣдка и заѣзжими изъ города шелками и бархатами купеческаго моветона (Очевидно, павловскія дачныя барыни рѣшились во очію показать свѣту, что ситецъ могутъ носить не однѣ только кухарки. Преклоняюсь передъ ихъ подвигомъ!

Въ срединѣ ротонды, надъ этимъ фешенебельнымъ моремъ мусленъ-де-леновъ, красуется подъ сѣнію павильона толстая, усастая физіономія, съ неуклюжей плавностью ковыряющая воздухъ дирижер-

ской палочкой... Это дѣйствуетъ почтенный г. Мансфельдъ, едва-ли не единолично слушающій со вниманіемъ тѣ ископаемо мудреныя штуки, которыя исполняетъ его оркестръ.

Симфоническая «ученая» музыка Бетховеновъ, Меньдельсоновъ, Шопеновъ и др. знаменитостей, конечно, вещь прекрасная; но какъ хотите, не для «сада»... Хорошенькій-ли, бойкій вальсикъ чародѣя Страуса или глубокомудрая, а потому трудно понимаемая симфонія Бетховена—что больше понравится хотя бы даже и образованнѣйшей павловской публикѣ,—объ этомъ, кажется, не можетъ быть спору. Притомъ-же, г. Мансфельдъ нестерпимо повторялся въ своей программѣ, и вообще, прослушавъ его только одинъ вечеръ, я досконально уразумѣлъ, почему онъ не пользовался у публики фаворомъ, хотя оркестръ его былъ вовсе не дуренъ.

Научно-знающихъ музыку у насъ мало, даже и между музыкантами, не говоря уже о публикѣ; притомъ-же, въ нашъ суетный вѣкъ, музыка, какъ и все, подчиняется модѣ—есть вещицы, совершенно ничтожныя, въ музыкальномъ отношеніи, но ими заслушиваются потому только, что онѣ модныя. Гг. Мансфельды очевидно, слишкомъ пренебрегаютъ этими указаніями. Конечно, это дѣлаетъ честь ихъ высокому пониманію своего призванія; но въ тоже время нагоняетъ нестерпимую тоску на его слушателей. Онъ, точно учитель, который-бы вздумалъ преподавать ребенку, знающему только буки-азъ-ба, аналитическую алгебру. Нигдѣ и никогда мнѣ не встрѣчалось видѣть болѣе заморенныхъ скукою слушателей, какъ подъ смычками г. Мансфельда...

Но, что-же нашъ герой? Исполнилъ-ли онъ назначенное испытаніе и пожалъ-ли, наконецъ, плоды своихъ ловеласовскихъ подвиговъ?— Бѣдняжка!.,

Читатель, прочитавъ сказанное нами о музыкѣ г. Мансфельда, уразумѣетъ—въ какой степени было жестоко назначенное моему герою испытаніе!

Коварная женщина! она знала, что о такого сорта пробный камень должна сломаться самая пламенная страсть. Но коварство это несчастный Ва-

нилинъ вполнѣ измѣрилъ только на третій вечеръ «внимательнаго» прослушиванія программы г. Мансфельда. Онъ увидѣлъ теперь, что не въ силахъ вынести этого страшнаго испытанія. Цѣлую ночь, послѣ третьяго вечера, онъ не могъ уснуть отъ безпрерывно раздававшихся въ его ушахъ мансфельдовскихъ звуковъ. Ему опротивѣла не только эта «проклятая», какъ онъ назвалъ, ученая музыка, но и весь свѣтъ. Утромъ его била лихорадка; онъ изнемогалъ и рѣшился просить пощады; но—увы! на его жалобное письмо г–жа Саврасова отвѣтила, что она остается непреклонной...

Проподай–же моя головушка!. Жестокая женщина, ты будешь оплакивать мою могилу! съ отчаяніемъ воскликнулъ бѣдный Ванилинъ и устремился снова подъ смычки Мансфельда, съ твердой рѣшимостью умереть или побѣдить. Судьба рѣшила иначе...

Въ пятый вечеръ его нервы до того были разстроены, что онъ не могъ равнодушно видѣть палочки г. Мансфельда и сѣлъ къ нему тыломъ. Долго крѣпился онъ, вынося опостылѣвшіе звуки; вдругъ, сидѣвшее по близости почтенное дачное семейство, опрометью кинулось отъ него, испуганное вырвавшимся изъ его груди страшнымъ истерическимъ хохотомъ.

Ванилинъ вскочилъ и забѣгалъ передъ эстрадой, гдѣ помѣщается оркестръ... Въ головѣ его помутилось. Въ глазахъ двоится и вотъ, видитъ онъ, что Мансфельдъ ухарски напиливаетъ смычкомъ, будто–бы, не по скрипкѣ, а, какъ есть, по самой г–жѣ Саврасовой... Молодымъ человѣкомъ овладѣло бѣшенство и ревность. Онъ кинулся къ эстрадѣ; но, къ счастью, Мансфельдъ скрылся въ глубинѣ ея.

Съ этого момента Ванилинъ ополоумѣлъ. Немного спустя, онъ подошелъ къ какой то почтенной мусленделеновой барынѣ, обхватилъ ее, вдругъ, какъ музыканты обхватываютъ віолончель, и сталъ наигрывать по ней тростью, какъ смычкомъ...

Разумѣется, пассажъ этотъ произвелъ ужаснѣйшій скандалъ на всю «площадку». Бѣдный молодой человѣкъ былъ схваченъ подлежащими властями и препровожденъ въ злачное мѣсто...

Сначала всѣ приняли Ванилина за мертвецки—пьянаго; но вскорѣ убѣдились, что онъ въ этомъ неповиненъ... Призвали доктора, который нашелъ, что у несчастнаго просто mania furibunda, т. е. неистовое умопомѣшательство...

Когда г—жа Саврасова узнала объ этомъ, то съ неподдѣльной горестью воскликнула:

— Клянусь, я вовсе не хотѣла такъ жестоко наказать этого несчастнаго молодаго человѣка за его неумѣстное ухаживанье!..

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРУССКАГО БАРАБАНЩИКА.

(Въ 1874 г., благодаря предпріимчивости г. Берга, въ Петербургъ прибылъ прусскій военный оркестръ и далъ цѣлый рядъ концертовъ. Это было настоящее событіе для петербуржцевъ — вообще, петербургскихъ пруссофиловъ — въ частности, и петербургскихъ нѣмцевъ — въ особенности. Герои Седана сдѣлались у насъ настоящими героями дня; но найбольшимъ фаворомъ публики пользовался, въ числѣ музыкантовъ оркестра, одинъ молодой барабанщикъ, большой виртуозъ, дѣйствительно, отбивать барабанную дробь. Это-то обстоятельство и послужило темой для нижеписанной юмористической статейки.)

...Представьте, какой счастливый случай! Купилъ я въ колбасной Гофмана фунтъ вестфальской ветчины; приношу домой, разворачиваю и уже готовъ былъ бросить подъ столъ исписанный полулистъ бумаги въ которомъ была завернута моя покупка, какъ вдругъ въ глаза мнѣ бросилась фраза:

«hiesigen Deûtsche sehr lieben die Trommelschlang». *) Такое характеристическое замѣчаніе, натурально, сильнѣйшимъ образомъ возбудило мое любопытство. Я старательно расправилъ засаленный полулистъ и съ большимъ интересомъ прочелъ въ немъ слѣдующее. (Дѣлаю подстрочный переводъ. Къ сожалѣнію манускриптъ неполонъ и даже первая фраза начинается половиной слова):

«...ура, послѣ ежедневной взлупки учащенной дробью, потеряла

---

[1]) То есть: здѣшніе нѣмцы очень любятъ барабанный бой.

резонансъ и наконецъ позорно треснула... такая мнѣ досада. (Очевидно, первое слово здѣсь шкура — рѣчь идетъ о барабанѣ).

«Зная, какъ здѣшніе нѣмцы любятъ барабанный бой, и радѣя о доброй славѣ прусскаго барабана, до сей поры не безъ успѣха мною поддерживаемой, я впалъ почти въ отчаяніе... Гдѣ я достану въ этой невѣжественной сторонѣ шкуру, достойную моего барабана?!

Хотя здѣшніе нѣмцы, искони улучшающіе всѣ мѣстныя издѣлія, не мало усовершенствовали и вычинку русской шкуры, но до нашей ей еще далеко... Правда она очень прочна, никакими палками не перешибешь, даже напротивъ — чѣмъ больше колотишь, тѣмъ она крѣпче дѣлается; но въ ней нѣтъ еще той эластичности, тонины и чуткой отзывчивости, какія проявляетъ, подъ искуснымъ ударомъ палокъ, несомнѣнно, однако только чисто—нѣмецкая кожа.

«Такимъ образомъ, барабанъ мой, на время пребыванія нашего здѣсь, долженъ былъ смолкнуть... Понятно, это былъ—бы ужасный ущербъ для моего кармана и для моей личной славы.

Могу сказать безъ хвастовства, что моя барабанная дробь постоянно вызывала ураганъ аплодисментовъ. Въ оваціяхъ моему искусству принимали живѣйшее участіе не только нѣмцы, но и русскіе. Однажды подошелъ ко мнѣ сѣдой генералъ, пожалъ руку и сказалъ съ чувствомъ:

— Съ такими барабанщиками, какъ вы, можно завоевать весь свѣтъ!

Другой тоже подошелъ какъ — то и съ неменьшимъ чувствомъ воскликнулъ:

— Еслибъ я не былъ генераломъ, то хотѣлъ-бы быть такимъ барабанщикомъ какъ вы...

Здѣшніе нѣмцы носили меня, какъ говорится на рукахъ. Товарищи явно завидовали. Даже герръ капельмейстеръ какъ-то замѣтилъ съ досадой:

— Ну, Фрицъ, вотъ и ты попалъ здѣсь въ великіе люди... Разскажешь дома — никто не повѣритъ; скажутъ еще: «послѣ этого

молъ, всѣ барабанщики, съѣздивъ въ Россію, станутъ великими людьми»... О, думмкопфы!

Не знаю, къ кому относилъ послѣдній нелестный эпитетъ герръ капельмейстеръ; но очевидно, по отношенію ко мнѣ, въ немъ говорила зависть...

И такъ, мой барабанъ, мой знаменитый барабанъ, не издавалъ ни единаго звука!

На выручку мнѣ явились счастье и гостепріимная дружба... Не могу вспомнить безъ волненія!

Когда по городу разнеслась молва о катастрофѣ съ моимъ чудодѣйственнымъ инструментомъ, наша нѣмецкая колонія сильно встревожилась и приняла живѣйшее во мнѣ участіе. Я былъ заваленъ письмами и предложеніями всевозможнаго рода. Всѣ хотѣли какъ-нибудь помочь моей бѣдѣ.

Одна добрая фрау написала мнѣ: «есть говоритъ, у меня единственное въ мірѣ сокровище — собачка шпицъ; но если его шкурка можетъ быть годна для вашего барабана—возьмите ее»!..

Нашелся даже какой-то щирый нѣмецъ, который, изъ патріотизма, какъ онъ писалъ, предлагалъ потребное для моего инструмента количество кожи вырѣзать изъ его собственнаго хребта.

О моемъ злоключеніи былъ даже поднятъ вопросъ въ фармацевтическомъ конгрессѣ. Оттуда мнѣ написали: «не можемъ-ли мы оказать вамъ содѣйствіе? Приказывайте»!... Но что я могъ приказывать?..

Въ то время, какъ я предавался моей печали и старался потопить его въ калинкинскомъ пивѣ, дружба бодрствовала.

Мой искренній другъ г. Бергъ, который какъ я достовѣрно узналъ здѣсь, открылъ Америку (Колумбъ тутъ ни причемъ) и который ангажировалъ сюда нашъ оркестръ, чуть узналъ о моей бѣдѣ, тотчасъ-же секретно по телеграфу выписалъ изъ Берлина новый барабанъ. Никому другому такая простая штука не пришла въ голову...

Можете представить себѣ, какъ я былъ обрадованъ такимъ сюрпризомъ, можете представить себѣ, какъ мы его вспрыснули!.. До-

вольно сказать, что въ тотъ счастливый день на пространствѣ всего Крестовскаго, Аптекарскаго и Новой деревни, все пиво было истреблено до послѣдней бутылки...

На другой день мы должны были играть въ новомъ Александровскомъ саду. Публика узнала еще наканунѣ, что я опять буду давать концертъ, поэтому, уже съ полуночи начала валить въ садъ... Никакіе заборы, никакіе сторожа, не могли воспрепятствовать ея громадному наплыву.

Наконецъ, явились въ назначенный часъ и мы. Тутъ только я увидѣлъ, какъ великъ Петербургъ, какъ велика любовь у здѣшнихъ жителей къ барабанному бою и какъ велика, слѣдственно, моя слава!..

Начали играть; двѣ пьесы прошли благополучно, но, когда началась третья, въ которой я барабанилъ соло, произошло нѣчто чрезвычайное. Едва я коснулся палками барабана, весь нашъ кругъ взмыло и ударило точно волною... Мы видали сраженія, мы бывали во всякихъ перепалкахъ, но ничего подобнаго еще съ нами не случалось. Услышавъ барабанную дробь, публика забыла все и въ какомъ–то умоизступленіи сжала весь нашъ оркестръ, какъ въ тискахъ...

Нашъ толстый капельмейстеръ замахалъ уже не камертономъ, а руками и ногами... Бѣдняжкѣ было очень тѣсно. Наконецъ, едва переводя духъ, онъ крикнулъ: «спасайся, кто можетъ!»... Герои Седана не выдержали... Насилу намъ удалось выбраться изъ сада.

Желая насъ еще больше утѣшить, здѣшніе друзья наши устроили намъ пирушку... Впрочемъ, насъ угощали пирушками чуть не каждый день почти и каждый день я былъ безофенъ...

Сверхъ того, почти каждый день я получалъ цѣлый ворохъ биле-ду, съ приглашеніями на рандеву, но—непремѣнно съ барабаномъ... Странная прихоть у здѣшнихъ нѣмокъ! Милашки брали въ руки мой инструментъ, гладили его и щупали, находили, что онъ очень красивый, что онъ очень упругій и, затѣмъ, такъ сладко просили, чтобъ я про-

барабанилъ для нихъ маленькую, хорошенькую дробь»... Конечно, я старался всегда уконтектовать ихъ по мѣрѣ силъ...

Припоминаю смѣшной случай со мною. Одинъ добрый нѣмецъ — булочникъ пригласилъ меня къ себѣ на свадьбу... Разумѣется, я былъ первымъ гостемъ и меня не знали какъ угостить, а мой инструментъ, на которомъ я имъ игралъ, не знали гдѣ помѣстить, чтобъ и ему было хорошо... Нашлись патріотки, которыя даже цѣловали его.

Пили мы, конечпо, очень много, такъ-что, наконецъ, я потерялъ сознаніе и уснулъ...

Точно въ явѣ, представилось мнѣ, что я дѣйствительно очень великій нѣмецъ, такой великій, что даже герръ-канцлеръ начинаетъ мнѣ завидовать. Желая отъ меня избавиться, онъ мнѣ говоритъ:

Фрицъ! ты великій нѣмецъ, твой барабанъ долженъ завоевать весь свѣтъ. Вотъ тебѣ пятнадцать зильбергрошей — отправляйся въ походъ!

И вотъ сдѣлавъ налѣво кругомъ, я будто-бы марширую по назначенію... Снится мнѣ, что я уже не барабанщикъ, а полный генералъ и начальствую арміей барабанщиковъ... Ихъ дружный бой наполняетъ всю вселенную. Спустя не много, опять снится совсѣмъ наоборотъ: будто-бы я по прежнему барабанщикъ и предводительствую огромной арміей, состоящей изъ однихъ генераловъ... Такая несообразность, а точно въ явѣ!..

Но вотъ оказія! когда я очнулся утромъ—представьте мое удивленіе и конфузъ — я увидѣлъ себя на постели новобрачныхъ!.. Добрые люди отдали мнѣ свою постель, а сами цѣлую ночь любовались моимъ барабаномъ. Они не хотѣли слышать моихъ извиненій и увѣряли, что я имъ сдѣлалъ честь...

Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не есть-ли я очень... очень великій нѣмецъ?!

ПРИМѢРНЫЙ ПОСТНИКЪ.

Первая недѣля великаго поста.

На бойкой Маріинской линіи (какъ и на всѣхъ другихъ) нѣтъ почти никакихъ «дѣловъ». За отсутствіемъ покупателей лавочные молодцы, какъ тѣни грѣшниковъ, уныло торчатъ передъ дверьми. Осоловѣвшими, опухшими съ перепою глазами взираютъ они на прохожихъ и проѣзжихъ и не упускаютъ ни одной удобной оказіи шмыгнуть въ близъ лежащее «заведеніе» на минутку, чтобъ опохмѣлиться. Это имъ теперь легко удается, потому что хозяева въ такіе дни, тоже за отсутствіемъ дѣла, чаще обыкновеннаго засѣдаютъ въ трактирахъ, не ради баловства какого, а либо бражничества, упаси Богъ—а просто чаепійствуютъ. Они и въ самый разгаръ-то масляницы не бражничали, такъ-какъ, говоря правду, ни въ какой другой средѣ у насъ не распространена трезвость въ такой степени, какъ между хозяевами-лавочниками. Совершеннаго пьяницу между ними вы и не встрѣтите, а большинство и въ ротъ не беретъ хмѣльнаго.

Зато попадаются здѣсь люди съ чрезвычайно умѣренными, невзыскательными потребностями, ведущіе жизнь строгую, чуть не аскетическую.

Къ такимъ принадлежитъ и Василій Яковлевичъ, богатый мебельный торговецъ, извѣстный на всю Маріинскую линію своимъ благочестіемъ и богомольствомъ, прозванный сосѣдями кличкой: «Господи помилуй». Надо знать, что Василій Яковлевичъ большой охотникъ во всякое время распѣвать кондаки, ирмосы и, вообще, божественное.

Когда Василій Яковлевичъ появляется утромъ рано на линіи, всѣ

молодцы говорятъ: «Вонъ помилуй мя грядетъ!». И о немъ дѣйствительно можно сказать, что онъ не «идетъ», а «грядетъ». Всегда въ длинной, темныхъ «смирныхъ» цвѣтовъ, одеждѣ, смахивающей на рясы, высокій, сухощавый, онъ важно выступаетъ плавными шагами, величественно раскланиваясь съ сосѣдями и когда подаетъ кому нибудь изъ нихъ руку, то со стороны кажется, какъ–будто онъ даетъ не рукопожатіе, а благословеніе. На улицѣ незнакомые его, когда онъ въ шубѣ, очень часто принимали за духовную особу, а сосѣди, въ разговорахъ съ нимъ, нерѣдко называли его «нашъ отецъ игуменъ»...

На каждой торговой линіи непремѣнно имѣется общественный образъ, иногда ихъ бываетъ нѣсколько. На Маріинской линіи, стараніемъ Василія Яковлевича, поставленъ превосходный образъ въ великолѣпномъ кіотѣ и передъ этимъ образомъ вѣчно теплится лампада. Появляясь на линіи, Василій Яковлевичъ первымъ дѣломъ идетъ къ образу и со всѣми подходящими церемоніями ежедневно оправляетъ и зажигаетъ лампадку передъ нимъ. Ни разу еще никто не видѣлъ, чтобъ онъ, проходя мимо этой святыни, забылъ осѣнить крестомъ свою благочестивую главу, съ лучезарной плѣшью, и не ударилъ при этомъ нѣсколько поясныхъ поклоновъ, касаясь земли перстами правой руки.

На квартирѣ Василія Яковлевича, въ зальцѣ, цѣлый иконостасъ, а по всѣмъ комнатамъ такой благовонный запахъ деревяннаго масла и ладона, что Петрунька Спармацетовъ—фаворитъ Василія Яковлевича, «божій человѣкъ», какая–то темная личность изъ пропившихся кутейниковъ—всегда какъ войдетъ, такъ и воскликнетъ съ умиленіемъ: «Коликое благолѣпіе! раю подобно!»

«Почто кощунствуешь, пустомеля!» возразитъ обыкновенно Василій Яковлевичъ съ довольной улыбкой, говорящей, что и онъ въ душѣ такихъ–же мыслей о своей «обители», какъ называетъ свое жилище.

Въ дѣлѣ благочестія, Василій Яковлевичъ еще болѣе прославился у себя на родинѣ въ Ярославской губерніи, гдѣ онъ на собственный

счетъ соорудилъ въ своей деревушкѣ храмъ, во душеспасеніе себѣ и всѣмъ односельчанамъ; но о всѣхъ богоугодныхъ дѣлахъ Василія Яковлевича мы не скоро бы кончили...

Пользуясь затишьемъ въ торговлѣ, купцы посвящаютъ первую недѣлю поста говѣнью. Говѣетъ и Василій Яковлевичъ. Мы застаемъ его, сидящимъ на скамеечкѣ передъ дверями своей лавки, съ громадными серебряными очками на носу и съ книжкой въ рукахъ. Василій Яковлевичъ читаетъ всегда громко, медленно, смакуя каждое слово, не много на распѣвъ. Нечего и говорить, что онъ читаетъ всегда одно лишь божественное. На этотъ разъ, по случаю говѣнья, онъ читаетъ сочиненіе Александра Славина: «Помилуй мя, Боже, помилуй! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника». Чтеніе не мѣшаетъ ему, однако, заниматься текущими дѣлами и отдавать распоряженія тутъ-же предстоящимъ приказчикамъ.

— «Не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете», благоговѣйно вычитываетъ Василій Яковлевичъ и въ тотъ-же моментъ замѣчаетъ, что одинъ изъ его мальчиковъ украдкой куснулъ что-то изъ рукава и торопливо замололъ челюстями. Ванюшка! ты это тамъ что жуешь? обращается къ мальчугану Василій Яковлевичъ. Подь сюда (Ванюшка подходитъ ни живъ ни мертвъ). Покажи руку... не ту... правую! (у Ванюшки оказывается въ рукѣ кусокъ сайки). Голоденъ ты, мозглякъ, что-ли?.. Слушай слово Божіе, оселъ!.. Ныньче каки дни у насъ? Поди брось сайку-то, оболтусъ!—«Какъ сила и сокъ виноградной лозы (продолжается чтеніе), или иного древа весьма пріумножается и укрѣпляется посредствомъ усѣкновенія прочихъ сучковъ, такимъ родомъ утверждается сердце во истинномъ благо...»—Покупателя упустили, разини! Мимо шелъ—не зазвали, ушелъ къ Семену Ивановичу... Даромъ хлѣбъ жрете, лежебоки! перевертывая страницу мимоходомъ выговариваетъ Василій Яковлевичъ своимъ молодцамъ и опять продолжаетъ изъ книги: «благо... благочестіи, когда оставляютъ излишнія заботы и суетныя дѣла и разсуждаютъ—кая польза человѣку, аще міръ весь обрящетъ»... Третій день безъ почину сидите... Гдѣ у васъ совѣсть-

то, окаянные? Вспомнили-бы, какіе нонѣ дни—на Бога оглянулись-бы! не отрывая глазъ отъ книги причитываетъ Василій Яковлевичъ, чтобъ не потерять строки, на которой оказалась надобность напомнить молодцамъ о совѣсти... «Аще міръ обрящетъ, душу-же свою отщепитъ, продолжается чтеніе. Могу-ли послѣ сего подумать что-либо о себѣ и похвалиться самыми лучшими моими добродѣтелями, коль скоро представлю безуміе моихъ прежнихъ дѣяній и прегрѣшеній»...—Что ты слышь, Морозинъ, который уже разъ я смотрю, болтаешься тутъ у меня передъ глазами? накинулся вдругъ Василій Яковлевичъ на какого-то плюгавенькаго человѣчка, по виду мѣщанина, дѣйствительно нѣсколько разъ кряду мелькавшаго по панели передъ лавкой нашего героя.

— Я къ вашей милости, Василій Яковлевичъ! изгибаясь и кланяясь заговорилъ мѣщанинишко.

— Что тебѣ? освѣдомился тотъ.

— Намедни я поставилъ къ вамъ въ лавку шкапикъ-съ... деньжонокъ бы одолжили: нужда смертная... ей-богу-съ!

— Я нынѣче говѣю и дѣлами не занимаюсь.

— Помилуйте-съ!

— Нечего миловать. Я такъ полагаю, что ты мнѣ еще долженъ за прежнее... въ книжкѣ у меня твоей значится.

— Повѣрили-бы книжку. Этого быть не можно.

— Сказано не теперь... пошелъ! «Когда обращаю взоръ мой», опять пошли душевные и сердечные вопли, «на жизнь свою, то вижу въ ней толикое множество грѣховъ, что потребна для меня была бы цѣлая вѣчность, еслибъ захотѣлъ удовлетворить правосудію Божію бренными силами моими»...

— Не про себя-ли это изволите читать? обратился къ Василію Яковлевичу подошедшій въ это время и прислушавшійся къ его чтенію господинъ въ потертой шинелькѣ съ кошачьимъ воротникомъ и обмочаленными краями——физіономія, какъ говорится, «запьянцовская», фигура—пренечистоплотная и подозрительная.

— А Спармацетовъ... Шутъ... Петрунька! повернулся къ нему Василій Яковлевичъ, видимо довольный гостемъ.

— Это не въ своей-ли жизни изволили вычитать «толикое множество грѣховъ»? спрашивалъ Спармацетовъ.

— А хотя бы и въ своей. Вѣдь и я тожъ человѣкъ—плоть немощна—грѣшенъ...

— Н–ну, ужъ послѣ этого, коли такіе богоугодники во множествѣ грѣховъ объявляются, такъ намъ и мѣста въ гееннѣ не найдется, довольно чтобы теплаго... право!

— Полно тебѣ лясы точить! возразилъ не безъ самодовольствія польщенный Василій Яковлевичъ. Ты вотъ ихъ поспроси, указалъ онъ на своихъ молодцевъ, за какого грѣшника они меня почитаютъ? Можетъ, пойду къ исповѣди, такъ и прощенія не удостоютъ...

— Дураки будутъ! рѣшительно заявилъ Петрунька. Дураки и неблагодарные, лукавые рабы, потому вы для нихъ благодѣтель, равно отецъ... Вѣрно я говорю?

— Обнаковенно!.. — Какже–съ! пробормотали сконфуженные молодцы, стараясь выслужиться.

— Ладно... Пойдемъ–ка, шутъ, чай пить. Отощалъ я нѣшто и прозябъ! сказалъ Василій Яковлевичъ, поднимаясь со скамейки?

— Сейчасъ видно великаго грѣшника... объѣлись чай? пошутилъ Петрунька. Трехкопѣечную булку небось за день цѣликомъ упрятали?..

— Половинку, другъ... грѣшенъ; хотѣлъ было сегодня и завтра совсѣмъ воздержаться отъ ѣды, какъ наши отцы дѣлывали — пока причастія не сподоблюсь, однимъ чаемъ баловаться... не по силамъ!

— Эка грѣшникъ... Господи!

Среди такихъ душеспасительныхъ разговоровъ собесѣдники добрались до ближайшаго трактира. Василій Яковлевичъ потребовалъ чаю «на двоихъ», но когда слуга поставилъ передъ ними требуемое, Василій Яковлевичъ съ ужасомъ увидѣлъ, что имъ подали скоромный сахаръ.

— Почтенный! обратился онъ къ слугѣ. Ты это насъ за кого-же, за басурманъ, почитаешь, что ли? Кто въ этакіе-то дни пьетъ чай со скоромнымъ сахаромъ? Убери вонъ!

— Вамъ угодно съ постнымъ? можно-съ!

На смѣну обыкновеннаго сахара, явился такой, какой бываетъ въ московскихъ конфектахъ, т. е. тотъ-же сахаръ, но смѣшанный съ мукой и миндалемъ и подкрашенный клюквой *).

— Вотъ грѣхъ, отъ котораго не могу отучить себя: хожу въ эти трущобы! мотнувъ головою на стѣны трактира, говорилъ Василій Яковлевичъ, принимаясь за чай.

— У меня и побольше грѣхъ, да я не жалуюсь: чуть зашелъ въ трущобу, сейчасъ это къ рюмочкѣ... эхъ-ма! вздохнулъ Спармацетовъ.

— Срамникъ!.. Душу свою губишь... Не бойсь и теперь выпилъ-бы?

— Собственно, за ваше здоровье, благодѣтель!

Строгій и воздержный Василій Яковлевичъ, никогда въ ротъ не бравшій ничего хмѣльнаго, охотно подчивалъ водкой Спармацетова. Поподчивалъ и теперь. Дѣло въ томъ, что Петрунька, подъ наитіемъ рюмки, всегда бывалъ неистощимъ въ изліяніяхъ лести своимъ благодѣтелямъ. За это его собственно поили и кормили. Въ средѣ купечества, въ торговыхъ рядахъ, вы всегда встрѣтите такихъ погибшихъ, спившихся съ кругу личностей. Для скучающихъ лавочниковъ они большая утѣха. Ими забавляются, какъ скоморохами, трунятъ надъ ними и издѣваются, порой исколотятъ, оплюютъ, ошельмуютъ; но за то напоятъ и накормятъ.., «Божіи люди» легко примиряются съ своей судьбой и не нарадуются на своихъ самодуровъ — «благодѣтелей»...

---

*) Во всѣхъ трактирахъ, посѣщаемыхъ среднимъ купечествомъ, имѣется такой сахаръ. Благочестивый купецъ первую и послѣднюю недѣлю поста пьетъ чай неиначе, какъ съ постнымъ сахаромъ, въ твердомъ убѣжденіи, что чистый сахаръ—продуктъ скоромный.

— И что, какъ я посмотрю на вашу жисть, Василій Яковлевичъ,— кольми паче вашими добродѣтелями свѣтъ только и держится... всегда скажу-съ!

Спармацетовъ, выпивъ, старался воскурять ѳиміамъ по мѣрѣ силъ высокимъ слогомъ.

— Кака моя жисть? какъ-бы нехотя отозвался Василій Яковлевичъ, откусывая сахаръ.

— Ваша жисть это-съ... это житіе-съ... да-съ... настоящее житіе-съ! горячо восклицалъ Петрунька.

— Да что я—схимникъ, святой человѣкъ, что-ли!

— А развѣ нѣтъ? На міру живете смирнѣе и добродѣтельнѣе всякаго монаха...

— Хотѣлось-бы, братъ, такъ жить. О томъ не въ рѣдкость мысль приходитъ уйти отъ міра и постричься... Много нонѣ на міру грѣховъ и мерзостей развелось... больно много! Смотрѣть тошно... охъ-охохъ!

Черезъ полчаса, послѣ чаю, приправленнаго такого рода словопреніемъ, Василій Яковлевичъ возвратился въ лавку. Приближался часъ, когда ему пора было идти на исповѣдь. У лавки его снова встрѣтилъ Морозинъ:

— Василій Яковлевичъ! заговорилъ онъ къ нему дрожащимъ просительнымъ голоскомъ. Будьте милостивы, разсчитайте меня... Мнѣ хоть утопиться—такъ деньги нужны... ей—богу! Жена больна при смерти... дѣти сидятъ голодные въ нетопленной избѣ... Помилосердуйте!

— Ты меня искушать пришелъ?

— Какъ можно?

— А какже? Вѣдь сказано тебѣ, что я ныньче говѣю, о душѣ своей предъ Господомъ промышляю, а ты тутъ пристаешь, наводишь на искушеніе выругать тебя и не грѣшно тебѣ?

— Какъ бы вы вошли въ мое положеніе...

— Чего мнѣ входить?—Васъ охтенскихъ столяровъ, довольно хоро-

що всѣ знаютъ — первые пьяницы и плуты... тьфу, тьфу! спохватился Василій Яковлевичъ. Вѣдь вотъ, мнѣ къ исповѣди идти, а ты меня искушаешь ругаться съ тобой... Отыди-же сатане!

— А можетъ меня Господь къ вамъ на этотъ собственно часъ послалъ для вашей, значитъ, душевной пользительности?.. И это бываетъ! догадался проситель зайти съ другой стороны и не ошибся въ разсчетѣ.

Покобянившись еще съ минуту, Василій Яковлевичъ сказалъ наконецъ:

— Ну, пойдемъ—посчитаемся... Неча дѣлать—возьму лишній грѣхъ для тебя.

Василій Яковлевичъ всегда былъ тугъ на разсчеты и, по привычкѣ многихъ торговцевъ, всегда старался по возможности не додать и обсчитать. На эту штуку онъ былъ ловкій мастеръ и ему она часто удавалась при разсчетахъ со столярами, большею частью, темными, неграмотными людями. И въ этотъ разъ, считаясь съ Морозинымъ въ ничтожной суммѣ, онъ дѣйствительно взялъ на свою душу лишній грѣхъ, обсчитавъ бѣдняка на нѣсколько рублей. Тотъ, счастливый тѣмъ, что хоть что нибудь получилъ для своей неотложной нужды, не сталъ особенно вникать и повѣрять учиненный разсчетъ, а взамѣнъ того разсыпался въ непритворныхъ благодарностяхъ...

— Охъ, вотъ и еще согрѣшилъ — возись тутъ съ людьми! со скорбію подумалъ Василій Яковлевичъ, отпустивъ Морозина. Не вернуть-ли одначе? шевельнулась въ немъ совѣсть. Не отдать-ли бѣдняку все сполна; можетъ и въ самомъ дѣлѣ семья у него голодаетъ... а?.. Какъ и въ писаніи сказано: «кая польза человѣку, аще и весь міръ обрящетъ»... Эхъ, за одно ужъ къ исповѣди идти! сказалъ онъ, рѣшительно щелкнувъ ключемъ, на крѣпко запирая бюро съ деньгами. Такіе-ли еще грѣхи преблагій Господь прощаетъ, коли искренно покаешься... Разбойнику Варавѣ простилъ...

И съ такими благочестивыми размышленіями Василій Яковлевичъ смиренно направился въ церковь, приговаривая и низко кланяясь всѣмъ

встрѣчнымъ знакомымъ: «Простите, въ чемъ согрѣшилъ передъ вами»?

— Въ чемъ ты согрѣшилъ, праведный человѣкъ, Господь съ тобою! отвѣчали сосѣди болѣе или менѣе искренно.

Не стану описывать, съ какимъ сокрушеніемъ молился и исповѣдывался Василій Яковлевичъ и съ какимъ благоговѣніемъ приступилъ на другой день къ причастію. Когда, совершивъ весь обрядъ, явился онъ на линію, весь торжествующій небесною радостью, отъ его строгаго благочестиваго лица точно сіянье какое исходило. Всѣ сосѣди и молодцы разсыпались передъ нимъ въ поздравленіяхъ, а Спармацетовъ чуть не молился на него.

— Святой вы человѣкъ теперь, говорилъ онъ ему. Чаю даже, что азъ, сквернавецъ, не достоинъ лицезрѣть пречестный ликъ вашъ.

— На долго-ли святость эту сохранить можно, когда со всѣхъ сторонъ искушенія одолѣваютъ? сомнѣвался Василій Яковлевичъ.

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ предъ нимъ откуда не взялся обезпокоенный чѣмъ-то Морозинъ.

— Поздравить чай пришелъ?.. Спасибо, братъ... Точно, сподобилъ Господь! обратился къ нему Василій Яковлевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Морозинъ поздравить поздравилъ; но, затѣмъ, выбравъ минуту, повелъ рѣчь о томъ, что онъ получилъ ошибочный разсчетъ, что ему слѣдуетъ дополучить еще столько-то рубликовъ.

Василій Яковлевичъ долго спорилъ и отпирался, но, видя, что этимъ ничего не возьметъ и, потерявъ терпѣніе, сказалъ, наконецъ:

— Ну, а ежели и по твоему—самъ ты виноватъ. Отчего вчера не хватился? — Теперь поздно... Грѣхъ этотъ я ужъ на свою душу принялъ и покаялся въ немъ предъ Всевышнимъ на духу... Значитъ, ужъ этому дѣлу конецъ. Даромъ, что-ли грѣхъ-то этотъ я взялъ на себя? Рази положено ворочать назадъ покаяніе-то?... Гдѣ объ этомъ писано—укажи?.. Ну, и не тревожь, отстань; хоть волкомъ вой—не заплачу!

И Василій Яковлевичъ сдержалъ слово.

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ПОЛУСВѢТА.

ОТВЕРЖЕННАЯ.

...«Ты ласкалъ меня, любовался—упивался красотой моей и потомъ бросилъ, какъ скорлупу отъ орѣха, съ спокойной совѣстью, съ холоднымъ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

И какже иначе! Развѣ ты не щедро расплатился и развѣ не вдавилъ ты своими горячими поцѣлуями еще глубже «роковыя слова» въ бѣлое чело мое?!.

О, какъ я смѣялась, когда кончился нашъ получасовый романъ и ты ушелъ отъ меня съ такой тупой, брезгливо-эгоистичной миной!

Я видѣла, еслибъ ты услышалъ и понялъ этотъ смѣхъ, твои уста, которыя такъ недавно лобзали меня, извергли-бы цѣлый ядовитый потокъ проклятій и брани.

Быть можетъ тогда, къ твоему негодующему изумленію, ты тоже почувствовалъ-бы и на своемъ челѣ жгучую боль и позоръ «роковыхъ словъ».

Вообрази-же, какъ возмутилась-бы отъ этого нежданнаго открытія твоя благородная гордость!

«Какъ! эта презрѣнная «жертва» смѣетъ уличать и судить того, кому она судьбой и статистикой обречена на закланіе? Какая преступная дерзость!

Но ты не видѣлъ и не слышалъ этой дерзости и—благо!

Къ чему выказывать этотъ желчный смѣхъ, этотъ ребяческій протестъ слабой загубленной силы противъ несокрушимыхъ утесовъ вѣковой тупости и дикости? Развѣ затѣмъ, чтобы они—эти утесы—об-

рушились и раздавили твое продерзостное существованіе? Что-жъ въ этомъ новаго и поучительнаго?

Притомъ-же, господа, я такъ люблю мой маленькій комфортъ и такъ люблю ваши рубли и ваше шампанское... Vive la gaîté и прочь сатира!..

***

Ты какъ-то упрекалъ меня, что я холодна и безчувственна... О, еслибъ это было правда!

Какая нестерпимая мука чувствовать въ себѣ живую душу, которой никто не подозрѣваетъ и до которой никому—никому нѣтъ никакого дѣла! Что мнѣ начать съ этимъ лишнимъ и безполезнымъ сокровищемъ?..

И вотъ, я обратила его въ орудіе безграничной ненависти и презрѣнія къ самой себѣ и ко всѣмъ тѣмъ, кто меня презираетъ. (А кто меня не презираетъ?).

Ненавижу себя я за то, что во мнѣ нѣтъ силъ и воли ни спасти себя, ни прервать заразъ тонкую нить моего гнуснаго существованія!

Я только плачу порой и стенаю, глядя на эту безпрерывную темень и пустоту во мнѣ и вокругъ меня. Ни одной свѣтлой точки впереди, никакой цѣли, никакого назначенія—это даже страшно!

Или можетъ быть, въ экономіи природы мнѣ такъ и предназначено служить проституціоннымъ инстинктамъ человѣчества?..

Что-жъ, эта миссія, если разсудить, не самая еще худшая; но что мнѣ дѣлать, если добросовѣстно нести ее подчасъ я не въ состояніи!

— Однако, милая, вы начинаете говорить пародоксы...

— Парадоксы, mes dames?.. Да! Такъ откройте глаза мнѣ и объясните, по какой причинѣ — вы покоитесь на лаврахъ чистоты и добродѣтели, а я, съ такой-же душой какъ ваша, брошена на терзаніе порока и разврата?

Сама я виновата? Но почему-же я виновата, а не вы и... какъ будто это объясненіе?..

Нѣтъ! вамъ не разрѣшить этихъ вопросовъ, да вы не станете и

снисходить къ нимъ—вы, гордыя своимъ цѣломудріемъ, выхоленнымъ въ васъ тѣми, которымъ это было пріятно и выгодно. А не будь этихъ аргусовъ, остались-ли бы вы также чисты и непорочны...

Обращаюсь къ вамъ, m—rs!

Я презираю и ненавижу васъ за то, что если есть между нами виновный, то это вы—одни и никто болѣе!

И тѣмъ сильнѣе ненавижу я васъ, что некому разсудить насъ и что вы, не взирая на всю свою виновность, съ безпримѣрной жестокостью и цинизмомъ, взвалили все бремя нашего общаго позора на одну мою побѣдную страдальческую голову!..

Кто отравилъ и погубилъ мою молодую жизнь еще въ тотъ моментъ, когда она, какъ весенній цвѣтокъ, едва-едва распустилась?

Вы, съ кошачьей хищностью, выслѣживали каждый вершокъ въ моемъ ростѣ и расцвѣтаніи и, забывъ всякій стыдъ и жалость, поторопились даже не дать дозрѣть и окрѣпнуть вашей жертвѣ!..

Еще ребенокъ — я была уже осквернена, истерзана и развращена вами...

Мнѣ незнакомы утѣхи и радости юношескаго возраста: этотъ поэтическій восторгъ къ жизни, эта сладкая мечтательность, эта пылкая благодатная вѣра въ себя и людей, эта дѣвичья трепетная «первая» любовь... ничего этого я не знаю!

Ахъ, сколько глупыхъ завистливыхъ слезъ пролила я, читая въ романахъ обо всемъ этомъ и чего, наперекоръ самой природѣ, я никогда не испытывала и испытать ужъ не могла!..

— И такъ, m—rs, вы отняли мою юность—это лучшее достояніе всякой живой твари!

Благодаря вамъ, я словно родилась на свѣтъ уже проституткой, во всеоружіи разврата и безстыдства, злобы и ненависти ко всему—даже къ самой жизни!

* * *

Тотъ первый, кому досталась я какъ призъ въ этой невѣроятно-безчеловѣчной лоттереѣ юныхъ существованій, обреченныхъ на утоле-

ніе алчно-пресыщеннаго аппетита сильныхъ порокомъ; тотъ первый, говорю, обладатель мой распорядился со мной попросту, какъ отъявленный воръ и грабитель, если не болѣе...

Пользуясь обманомъ и коварствомъ, въ союзѣ съ мишурнымъ блескомъ и обаяніемъ своего положенія и богатства, онъ увлекъ меня тѣмъ легче, что я была одинокій, полуневѣжественный, полуголодный и полузабитый ребенокъ...

Много-ли надо было хлопотъ и издержекъ блистательному аматеру женской красоты, чтобы завладѣть мною?..

Пара сережекъ, фунтъ конфектъ и бутылка шампанскаго рѣшили мою участь разъ навсегда...

Не правда-ли дешево?..

Не смѣйтесь, въ особенности—вы, продающія себя дорого! Цѣна женскаго паденія не въ вѣсѣ золота и числѣ ассигнацій...

Оно покупается такой убылью въ достоинствѣ всего человѣческаго, которой не пополнить всѣмъ золотомъ Калифорніи!

Да, мы дорого обходимся сынамъ человѣческимъ, и въ этомъ, если хотите, есть для насъ нѣкоторая доля утѣшенія—утѣшенія мести...

* * *

Нечего и говорить, что первый мой «знакомый» очень скоро бросилъ меня на произволъ житейскихъ вѣтровъ.

Я не любила его; но онъ былъ настолько мастеръ своего дѣла, что создалъ изъ меня все то, что ему было угодно. Онъ сразу поставилъ меня на «настоящую дорогу».

Когда онъ дружески переуступилъ меня своему пріятелю—во мнѣ ужъ не было ни тѣни стыда, женственности и цѣломудрія.

И вообразите — глубину нравственнаго паденія и гнилости этихъ ослѣпительныхъ франтовъ! Это-то наглое безстыдство, эта-то вакхическая удаль и разгулъ опьяняли ихъ до неистоваго восторга, до обожанія едва вышедшей изъ дѣтства маленькой гетеры!..

Я стала «львицей» въ ихнемъ demi mond'ѣ... Во мнѣ заиски-

вали, осыпали золотомъ и роскошью и — это мнѣ льстило — я была какъ будто счастлива...

Но такъ продолжалось не долго! На меня напала вдругъ какая-то внезапная одурь, что-то какъ будто переломилось во мнѣ и расхлябало весь мой душевный строй...

Послѣ тоскливаго недоумѣнія, я съ ужасомъ увидѣла, что я «люблю»—люблю всѣмъ пыломъ моей сиротливой, отверженной души!

О, сколько мученій и слезъ доставило мнѣ это несчастное открытіе!..

* * *

Что нашла я въ немъ плѣнительнаго—не знаю. Онъ былъ также пустъ, пошлъ и бездушенъ, какъ всѣ они; но... я должна была, наконецъ, хоть однажды стать женщиной и полюбить во что бы ни стало!

Моя проклятая любовь — иначе я не могу ее назвать — открыла мнѣ вдругъ глаза для того лишь только, чтобы я могла увидѣть что я погибла, погибла навсегда!

Но я убѣдилась въ этомъ несразу... Вначалѣ, во мнѣ зажглось вдругъ, страстное желаніе и обманчиво-яркая надежда—выдти изъ той безвыходной, глубокой пропасти, въ которой я стояла... Глупая жалкая тварь!..

Тотъ, кого приголубило, къ кому приковалось мое полное до края безотчетной любви сердце, мнѣ казалось — выведетъ меня на свѣжій воздухъ, дастъ возможность стать женщиной, въ прекрасномъ значеніи этого слова...

Но, когда я заговорила съ нимъ впервые человѣческимъ языкомъ любви и правды, онъ ужасно удивился, а потомъ... потомъ поднялъ меня на смѣхъ...

И было отчего! Развѣ не смѣшно искать спасенія и ждать отвѣта горячему искреннему чувству отъ красивой куклы безъ души и сердца и—съ другой стороны — умѣстны-ли подобныя чувства въ той, кого «свѣтъ предаетъ поруганью» и кому онъ загородилъ обратный путь цѣлой стѣной своихъ предразсудковъ и злобы?

Вскорѣ случилось то, что слѣдовало ожидать: я потеряла все обая-

ніе и весь кредитъ въ глазахъ моихъ поклонниковъ... Онъ самъ сталъ тяготиться моими мольбами и порываніями, и объявивъ однажды напрямикъ, что я стала «нестерпимо скучна и не интересна», бросилъ меня для какой-то заѣзжей француженки...

Мной овладѣло тогда безграничное отчаяніе... Я хотѣла одного—смерти, забытья... Смерть не пришла ко мнѣ, призвать ее—рука не подымалась; но забыться я съумѣла найти средство.

Я опять возвратилась къ моимъ обязанностямъ и ужъ никто изъ моихъ старыхъ и новыхъ «друзей» не упрекалъ меня, чтобъ я была не весела и застѣнчива!..

Такъ живу я изо-дня въ день, и только порой, когда черныя думы встаютъ въ моей безпутной головѣ, сквозь туманъ и чадъ похмѣлья—я начинаю дико смѣяться и хохотать — до пѣны у рта, до истерики; но ужъ ни одной слезинкой раскаянья и мира не увлажнится потускнѣвшій взоръ мой...

И даже эти веселыя минуты юмора и смѣха съ каждымъ днемъ случаются все рѣже и рѣже...

Скоро, скоро, въ этой нарумяненной, полупьяной, звѣрски–цинической, наглой, тупой и грубой куклѣ, вы не найдете никакого слѣда и признака «искры Божіей»...

Vive l'amour et la gaîeté!..

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СИРЕНА

(повѣсть).

Свирскій, до вступленія въ университетъ, росъ и воспитывался въ одномъ губернскомъ городѣ подъ теплымъ крылышкомъ вдовы матери, швейцарки родомъ и добрѣйшей женщины. Пуще зѣницы берегла она и лелѣяла своего единственнаго Вольдемара и навѣрно ни за какія блага не отпустила бы его одного въ Петербургъ, если бъ ея предположенія переѣхать туда вмѣстѣ съ сыномъ не разстроились однимъ непріятнымъ обстоятельствомъ—ея преждевременною смертью.

Разставаясь съ міромъ, который весь сосредоточивался для нея въ страстно любимомъ сынѣ, она говорила ему:

— Дитя мое! доселѣ ты не зналъ несчастія, не зналъ дурныхъ людей: ты только слышалъ о нихъ, я тебя берегла отъ нихъ всѣми моими силами... Богъ мнѣ скажетъ, хорошо ли я поступала; но... Онъ знаетъ мою безконечную любовь къ тебѣ... Я хотѣла, чтобы ты былъ счастливъ, чистъ отъ всякой мірской суеты и грязи... Я достигла этого, ты прекрасенъ и невиненъ, какъ ангелъ! Тѣмъ тяжеле мнѣ разставаться съ тобою... Мысль, что ты такой молодой, такой невинный, будешь одинъ на свѣтѣ, одинъ противъ всего мірскаго зла— эта мысль, кажется, не дастъ мнѣ покоя и въ могилѣ... Кто утѣшитъ, наставитъ и подкрѣпитъ тебя, несравненный мой!

И дѣйствительно, со смертью матери, нашъ девятнадцатилѣтній герой остался круглымъ сиротой, безъ друзей и родныхъ, если не считать такими разныхъ многоюродныхъ дядюшекъ и тетушекъ, которыми, какъ извѣстно, никто не оставленъ на Руси благодатной... Матеріально

онъ былъ кое-какъ обезпеченъ: мать оставила ему капиталецъ, на проценты съ котораго одинокому человѣку можно было жить безъ особенныхъ нуждъ... Нравственное его состояніе было гораздо непрочнѣе: онъ не былъ подготовленъ къ самостоятельной жизни! Мать была для него все—въ ней онъ находилъ и подпору, и утѣшеніе и авторитетъ во всѣхъ трудныхъ и нетрудныхъ случаяхъ своей отроческой жизни... Теперь, лишившись ея, онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ и безпомощнымъ. Жизнь стояла передъ нимъ со всѣми своими невзгодами, и онъ шелъ на нихъ во всеоружіи своей юношеской неопытности!..

Вотъ что такъ сильно тревожило умиравшую!..

Спустя нѣсколько недѣль послѣ смерти матери, Свирскій пріѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ въ университетъ и сталъ аккуратно посѣщать лекціи.

Время отъ лекцій онъ проводилъ чаще всего дома,—за письменнымъ столомъ или фортепьяно. Мать его — образованная женщина и уроженка самой поэтической страны въ мірѣ, сообщила ему склонность къ поэзіи, которою такъ справедливо гордится Германія—мать геніальнѣйшихъ поэтовъ и композиторовъ! Владиміръ зналъ едва не наизустъ всѣ лучшія творенія этихъ великихъ маэстровъ; постоянно жилъ съ ними мыслію, глядѣлъ на міръ ихъ глазами и мечталъ объ идеалахъ, о счастіи, о славѣ, о любви — о всемъ, о всемъ, о чемъ такъ горячо мечтаетъ прекрасная молодость!

Не смотря на это, существованіе его было все-таки далеко неполно... Не зная болѣе нѣжныхъ материнскихъ ласкъ и того обаянія, отъ присутствія мягкаго граціознаго женскаго существа, которое особенно сильно чувствуется тогда, какъ насъ лишатъ его—онъ тосковалъ... Напрасно его чувствительная любящая душа искала отвѣта въ средѣ окружающихъ его людей. Онъ былъ застѣнчивъ и они его чуждались; даже кружокъ товарищей относился къ нему пренебрежительно, да между ними и общаго мало было.

I.

Стояла зима и всѣ связанныя съ нею въ понятіи петербуржца развлеченія.

Свирскій посѣщалъ одну только оперу, но однажды, одинъ изъ его товарищей, съ которымъ онъ нѣсколько сблизился, предложилъ ему вмѣстѣ отправиться въ Большой театръ на маскарадъ. Владиміръ принялъ предложеніе тѣмъ охотнѣе, что еще не имѣлъ понятія объ этомъ родѣ увеселенія.

Они отправились.

Въ описываемое время, то есть нѣсколько лѣтъ тому назадъ, маскарады въ Большомъ театрѣ, бывали гораздо роскошнѣе и фешенебельнѣе, чѣмъ теперь.

Не смотря, впрочемъ, на все это,—на блескъ и пестроту костюмовъ, на общее оживленіе, на прекрасную музыку, танцы и великолѣпную обстановку, Свирскій въ своемъ скромномъ студенческомъ мундирѣ чувствовалъ себя среди всего этого неловко и не у мѣста... Ему несродна и непривычна была эта суетня и мишура.

Пройдя раза два по залѣ, онъ прислонился въ углу у бенуарной литерной ложи, и тоскливо посматривалъ на мелькавшія мимо него маски, мундиры и фраки.

Онъ поджидалъ увлеченнаго какой-то маской, товарища, чтобъ сказать ему, что онъ уѣзжаетъ домой... Въ ожиданіи этомъ онъ провелъ болѣе часу. Скука и уныніе овладѣвали имъ все болѣе и болѣе...

Вдругъ онъ замѣтилъ, что какая-то высокая стройная маска, одѣтая въ роскошное чорное домино съ пунцовыми лентами, проходя мимо него подъ руку съ блестящимъ кавалергардомъ, уронила сверкнувшую неподдѣльными бриллiантами брошку. Въ одну минуту Свирскій поднялъ

ее и вручилъ великолѣпной маскѣ. Дѣлая это, онъ юношески-мило смутился и покраснѣлъ...

— Благодарю васъ! — сказала маска, принимая брошку, ласково улыбаясь и окидывая Свирскаго искристымъ взоромъ своихъ черныхъ глазъ...

Кавалергардъ, едва взглянувъ на Свирскаго, небрежно шутливымъ тономъ упрекнулъ свою даму въ неосторожности и увлекъ ее дальше...

Quel joli garçon! воскликнула она, когда Свирскій повернулся, чтобы идти на старое мѣсто.

Это маленькое приключеніе, взглядъ и милый голосъ маски взволновали юношу, но еще не успѣлъ онъ отдать отчета въ волновавшихъ его ощущеніяхъ, какъ мимо него снова прошла таже самая маска въ сопровожденіи своего очевидно и безцеремонно скучавшаго кавалера... На этотъ разъ она еще пристальнѣе посмотрѣла на нашего героя и какъ-то особенно граціозно и лукаво улыбнулась.

Свирскій сталъ самъ не свой... Кровь хлынула ему къ сердцу, захватило дыханіе и мысли одна другой нелѣпѣе и неопредѣленнѣе закружились въ его головѣ... Ему было пріятно, но онъ рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлается.

Немного спустя музыка съиграла ритурнэль кадриля и вся блестящая толпа мундировъ, фраковъ и масокъ заколыхалась, засуетилась и очистила мѣсто для танцующихъ...

Въ залѣ становилось тѣсно и душно.

Свирскій сталъ пробираться къ выходу... Едва онъ сдѣлалъ десять шаговъ, какъ вдругъ почувствовалъ на своей рукѣ теплое и легкое прикосновеніе... Онъ обернулся... На него глядѣли и улыбались большіе черные глаза знакомой ему маски. На этотъ разъ она была одна безъ кавалера...

— Chèr étudiant, хочешь провести меня въ ложу? сказала она крѣпче налегая на руку Свирскаго.

Послѣдній растерялся и проговорилъ что-то такое, чего и самъ не понималъ...

Ты очень милъ, ты сдѣлалъ мнѣ услугу и я не хочу оставаться у тебя въ долгу, обаятельно-пѣвучимъ голосомъ говорила она, когда они поднимались по лѣстницѣ.

— Впрочемъ, можетъ быть, я тебѣ помѣшала въ какой-нибудь интрижкѣ... А?

У меня нѣтъ никакой интрижки, возразилъ Свирскій, прійдя нѣсколько въ себя.

Они вошли въ угольную, полумрачную литерную ложу. Маска сѣла на диванчикъ и движеніемъ руки пригласила сдѣлать тоже Свирскаго. Тотъ повиновался.

Съ минуту длилось молчаніе... Маска, казалось, съ восхищеніемъ разсматривала своего новаго кавалера...

— Извини меня, сказала она наконецъ усмѣхаясь, я смотрю на тебя непростительно долго; но, знаешь, не засмотрѣться на тебя невозможно: ты необыкновенно хорошъ! воскликнула она почти восторженно.

— Свирскій смутился отъ этой неожиданной похвалы.

Ma fois, онъ и не подозрѣваетъ своего могущества! Какая неестественная скромность въ мужчинѣ! Впрочемъ, — не сердись — тебя еще трудно назвать мужчиной... Ты такъ молодъ!.. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятнадцать, отвѣтилъ Владиміръ.

— Золотой возрастъ! Впрочемъ, въ твои лѣта, многіе успѣваютъ состарѣться... Скажи ты, вѣроятно, недавно въ Петербургѣ и первый разъ здѣсь... да?

— Да...

— И еще... Ты не бываешь въ обществѣ; не знакомъ съ свѣтскими женщинами... правда?

— Правда, отвѣтилъ Свирскій и усмѣхнулся.

— Pardon! схватилась маска. Я тебя допрашиваю, какъ инкви-

зиторъ. Но, признаюсь, ты меня такъ заинтересовалъ... У меня много знакомыхъ... Всѣ они страшно мнѣ наскучили... Ты такъ не похожъ на нихъ... Я—свѣтская, праздная женщина и—люблю разнообразіе... хочешь быть моимъ хорошимъ знакомымъ? и маска съ довѣрчивой лаской остановила свои глаза на молодомъ человѣкѣ...

Благовонная обаятельная близость молодой и граціозной женщины, ея маскарадная загадочность и романтическая странность встрѣчи съ нею—все это могло очаровать всякаго, но, пусть читатель представитъ себѣ, какъ былъ очарованъ мой герой, чуждый всякаго куртизанства и впервые встрѣтившій на своемъ вѣку красивую свѣтскую женщину...

Разумѣется на желаніе маски онъ выразилъ полное свое удовольствіе.

— И прекрасно сказала она, вынимая изъ подъ складокъ домино маленькіе, золотые часики. Теперь второй часъ... Поѣдемъ ко мнѣ ужинать!.. и она поднялась съ кресла.

Подобнаго приглашенія Свирскій никакъ не ожидалъ.

— Я не одинъ здѣсь, возразилъ онъ, положительно недоумѣвая—какъ ему поступить.

— Съ кѣмъ же? живо спросила маска.

— Съ товарищемъ...

— Ха-ха-ха... Чтожъ, ты безъ его совѣта не можешь рѣшиться на такой трудный подвигъ — ѣхать ужинать къ хорошенькой женщинѣ...

Свирскій вспыхнулъ.

— Я не то хотѣлъ сказать, возразилъ онъ чуть дрожавшимъ голосомъ.

— Такъ что же? Что можетъ удержать тебя составить мнѣ компанію?.. И вѣдь и причины никакой нѣтъ... признайся?..

Свирскій глупо молчалъ.

— О какой ты застѣнчивый... фи! Ну поѣдемъ!.. Тебѣ не будетъ скучно. Я постараюсь...

Чрезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ уютной каретѣ, мѣрно раскачиваемой отъ быстрой ѣзды.

Поэтическая новость и странность положенія, въ которое такъ неожиданно попалъ мой герой, совершенно отуманила его: онъ ничего не могъ и даже не пытался сообразить, тѣмъ болѣе, что маска не переставала всю дорогу смѣяться и болтать милый вздоръ, который такъ легко слушается изъ устъ хорошенькой женщины...

Послѣ получасовой быстрой ѣзды карета остановилась и Свирскій очутился въ обиталищѣ своей таинственной незнакомки.

— Для меня настала роковая минута, сказала она съ лукаво соблазнительной улыбкой останавливаясь въ освѣщенномъ бронзовыми канделябрами салонѣ... Я должна явиться теперь безъ маски и, вдругъ... и вдругъ ты найдешь меня безобразной? О Боже... а мнѣ такъ хочется тебѣ понравиться!.. Не сердись же, если я тебя оставлю на нѣсколько минутъ... Надо приготовиться, скрасить сколько возможно свои недостатки... И шурша шелковымъ шлейфомъ, она плавно проскользнула въ боковую дверь...

Свирскій осмотрѣлся.

Пышная роскошь обстановки поразила его,—доселѣ онъ не видалъ ничего подобнаго, и ему невольно пришла на память легенда о сказочномъ рыцарѣ, чудодѣйственно попавшемъ въ заколдованный дворецъ нимфъ... Эти хоромы и ихъ хозяйка и чудная встрѣча съ нею—все это такъ походило на сказку!..

— Кто она и чего ей захотѣлось отъ меня? По всему надо думать, она богатая свѣтская женщина, а я... бѣдный, никому неизвѣстный студентъ... И такая ласка, и такая интимность съ перваго шагу... Странно! странно!

Размышленія эти были прерваны горничной пригласившей размышлявшаго пожаловать за нею...

Пройдя нѣсколько комнатъ, она пропустила его въ неслышно отворившуюся и также неслышно затворившуюся за нею дверь.

Изумленіе моего героя предъ тѣмъ, что онъ теперь увидѣлъ,

превзошло всякія границы. Восточная роскошь обстановки, тонкое благовоніе, меланхолическій голубоватый свѣтъ какой-то диковинной лампы и прежде всего она... Ему и не снилась подобная красота!..

Полулежа на кушеткѣ, въ какомъ-то сладкомъ утомленіи, вся въ бѣломъ, съ полураспущенными черными густыми волосами, съ закинутыми за голову бѣлыми круглыми руками она, дѣйствительно, казалась, среди этой обстановки, въ этомъ мягкомъ свѣтѣ, какой-то сказочной полувоздушной нимфой...

— Ну что?.. Вы разочарованы?.. Вы ожидали лучшаго? весело и самодовольно обратилась она къ остолбенѣвшему Свирскому... Ступайте сюда!.. Я еще не такъ стара и дурна, какъ вамъ можетъ казаться...

Владиміръ опомнился, переступилъ нѣсколько шаговъ и не дожидаясь приглашенія, машинально опустился въ кресло, вблизи кушетки, на которой покоилась очаровательная хозяйка, съ усмѣшкой поглядывавшая на своего оторопѣвшаго гостя.

— Сейчасъ видно—васъ женщины еще мало баловали! замѣтила она. Погодите. Съ моей легкой руки, вы отъ нихъ отбою не будете знать!..

Подали ужинъ, состоявшій изъ холодныхъ, пикантно-изысканныхъ блюдъ французской кухни и бутылки редерера.

Когда бокалы наполнились искрометнымъ виномъ, хозяйка, взявъ свой, предложила гостю выпить за крѣпость ихъ знакомства...

— Или, какъ это у васъ называется по студенчески? сказала она, протягивая свой бокалъ къ Свирскому.

— На Bruderschaft, отвѣтилъ онъ и поднесъ свой бокалъ на встрѣчу къ протянутому.

— Э-э, moncher! такъ нельзя... Надо выпить все—залпомъ... вотъ какъ я. Иначе я могу подумать, что вы неискренне приняли мой тостъ, сказала она, замѣтивъ, что гость едва отхлебнулъ изъ своего бокала.

— Извините... Я никогда не пилъ вина и боюсь его дѣйствія, возразилъ сконфуженный Свирскій.

— Что? хозяйка сдѣлала изумленные глаза и залилась веселымъ смѣхомъ. Вы боитесь дѣйствія вина? Боже, какой онъ ребенокъ! Да что можетъ быть пріятнѣе чувствовать себя немножко подъ шофе. Вотъ попробуйте!.. Пейте, для меня... пейте-же...

Свирскій выпилъ, потомъ опять...

Хозяйка подчивала его весьма усердно, видимо желая, чтобъ онъ сталъ свободнѣе, развязнѣе. Она достигла этого. Послѣ двухъ, трехъ бокаловъ онъ необыкновенно оживился. Какое-то неудержимое, гомерически счастливое веселье разлилось и бѣшено заиграло въ его жилахъ... Теперь онъ болталъ, шутилъ и смѣялся не менѣе своей радушной хозяйки.

— Скажите, вы не обидитесь, сказала она, садясь послѣ ужина на кушетку, я хочу вамъ сдѣлать одинъ нескромный вопросъ... A propos ваше имя?..

— Владиміръ Свирскій...

— Владиміръ... Володя... Воля... Воденька... Какое милое, милое имя!..

— Позвольте ужъ узнать и ваше?..

— О, мое простое, скверное. А-на-ста-сія — представьте!.. Называйте меня просто Анастази... Это по французски; но вѣдь, и я сама немножко француженка, и терпѣть не могу ни русскихъ отчествъ, ни иностранныхъ обращеній по фамиліи... Да, такъ можно сдѣлать одинъ вопросъ, m—sieur Вольдемаръ?

— Говорите.

Я хочу знать—любили-ли вы когда-нибудь?

— Да.

— И сильно?

— Сильно.

— Кого-же?

— Мою покойную мать...

— Мать? переспросила Анастази и сдѣлала насмѣшливо удивленную мину.

— Моя мать была святая женщина! проговорилъ внушительно Свирскій.

— Да... безъ сомнѣнія! Иначе не могло быть... иначе у нее не было-бы такого прекраснаго сына, замѣтила молодая женщина, оглядывая своего гостя и навивая на пальцы одинъ изъ своихъ роскошныхъ локоновъ...

Невольно увлекаемый благоговѣйной думой о своей матери, Владиміръ пропустилъ мимо ушей сказанный комплиментъ и началъ одушевленно разсказывать полныя любви и тихой грусти воспоминанія своего счастливаго, недавняго дѣтства.

Все время, пока онъ говорилъ, Анастази не сводила съ него своихъ яркихъ глазъ...

Впрочемъ, по выраженію этихъ глазъ, видно было, что она больше наслаждалась интонаціей голоса, красотой и игрой физіономіи разсказчика, чѣмъ его разсказомъ...

— Изъ всѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать и прежде и послѣ смерти моей матери, я ни въ комъ не находилъ того, что мнѣ было такъ дорого въ ней, и вотъ почему никого... никого не любилъ я такъ, какъ любилъ ее—мою добрую, мою... незабвенную... дрожавшимъ отъ подступавшихъ слезъ голосомъ, закончилъ свой разсказъ Свирскій и въ невыразимой грусти закрылъ лицо руками...

Анастази, непритворно тронутая, живо поднялась съ кушетки и сѣла возлѣ своего гостя.

Послѣ минутнаго молчанія, она нѣжно отвела его руки отъ лица и съ жаркимъ участіемъ въ глазахъ и въ голосѣ проговорила:

— Бѣдный, милый юноша!.. не плачьте! Передъ вами еще много жизни, вы еще полюбите... А васъ?.. Развѣ можно васъ не любить? Любая женщина, разъ узнавъ васъ—отдастъ вамъ свое сердце... безраздѣльно... беззавѣтно... Утѣшьтесь-же мой... добрый!.. Я такъ счастлива нашей встрѣчей — и мнѣ хочется вѣрить, что и вы не пожалѣете, что узнали меня... да? и она, вся склонившись къ нему, горячо сжимала его руки...

Свирскій поднялъ глаза и встрѣтилъ ея взглядъ, страстно упорный и неотразимо–обоятельный...

Что–то новое мучительно сладкое, огневое разбудилъ этотъ взглядъ въ груди молодого человѣка, а сознаніе этого неиспытаннаго ощущенія въ себѣ, какимъ–то неуловимымъ психологическимъ путемъ, бросило его въ краску стыда и смущенія...

Анастази пожирала его своими пламенными глазами, она словно упивалась этимъ трепетнымъ, дѣвственно–стыдливымъ проявленіемъ молодой страсти въ своей жертвѣ.

Ей было ясно, что Владиміръ чистъ и цѣломудренъ, какъ дѣвушка и мысль, что онъ такой свѣжій, невинный и прекрасный въ ея власти, доставляла ей невыразимое наслажденіе, которое она, по чувству утонченнаго разврата, хотѣла продлить какъ можно долѣе...

Пауза становилась слишкомъ длинной... Ее прервалъ бой часовъ, сладкимъ серебристымъ шопотомъ прошипѣвшихъ три...

Свирскій очнулся, торопливо поднялся и взялъ шляпу.

— Вы хотите ѣхать? спросила Анастази.

— Да, пора... Извините, я слишкомъ засидѣлся... говорилъ онъ, стоя передъ ней съ опущенными глазами и машинально вертя въ рукахъ шляпу.

— Пора!.. Пора!.. Вѣдь вамъ здѣсь хорошо?..

Владиміръ молчалъ.

— Вы молчите? Значитъ я ошиблась?

— О нѣтъ! живо возразилъ онъ... Но я... но мнѣ совѣстно злоупотреблять вашей любезностью...

— Останьтесь! страстно трепетнымъ шопотомъ произнесла Анастази и, высвободивъ изъ его рукъ шляпу, бросила ее на прежнее мѣсто.

Еще не зная ясно, чего отъ него хотятъ, но инстинктивно подозрѣвая настоящее значеніе обольстительныхъ ласкъ Анастази, онъ не-

вольно сталъ поддаваться тому дѣвственному страху, который испытываетъ молодая, цѣломудренная невѣста, отдаваясь своему жениху и возлюбленному. Ему хотѣлось въ одно время и упасть къ ногамъ околдовавшей его женщины и бѣжать отъ нее — бѣжать далеко, далеко!.. Видя и понимая его смятеніе, Анастази нѣжно взяла его за руку своей жаркой мягкой ручкой... Теперь это легкое прикосновеніе, какъ электрическая искра, укололо и потрясло все его существо и какъ жгучій ядъ мгновенно зажгло всю кровь въ немъ.

Онъ не могъ болѣе колебаться—не могъ противиться болѣе сладкому соблазну.

— Останьтесь! повторила Анастази и потянула его къ себѣ за руку.

И онъ остался...

II.

На другой день, ввечеру, въ томъ же самомъ будуарѣ происходила слѣдующая сцена:

Анастази, какъ вчера, полулежала на кушеткѣ въ самой обольстительной позѣ; у ногъ ея на низенькомъ табуретѣ, на которомъ такъ недавно сидѣлъ счастливый Свирскій, теперь покоился сѣдой и лысый старикъ, съ морщинистымъ, худощавымъ лицомъ. Въ его согбенной фигурѣ, въ беззубой отвратительной улыбкѣ, въ воспаленныхъ глазахъ и во всѣхъ движеніяхъ безобразно сказывалось старческое сладострастіе.

Анастази ласкала своими нѣжными ручками его костлявую морщинистую руку.

Старикъ глядѣлъ на нее съ какою-то собачьей, самоуниженной преданностью и время отъ времени апетитно мялъ свои слюнявыя дрожащія губы...

— Папа, что стоитъ эта милая бездѣлка — твой подарокъ? слад-

кимъ голосомъ и на французскомъ діалектѣ спрашивала Анастази, любуясь только что подареннымъ ей богатымъ фермуаромъ.

— Пустяки, моя душенька... Пустяки, разумѣется, въ отношеніи тебя и моей любви къ тебѣ! прошамкалъ старикъ.

— Однако же!

— Восемсотъ рублей не безъ самодовольствія объявилъ тароватый старецъ.

— Ахъ папа! Какъ ты меня балуешь, съ истинно дочернею игривостью проговорила Анастази.

— О мой ангелъ! я бы хотѣлъ владѣть вселенной, для того, чтобы принесть ее въ даръ къ твоимъ ногамъ, въ знакъ моей безконечной преданности къ тебѣ, съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ сказалъ старикъ, приникая устами къ ногамъ своей владычицы.

Она мило, задушевно усмѣхнулась и звонко поцѣловала его въ лысину... Старецъ разстаялъ — даже покраснѣлъ отъ счастія и волненія.

— Но я не знаю, за что меня такъ любить... Я такая неблагодарная, съ чувствомъ раскаянія призналась Анастази.

— Да, шалунья, бываешь... бываешь неблагодарной къ твоему старику.... Это правда!

— Послушай, Анастази!—Старикъ сразу перемѣнилъ шутливый тонъ на серьезный.—Я все прощу тебѣ, все сдѣлаю для тебя. Ты напримѣръ, слишкомъ много проживаешь денегъ... Я почти раззорился для тебя и, Богъ вѣсть, куда заведетъ меня моя безумная любовь; но— я ни разу не упрекнулъ тебя за это и ни разу не раскаялся... Лишь бы ты меня любила — я буду богатъ... собственно для тебя. Малѣйшая прихоть твоя всегда будетъ исполнена; но вотъ чего я не прощу тебѣ, Анастази... Это... это невѣрности... Слышишь —невѣрности.

Лицо старика сдѣлалось грозно и онъ съ неестественной для него силой такъ сжалъ руку молодой женщины, что она невольно помор-

щилась, хотя въ тоже время подумала: «Врешь милый!.. Простишь и невѣрность!..»

— Да, я ревнивъ, продолжалъ старикъ... Ревность во мнѣ даже сильнѣй моей любви къ тебѣ... О, еслибъ ты знала, сколько безсонныхъ ночей, сколько адскихъ мученій, я испыталъ изъ-за тебя... ты... ты пожалѣла бы меня и успокоила!

— Папа! дорогой папа! развѣ я не люблю тебя?.. Развѣ ты можешь подозрѣвать меня? съ трогательнымъ упрекомъ проговорила Анастази.

Старикъ горько усмѣхнулся.

— Ты обманываешь меня... сказалъ онъ. Всѣ говорятъ о тебѣ... Я слышалъ... За тобой многіе волочатся и нѣкоторые не безъ успѣха... Я даже знаю, кто они. Тебя хотятъ отнять у меня... Я все знаю!

— Тебѣ клевещутъ на меня! съ поддѣльнымъ негодованіемъ воскликнула Анастази.

— Нѣтъ, милая!.. И... очень естественно искать тебѣ вниманія въ молодыхъ людяхъ... Ты молода, красива... о, какъ красива! А я? Плѣшивый, гадкій, болѣзненно-безсильный слабый старикъ... Э! что тутъ толковать! и старикъ съ грустнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой.

—Не могу, продолжалъ онъ послѣ короткаго раздумья,—не могу и не смѣю требовать отъ тебя невозможнаго—принадлежать одному мнѣ безраздѣльно. Но вотъ что я хочу и имѣю права отъ тебя требовать: куртизань такъ, чтобъ я объ этомъ не зналъ и не слышалъ... Держись одного кого-нибудь, кто умѣлъ бы хранить тайну вашей связи... Это легко сдѣлать Анастази и—смотри! старикъ вдругъ опустился на колѣни. Смотри я, передъ кѣмъ дрожатъ и преклоняются сотни людей, стою передъ тобой на колѣняхъ и молю, какъ милости, молю о томъ, о чемъ двадцать лѣтъ назадъ я постыдился бы и помышлять! Анастази, жизнь моя, ты не любишь меня, ты не можешь любить

меня, но у тебя доброе сердце—исполни мою просьбу, успокой меня. Неужели я не заслужилъ у тебя такой ничтожной милости!!..

На этотъ разъ жалкій видъ старика и его горячая, хотя и странная просьба, неподдѣльно тронули Анастази... Она опустилась передъ нимъ на колѣни, обвила своими прекрасными руками его сѣдую голову и осыпала ее поцѣлуями...

— Добрый... добрый мой!.. О чемъ проситъ? говорила она, цѣлуя его... Я для тебя готова на все... Вѣрь мнѣ!.. Я люблю — я предана тебѣ безконечно...

Старикъ просвѣтлѣлъ и успокоился.

Молодая женщина подняла его, посадила на кушетку и подсѣла къ нему.

— Такъ ты исполнишь мою просьбу... скажи... спрашивалъ онъ...

— Да! непремѣнно!.. отвѣчала нѣсколько смутившись Анастази.

— Поклянись?

— Клянусь, чѣмъ хочешь.

— Поклянись еще, что пока я живъ, ты не бросишь меня.

— Клянусь стократъ! торжественно воскликнула Анастази и скрѣпила свою клятву самоотверженнымъ поцѣлуемъ.

— О, женскія клятвы! проговорилъ старикъ, замирающимъ отъ сладострастья голосомъ, и жадно прильнулъ трепетными губами къ ея полураскрывшемуся нечаянно или нарочно бѣлому атласистому плечику...

Но... опустимъ занавѣсъ на отвратительную картину старческаго любострастія и продажныхъ ласкъ.

III.

Послѣ описанной въ началѣ разсказа встрѣчи прошло двѣ недѣли. Влюбленные невозмутимо блаженствовали.

Герой нашъ много перемѣнился въ это короткое время. Онъ уже не былъ, какъ недавно, застѣнчивый, мечтательный юноша: движенія его и голосъ стали самоувѣреннѣе и мужественнѣе; а въ ясныхъ глазахъ свѣтилось самодовольство и гордость.

Любовь женщины удивительно насъ возвышаетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ, особенно, если это наша первая любовь.

Воспріимчивая, любящая душа Свирскаго, не встрѣчавшая прежде отвѣта своей пламенной потребности любить и быть любимымъ расцвѣла, подобно цвѣтку, согрѣтому солнцемъ.

Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ своей возлюбленной.

Кромѣ естественнаго чувства обожателя, его влекла къ ней какая-то глубокая сыновняя признательность. Онъ называлъ ее своею матерью; онъ говорилъ, что съ той поры какъ онъ узналъ ее—словно впервые на свѣтъ родился...

Повидимому онъ пользовался полнѣйшею взаимностью: Анастази съ рѣдкой граціей и теплотой тоже не переставала высказывать ему самыя нѣжныя и краснорѣчивыя доказательства своей любви и преданности...

Казалось, вѣкъ пройдетъ и они будутъ неизмѣнно любящи и счастливы.

Одно только сперва мгновенно, но потомъ все болѣе и болѣе заставляло молодаго человѣка призадумываться. Онъ все еще не зналъ, какое положеніе въ свѣтѣ занимаетъ его возлюбленная; ничего не зналъ о ея прошлой жизни.

Анастази избѣгала разговоровъ объ этомъ... Всю свою біографію разсказала она въ нѣсколькихъ словахъ, что она вдова, что она много путешествовала за границей, что у нея много знакомыхъ аристократовъ, и что, наконецъ, она проживаетъ очень, очень много денегъ...

Полный беззавѣтной, безгранично преданной любви, онъ совершенно удовлетворился бы этой краткой и неточной автобіографіей, еслибъ не случилось нѣкоторыхъ обстоятельствъ, поставившихъ въ его глазахъ безцѣнную Анастази въ неопредѣленномъ и нѣсколько двусмысленномъ свѣтѣ. Такъ, она просила не бывать у нее въ нѣкоторые дни и на вопросъ почему — отвѣтила ничего необъяснившей шуткой; впрочемъ объявила, что она требуетъ этого «непремѣнно». Затѣмъ, ему раза два случалось встрѣчаться у ней съ золотой молодежью изъ beau monde'a.

Все это бы не бѣда; но онъ съ изумленіемъ и негодованіемъ видѣлъ, что всѣ эти господа обходились съ обожаемой имъ красавицей черезъ чуръ фамильярно... Самъ онъ былъ предметомъ почти нескрываемыхъ насмѣшекъ и высокомѣрнаго пренебреженія этихъ господъ.

Анастази замѣтила впечатлѣніе, производимое на Свирскаго ея обществомъ, равно и имъ самимъ на ея аристократическихъ гостей и старалась удалять его отъ себя въ такіе часы. Она тогда какъ будто даже стыдилась его...

Все это съ проницательностью любви понялъ мой бѣдный герой и, хотя старался ни въ чемъ не стѣснять Анастази, тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что счастіе его уже было отравлено.

Онъ ревновалъ ее, ревновалъ всею силою первой горячей любви!

Чувство это, сперва темное, едва сознанное, стремительно усилилось въ немъ и перешло въ жгучее страданіе отъ слѣдующаго случая.

Разъ онъ отправился въ одинъ изъ лучшихъ клубовъ на танцовальный вечеръ, единственно потому, что зналъ, что тамъ будетъ Анастази.

Онъ не сказалъ ей объ этомъ въ томъ странномъ, но понятномъ намѣреніи, оправдать свои ревнивыя подозрѣнія, которымъ такъ легко поддается всякій ревнивецъ. Логики тутъ неимѣется никакой. Вѣдь, если подозрѣнія оправдаются, мученія ревности усилятся, — не оправдаются, останутся въ прежней силѣ.

Впрочемъ, говорятъ у страсти своя особенная логика.

Свирскій не танцовалъ и, увидѣвъ Анастази въ залѣ, сталъ умышленно выбирать такія мѣста, гдѣ бы она его не замѣтила и откуда бы онъ могъ свободно наблюдать за нею...

Ему въ первый разъ привелось видѣть ее въ бальномъ костюмѣ и среди блестящей бальной обстановки. Жадно глядя на нее изъ своего уголка, онъ весь горѣлъ отъ восторга и любви...

Еще никогда не казалась она ему такой обворожительно – прекрасной!..

Дѣйствительно, яркая красота и роскошный костюмъ Анастази затмѣвали все, что только было въ этомъ родѣ на вечерѣ... Ее окружали самые блестящіе кавалеры, съ нею танцовали самые ловкіе изъ нихъ... И она танцовала съ ослѣпительной граціей и неподдѣльной страстью...

Бѣдный Свирскій чуть не задыхался отъ гордаго, счастливаго сознанія, что вотъ она—эта несравненная красавица, это чудо граціи, предметъ восхищенія и удивленія для всѣхъ — принадлежитъ ему счастливцу, о существованіи котораго никто и не подозрѣваетъ!

Впрочемъ упоеніе это не долго продолжалось.

Анастази кокетничала напропалую и въ особенности была внимательна къ неотходившему отъ нея во весь вечеръ толстому и громадному гусарскому ротмистру. Фривольность съ Анастази этого мощнаго сына Марса приводила юношу въ бѣшенство; но всего убійственнѣе для него было то, что она не только позволяла ему дерзкія вольности съ собою, но еще какъ будто поощряла ихъ.

«Что за нелѣпый вкусъ у этой вѣроломной женщины? Чѣмъ интересенъ ей этотъ трехполѣнный верзила съ нахальной фельдфебель-

ской миной?.. желчно вопрошалъ себя Свирскій, мысленно состязаясь въ достоинствахъ съ своимъ ненавистнымъ соперникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ротмистра нельзя было назвать ни молодымъ, ни ловкимъ, ни красивымъ, тѣмъ не менѣе, въ его звѣроподобной густо обросшей рыжими волосами физіономіи присутствовало нѣчто марсовское, нѣчто такое, что заставляло всякаго невольно сторониться ему съ дороги и на что, однако, женщины, легко подкупаются. Къ великому изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, долго не танцовавшій ротмистръ, пустился въ плясъ. Обхвативъ своей могучей рукой легкій станъ Анастази, онъ завертѣлся съ нею въ вальсѣ.

Подобнаго пассажа отъ него никто не ожидалъ и потому танцоры какъ бы сговорившись, предоставили ему одному почти подвизаться на паркетѣ. Взявъ во вниманіе толщину ротмистра, они съ сдержаннымъ смѣхомъ ожидали комическаго окончанія его затѣи.

Ожиданія эти впрочемъ не оправдались — ротмистръ не ударилъ лицомъ въ грязь: съ непостижимой въ немъ ловкостью и быстротой онъ сдѣлалъ два огромныхъ тура и, когда окончилъ, ему готовы были апплодировать:

— Каковъ баронъ?.. Смотри! Ай да молодецъ... Parbleu, я не-резакладывалъ бы какія хочешь пари, что не дальше, какъ черезъ десять поворотовъ, онъ проломитъ паркетъ и вмѣстѣ со своею дамою провалится въ преисподнюю!

Это замѣчаніе о хореграфическомъ талантѣ ромистра было высказано кирасирскимъ офицеромъ статскому франту.

Господа эти сидѣли, развалясь на канапе, вблизи Свирскаго, такъ что онъ могъ отчетливо слышать весь ихъ разговоръ.

— Vraiment! Вальсъ для такой фигуры сопряженъ съ опасностью жизни!.. отвѣтилъ статскій денди. Впрочемъ, продолжалъ онъ, я больше смотрѣлъ на даму, чѣмъ на кавалера.. Какъ она плутовка, легко и забористо танцуетъ! Воображаю, какія чудеса могутъ производить эти ножки въ канканѣ!..

— Ты не видалъ? живо спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ.. а развѣ она танцуетъ?..

— Еще бы!.. Впрочемъ... «танцуетъ?» Это не то! Танцуютъ многіе; но что она творитъ своей восхитительной таліей—это... это mon cher, ни съчѣмъ сравнить нельзя! Представь: приподыметъ это юбочку, откинется назадъ и смотритъ, смотритъ, а ножки и все тѣло какъ будто говорятъ, какъ будто поютъ и играютъ. И во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни кривлянья — всякій жестъ и вся она дышатъ такой красой, такой страстью и нѣгой, что всю душу изъ тебя вытянетъ!. Я много видѣлъ ces dames у насъ и за границей, но такой великой артистки въ канканѣ—не видалъ.

— Скажи пожалуйста, кто она? Я только слышалъ ея фамилію—Маркадье, кажется?

— Неужели ты ее не знаешь? Наши всѣ съ ней знакомы, да и непростительно не знать ее: это своего рода знаменитость!

— Она очень хороша собой.

— Да; но не забудь, ей ужъ двадцать шесть лѣтъ —почти зенитъ для женщины, въ особенности, въ ея положеніи; но что это былъ за дъяволъ лѣтъ пять назадъ — ты не можешь себѣ представить! Довольно сказать, что изъ за нее вышло нѣсколько дуэлей, одинъ слабоумный юноша съ ума сошелъ и нѣсколько богатыхъ людей разнаго возраста раззорились на нее въ пухъ и прахъ!...

— Въ самомъ дѣлѣ, это нѣчто весьма не дюжинное! согласился статскій господинъ, глядя сквозь пенснэ по направленію Анастазіи.

— И прославилась она не только здѣсь, разсказывалъ словоохотливый кирассиръ, въ свое время она затмѣвала весь demi monde въ Парижѣ... очень знатнымъ особамъ была извѣстна.

— Кто-же она такая все таки... ея происхожденіе?

— Ну, это темна вода во облацѣхъ. На этотъ предметъ ходитъ нѣсколько легендъ: одни говорятъ, что она enfant naturel какого-то весьма и весьма важнаго барина, другіе увѣряютъ, что она законная отрасль захудалаго рода съ графской короной et caetera et caetera... Вѣроятнѣе всего, что это авантюристка безъ роду и племени... Она

и сама о себѣ разсказываетъ тоже... Говоритъ она на нѣсколькихъ языкахъ, но лучше всего на французскомъ, а отечество повидимому для нея вездѣ, гдѣ есть богатая праздная молодежь и любострастные старички!

— Въ качествѣ чего же она теперь?

— Теперь? Теперь графъ Крашинъ, старикъ, раззоряется на нее. Она его метресса... Не сдобровать дряхлому повѣсѣ.

— Ну, а такъ—для другихъ доступъ свободенъ?

— И да, и нѣтъ!.. Это въ высшей степени капризное существо! У нея взбалмошный, эксцентрическій вкусъ... Вотъ, недавно, говорятъ, она связалась съ какимъ то смазливымъ молокососомъ — студентишкой... Въ маскарадѣ откопала его, что-ли? А нынче, вотъ солидный ротмистръ у нея въ фаворѣ! Вѣдь контрастъ поразительный!

— И все это безкорыстно?

— Кажется! Она вѣдь ни въ чемъ не нуждается, благодаря своему старцу... Вѣроятно, впрочемъ, отъ сувенирчиковъ не отказывается, но что не вымогаетъ ихъ, такъ это вѣрно... Въ ней нѣтъ жадности къ деньгамъ: еслибъ она была бережлива, то могла бы составить огромное состояніе, а у нее никогда нѣтъ денегъ, хотя на нее ихъ тьма потрачена...

— И надо отдать справедливость, потрачено не даромъ! Она этого стоитъ.

— Гм... То есть стоила прежде... Съ нѣкотораго времени она замѣтно стала старѣть. А прежде? За одинъ взглядъ этой гетеры бросился бы съ четвертаго этажа! Столько было въ ней страсти и огня, и того знаешь, обаятельно пикантнаго кокетства, которое изъ дурнушки дѣлаетъ красавицу, и безъ котораго красавица нагоняетъ зѣвоту... А какія она штуки продѣлывала, уму непостижимо!.. Я разскажу тебѣ по этому поводу одинъ случай, изъ котораго ты увидишь, что это былъ просто геній сладострастья!.. Года три тому назадъ она была въ связи съ княземъ Крестецкимъ!.. Бѣдняжка! Онъ въ одинъ годъ просадилъ на нее тысячъ двѣсти — почти все, что

имѣлъ; свелъ въ гробъ жену — красавицу, безумно его любившую, и въ заключеніе — спился съ кругу и отправился вслѣдъ за женою... Такъ вотъ однажды, князь устроилъ пріятельское soirée на квартирѣ своей метрессы... Послѣ ужина, когда вино вскружило всѣмъ головы — князю, а можетъ быть и нашей героинѣ — исторія объ этомъ умалкиваетъ, пришла странная, оригинально-великолѣпная идея... «Господа! обратился князь къ своимъ гостямъ: ma petite такъ добра — хочетъ угостить васъ десертомъ, какого вы не только никогда не ѣдали, но пожалуй и не видывали... Allons! и съ этими словами онъ открываетъ дверь въ сосѣднюю комнату... Тамъ — намъ открылось эльдорадо!.. Подъ мягкимъ розовымъ свѣтомъ, среди цвѣтовъ и самой роскошной обстановки, мы увидѣли на столѣ... Что такое?.. Вотъ эту самую барыню, которая тамъ вертится въ настоящую минуту съ какимъ то корнетомъ — увидѣли au naturel на серебряной раковинѣ въ великолѣпнѣйшей позѣ, какую только можетъ нарисовать воображеніе... Можешь себѣ представить нашъ восторгъ, наше упоеніе?.. Я видалъ много женщинъ, но ни у одной я не видалъ такой античной красоты, такой прозрачно нѣжной кожи, такихъ роскошныхъ формъ... Ножки однѣ!.. Ножки... ахъ!..

Офицеръ даже сладко зажмурилъ глаза, какъ будто старался яснѣе припомнить очаровавшія его ножки.

— Ты меня крайне заинтересовалъ этой особой! замѣтилъ внимательно слушавшій разсказчика статскій господинъ. Скажи, пожалуйста, знакомъ ли ты съ ней?

— Да.

— Коротко?

— Ну этого нельзя сказать... Прежде... А что? Ты хочешь съ ней познакомиться?

— Очень хотѣлъ-бы!

— Это не трудно! Только не здѣсь... Лучше всего это можно будетъ сдѣлать на пикникѣ, который нашъ кружокъ устраиваетъ не дальше, какъ въ будущее воскресенье, и на которомъ непремѣнно бу-

детъ и баронъ, разумѣется, tout ensemble съ madame Marcadieux, сладкій союзъ съ которой, кажется у него, ужъ упрочился, насколько могутъ быть прочны союзы съ этой сумазбродкой... Кромѣ того она любитъ веселую компанію и любитъ–таки покутить... Ты можешь принять участіе въ этомъ partie de plaisir, гдѣ легко познакомишься съ Маркадье и, почемъ знать — быть можетъ заслужишь у неа особое вниманіе.

— Твоими–бы устами да медъ пить! усмѣхнулся статскій франтъ и, зѣвнувъ, поднялся съ канапе.

Весь этотъ разговоръ отъ слова до слова, жадно, притаивъ дыханіе, выслушалъ несчастный Свирскій.

Съ такою жадностью, можетъ быть, только осужденный на смерть слушаетъ свой приговоръ...

Удивленіе, бѣшенство, ревность и невыносимая мрачная скорбь страшно сжали сердце бѣднаго юноши.

Ему хотѣлось въ одно время то броситься къ ненавистному разсказчику и торжественно крикнуть ему, что онъ безсовѣстно лжетъ, то вдругъ, несмотря на всѣ усилія не вѣрить ужасной клеветѣ, онъ вѣрилъ на зло самому себѣ, вѣрилъ всему—и тогда безумное отчаяніе охватывало все его существо и онъ едва удерживалъ вырывавшіеся изъ груди стоны...

Онъ чувствовалъ, какъ все кружилось въ его помутившихся глазахъ, онъ начиналъ терять разсудокъ, колѣни подкашивались и, ему казалось, что какая–то страшная пропасть вдругъ раскрылась подъ его ногами и онъ летитъ въ нее съ неимовѣрной быстротою...

Ничего не помня и ничего не видя предъ собою, онъ съ невыразимымъ усиліемъ поднялся со стула и, шатаясь какъ пьяный, вышелъ изъ залы.

Дѣлая невѣрные шаги, онъ кое–кого сильно толкнулъ, двумъ дамамъ оборвалъ шлейфы. На него обратили вниманіе, приняли за пьянаго и подняли ропотъ...

Явился клубный старшина, и благодаря его блюстительности, Свир-

скій былъ подхваченъ лакеемъ подъ руку въ тотъ именно моментъ, когда готовъ былъ грохнуться на полъ.

Когда героя нашего препроводили въ сѣни, старшина, по заведенному во всѣхъ клубахъ порядку, началъ спрашивать его фамилію и фамилію члена, давшаго ему билетъ для входа въ клубъ въ качествѣ гостя.

Старшина былъ убѣжденъ, что Свирскій до неприличія нализался; но каково было его изумленіе, когда онъ вдругъ замѣтилъ, что тотъ былъ въ обморокѣ!.. Тотчасъ-же гнѣвъ былъ преложенъ на милость...

Въ нѣсколько минутъ нашли доктора, принесли спиртъ и одеколонъ, и Владиміръ былъ приведенъ въ чувство; только мертвенная блѣдность не сходила съ его лица. Непонимая еще, гдѣ онъ и что такое съ нимъ случилось — онъ глядѣлъ на окружавшія его озабоченныя лица дикимъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Скажите вашъ адресъ... Мы отправимъ васъ домой! ласково обратился къ нему старшина.

— Зачѣмъ домой? слабымъ голосомъ спросилъ Свирскій.

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь вы не такъ вдоровы... Или можетъ быть вы ангажировали даму на кадриль и боитесь оставить ее безъ кавалера? засмѣялся докторъ. Нѣтъ, ужъ оставьте кадриль до будущаго раза, а теперь поѣзжайте-ка домой.

— Хорошо... я поѣду, согласился Свирскій...

Сознаніе возвратилось къ нему. Онъ сталъ припоминать случившееся съ нимъ, но какъ-то безсвязно и неясно... Нервы, такъ долго и сильно напрягаемые, ослабли—воспріимчивость ихъ притупилась...

По распоряженію старшины одинъ изъ клубныхъ лакеевъ—старичекъ весьма почтенной наружности, старательно закуталъ Свирскаго въ шинель, надѣлъ на него калоши и, нанявъ извощика, свезъ юношу на квартиру, даже раздѣлъ его и уложилъ въ постель...

IV.

Проснувшись на утро, Свирскій почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и, не вставая съ постели, предался своимъ воспоминаніямъ.

Все вчерашнее, какъ сонъ, носилось предъ нимъ. Нѣкоторое время онъ даже вѣрилъ, что это былъ дѣйствительно тяжелый, непріятный сонъ и—ничто иное; но иллюзія разсѣялась...

Все, все припомнилъ онъ вдругъ съ ужасающей ясностью... О, чего-бы онъ не далъ теперь, чтобъ это былъ сонъ!..

— Она — метресса!.. Она продажная женщина! наперекоръ воли шептали его уста, и воображеніе, какъ на зло, рисовало передъ нимъ съ поразительной отчетливостью картины одна другой безобразнѣе униженія любви и женщины.

И героиней всѣхъ этихъ позорныхъ картинъ, онъ постоянно видѣлъ ее—Анастази, этого падшаго ангела.

Казалось, что какой-то злой демонъ сидѣлъ въ немъ и, показывая ему эти отвратительно живые образы, безжалостно издѣвался надъ его любовью и надъ всѣмъ, что было только чистаго и святаго въ его душѣ.

Не въ силахъ прогнать мучительныя грезы, Владиміръ застоналъ и, крѣпко вцѣпившись зубами въ подушку, спряталъ въ ней свое искаженное муками лицо... Долго лежалъ онъ въ такомъ положеніи...

Вдругъ мысль быстрѣе и свѣтлѣе молніи озарила его внутренній міръ...

— А что если все это клевета... обманъ? сказалъ онъ вслухъ и, вскочивъ съ постели, одѣлся на скоро и заходилъ по комнатѣ.

Въ головѣ его поднялась лихорадочная работа...

Всѣ факты со дня знакомства съ Маркадье и въ связи съ нею, какіе только могла подсказать ему память — ничтожнѣйшіе случаи,

слова, взгляды,—все это съ напряженіемъ анализировалъ онъ, доискиваясь всему настоящаго смысла. Прошелъ часъ по крайней мѣрѣ и чего, чего только не передумалъ онъ за это время...

Сотни рѣшеній роковаго вопроса: виновата—ли она? одно другого противорѣчивѣй, принимались и отвергались имъ съ сумазбродной быстротой...

Въ концѣ концовъ, ему все—таки остались подозрѣнія, подозрѣнія сильныя, которыя нужно во что-бы ни стало уничтожить, или... пусть ужъ они оправдаются; но жить съ ними... нѣтъ! это нестерпимо, это свыше силъ! Тутъ съ ума сойдешь...

Тяжело, туго проникаетъ въ любящую и полную вѣры душу человѣка разочарованіе и отрицаніе... Много нужно мужества, чтобы разбить кумиръ, которому принадлежатъ всѣ наши помыслы и ощущенія!

А между тѣмъ почти все то, что случайно услыхалъ Свирскій о Анастази въ клубѣ, было совершенно справедливо.

Жизнь и похожденія подобныхъ особъ въ извѣстномъ кругу общества, воспитавшемъ и вскормившемъ ихъ, никогда не остаются въ тайнѣ; — напротивъ, и онѣ сами и этотъ кругъ, чѣмъ скандальнѣе и развратнѣе эта погибшая жизнь, тѣмъ громче и усерднѣе трубятъ о ней... Какая неизмѣримая бездна цинизма!..

Странное, дико обаятельное существо была эта женщина!..

Ее никакъ нельзя было подвести подъ категорію тѣхъ без—страстно чувственныхъ, холодно разсчетливыхъ и отупѣвшихъ до скотства существованій, къ которымъ она безспорно принадлежала по своему положенію... Напротивъ, она была полна кипучей жизни и страсти, но все это проявлялось въ ней до того дико и необузданно, что самый снисходительный наблюдатель не могъ бы назвать ее сколько нибудь человѣчной, сколько нибудь нравственной...

Казалось, въ понятія этой буйно—прелестной головки никогда не входили соображенія о томъ, что—вотъ это—то хорошо и нравственно а то—то безнравственно и дурно...

Одно можно было сказать о ней безошибочно, что она была

распущена до той ужасной степени, граничащей съ полнымъ безуміемъ, гдѣ всякій шагъ мотивируется однимъ разнузданнымъ воображеніемъ и гдѣ умъ изловчается только въ преодолѣваніи преградъ, встрѣчаемыхъ взбалмошной фанатически страстной мечтой.

И съ этой только точки она смотрѣла на жизнь и на свои отношенія къ ней...

Въ душевномъ складѣ этой «непосредственной натуры» уживались самые поразительные контрасты... Она поперемѣнно бывала то добра и наивна, какъ дитя, то звѣрски — жестока и хитра, какъ дьяволъ,—смотря потому какую струну задѣвало въ ней колесо жизни...

При своей обольстительной красотѣ, она всего достигала, и это было въ ней не разсчетъ, не холодное упрямство, а страсть... Увлекшись какой-нибудь шальной идеей или чувствомъ, она все забывала для нихъ и всѣмъ жертвовала для ихъ осуществленія...

Словомъ, это была богато-одаренная, сильная, но въ конецъ свихнувшаяся натура.

Одинъ острякъ какъ то выразился о ней: «эта женщина, если захочетъ, можетъ звѣзды съ неба снимать!»

Звѣздъ она, положимъ, не снимала, но дѣлала съ своими поклонниками, нерѣдко важными сановными лицами, все, что ей желалось. Они для нея, казалось, готовы были, забывъ санъ и званіе, ходить на головѣ, вертѣться колесомъ и проч.

Будучи на содержаніи, раззоряя своими прихотями и капризами тароватаго потрона, она принимала его даянія не какъ милость, а какъ нѣчто должное, и оттого никогда не связывала себя никакими обязательствами.

Понятіе какого либо долга было ей чуждо и принудить ее къ чему нибудь и чѣмъ бы то ни было не представлялось возможности.

Ради приличія и неотступныхъ требованій, а иногда и въ пылу неподдѣльнаго чувства, она охотно приносила всевозможныя клятвы и увѣренія; но если къ ея словамъ начинали относиться слишкомъ строго, она, какъ тигрица протестовала противъ такого насилія ея

воли и разрывала связь, не взирая ни на что... Обыкновенно случалось, что самъ же патронъ или обожатель вымаливалъ у нея прощеніе въ своей неумѣстной строгости...

Ласки и любовь этой дикарки давались однимъ очень легко, другимъ очень трудно, впрочемъ вельможное и щедрое богатство всегда имѣло болѣе или менѣе свободный доступъ къ ней, такъ какъ ея жажда роскоши, блеска и мотовства не знала никакихъ предѣловъ. Обыкновенно, помимо постояннаго патрона—папаши, нерѣдко искренно ею любимаго, у ней была тьма другихъ поклонниковъ, иногда нѣсколько заразъ, и она швыряла ими, какъ пѣшками.

Она отдавалась чаще по чувству, по прихоти, для «разнообразія», какъ сама выражалась... Счастливцы эти могли ее дарить, могли отдѣлываться на сухо—минутная связь не становилась оттого ни короче, ни сильнѣе!..

Читателю, полагаю, не безъинтересно будетъ узнать прошедшее моей героини.

Она родилась въ Петербургѣ отъ заѣзжей француженки; но отца не могла-бы назвать. Извѣстно, что амплуа, занимаемые пріѣзжающими къ намъ дочерями вѣтренной Франціи весьма ограниченны: онѣ или модистки, или гувернантки или, наконецъ, камеліи... Мать Анастази принадлежала къ послѣдній категоріи и передъ смертью была метрессой одного богатаго барина.

Послѣ родовъ она вскорѣ умерла, оставивъ дочь на попеченіе своего покровителя, а тотъ отправилъ ее въ одно изъ помѣстій своихъ — на воспитаніе.

Трудно сказать, что руководило въ этомъ случаѣ старымъ грѣшникомъ; но, пріѣхавъ однажды въ помѣстье и увидѣвъ, что изъ ребенка выростаетъ прелестная дѣвушка, онъ приложилъ къ уходу за ней и воспитанію особенныя заботы: выписалъ гувернантокъ, окружилъ ее роскошью и угодливостью.

Челядь, не зная, но догадываясь о происхожденіи Анастази, стала думать, что одинокій старикъ, жившій не въ ладахъ съ своимъ един-

ственнымъ сыномъ, хочетъ удочерить свою воспитанницу... Это предположеніе еще болѣе приблизилось къ правдѣ, когда спустя года два, онъ окончательно переселился въ свое помѣстье и день отъ дня, по мѣрѣ того, какъ Анастази росла и хорошѣла, становился къ ней все нѣжнѣе и заботливѣе. Она въ свою очередь относилась къ нему съ полной признательностью и даже горячо полюбила его, какъ добраго друга, какъ отца; но добрыя отношенія эти вскорѣ нарушились и порвались окончательно!..

Дѣло въ томъ, что когда ей минуло пятнадцать лѣтъ и гувернантки были отпущены, бѣдная дѣвушка, стала замѣчать, что ей стыдно, неловко становится отъ ласкъ и нѣжностей ея добраго покровителя... Она сперва не понимала истиннаго значенія этого ухаживанья, ей—невинной дѣвушкѣ, почти ребенку — и въ голову немогло придти, что ея добрый покровитель до сихъ поръ всѣ старанія употреблялъ затѣмъ только, чтобъ приготовить въ ней для себя на склонѣ дней лакомый усочекъ. Теперь онъ рѣшилъ, что жертва готова и уже не скрывалъ своихъ циническихъ намѣреній. Видя впрочемъ безуспѣшность обычнаго волокитства, развратный старикъ рѣшился дѣйствовать энергичнѣе и въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ спальню своей питомицы... Происшедшая при этомъ сцена разстроила однако его планы. Анастази сперва ужаснулась, но потомъ почувствовавъ жгучее отвращеніе къ попыткѣ дряхлаго сатира, уничтожила его своимъ энергическимъ протестомъ... Неудовлетворенная страсть, разумѣется, отъ этого не ослабѣла, а еще болѣе усилилась и въ концѣ концовъ подломила слабыя силы старика. Вскорѣ онъ слегъ въ постель съ тѣмъ, чтобъ ужъ больше не вставать...

Забывъ все, Анастази стала ухаживать за нимъ со всей горячностью любящей дочери. Между тѣмъ сынъ, извѣщенный о тяжелой болѣзни отца, прискакалъ изъ Петербурга и засталъ его уже въ гробу.

Молодой человѣкъ зналъ о существованіи Анастази и даже заочно

ненавидѣлъ ее, сильно опасаясь за цѣлость своего наслѣдства; но теперь обнаружилось сверхъ ожиданія, что старикъ ни гроша не завѣщалъ своей питомицѣ—она осталась безпомощной сиротой, безъ роду и племени. Это впрочемъ, не помѣшало новому владѣльцу помѣстья обратить на нее милостивое вниманіе, тѣмъ больше что субъектъ вполнѣ этого заслуживалъ.

Двухнедѣльное знакомство ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось обоюдной любовью — со стороны Анастази, горячей и искренней, а со стороны его — избалованнаго денди — весьма легкой, опредѣляемой французами тремя словами: «pour passer le temps».

Это была первая и еще дѣтская любовь моей героинѣ и — съ этой поры началась ея карьера.

Вскорѣ влюбленные бросили помѣстье и проѣхали прямо заграницу...

Петербургъ представлялъ мало простора для мотовства богатаго наслѣдства.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ шальной расточительной жизни, когда наивная любовь шестнадцатилѣтней дѣвочки достаточно прискучила, денди нашъ въ одно прекрасное утро ускакалъ обратно въ Россію, даже не сказавшись брошенной жертвѣ... Это совершенно въ порядкѣ вещей...

Трудно сказать какъ отнеслась Анастази къ такому безсовѣстному обману; одно только достовѣрно, что она не долго ждала новыхъ поклонниковъ, и то, что потомъ, теряя ихъ безвозвратно, не предавалась ни тоскѣ, ни отчаянію.

Разсказывать послѣдующія похожденія моей героини, до появленія ея на страницахъ моей повѣсти, я нахожу неумѣстнымъ и излишнимъ. Довольно сказать, что она изъѣздила почти всю Европу, вездѣ находя поклонниковъ, готовыхъ терять голову и состояніе за взглядъ и ласку опытной куртизанки; но нигдѣ не находила она такого разгулу, такого блеска и такой щедрости, какъ въ Россіи — вотъ почему она жила въ Петербургѣ послѣднее время почти безвыѣздно.

V.

Были сумерки. Маркадье въ послѣобѣденномъ сладкомъ far niente лежала на кушеткѣ и слушала игру Свирскаго на пьянино!

Полный грустной любви и мучительныхъ предчувствій, онъ игралъ одну изъ меланхолическихъ сонатъ Шумана. Въ каждомъ звукѣ, вырывавшемся изъ подъ его пальцевъ, дрожали прерываемыя вздохами, тихія прекрасныя, постепенно переходящія въ глухое рыданіе, слезы.

Владиміръ весь отдался этимъ звукамъ и, въ порывѣ самозабвенія не чувствовалъ, какъ у него самого показались на рѣсницахъ слезы и одна за другой незамѣтно скатывались по щекамъ и падали на клавиши.

Наконецъ въ томъ мѣстѣ сонаты, гдѣ страдалецъ композиторъ, въ порывистомъ глухомъ рокотѣ мрачныхъ аккордовъ, выразилъ всю глубину томившей его тоски, онъ не выдержалъ... Рѣзкимъ диссонансомъ оборвалъ онъ потокъ гармонической мелодіи и, склонивъ голову на пюпитръ, тихо зарыдалъ...

Анастази живо вскочила и подошла къ нему.

— Вольдемаръ! что это такое? Ты плачешь?.. что съ тобой? спрашивала она, поднявъ своими бѣлоснѣжными руками голову Свирскаго и ласково заглядывая ему въ глаза.

Онъ старался подавить свои невольныя слезы; хотѣлъ говорить, но рвущіяся рыданія заглушили его голосъ.

На лицѣ Анастази появилось нетерпѣніе и досада.

— Какое ребячество!.. фи! брюзгливо замѣтила она, поднося ему стаканъ съ водою.

Отпивъ нѣсколько глотковъ, онъ немного успокоился и, взявъ ея руки, горячо прижалъ ихъ къ своимъ губамъ, словно ее хотѣли отнять у него, словно онъ разлучался съ нею надолго... навсегда!..

— Какой ты глупенькій!.. Совсѣмъ ребенокъ, а не мужчина! сказала она съ материнскимъ упрекомъ, не отнимая своихъ рукъ.

Перемѣна въ Свирскомъ—его глубокая грусть и затаенная мучительная ревность не укрылись отъ взоровъ Анастази. Она давно ихъ замѣтила; но не распрашивала его съ умысломъ. Это значило, по ея мнѣнію, «дѣлать сцену», а «сценъ» она терпѣть не могла. Разумѣется, такого рода боязливое безучастіе мотивировалось тѣмъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, что она окончательно охладѣла къ бѣдному студенту — онъ «истощился» въ ея глазахъ до капли; слѣдовательно— какой интересъ могъ быть для нея въ его грусти или радости?!

Обыкновенно, когда ее покидалъ обожатель, она нисколько не унывала и не тосковала и такой же твердости духа — «tolérance d'amour», какъ она выражалась, требовала и отъ тѣхъ, которыхъ сама покидала.

Ясно, поэтому—отчего она желала, чтобы Свирскій, замѣтивъ ея охлажденіе къ нему , скрылся съ горизонта незамѣтнымъ образомъ—безъ «сценъ» и шуму...

— Ну, скажи же, mon petit chien чего ты разрюмился? садясь возлѣ него, спросила она, самымъ равнодушнѣйшимъ тономъ, ясно говорившимъ, что на вопросъ, не желаютъ никакого отвѣта.

— Я слишкомъ люблю тебя Анастази!.. съ лихорадочной силой проговорилъ наивный юноша, не выпуская ея рукъ.

— И изъ за этого ты плачешь? удивилась она и разсмѣялась.

— Зачѣмъ ты обворожила меня? говорилъ онъ, глядя на нее горящими глазами. Зачѣмъ я узналъ тебя?.. Ты доставила мнѣ столько счастья... столько блаженства...

— Что ты безъ слезъ благодарности вспомнить объ этомъ не можешь! съ новой ироніей перебила его Маркадье.

Владиміръ ее не слышалъ.

— Я предчувствовалъ... Помнишь — я говорилъ: счастье не дается даромъ... Оно покупается страданіями... да!.. Ты вѣришь этому Анастази?..

Quelle idée!.. Что же дальше?..

— Знай, моя плата началась! торжественно, съ какимъ-то религіознымъ энтузіазмомъ сказалъ Свирскій. Никто не былъ такъ вдругъ и такъ безпредѣльно счастливъ, . какъ я, продолжалъ онъ. И зато никто—помни это, Анастази—никто не заплатитъ такими ужасными страданіями за свое счастье, какъ я... Это законъ судьбы! Приговоръ надо мной уже прочитанъ... пытки начались... О жизнь моя, о радость, никакими слезами не выплакать мнѣ любви и моего горя! съ безпредѣльной тоской и какой-то самоотверженной готовностью на все кончилъ онъ свой монологъ.

— Mon Dieu, какія слова! точно на проповѣди... Ты начинаешь говорить вздоръ, мой милый! серьезно замѣтила Маркадье.

— Вздоръ? переспросилъ Свирскій съ горькой усмѣшкой. Да... можетъ быть! Несчастье мое слишкомъ мнѣ не по силамъ—оно подавляетъ меня... Меня безпрерывно терзаютъ ужасные призраки... Умъ старается прогнать ихъ и—не можетъ... Я близокъ потерять его...

— Я даже нахожу, что ты ближе къ этому, чѣмъ думаешь...

— Анастази! зачѣмъ ты такъ безжалостно смѣешься надо мной!..

— Я не понимаю тебя. Объяснись толкомъ!.. Если хочешь, чтобы я не смѣялась—не говори мнѣ смѣшныхъ словъ... «Любовь»! «призраки»! «несчастье»! какой смыслъ во всемъ этомъ?..

— Нѣтъ, Анастази!.. Не спрашивай меня!.. Я никогда не скажу тебѣ о томъ, что меня такъ мучитъ... Зачѣмъ?.. Да и что это?.. Пустыя, ни на чемъ неоснованныя, даже низкія подозрѣнія... Нѣтъ! горячо воскликнулъ молодой человѣкъ. Все это умретъ со мною!.. Не спрашивай же меня, но прости... прости...

— А! такъ вотъ оно что! съ ядовитой усмѣшкой возразила Анастази. Monsieur кое-что замѣтилъ; ему кое что налгали, и— все это кое-что monsieur перетолковалъ и вкривь и вкось, и теперь ревнуетъ меня?..

Свирскій молча опустилъ голову.

— Пусть же monsieur зарубитъ себѣ на носу разъ навсегда, что я терпѣть не могу, когда меня ревнуютъ и терпѣть не могу ревнивыхъ господъ! рѣзко, почти съ гнѣвомъ проговорила Маркадье и встала.

Владиміръ помертвѣлъ,—она никогда еще не говорила съ нимъ ни такимъ языкомъ, ни такимъ тономъ.

Передъ нимъ какъ будто упала завѣса и онъ вдругъ увидѣлъ, что она его не любитъ.

Ему захотѣлось умереть—сейчасъ же, не дѣлая шагу, не думая, не говоря ни слова. Прошло не болѣе минуты томительно-страстнаго ожиданія смерти...

Вдругъ онъ очнулся, ему показалось, что она кричитъ ему свое гнѣвное: «терпѣть не могу! терпѣть не могу!» Онъ порывисто вскочилъ со стула.

Она стояла передъ нимъ, блѣдная, гнѣвно раздраженная, чѣмъ-то встревоженная, и грубо спроваживала его въ дверь...

— Уходи скорѣе!.. Мнѣ это нужно... Oh, quelle bête importune... наказаніе!.. съ нетерпѣливой злобой шипѣла она, поспѣшно выпроваживая обезумѣвшаго и растерявшагося Свирскаго изъ будуара, гдѣ они сидѣли...

— Аннета, уводи его... чрезъ черную лѣстницу... живѣе!.. обратилась она къ своей горничной, когда они перешли въ сосѣднюю уборную, и быстро захлопнула за собою дверь...

VI.

Въ будуаръ вошелъ графъ Крашинъ—чѣмъ и объясняется такое неожиданное и безцеремонное изгнаніе нашего героя... Впрочемъ, предосторожность рѣшительной Маркадье на этотъ разъ нѣсколько опоздала.

Графъ подошелъ къ дверямъ будуара раньше ухода оттуда Свир-

скаго и подслушивалъ происходившую тамъ маленькую сцену; онъ даже мелькомъ замѣтилъ фигуру своего соперника, въ тотъ моментъ, когда за послѣднимъ захлопывалась дверь изъ уборной.

Бѣшенство закипѣло въ дряхлой груди ревниваго старика.

Переступивъ порогъ, онъ остановился и устремилъ на взволнованную Анастази неподвижно свирѣпый взглядъ.

Она не вынесла этого взгляда и стояла въ крайнемъ смущенiи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графа.

— Я вамъ кажется помѣшалъ? прошипѣлъ онъ. Въ этомъ шипѣньи слышался страшный, едва сдерживаемый гнѣвъ.

— Нѣтъ... ни мало, чуть слышно промолвила Маркадье.

—Лгать... лгать еще?! Вѣдь я все видѣлъ и слышалъ! шипѣлъ, задыхаясь старикъ, не спуская своего проницательнаго взгляда съ молодой женщины.

Она промолчала—только по блѣдному лицу ея пробѣжала легкая тѣнь, губы сжались и брови надвинулись... Такъ, пришпоренный молодой, ретивый конь, послѣ минутнаго недоумѣнья, закусываетъ удила и подбирается, и—горе тогда слабому или неопытному сѣдоку!..

— Ты обѣщала... ты клялась... И чтожъ?.. Графъ помолчалъ... Что теперь я долженъ думать о тебѣ?.. Низкая, безчестная женщина! рѣзко проговорилъ онъ, возвысивъ голосъ и твердо отчеканивая каждое слово.

Анастази встрепенулась, выпрямилась и, сдѣлавъ два шага по направленiю къ старику, задыхающимся голосомъ сказала:

— Что... что вы сказали, графъ?

— Я сказалъ и буду постоянно говорить, что ты низкая, безч...

— Молчать! возразила Маркадье, топнувъ ногою и, съ неистовой угрозой въ глазахъ и во всей прекрасной фигурѣ своей, приблизилась къ графу...

И онъ дѣйствительно замолчалъ...

— Вы осмѣлились меня оскорбить?.. О, графъ, я вамъ этого не прощу!.. пронзительно кричала она. Вы воображаете, что прiобрѣли

на это право, давая мнѣ деньги?.. Вы грубо ошиблись!.. Я докажу вамъ, что я не продажная тварь, которая за деньги позволитъ топтать себя въ грязь!.. Нѣтъ!.. Еще никто—слышите-ли—никто и никогда не осмѣливался налагать на меня узду!.. Я всегда была и буду полная госпожа моихъ поступковъ... И вдругъ, вы, жалкій старикашка... хотите сдѣлать меня своей рабыней?.. хотите безнаказанно оскорблять меня?! ха, ха, ха... Да еслибъ вы были во сто разъ богаче, во сто разъ щедрѣе ко мнѣ, чѣмъ теперь, и тогда бы я наплевала на васъ, какъ плюю теперь!..

— Смотрите! и она порывисто подошла къ туалету и неистово начала швырять изъ его ящиковъ чуть не въ лицо графу цѣлый дождь дорогихъ брилліантовыхъ, жемчужныхъ и золотыхъ вещей. Смотрите! вотъ ваши подарки!.. Ваша кабала, цѣною которой вамъ хотѣлось купить меня... Вотъ они!.. Берите ихъ!.. Опустошивъ туалетъ, она перешла къ шифоньеркѣ, откуда тѣмъ же путемъ полетѣли тучами бархатъ, кружева, шолкъ и всевозможныя принадлежности дамскаго костюма. Она, какъ бѣшеная фурія, рвала и метала къ ногамъ графа все, что ей попадалось подъ руку. Берите-же графъ!.. Это все ваше!.. Берите и—вонъ!.. Вонъ съ глазъ моихъ, жалкій старикашка!

Роли героевъ этой бурной сцены перемѣнились.

Несчастный графъ давно уже изъ грознаго судьи обратился въ покорнаго кающагося подсудимаго. По мѣрѣ усиленія гнѣва Анастази онъ все болѣе и болѣе стушевывался и трусилъ. Замѣчательно, что почти всѣ, кто бывалъ въ связи съ этой необузданной женщиной, если особенно дорожили ею и все прощали ей, то преимущественно потому, что она не освоивалась ни съ чьимъ игомъ, ни передъ кѣмъ искренно не преклонялась и была дерзка и неукротима со всякимъ кто дѣлалъ посягательство на ея дикую свободу.

Графъ еще никогда не видалъ своей метрессы въ такомъ гнѣвѣ и, даже подъ наитіемъ этого безобразнаго чувства, она показалась ему еще прекраснѣе и обворожительнѣе.

Когда она стала швырять къ его ногамъ подаренныя имъ вещи

и когда наконецъ дерзко и рѣшительно крикнула ему убираться вонъ съ ея глазъ, слабодушный старикъ, не смотря на все громадное униженіе, въ которое ставила его Маркадье, помышлялъ только объ одномъ—какимъ образомъ успокоить ее и преложить гнѣвъ на милость.

Не зная за что ухватиться, что предпринять для этой цѣли, онъ стоялъ нѣмъ и неподвиженъ, какъ статуя, съ мучительной тоской взирая на то, что предъ нимъ происходило.

Сдѣлавъ страшный безпорядокъ въ своемъ изящномъ будуарѣ и пригласивъ графа убираться вонъ—Анастази нѣсколько угомонилась...

Порывъ ея бѣшенства прошелъ. Пройдя лихорадочной походкой раза два по комнатѣ, она остановилась передъ остолбенѣвшимъ Крашинымъ и сказала:

— Чего же вы ждете, графъ?

Въ ея голосѣ уже не было визгливой нотки—вѣрнаго признака высшей степени женскаго гнѣва.

— Я полагалъ, madame, возразилъ графъ, убитымъ, покорнымъ голосомъ, не глядя на Анастази: я полагалъ, что если бы я даже кругомъ былъ виноватъ въ сдѣланномъ мною упрекѣ, и тогда я имѣлъ-бы право на нѣкоторое снисхожденіе...

— Никакого, графъ! Положительно, никакого!.. Вы заблуждаетесь!.. рѣшительно отвѣтила Маркадье, продолжая свою прогулку изъ угла въ уголъ.

— Говоря объ этомъ правѣ, я не разумѣлъ тѣхъ основаній, которыя вы предполагаете. Не только мои услуги и... деньги, но даже мои лѣта... мое, наконецъ, положеніе въ свѣтѣ... Ничего этого я не полагалъ и не полагаю въ основаніе моего права требовать отъ васъ болѣе снисхожденія... къ моей... горячности... болѣе сдержанности и приличія, по крайней мѣрѣ, въ вашихъ... шалостяхъ... Мнѣ казалось, что каковы бы ни были отношенія между людьми, они обусловливаются извѣстными, если не законами, то правилами, выходить изъ границъ которыхъ неприлично и... иногда преступно... Я думалъ, что эти правила обязательны и для васъ... Я ошибся...

— Да, mousieur le comte, вы ошиблись... Никакихъ такихъ вашихъ правилъ я не признаю и знать ихъ не хочу!.. Свобода моя—дороже мнѣ всѣхъ сокровищъ міра, да будетъ вамъ, наконецъ, это извѣстно!..

— Вы слишкомъ произвольно понимаете свободу...

— Ахъ, любезный графъ! я нисколько не сомнѣваюсь, что ваше пониманіе свободы и всего прочаго несравненно выше и умнѣе моего; но... de grâce, оставьте для себя плоды вашего высокаго пониманія!

Дипломатическая почва оказывалась недѣйствительной для примиренія.

Убѣдить Маркадье въ чемъ нибудь, что было противно ея вкусу, оказывалось всегда неблагодарнымъ и безцѣльнымъ подвигомъ...

Старикъ помолчалъ... Казалось въ немъ происходила жестокая борьба и—онъ не зналъ, на что рѣшиться. Наконецъ осмотрѣвшись и понизивъ голосъ, какъ-бы изъ боязни, чтобы никто не могъ ни видѣть, ни слышать его униженія и слабодушія—онъ проговорилъ:

— Анастази! оставимъ безплодныя препирательства... Я не хотѣлъ ни ссориться съ тобою, ни оскорблять тебя... Обидныя слова, высказанныя мною... я... я готовъ взять назадъ... Надѣюсь, Анастази, и ты поступишь также...

Въ то время, когда графъ поспѣшно произносилъ свой ультиматумъ съ жалкимъ видомъ провинившагося школьника, Маркадье остановилась и глядѣла на него съ такимъ наглымъ выраженіемъ своего торжествующаго могущества, съ такимъ надмѣннымъ презрѣніемъ, что еслибы онъ тогда поднялъ на нее свои глаза—слова примиренія застыли бы на его устахъ; но графъ ничего этого не видѣлъ, да и не хотѣлъ видѣть...

— Какое подумаешь необыкновенное великодушіе съ вашей стороны! замѣтила она въ отвѣтъ съ саркастической ужимкой.

— Къ чему эта иронія надъ слабымъ старикомъ, который только и дышетъ однимъ безумнымъ чувствомъ безграничной любви къ тебѣ!

Къ чему такая жестокость?.. Я считалъ тебя добрѣе, Анастази, съ трогательнымъ самообличеніемъ возразилъ графъ.

— Чего же, наконецъ вы хотите отъ меня? холодно спросила Маркадье, пожимая плечами. Не я начала эту... сцену.... Вы первый оскорбили меня, ну и... теперь расхлебывайте, что сами же заварили!. Мнѣ странно одно — это ваша наивность требовать отъ меня невозможнаго.

— Ты знаешь, что требованія мои гораздо умѣреннѣе... Ты знаешь, что въ замѣнъ этихъ невѣроятно малыхъ требованій, я отдаю безъ счету, безъ колебанія все, на сколько хватаетъ моей силы; а эта сила вѣдь не какая же нибудь... И ужели за это «все» я заслуживаю одного полнѣйшаго пренебреженія и даже болѣе — третированія en canaille? Повторяю, я считалъ тебя добрѣе, Анастази!..

— Ахъ графъ! какъ это ваше «все» наскучило мнѣ, еслибъ вы знали!. Повѣрьте, что я отъ васъ ничего... ничего не хочу и не требую?.. съ нетерпѣливымъ жестомъ сказала Маркадье, но думала она теперь нѣчто совсѣмъ противоположное. Гнѣвъ ея прошолъ и испарился окончательно.

Это взбалмошное, непостояное, нервное существо никогда не оставалось долго подъ вліяніемъ какого бы то ни было чувства... Чувства эти вертѣлись въ ней и безслѣдно пропадали, какъ стеклышка въ калейдоскопѣ.... Такъ теперь, она искренно опечалилась бы, если бы графъ внялъ ея недавнему требованію — забрать свои подарки и убраться во свояси...

И это не потому только, что она моментально лишилась бы въ немъ своего тароватаго патрона—нѣтъ! при громадномъ самолюбіи ей было болѣе всего пріятно, сразивъ противника, насладиться его униженными мольбами о пощадѣ и помилованіи, насладиться сознаніемъ силы своего могущества и своего очарованія... Теперь, когда графъ очевидно искалъ мира и прощенія своихъ винъ, — она, прежде чѣмъ великодушно простить, хотѣла «покуражиться» надъ нимъ... Ну, и куражилась!..

На рѣшительный отказъ ея отъ всякихъ хотѣній и требованій, графъ поднялъ на нее глаза съ робкимъ, молящимъ упрекомъ и сказалъ:

— Я не вѣрю тебѣ; и не могу повѣрить, потому что... ужели въ дружбѣ твоей ко мнѣ было одно безс... одно холодное притворство? Нѣтъ, это невозможно!.. А если такъ, неужели ты не можешь извинить мнѣ, ради нашей долгой дружбы, нѣсколькихъ опрометчивыхъ грубыхъ словъ?.. Вѣдь я... слышишь-ли?—старикъ, весь дрожащій отъ волненія, подошелъ къ неподвижной Анастази: вѣдь я жить безъ тебя не могу! продолжалъ онъ горячо молящимъ шопотомъ... Прости мнѣ! пожалуйста!.. Я буду ползать у прелестныхъ ногъ твоихъ... Будь ко мнѣ добра по прежнему!. Скажи чѣмъ заслужить твою ласку?.. Я на все готовъ... Скажи, только!

Маркадье прошлась гордо и величаво по комнатѣ и остановившись передъ графомъ, — тономъ королевы, великодушно милующей преступившаго,—изрекла:

— Извольте-съ... я васъ прощаю! Но... знайте, графъ, я не потерплю больше ни малѣйшаго стѣсненія моей свободы!.. Это и для васъ удобнѣе, я полагаю.. Вѣдь я могла бы также успѣшно васъ обманывать, какъ обманываютъ вашего брата сплошь да рядомъ, не только метрессы, но и добродѣтельныя супруги... Зачѣмъ? — Эта манера безчестна, по моему.... У меня tolerance d'amour на первомъ планѣ... Я васъ не стѣсняю, но не стѣсняйте-жъ и вы меня... Заруби себѣ всю эту мудрость на носу, скверный папка! уже съ ласково-веселымъ смѣхомъ закончила свое поученіе успокоившаяся львица.

Графъ, въ качествѣ помилованнаго и наставленнаго на путь истинный, обнаружилъ конечно признаки полнѣйшаго блаженства.

VII.

— Владиміръ Ликсѣичъ, что это? На васъ лица нѣту!.. Этакихъ–то и въ гробъ не кладутъ!.. Ахъ, знаю, знаю, кака тутъ причина!.. Полно... господинъ мой хорошій! пожалѣйте себя — неубивайтесь такъ–то!.. Вѣдь глядѣмши на васъ, мнѣ самой плакать хочется... Только напрасно все это!.. Развѣ она стоитъ того, чтобы по ней страдать такъ то?.. Плюнь на нее, лиходѣйку!.. Ты думаешь, одного тебя, такъ то она извертѣла? Хо–хо–хо! сколько господъ што за первый сортъ, изъ за ефтаго ея непотребства, можно сказать на всю жизнь счастія своего рѣшились... Идти хотите, голубь мой? Не пустила бы я васъ такого-то, да знаю... тошнехонекъ вамъ теперича этотъ самый духъ нашъ... Идите.. идите, Господь съ вами!.. Да вотъ что баринъ, скажу я тебѣ напослѣдокъ... Послушай меня старую!. Хочешь молодую умную голову сносить — забудь ты, куда такая и дорога къ намъ!.. Выбрось ты ее, безстыжую, изъ сердца своего горячаго и памяти!.. Какъ матерь бы родная говорю тебѣ это.

Такими–то хорошими, да участливыми словами разливалась старая ключница Маркадье предъ обезпамятовавшимъ отъ своего великаго несчастія Свирскимъ.

По извѣстной уже экстренности, выпроваживавшая его изъ будуара своей госпожи горничная оставила его въ кухнѣ, въ надеждѣ, что дальнѣйшій путь своего изгнанія онъ не замедлитъ уже совершить одинъ, безъ посторонняго содѣйствія; но юноша не оправдалъ этихъ вполнѣ основательныхъ ожиданій.

Непонукаемый болѣе, онъ опустился на первый попавшійся стулъ и только жалобная тирада старухи навела его на путь сознанія происшедшаго. Тогда ему захотѣлось бѣжать въ какую нибудь безвѣстную даль и пустыню.

Странное и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное состояніе испытываетъ человѣкъ, въ годину какого либо, что называется, въ самую голову разящаго его несчастія!

Послѣ первыхъ ошеломляющихъ мгновеній, обыкновенно становится какъ-то ужасно пусто, словно бы разбитое въ дребезги сердце взялъ кто-то, да и вынулъ изъ груди, и кажется что ничего такого потрясающаго и не было вовсе, что все это такъ только — призракъ нѣкій, въ сущности вниманія не стоющій..

Воспоминаніе о столь недавнемъ ударѣ, какъ то мгновенно таетъ и удаляется въ глубь давно прошедшаго... Человѣкъ становится до поры ужасно спокоенъ, даже беззаботенъ.

Мысль съ ребяческой сугубостью занимается какими-нибудь невообразимыми пустяками. Бросается, къ примѣру, въ глаза нумеръ проѣзжающаго извощика—допустимъ, № 4375... «Ага! тѣшится вдругъ этой удивительной штукѣ испорченный несчастьемъ человѣкъ — вотъ оно какъ! № 4375... Славная цифра! большая цифра!.. нескоро вѣдь досчитаешься до нее! Вѣдь часа три надо считать, а то пожалуй и больше... да! да!.. Экія чудеса, подумаешь? че-ты-ре ты-ся-чи три-ста сем-де-сятъ пять! «и пойдетъ это онъ тормошить роковую цифру, пока не кинется въ глаза ему другой предметъ, столь же интересный и многознаменательный...

Въ такое именно состояніе впалъ Владиміръ, когда, выйдя отъ Маркадье, безцѣльно побрелъ по улицамъ, полнымъ шуму и гаму. Теперь ему очень люба была эта уличная суета и онъ весь погрузился въ созерцаніе ея обыденнаго, намозолившаго глаза движенія... Казалось бы словно нѣкая чудная сила, вдругъ, во мгновеніе ока, перенесла его изъ какой-нибудь африканской глуши въ самый центръ петербургскаго столпотворенія,—съ такимъ истинно готентотскимъ интересомъ дивовался потерянный юноша на обступавшую его со всѣхъ сторонъ крикливо—пеструю дребедень...

Долго онъ присматривался и прислушивался къ ней; но... такъ

сразу одеревенѣть и не жить болѣе — съ человѣкомъ рѣдко случается!

Вотъ гдѣ–то изъ тысячеголосой чуши вырѣзывается чей то огромный басина:

— Эй, извощикъ!

— Куда прикажете–съ? мгновенно отзывается басинѣ алчно заискивающій тенорокъ.

Свирскій прислушивается. Голоса продолжаютъ:

— Къ Чернышову мосту! возглашаетъ свое требованіе басина.

— Полтинничекъ, ваше сіятство, положьте! робко заискиваетъ тенорокъ.

— Дурракъ!

Свирскій смѣется.

— Многоль пожалуете?

— Пятиалтынъ....

— Эко? Дайте четвертакъ.

— Паш–ш–шолъ!

— Ну, са–а–ди–тесь... Эхъ... ма!

— Терпѣть не могу, когда вы такъ то безобразно запрашиваете! поучительно заключаетъ преніе торжествующій басина.

Свирскій останавливается какъ вкопанный.

— «Терпѣть не могу...» Кто это сказалъ?.. Чьи это анаѳемскія слова? вдругъ съ тревогой сталъ онъ спрашивать себя и сейчасъ же почувствовалъ, какъ будто временно отсутствовавшее сердце опять заныло и затрепетало, обливаясь горячей кровью въ его пустой дотолѣ груди.

И такая-то колючая боль охватила это бѣдное сердце, что, кромѣ его стоновъ и криковъ, ничему уже другому не внималъ и не отзывался герой мой.

— Теперь все ясно!.. Какихъ больше доказательствъ? бесѣдовалъ онъ съ своимъ горемъ, поспѣшно шагая по людным тротуарамъ.

Сильное горе очень близко къ злобѣ и ненависти.

— О, будь проклята... стократъ проклята та несчастная минута, когда я узналъ ее, коварную... вавилонскую блудницу! съ пѣной у рта лютовалъ теперь Свирскій. Замолчи, ты... малодушное сердце!., Я знать не хочу... я знать болѣе не хочу твоихъ глупыхъ стоновъ... Слышишь?.. Я забылъ ее!.. Я никогда не зналъ ее!.. Это дикій сонъ былъ!.. Онъ прошолъ и... мы попрежнему заживемъ!.. Я буду веселъ... Я смѣюсь тебѣ, мерзкій, противный сонъ! и онъ дѣйствительно расхохотался, какъ полуумный, премного удививъ тѣмъ ротозѣевъ—прохожихъ. Его самого этотъ смѣхъ ободрилъ и раззодорилъ. Мнѣ-ли молодому, сильному — портить себѣ жизнь изъ за какой-нибудь куртизанки, съ «роковыми словами на лбу»... Пропадай — ты!.. Я еще жить хочу!

Эти мудрыя рѣшенія молодаго человѣка неожиданно были прерваны обращеннымъ къ нему привѣтствіемъ, исходившимъ изъ вечерней густой, по зимнему, теми, едва едва разжижаемой мерцающими фонарями.

— Вашему сіясству, Владиміръ Ликсѣичу, наше–нижайшее–съ! и при этомъ нѣкто, можно было видѣть, скидывалъ съ головы заиндѣвѣвшую мохнатую шапку и низко кланялся Свирскому...

— Что надо?.. Кто такой? спросилъ тотъ, болѣзненно вздрогнувъ отъ этой сладкой встрѣчи.

— Не узнали–съ?.. Егоръ... лихачъ... челомъ бьетъ вашему сіясству!

— А! здраствуй Егоръ! вдругъ узналъ и почему то обрадовался Свирскій.

— Не прокатить–ли ваше сіясство?.. На свѣжей... сичасъ только выѣхалъ?..

— Изволь! изволь! Только такъ Егорушко, чтобы духъ захватывало! Я нынче гулять хочу.

— Съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ, судырь!,. Въ грязь лицомъ не ударимъ и завсегда вашей милости заслужимъ! обнадеживалъ лихачъ, радостно бросаясь къ своему тысячному рысаку и

ловко сдергивая съ его черной глянцевитой спины широкій, мохнатый коверъ.

— Я тебѣ докажу, что все это для меня... пуфъ! мысленно убѣждалъ кого-то Свирскій. Не дождешься ты во вѣкъ, истинная misérable, чтобъ я нылъ по тебѣ и ужасался въ душѣ гнусности твоей измѣны... да! да!.. Ну Егоръ, готовъ-ли ты? нетерпѣливо заключилъ онъ вслухъ, какъ бы въ досадѣ на незримаго оппонента, мало, повидимому, убѣждавшагося его доводами...

— Подаю-съ! молодецки зыкнулъ лихачъ, и въ морозномъ воздухѣ звонко щелкнули рѣзвыя копыта.

Вороной рысакъ, въ богато-набранной сбруѣ, гордо сгибая шею, храпя и нетерпѣливо переминаясь тонкими, упругими ногами, картинно вырѣзался изъ ночной темноты своей мощно благородной фигурой.

Владиміръ едва вскочилъ въ легкія, съ медвѣжьей полостью сани, а онъ, съ мѣста рванувшись, уже несся, высоко забирая передними ногами, вздымавшими тучи снѣжной пыли, и чѣмъ дальше, тѣмъ все легче и огневѣе становился отчетистый пламенный бѣгъ его...

— Куда прикажете-съ? освѣдомлялся лихачъ, когда они мчались по Невскому, обгоняя все, что только неслось и двигалось впереди ихъ по этому неугомонному морю всевозможныхъ клячей, рысаковъ и экипажей.

— Вези, куда хочешь, Егоръ!.. Гдѣ повеселѣй!.. равнодушно отвѣтилъ Свирскій, упиваясь мгновенно охватившимъ его невыразимо отраднымъ и ободряющимъ чувствомъ, по птичьему, быстрой ѣзды.

VIII.

Съ лихачами, вообще, а съ Егоромъ, въ особенности, и съ ихъ бѣшеной ѣздой Свирскій познакомился со времени своей связи съ Маркадье, какъ познакомился въ ту же пору, волей-неволей, и съ другими подобнаго рода прелестями изъ быта столичныхъ жуировъ.

Анастази, хотя и имѣла собственную пару, подаренную ей графомъ Крашинымъ, но, по свойственной ей прихотливости, нерѣдко каталась съ Владиміромъ на лихачахъ и, преимущественно съ Егоромъ. Егоръ и его рысакъ были ея фавориты и, надо было видѣть—какъ они лѣзли изъ кожи угодить своей «милосливицѣ». Впрочемъ, рвеніе ихъ никогда не награждалось менѣе «красненькой»...

Такимъ образомъ черезъ Анастази, и Владиміръ попалъ въ милостивцы къ Егору, который, сказать къ слову, какимъ-то чудеснымъ способомъ всегда смекалъ и проникалъ въ самую суть положеній и отношеній своихъ сѣдоковъ, коль они ѣзжали съ нимъ хоть нѣсколько разъ.

Получивъ неопредѣленное приказаніе везти «куда-нибудь повеселѣе» и слишкомъ хорошо знакомый съ барскимъ чудачествомъ, ловкій Егоръ понялъ, что ныньче «его сіясству» «не по себѣ» и что въ случаѣ этомъ разнепріятномъ онъ, Егоръ, обязанъ непремѣнно помочь горю такъ или иначе, и не только «для ради поддержанія коммерціи», но еще болѣе для славы ловкаго слуги и угодника барскому «ндраву»...

У всякаго, господа, есть свое самолюбіе и свой point d'honneur!..

И вотъ сдержавъ разгоряченнаго, какъ облакомъ обвитаго густымъ паромъ рысака, онъ обратился къ Свирскому съ такого рода рѣчью въ почтительно-фамиліарномъ тонѣ:

— Хороши нонѣ, ваше сіясство, эфти самыя за городомъ гулянья: Катерингофъ, къ примѣру, «Русскій», алибо «Кабачокъ... Господа оченно одобряютъ!.. Только туда почесть еще рано... еще поспѣется... А вотъ, если вашему сіясству угодно и не побрезгаете послушать настоящихъ русскихъ—сказать бы, мужицкихъ пѣсенъ русской пѣвицы Параши, такъ это теперя бы въ самый разъ... Ахъ, воръ дѣвка! поетъ—соловья не надо!!. Вѣрите-ль ваше сіясство—до слезъ пронимаетъ!.. Конешно, какъ нашъ братъ, необразованный, настоящаго тальянскаго пѣнія не слыхалъ, можетъ оно и не такъ ужъ хорошо, только... вотъ оказія! Ѣздилъ я съ княземъ Биваховымъ... изволите знать сударь? Къ слову этто, какъ бы теперича вашему сіясству,

докладываю я князю Бивахову, про энту самую Парашу... Князь сичасъ: «подавай мнѣ ее! говоритъ. И если, говоритъ, Егоръ ты не врешь — десять рублевъ тебѣ награды, а навралъ, отдую, говоритъ по гусарски... трогай!» Шутники этотъ князь Биваховъ, а господинъ предобрѣюшій... И, чтожъ бы вы думали, сударь? Какъ услышалъ этто онъ Парашу, съ первой же пѣсни словно ошалѣлъ—ей же ей! Оно конешно на тотъ разъ какъ будто маленько мы хмѣльны были съ княземъ, ну, а все же понятiевъ своихъ господскихъ они не рѣшились еще... И что только было тутъ... батюшки! Весь хоръ до пьяна перепоилъ шимпанскимъ, а ужъ сколько деньгами передарилъ, такъ и сказать не остается... Парашѣ самой, послѣ каждой пѣсни сколько захватитъ изъ кармана ассигнацiй, столько и швырнетъ безъ счету въ передникъ... «Какъ ты» говоритъ «разуважила меня своимъ пѣньемъ, я», говоритъ, «для тебя могу жисть свою предоставить»! И дошло, сударь, до того, что князь сичасъ хотѣлъ взять ее къ себѣ, только—Параша бы и не прочь—да хоръ стѣной сталъ за нее, пытаму она, почитай, для нихъ кормилица... Такъ-то вотъ-съ!

Разсказъ этотъ ловкаго на всѣ руки возницы, очевидно разсчитанный на эффектъ, Свирскiй прослушалъ съ обиднымъ для разсказчика невниманiемъ... Имъ опять овладѣло давишнее одеревѣненiе.

— Стало быть брезгаете ваше сiясство? освѣдомился Егоръ послѣ паузы, и въ голосѣ его ясно звучало неудовольствiе и насмѣшка.

— Нисколько!.. Вези пожалуй... Я люблю русскiя пѣсни! равнодушно возразилъ Владимiръ. Лихачъ щелкнулъ покучерски языкомъ и они опять помчались.

Въ то время въ Петербургѣ почти въ каждомъ трактирѣ по вечерамъ исполнялись разнообразныя, кафе-шантанныя увеселенiя, сообразно вкусу и требованiямъ посѣтителей. Преимущественнѣе всего встрѣчались хоры русскихъ пѣсенниковъ и quasi тирольскихъ арфистокъ. Изъ первыхъ немногiе, какъ, напримѣръ, извѣстный хоръ Молчанова, были довольно изрядны и среди нихъ попадались иногда замѣчательные голоса, какъ мужскiе такъ и женскiе.

Въ одномъ изъ такихъ-то хоровъ процвѣтала вышеописанная Параша, дѣйствительно обладавшая соловьинымъ голосомъ и истинно русской, страстно-удалой манерой пѣнія. Она была краса и гордость своего хора и имѣла бездну поклонниковъ, въ особенности изъ «купецкаго сословія».

Трактиръ, гдѣ она пѣла, ни чѣмъ особеннымъ не отличался отъ обыкновенныхъ столичныхъ трактировъ средней руки и даже находился въ довольно отдаленной отъ центра и глуховатой улицѣ. Тѣмъ не менѣе—такова была степень очарованія Параши—по вечерамъ онъ почти ежедневно бывалъ биткомъ набитъ.

Свирскій пріѣхалъ сюда какъ разъ въ пору. Пѣніе только что началось и шло недурно, такъ какъ пѣвцы еще не охрипли отъ устали и отъ щедрыхъ угощеній своихъ слушателей.

Войдя въ продолговатый плохо освѣщенный и грязноватый залъ, наполненный довольно сѣроватой съ виду публикой, герой мой ощутилъ сперва то непріятное чувство брезгливости и смущенія, какое всякій испытываетъ, попавъ въ чуждую среду и обстановку, нисшей пробы, чѣмъ та, въ какой онъ обыкновенно обращается.

Впрочемъ, Владиміръ тотчасъ побѣдилъ въ себѣ это чувство и рѣшительнымъ шагомъ прошелъ къ возвышающейся въ концѣ зала эстрадѣ, предназначенной для хора.

Ему некуда было дѣваться съ своимъ горемъ и хотѣлось непремѣнно какъ-либо поразмыкать его, даже чѣмъ нибудь дикимъ и безобразнымъ. Мѣсто, куда онъ попалъ теперь, и предстоящее »Парашино пѣніе« представились ему наиболѣе подходящими къ цѣли, такъ какъ были для него новы и непривычны.

Онъ расположился у незанятаго столика близъ самой эстрады и приказалъ назойливо остановившемуся передъ нимъ половому подать себѣ бутылку шампанскаго. Онъ твердо порѣшилъ выпить ее всю, хотя отъ роду не пивалъ въ таковой пропорціи.

— С с-с-с... с с су-съ! выразилъ пылкую готовность своихъ услугъ, видимо обрадованный половой, и немедленно исполнилъ при-

казаніе, хотя и оказался въ искусствѣ откупориванія m—me Клико положительнымъ неучемъ.

Между тѣмъ на эстраду, изукрашенную аляповато нарисованными декораціями сада, вышелъ немногочисленный хоръ—мужчинъ въ красныхъ рубашкахъ, женщинъ въ сарафанахъ. Костюмъ этотъ понравился Свирскому.

Хоръ сталъ полукругомъ и изъ среды его сейчасъ же вышелъ впередъ, съ гитарой въ рукахъ, коренастый, лѣтъ тридцати мужчина, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ, какъ бы говоря, что »онъ вышелъ не шутки шутить, а дѣло дѣлать». Взявъ нѣсколько бойкихъ аккордовъ на гитарѣ, онъ затянулъ какъ—то несмѣло довольно слабымъ теноркомъ извѣстную пѣсню:

«Куманекъ побывай у меня!
Душа радость побывай у меня!..»

Съ послѣднимъ словомъ, онъ, тряхнувъ кудрями, лихо взмахнулъ гитарой и, когда хоръ стройно и дружно подхватилъ: «побывай! побывай у меня!», лицо его мгновенно оживилось какой—то размашистой удалью и весельемъ. По тому, какъ выбивалъ онъ тактъ ногой, видно было, что въ немъ вся кровь въ жилахъ взыграла этимъ весельемъ и этой удалью.

Свирскій эстетическимъ чутьемъ своимъ сразу призналъ въ немъ артиста и не отрывалъ отъ него глазъ, искренно дивясь и чаруясь этому сильному и самобытному проявленію самороднаго безхитростнаго искуства.

Шутливо—фривольное содержаніе пѣсни и ея игриво—беззаботный мотивъ съ рѣзко измѣняющимся темпомъ—изъ частаго и отрывистаго въ протяжный dolce, благодаря искусному исполненію, вскорѣ сообщились и оживили нашего героя.

Онъ давно не чувствовалъ себя такъ легко и привольно, и отъ души радовался, что Егоръ привезъ его сюда... Впрочемъ и выпитыхъ два стакана вина не мало помогли этому перевороту.

Когда пѣсня окончилась, слушатели принялись хлопать и кричать «браво».

Свирскій не отставалъ отъ другихъ, а раскланивавшійся публикѣ артистъ съ гитарой счелъ почему то нужнымъ поклониться ему отдѣльно.

Вскорѣ затѣмъ снова раздались аплодисменты и гораздо сильнѣе прежняго: на эстрадѣ появилась и по крестьянски поклонилась публикѣ высокая, сухощавая, молодая женщина съ смуглымъ нѣсколько какъ-бы цыганскимъ лицомъ. Лицо это вовсе не было красиво, но освѣщалось такими большими, черными, огненными глазами, что глядя на него—кромѣ этихъ красивыхъ смѣлыхъ глазъ — вы ничего болѣе не видѣли.

Свирскій догадался, что это была Параша и весь превратился въ слухъ и зрѣніе. Ея наружность въ общемъ какая то дико-величавая, драматичная—произвела на него сильное впечатлѣніе.

«За рѣкой, на горѣ
Лѣсъ зеленый шумитъ...»

Запѣла Параша любимый въ то время «Хуторокъ».

Голосъ у нея оказался какой-то необыкновенный: чрезвычайно сильный, рѣзкій и звонкій и въ тоже время страстно-тягучій и выразительный.

Нельзя было безъ боли и невольно навертывающихся слезъ слушать его—такъ могуче дѣйствовалъ онъ на нервы своей поразительной, почти страшной гармоніей! Происходило это оттого, что Параша, можно сказать, злоупотребляла неисчерпаемой силой своего голоса, а еще вѣрнѣе, что она не могла и не умѣла совладать съ нимъ, въ особенности, когда пѣла съ чувствомъ.

Владиміръ, близко знакомый съ искусствомъ, тотчасъ понялъ эти погрѣшности, но тѣмъ не менѣе не могъ устоять неотразимо чарующему вліянію этого полу-дикаго пѣнія, въ которомъ, надо признаться, лучше всего могъ отразиться и отражался смыслъ пѣсни—смыслъ истинно народный, дико драматичный.

Но когда Параша, съ особенной силой и мрачной страстью, пропѣла то мѣсто, гдѣ описана трагическая развязка, гдѣ «удалой», снѣдаемый демонской ревностью, «не стерпѣлъ», наконецъ.—

....Разгорѣлась душа,
И какъ глазомъ моргнуть—
Растворилась изба!...

У Свирскаго даже волосы встали дыбомъ на головѣ—такъ близко и такъ ново въ тоже время отозвалось въ немъ стремительное, палящее чувство воспѣтаго мстителя сердечной измѣны!

Вся эта страшная кровавая драма точно вотъ вотъ совершилась передъ нимъ и точно онъ самъ былъ въ ней героемъ-карателемъ, и любо ему было это чувство, эта дикая месть. Страдательная, глухая, затаенная въ себѣ скорбь и обида показались ему теперь недостойными пылкой мужественной души: одно изъ двухъ — или стряхнуть ихъ съ себя, какъ налетѣвшія на кудри снѣжинки, или мстить—мстить безъ пощады!

Въ нѣсколько охмѣлѣвшей головѣ его мгновенно созрѣлъ цѣлый планъ мести... Онъ даже аргументировалъ ея законность и необходимость.

— Какая подлая неправда! говорилъ онъ самъ себѣ, не слушая уже болѣе ни пѣвцовъ, ни окружающій его говоръ. Я остался вѣренъ и чистъ; я сберегъ лучшее во мнѣ чувство и... я же страдаю; я же очистительная жертва чужой порочности и безсердечія!.. Какая вопіющая неправда!.. Она теперь спокойно, весело куртизанитъ съ другимъ, а я мѣста не могу найти своему неугомонному, нестерпимому горю... И развѣ я первая жертва этой безсердечной гетеры... этой холодной, коварной русалки?.. Сколько легковѣрныхъ, всей душой, какъ я, отдавшихся ей—загубила она, и... вотъ она благоденствуетъ невозмутимо, даже навѣрное гордится своими побѣдами... и тѣмъ, что изъ-за нее страдали, можетъ быть, уродовали другъ друга на дуэляхъ, можетъ быть умирали... Какъ! и никто изъ тѣхъ, кто всѣмъ поплатился за ея обманчивыя улыбки и ласки, никто не при-

шелъ къ ней, хотя бы... плюнуть въ это безстыже-гладкое, прекрасное лицо? Неужели никто никогда не каралъ ее, не презиралъ, не ненавидѣлъ? А вотъ мы узнаемъ!..

Въ невыразимомъ озлобленіи и гнѣвной рѣшимости на какой–то смѣлый, еще несознанный, но непремѣнно справедливый и необходимый шагъ, всталъ Свирскій изъ-за стола, разсчелся за вино и твердо и быстро вышелъ изъ трактирной залы.

IX.

Въ одномъ изъ загородныхъ увеселительныхъ эльдорадо высшаго сорта, гдѣ зимою богатая петербургская молодежь любитъ коротать длинныя ночи — въ пиру и весельи; собралось довольно значительное общество съ такою же цѣлью...

Собственно это былъ пикникъ, о которомъ Свирскій случайно слышалъ въ клубѣ, если припомнятъ читатели.

Кавалеры—общество состояло почти на половину изъ дамъ извѣстнаго пошиба — какъ видно, не поскупились сдѣлать пирушку елико возможно роскошною и обильною наслажденіями. На нее ухлопана была не одна сотня рублей и — весь персоналъ ресторана изъ кожи лѣзъ доставить дорогимъ гостямъ все, что только было въ его силахъ и искусствѣ.

Компанія расположилась въ нѣсколькихъ ярко–освѣщенныхъ, изысканно–меблированныхъ комнатахъ, изъ которыхъ одна, притомъ, представляла весьма недурной зимній садъ съ бесѣдками и тихо струившимся фонтаномъ.

Маленькій, но хорошо составленный оркестръ услаждалъ слухъ гостей самыми модными разжигательно—оффенбаховскими попури, польками, вальсами, и проч.

Сами гости, отбросивъ всякую церемонную натянутость свѣтскихъ

баловъ и раутовъ, распоряжались и собой, и своимъ временемъ, какъ кому хотѣлось.

Всякій наслаждался тѣмъ, что ему было по вкусу, и держалъ себя съ полнѣйшей, до излишества даже, свободой.

Такимъ образомъ, одни, кто полегче и порысистѣе, танцовали и любезничали съ женщинами; другіе—посолиднѣе, сидѣли и лежали на мягкихъ диванахъ, потягивая дорогое вино и покуривая душистую гаванну, а въ уютной угловой комнатѣ нѣсколько человѣкъ присѣло къ зеленому столу...

Кирасирскій поручикъ, котораго подслушалъ Свирскій въ клубѣ, и его штатскій пріятель были тоже здѣсь и—первый не солгалъ, что баронъ-ротмистръ привезетъ на пикникъ и Анастази.

Она дѣйствительно была здѣсь и статскій джентльменъ, успѣвшій какъ-то уже познакомиться съ нею, извивался около нея мелкимъ бѣсомъ; впрочемъ, повидимому, безъ малѣйшаго признака на успѣхъ, потому что Анастази почти исключительно была занята своей новой страстью—воинственно рыжимъ барономъ.

Остальныя дамы были всѣ, большею частію хорошенькія собою, въ пухъ расфранченныя, метрессы пирующихъ великосвѣтскихъ виверовъ.

Анастази никогда не сближалась съ ними и теперь, какъ-будто, не замѣчала ихъ, въ справедливомъ сознаніи своего превосходства надъ ними во всѣхъ отношеніяхъ, которое, впрочемъ, никто изъ этихъ дамъ и не думалъ серьезно въ ней оспаривать. Превосходство это ей отдавали и всѣ мужчины и, въ обращеніи ихъ съ нею, хотя нѣсколько фривольномъ, не было ни того грубаго заигрыванія, ни того пренебрежительнаго третированія en canaille, съ какимъ они относились къ другимъ дамамъ aux camellias.

Уколотыя этимъ соперницы счастливой Маркадье, пожираемыя завистью, ревностью и досадой, держали себя какъ-то ужасно натянуто, церемонно и невесело, и, еслибъ не распорядитель—веселый съ простодушно розовымъ лицомъ корнетикъ — онѣ рѣшительно бы сдѣлали

вечеринку скучной. Онъ же до тѣхъ поръ не отставалъ отъ нихъ, то вертясь со всѣми ими по залѣ, то распивая съ каждой по очереди обильные bruderschaft'ы, пока онѣ не вошли, наконецъ, въ обычную свою роль разбитныхъ барынь, шествующихъ подъ розовымъ знаменемъ, со словами: buvons, dansons et aimons!

Пирушка принимала все болѣе и болѣе широко-шумные размѣры.

Маркадье вошла въ игорную комнату...

Игра, вначалѣ довольно скромная, отъ обильныхъ возліяній и игрецкаго азарта партнеровъ, шла теперь въ развалъ и на довольно крупные куши...

На столѣ, среди разбросанныхъ картъ, лежали кучи ассигнацій. Самая большая кучка была у банкомета; онъ выигрывалъ, между тѣмъ, какъ барону-ротмистру сильно не везло...

— Дайте вашу руку... на счастье!.. Мнѣ чертовски не везетъ! обратился къ Анастази раскраснѣвшійся баронъ и протянулъ ей свою толстую широкую руку.

Она подала свою съ ласковой улыбкой.

— Баронъ ужасный эгоистъ! Онъ хочетъ, чтобъ ему везло въ картахъ также, какъ... и въ томъ, о чемъ говорится въ поговоркѣ, ха-ха! замѣтилъ одинъ изъ партнеровъ, только что взявшій крупную карту и, лукаво подмигнувъ Анастази, весело расхохотался—своему ли замѣчанію, или отъ душевной полноты—трудно сказать...

Крѣпко положившись на легкость руки своей дамы и въ надеждѣ сразу воротить проигрышъ, баронъ пустилъ, какъ говорятъ игроки, «брандера», т. е. сразу поставилъ огромный кушъ и поставилъ на трефовую даму.

Банкометъ, перекинувъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ нѣсколько картъ, безъ малѣйшаго оттѣнка радости въ голосѣ объявилъ:

— Бита! и записалъ на баронѣ ставку.

Га! измѣнница!.. воскликнулъ баронъ, крѣпко сжавъ ручку Анастази и, въ гнѣвномъ порывѣ, разорвалъ несчастливую карту зубами;

но тотчасъ громозвучно расхохотался и поцѣловалъ сжатую ручку Анастази.

— Я принесла вамъ несчастье?.. Я уйду, сказала Анастази.

— Нѣтъ! нѣтъ! что за пустяки? вскричалъ ротмистръ и даже рванулся было удержать Маркадье; но та быстро вышмыгнула, очаровательно улыбнувшись своему поклоннику.

Онъ остановился, погрозилъ ей пальцемъ и, разнѣженнымъ голосомъ проговоривъ: «плутовка!», сѣлъ на старое мѣсто...

Не далѣе, какъ черезъ полчаса Анастази встрѣтила его въ залѣ: онъ искалъ ее.

Въ это короткое время онъ страшно измѣнился. Блѣдный, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ подошелъ онъ къ ней и, не говоря ни слова, увлекъ ее на одинъ изъ угловыхъ дивановъ, гдѣ никого по близости не было.

Они сѣли...

— Ma chère, я страшно проигрался! сказалъ онъ, взявъ ее за руку. Но это вздоръ, горе въ томъ, что я... заигрался!.. Игра шла, какъ водится, на чистыя деньги... Я проигралъ все, что было при мнѣ, да кромѣ того, тысячъ на шесть зарвался... Отвратительно!.. Приходится просить отсрочки; между своими это бы ничего; но вѣдь я съ княземъ Беркутовымъ сегодня только что познакомился... Онъ эдакой джентльменъ — что онъ подумаетъ обо мнѣ?.. Ахъ, какъ скверно, какъ скверно, Анастази! и ротмистръ въ непритворномъ огорченіи и раздумьи дергалъ лѣвой рукой свои ужасные бакенбарды, свирѣпо покусывая ихъ длинныя пряди.

Маркадье глядѣла на него съ трогательнымъ участіемъ и, послѣ маленькой паузы, проговорила:

— Мнѣ очень бы хотѣлось помочь тебѣ, мой милый Фрицъ!.. Знаю, что денегъ отъ меня ты не взялъ бы, да у меня и нѣтъ теперь такой суммы...

— Пожалуйста, душа моя, не думай, что я все это затѣмъ и разсказалъ тебѣ, чтобъ забраться въ твой кошелекъ.

— Тсс... Какъ тебѣ не стыдно говорить это?.. Вѣдь я сама же сказала, что у тебя не можетъ быть и мысли такой... Вы, m—rs, горды, какъ демоны!..

— А вотъ что! вдругъ оживилась Анастази. Хочешь, я стану играть... пополамъ съ тобой?

— Что за идея? и баронъ расхохотался.

— Ты полагаешь, можетъ быть, что я играть не умѣю? ошибаешься! Вотъ увидишь—пойдемъ!

Она съ серьезной рѣшимостью встала и протянула ему руку.

— Другъ мой, вѣдь это капризъ!.. Я сказалъ тебѣ что игра идетъ большая и... кончится твоя затѣя тѣмъ, что ты мнѣ не пособишь, а сама проиграешься...

— Ну, а если я такъ хочу! своенравно сказала Маркадье. При мнѣ имѣется нѣсколько сотъ рублей... Если я ихъ проиграю — это меня не раззоритъ, тѣмъ болѣе, что вы же мнѣ уплатите потомъ свою половину... идетъ?..

— Если на то идетъ—я уплачу хоть всѣ, но...

Барона очевидно коробило то обстоятельство, что вотъ какая-нибудь, хоть и очень шикарная, но все-таки кокотка, берется вдругъ спасать его—высокороднаго рыцаря. Впрочемъ, онъ колебался недолго...

«Кокотка» умѣла быть настойчивой и заставить сдѣлать по своему и не эдакихъ тузовъ...

Когда они подошли къ игорному столу, князь, который неизмѣнно держалъ банкъ, кончилъ талію и тасовалъ карты...

— M—rs! позвольте мнѣ попытать поймать за уши счастье барона... Гдѣ его мѣсто? Я сейчасъ побилась съ нимъ объ закладъ...

— Что не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто? прервалъ Анастази какой-то острякъ. Всѣ засмѣялись.

— Вы не угадали... Такое пари кстати было бы держать съ вами! бойко отпарировала стрѣлу Маркадье и, обратившись съ

обворожительной улыбкой ко всѣмъ и къ князю въ особенности, сказала:

— Такъ вы позволяете, господа, наказать мнѣ барона: я побилась съ нимъ въ закладъ, что сорву банкъ?..

— О-го! воскликнуло иронически нѣсколько голосовъ, но тѣ, кто ближе сидѣли къ ней, раздвинулись и дали ей мѣсто.

Князь благосклонно мотнулъ головой и остановился съ меткой, пока Анастази усаживалась. Начались предсказанія, шуточки и комплименты...

Появленіе такого красиваго партнера въ юбкѣ, видимо, всѣхъ оживило и развлекло нѣсколько отъ игорной горячки.

Молодая женщина взяла новую талію, ловко распечатала ее и вынула на угадъ карту—это былъ трефовый король.

Богъ знаетъ, какимъ неуловимымъ процессомъ, мысль Анастази, сосредоточенная на интересѣ данной минуты, остановилась вдругъ на образѣ Свирскаго. Онъ былъ темноволосый съ темносиними глазами и, по распредѣленію кабалистики—представлялъ трефоваго короля...

— Онъ говорилъ, что былъ счастливъ, какъ никто, быстро вспоминала Маркадье. Увидимъ — какъ велико его счастье! и она поставила на трефоваго короля двѣсти рублей.

Князь срѣзалъ талію, освѣдомился о ставкахъ и началъ метать.

Король былъ данъ. Всѣ стали поздравлять Анастази съ такимъ добрымъ почином. Никто не подозрѣвалъ, что поприще зеленаго поля вовсе не было ново для этой женщины, прошедшей, какъ говорится, сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы.

Всякій думалъ, что она просто изъ каприза, простительнаго въ хорошенькой женщинѣ, захотѣла вмѣшаться минутъ на пять въ серьезную и большую игру; но черезъ нѣсколько минутъ этого мнѣнія никто уже не раздѣлялъ.

Всѣ, съ немалымъ удивленіемъ, увидѣли въ ней не только счастливаго, но и искуснаго, выдержаннаго игрока.

По какому-то непонятному капризу или чутью, Анастази ставила

постоянно одну и туже карту, т. е. трефоваго короля, и постоянно выигрывала.

Странный случай этотъ до того поразилъ всѣхъ, что многіе оставили игру и въ трепетномъ изумленіи смотрѣли—чѣмъ все это кончится.

Обычнаго шуму не стало—всѣ притихли, и только слышался сухой, трескучій шелестъ картъ, да изрѣдка кто-либо, почти шепотомъ, выскажетъ свое замѣчаніе... Всѣ взоры были устремлены на Анастази...

И дѣйствительно въ этотъ моментъ она была поразительно хороша: вся сосредоточенная на игрѣ съ блѣднымъ одушевленнымъ лицомъ, стояла она спокойная и рѣшительная, не выражая и тѣни ни опасеній, ни радости.

Съ такимъ тактомъ умѣетъ держать себя только самый искусный и притомъ самый благовоспитанный игрокъ.

Маркадье играла, хотя смѣло и дерзко, но правильно и съ рѣдкимъ умѣньемъ пользовалась своимъ удивительнымъ реваншемъ...

На седьмой картѣ она дѣйствительно взорвала банкъ—всего тысячъ до двадцати, считая въ томъ числѣ и запись на баронѣ!

Крики удивленія и восторга вырвались у всѣхъ; но искреннѣе и громче всѣхъ ликовалъ баронъ, избавленный, такимъ образомъ, отъ весьма щекотливаго и непріятнаго положенія.

Благодарности и обожанію къ своей «кокоткѣ» онъ не зналъ теперь предѣловъ: «она спасла его», съ такимъ рѣдкимъ безкорыстіемъ и тактомъ!.. Баронъ забылъ «громадное» неравенство, раздѣлявшее его съ нею, и готовъ былъ, по крайней мѣрѣ въ этотъ моментъ, лобызать слѣды ногъ этой великодушной женщины...

Надо сказать, что не въ однихъ только его глазахъ она поднялась вдругъ такъ высоко: все общество, начиная отъ самаго безстрастно-приличнаго денди князя, смотрѣло на нее теперь съ неподдѣльнымъ удивленіемъ и даже подобострастіемъ...

Между тѣмъ, она спокойно и небрежно собрала выигранныя деньги

и, отказавшись на предложеніе нѣсколько обезкураженнаго банкомета еще поиграть, торжествующей походкой вышла изъ комнаты подъ руку съ счастливымъ барономъ.

Желая выразить ей волновавшія его чувства tête a tête, онъ провелъ ее въ садъ, гдѣ они и заняли уютное мѣстечко, подъ тѣнью широколистой пальмы.

Въ саду на этотъ разъ никого не было,—музыка играла кадриль и одна часть общества танцовала, другая смотрѣла на танцы; только какой-то степенный господинъ, съ блестѣвшей какъ луна плѣшью, отягченный очевидно возліяніями, сладко спалъ, слегка всхрапывая, на одномъ изъ дивановъ, стоявшихъ въ саду, подъ меланхолическіе всплески фонтана...

— Какая-ты чудная, прелестная женщина, Анастази!.. Не обожать тебя невозможно и я—какъ ты меня видишь—весь... у ногъ твоихъ! восторженно заговорилъ баронъ, когда они усѣлись. Затѣмъ онъ взялъ ея руки и горячо началъ ихъ цѣловать въ ладошки, каждую поочередно...

Анастази только посмѣивалась съ какой-то несказанно нѣжной лаской, точно балованная кошечка, которую гладятъ рукой по спинѣ...

— Вѣдь ты мнѣ сейчасъ такую услугу сдѣлала, продолжалъ баронъ, какой никто... понимаешь-ли—никто и никогда мнѣ не дѣлалъ!.. Какже мнѣ тебя не обожать, несравненная?!

— Кстати, mon chér—надо разчесть намъ, сколько придется на долю каждаго изъ насъ!..

— Ни слова объ этомъ!.. Я ни одной полушки отъ тебя не возьму...

— Что-жъ это—подарокъ?..

— Если хочешь... Я даже уплачу тебѣ непремѣнно и мою запись...

— Merçi, но я этого ни подъ какимъ видомъ не допускаю... Я люблю тебя, мой львенокъ... мой рыжій львенокъ! и она прильнула къ его щекѣ и шаловливо укусила за ухо.

Сладкая бесѣда длилась въ этомъ родѣ довольно долго; но Анастази потребовался вдругъ вѣеръ, который она гдѣ-то оставила—вѣроятно, въ игорной комнатѣ... Баронъ бросился отъискать его...

X.

Едва баронъ вышелъ изъ саду, какъ вдругъ, наискось и очень близко отъ дивана, на которомъ они сидѣли, послышался шелестъ листьевъ растеній, точно на нихъ вѣтромъ дунуло.

Анастази повернула въ ту сторону голову и, чуть чуть вскрикнувъ, вздрогнула и поблѣднѣла...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ синеватомъ полусвѣтѣ висячей лампы—весь мертвенно-блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ и сверкающими, какъ уголь глазами, стоялъ какъ въ рамкѣ, оттѣненный темной кудрявой зеленью растеній, обезумѣвшій Свирскій...

Маркадье не на шутку смутилась и перепугалась. Она вскочила даже съ мѣста и хотѣла уйти—убѣжать отъ этого призрака...

— Погодите... на нѣсколько словъ... только! остановилъ ее призракъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ ей на перерѣзъ.

Въ голосѣ Владиміра не было угрозы, скорѣе это былъ жалобный вопль тихаго, покорнаго страданья и даже мольбы...

Анастази остановилась и сразу овладѣла собой. Ужасъ смѣнился въ ней теперь злобной досадой и негодованіемъ.

Она подошла къ нему такъ близко, что они могли слышать прерывистое дыханіе другъ друга и, вперивъ въ его лицо пристальный гнѣвно-презрительный взоръ, какимъ-то рѣзко звѣнящимъ шопотомъ сказала:

— Вы... безумный мальчишка!:. Какъ вы смѣете меня такъ нагло преслѣдовать?.. Все, что было между нами, къ стыду

моему, не повторится никогда болѣе, и—надо быть такимъ осломъ, какъ вы, чтобъ не понять этого!.. Достаточно-ли ясно я для васъ выражаюсь?..

Свирскій горько усмѣхнулся.

— Ошибаетесь вы, заговорилъ онъ, упавшимъ тихимъ голосомъ. Не милости... не ласкъ вашихъ прежнихъ пришелъ я искать сюда... Я бы и самъ ихъ теперь не взялъ... Ни за что! ни за что! одушевился онъ вдругъ. Нѣтъ! я пришелъ сказать вамъ...

«Что мнѣ надо сказать ей? Зачѣмъ я пришолъ сюда въ самомъ дѣлѣ?» возникъ въ немъ вдругъ мучительный вопросъ—разъѣдающее сомнѣніе въ разумности своего поступка.

— Что вы пришли сказать мнѣ? рѣзко спросила Анастази.

— Вы погубили меня и—я вамъ прощаю это!.. За минуту еще, когда вотъ тутъ на моихъ глазахъ, вы расточали кому то ваши дешевыя ласки, мнѣ хотѣлось убить васъ, но къ чему? Быть можетъ, вы тотъ бичъ Божій, та язва египетская, которые небо временами посылаетъ для испытанія человѣчества. Совершайте же свою миссію до конца!..

Маркадье окинула его съ ногъ до головы смущеннымъ, вопрошающимъ взглядомъ: ей вдругъ пришло въ голову — не сошелъ ли съ ума ея эксъ-возлюбленный?

— Какъ вы сюда попали? спросила она, какъ бы желая удостовѣриться въ правильности своего предположенія.

— Что вамъ въ этомъ?.. Успокойтесь, если думаете, что я стану васъ преслѣдовать.

— Уходите же, откуда пришли, сейчасъ же; иначе васъ выведутъ отсюда, какъ нахала!

Въ сущности, она послѣдняго вовсе не желала. Это произвело бы «сцену, и весьма непріятную, въ которой ей волей — неволей пришлось бы играть роль дѣйствующаго лица, а «сцены» вообще — были не въ ея вкусѣ.

Свирскій поднялъ свои воспаленные глаза и — столько мира, муки

и любви.... да, — любви, незабываемой наперекоръ всему, засвѣтилось въ нихъ, что Маркадье невольно потупилась передъ этимъ взглядомъ....

— Прощайте! чуть слышно протянулъ онъ и голосъ его дрожалъ отъ подавляемыхъ рыданій...

— Уходите скорѣе!.. Слышите? — сюда идутъ! Скорѣе, скорѣе! испуганно залепетала она, потому что дѣйствительно въ это время окончилась кадриль и большая часть общества входила въ садъ— искать прохлады и отдыха послѣ танцевъ....

Владиміръ еще разъ на прощанье взглянулъ на своего недавняго идола и поспѣшно скрылся за кустами олеандровъ.

Маркадье до тѣхъ поръ не успокоилась вполнѣ, пока не увидѣла собственными глазами какъ Свирскій исчезъ въ маленькую дверь, скрытую за растеніями въ глубинѣ сада....

— Милая Анастази, куда вы запропастились? раздался окликъ барона, возвратившагося, наконецъ, изъ поисковъ за вѣеромъ.

— Ау!.. поищите! съ неподдѣльной игривостью отозвалась Маркадье и спряталась подъ тѣнь обвитой плющемъ прохладной бесѣдки.

— Полно шалунья... пойдемъ ужинать! весело возразилъ баронъ, однако—сталъ искать ее по саду...

Когда онъ приблизился къ бесѣдкѣ, Анастази, съ шаловливостью рѣзваго ребенка, вздумавшаго испугать свою няню, неожиданно выскочила изъ бесѣдки и, звонко хлопнувъ въ ладошки надъ ушами барона, залилась такимъ серебристо беззаботнымъ, счастливымъ смѣхомъ, что никому бы и въ голову не пришло, что это невинное, игривое, благодушно - ласковое созданіе, съ минуту тому назадъ, разъиграло артистически роль, подобающую палачу или жестокосердному звѣрю.

XI.

Какимъ образомъ Свирскій, непрошенный и нежеланный, попалъ въ садъ ресторана, гдѣ имѣлъ мѣсто вышеописанный пикникъ?..

Выйдя изъ трактира, въ крайне возбужденномъ отъ вина и тоски состояніи, съ смутнымъ неосмысленнымъ рѣшеніемъ такъ или иначе «посчитаться» съ коварной Анастази, онъ приказалъ Егору везти себя къ ней, не жалѣя рысака, точно боялся остыть въ своемъ порывѣ. Но, къ худу иль къ добру, онъ не засталъ ее дома.

Швейцаръ, встрѣтивши его въ подъѣздѣ, извѣстилъ, что «мадамъ» сейчасъ только уѣхала на тройкѣ съ господами офицерами. На вопросъ—куда, онъ опредѣленно назвалъ и мѣсто.

Швейцары вообще народъ очень любознательный и сообщительный по части всего, что касается «господъ жильцовъ».

Свирскій на минуту задумался.

Не смотря на свое возбужденное состояніе, онъ сознавалъ, что гнаться за Анастази, съ тою цѣлью, ради какой онъ сюда пріѣхалъ—совершенная нелѣпость... Да полно—нужно ли все это?

Мстительный порывъ, несвойственный его мягкой натурѣ, искусственно вздутый—казался теперь почти безсмыленнымъ и безцѣльнымъ.

Но что-же начать?

Сообщеніе швейцара, что «она» уѣхала съ офицерами, подтверждало то, что Свирскій слышалъ въ клубѣ, о предпологавшемся пикникѣ. Дѣйствительно — сегодня даже тотъ самый именно день, на который пикникъ назначался.

Значитъ, еще одно доказательство—улика противъ нея, значитъ, еще капля къ накипѣвшей и переполнившей душу горечи, ревности, безсильной злобѣ и презрѣнія не только къ «ней», но еще болѣе къ самому себѣ за то, что не хватаетъ силы пробудиться отъ этого

тягостнаго отупляюшаго кошемара страсти, наперекоръ ясному сознанію всей ея нелѣпости и безумія.

Какъ потокъ крутитъ и бросаетъ по произволу слабую вѣтку, такъ и страсть эта неудержимо влекла его въ бездну своимъ сумазброднымъ, порывистымъ теченіемъ.

Слабъ онъ былъ и неопытенъ — это правда; но много-ли подъ луной такихъ богатырей, которыхъ бы не ломали и не уродовали, по своей прихоти, всегда могучія надъ человѣкомъ страсти?!

Вдругъ въ немъ явилось странное, но пламенное желаніе — видѣть «ее», видѣть какъ она разсыпаетъ «другому» свои сатанинско-обольстительныя ласки—словомъ, какъ она любитъ «другого».

Въ дикомъ чувствѣ ревности, такія картины имѣютъ въ себѣ что-то ядовито-сладострастное, неотразимое.

Сердце лопается отъ жгучей боли — духъ замираетъ; но отвернуть глаза, убѣжать... развѣ оторвутъ силой!..

И онъ поѣхалъ, не зная самъ какъ удастся и удастся ли ему хоть какъ-нибудь осуществить свое болѣзненное желаніе.

Судьба помогла ему.

При посредствѣ подкупа, онъ проникъ, какъ мы видѣли, въ садъ ресторана и вдоволь наглядѣлся на нѣжныя ласки и сладкое воркованье «ея» съ другимъ.

Если онъ не бросился на нихъ въ мстительно-ревнивомъ порывѣ, какъ это сдѣлалъ «удалой» въ пѣснѣ, если объясненія съ нею онъ повелъ въ такомъ упавшемъ минорномъ тонѣ, и — въ концѣ, почти сконфузился, то потому, что онъ всѣмъ существомъ своимъ брезгалъ всякаго насилія и скорѣе самъ готовъ былъ страдать безконечно, чѣмъ причинить малѣйшее страданіе другому, хотя бы и врагу.

Подъ наитіемъ пѣсни и излишне выпитаго вина, онъ могъ увлечься бурнымъ порывомъ мести—такъ сказать, эстетически, а не какъ результатомъ зрѣлаго, могуче разнузданнаго чувства.

Вотъ почему, когда онъ сказалъ Анастази, что прощаетъ ее —

въ его словахъ была не трусость и малодушіе, а самое яркое и нелицепріятное отраженіе его любящаго, благороднаго сердца.

Такія натуры, всегда несчастныя въ этомъ злобномъ мірѣ, только и умѣютъ любить и прощать.

Когда Свирскій ѣхалъ обратно въ городъ, имъ овладѣло какое-то мертвящее спокойствіе, точно онъ до пресыщенія насытился своимъ несчастьемъ.

Это былъ покой отчаянія передъ лицомъ безнадежной гибели и, наконецъ, попросту усталь.

Дорогой онъ ни о чемъ не думалъ или думалъ о томъ, что вотъ его клонитъ ко сну, что ему ужасно холодно и что онъ вѣроятно простудился.

Дѣйствительно, молодая натура не могла вынести такихъ долгихъ страшныхъ потрясеній, такого непрерывнаго нервнаго напряженія и— болѣзнь вошла въ свои права.

Когда Владиміръ пріѣхалъ домой, онъ до того разнемогся, что не въ силахъ былъ даже раздѣться и легъ въ постель, какъ стоялъ; но—увы, спасительный сонъ не шелъ къ нему!

Бѣшеная лихорадка колотила его всю ночь, а къ утру ему было ужъ не до романовъ съ героиней, въ лицѣ m-me Маркадье; у него сдѣлался тифъ. Онъ впалъ въ безпамятство, болѣзнь съ ненасытной алчностью впилась и овладѣла этимъ молодымъ, цвѣтущимъ тѣломъ тѣмъ скорѣе, что леченье было плохо — докторъ ѣздилъ рѣдко и неохотно, ухаживать за больнымъ было некому. Черезъ полторы недѣли его не стало — онъ умеръ отъ несчастной-ли любви или только отъ тифа...

А немного времени спустя послѣ смерти нашего злосчастнаго героя, умеръ и другой человѣкъ, связанный съ нимъ однимъ чувствомъ безпредѣльной любви къ бездушной куртизанкѣ.

Человѣкъ этотъ—былъ графъ Крашинъ...

Смерть его была еще болѣе трагическая и надѣлала много шуму...

Молва трубила, что онъ отравился...

Причины, побуждавшія его къ этому, толковались различно и по этому поводу ходило множество нелѣпыхъ и самыхъ противорѣчивыхъ слуховъ... Я передамъ здѣсь одинъ только, какъ наиболѣе правдоподобный...

Говорили, что въ томъ служебномъ мѣстѣ, гдѣ графъ былъ начальникомъ, ревизія открыла весьма крупные недочеты и будто, въ этомъ казусномъ дѣлѣ главнымъ виновникомъ былъ графъ.

Проницательные люди, близко знавшіе графа увѣряли, что давно уже якобы ожидали какой-нибудь катастрофы въ подобномъ родѣ, такъ какъ графъ де, имѣя весьма ограниченное состояніе, тратилъ между тѣмъ въ послѣднее время громадныя суммы, благодаря своей связи съ Маркадье.

Нужно же было брать откуда нибудь эти деньги!

Покушеніе графа на свою жизнь—объяснили его гордостью: онъ не хотѣлъ пережить своего паденія и позорной клички казнокрада...

Впрочемъ, мало ли чего не говорили по этому поводу столичные великосвѣтскіе сплетники! Такъ или иначе—но графа не стало....

А что-же наша героиня—сирена петербургскаго житейскаго моря?

Полагаю, излишне говорить, что сейчасъ описанныя двѣ смерти, которыхъ она была причиной — посредственно или непосредственно, нисколько ее не поразили и не смутили... Впрочемъ, о смерти Свирскаго она даже и не знала. Сомнительно также, чтобъ она хоть разъ вспомнила о немъ, послѣ ихъ послѣдней встрѣчи...

Бездушное, хищное существо! Привыкнувъ мѣнять обожателей безъ всякаго стѣсненія, чуть только они почему либо переставали удовлетворять ее, она совершенно забывала о нихъ послѣ разлуки и воображала, что всѣ также легко развязываются съ предметомъ страсти и съ самой страстью, какъ и она...

XII.

Какъ это ни странно, но смерть графа доставила Маркадье необыкновенный фуроръ...

У ней теперь стали заискивать такіе сеньоры изъ beau mond'a, которые считались первостатейными свѣтилами... Даже великосвѣтскія дамы интересовались видѣть этого падшаго ангела, котораго ласки такъ дорого обходятся его поклонникамъ.

Словомъ, героиня моя сдѣлалась сказкой дня—львицей, о которой всѣ говорили, которой одни удивлялись и многіе завидовали... Но ей не суждено было закончить свою бурную карьеру въ нашей «хладной» Пальмирѣ...

Въ числѣ новыхъ поклонниковъ Анастази появился около этого времени одинъ юный птенчикъ—единственная отрасль богатѣйшей фамиліи, нѣкто Сержъ Бибулинъ.

Золотушный, длинный, съ идіотической, угреватой, слюнявой физіономіей, Сержъ менѣе всего походилъ на Ловеласа и бонъвивана; но, благодаря своему имени и богатству, онъ тотчасъ-же, по выходѣ изъ за школьной скамьи, сталъ предметомъ исканій первостатейныхъ красавицъ полусвѣта.

Надо знать, что никакой кусокъ такъ не лакомъ для этихъ красавицъ, какъ подобные юноши, въ началѣ ихъ блистательной карьеры. Ихъ богатство, ихъ неопытность и молодая жажда удовольствій и наслажденій, представляютъ весьма благодарную почву для уловленія въ разставленныя сѣти ротозѣеватой жертвы такъ, чтобъ ей и распутаться нельзя было.

Сержъ почти съ первой встрѣчи сдѣлался неотъемлемымъ призомъ нашей героини. Распознавъ сразу, какого сорта кусокъ напрашивался ей въ руки и какъ недалекъ, безхарактеренъ и слабъ

блистательный юнецъ, она очень скоро опутала его по рукамъ и по ногамъ. Но только на этотъ разъ г-жа Маркадье измѣнила нѣсколько свою прежнюю куртизанскую тактику. Она была чрезвычайно ласкова съ Сержемъ ему одному оказывала явный преферансъ предъ всѣми, и—тѣмъ не менѣе, не смотря на всю нетерпѣливую назойливость юношеской страсти, держала себя на дистанціи цѣломудренной весталки... Сержъ выходилъ изъ себя; избалованный дешевыми побѣдами, онъ вообразилъ себя непреоборимымъ сердцеѣдомъ и теперь не зналъ какъ овладѣть суровой красавицей... Крезовскіе подарки, всевозможныя угожденія, въ переплетѣ съ нахальными донъ-жуановскими выходками, не дѣйствовали... Подарки и услуги принимались, награждались жаркими рукопожатіями, умопомрачительными улыбками, а малѣйшая вольность встрѣчалась самой рѣшительной оппозиціей.

— Что за дьявольщина? глупо озадачивался юнецъ и, самъ того не замѣчая, втягивался въ затѣянную игру, какъ говорится, по уши.

Когда Анастази увидѣла, наконецъ, что Сержъ опутанъ ею совершенно, она нечувствительно дала ему замѣтить, что готова принадлежать ему вся, безраздѣльно и на вѣки, но неиначе, какъ въ качествѣ законной супруги...

Богъ вѣсть, чего ей захотѣлось; хорошаго-ли имени, обезпеченнаго-ли положенія, или она образумилась, наконецъ, и поняла, что вѣчно молодой и красивой быть невозможно, а

«Годы проходятъ, все лучшіе годы!»

такъ не время-ли подумать о завтрашнемъ днѣ, о старости...

Такъ или иначе, но она довела своего поклонника до того, что онъ, сперва совсѣмъ оторопѣвшій отъ неожиданнаго поворота дѣла, въ концѣ концевъ самъ-же предложилъ ей и свое сердце, и свое имя и богатство...

Одно только было затрудненіе и нешуточное! Сержъ имѣлъ родителей и, хотя имѣніе его было родовое; но покамѣсть былъ живъ папаша (а вѣдь можетъ быть онъ проживетъ еще чортъ знаетъ сколько лѣтъ),— Сержъ натурально, оставался въ полной его зависимости, и—въ слу-

чаѣ разрыва, ссоры, могъ лишиться всякихъ рессурсовъ. Женитьба на Маркадье — женщинѣ безъизвѣстнаго происхожденія и съ такой двусмысленной или, вѣрнѣе сказать, вовсе недвусмысленной репутаціей, несомнѣнно должна была страшно поссорить Сержа не только съ родителями, но и со всей многочисленной великосвѣтской родней... Конечно, все это вздоръ; но вотъ что скверно—всѣ они будутъ стараться помѣшать его женитьбѣ, а если она состоится—отецъ навѣрно, пока живъ, не будетъ выдавать сыну ни гроша... Вотъ что было скверно!

— Такъ это васъ затрудняетъ, mon cher? иронически спросила Анастази, когда Сержъ, путаясь и заикаясь, изложилъ ей всѣ вышеписанныя препятствія. Сказать между скобокъ, онъ самъ не очень-то искренно вѣрилъ неодолимости этихъ препятствій, а если представлялъ ихъ таковыми на видъ своему идолу, то съ тайной мыслью—отклонить ее отъ нелѣпой претензіи стать его женой.

Но наивная тактика бѣдняжки, конечно, разсыпалась прахомъ.

— Вы меня не любите! продолжала Анастази и въ голосѣ ея звучало сожалѣніе и оскорбленное чувство. Вы меня не любите! поэтому, скрѣпя сердце, я вынуждена сказать вамъ, что наши свиданія должны прекратиться... Я уѣду, убѣгу куда-нибудь въ глушь, если вы будете меня преслѣдовать.... Наложницей вашей я не буду никогда... Для этого, я... я васъ слишкомъ люблю, если хотите знать!

Разумѣется, Сержъ вовсе не желалъ такой развязки и сталъ протестовать рѣшенію Анастази съ самымъ пламеннымъ чувствомъ. Онъ увидѣлъ, что ему нечего и разсчитывать на какіе бы ни было резоны, чтобъ овладѣть красавицей безъ женитьбы. Страсть къ ней, страсть искуственно доведенная до безумія, совершенно обуяла слабоголовымъ юношей и онъ готовъ былъ теперь для нея на все.

— Что-же дѣлать, что-же дѣлать?.. Научите вы меня—я на все

готовъ... Приказывайте, совѣтуйте, я для васъ на все рѣшусь! воскликнулъ онъ совершенно искренно.

Анастази только и ждала этого момента. Она давно уже до подробностей обдумала планъ похищенія... именно, похищенія златоруннаго птенца.

Теперь, съ достодолжной осторожностью и дипломатическимъ тактомъ, она сообщила свой планъ Сержу, который безъ возраженій принялъ его и поклялся исполнить въ точности.

Планъ состоялъ въ слѣдующемъ. Бибулинъ пользуясь широкимъ кредитомъ, достанетъ денегъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Пріобрѣвъ деньги, любовники въ одинъ прекрасный вечеръ или утро, не говоря никому ни слова, сядутъ въ вагонъ и—поминай ихъ, какъ звали. Пока хватятся ихъ искать или преслѣдовать, они будутъ уже заграницей, гдѣ тотчасъже и повѣнчаются. Повѣнчавшись, натурально, Сержъ станетъ испрашивать прощеніе и благословеніе у негодующихъ родителей. Благословеніе, конечно, должно послѣдовать, а не послѣдуетъ — бѣда не велика. На добытую въ долгъ сумму, они перебьются заграницей, пока дражайшій папаша не заблагоразсудитъ переселиться въ лучшій міръ...

Сказано—сдѣлано!

Планъ, до послѣдней детали, былъ приведенъ въ исполненіе и—почти... почти что удался. Не было-бы и этого «почти», еслибъ не случился одинъ пустякъ, совершенно вздорный. Сержъ имѣлъ маленькую слабость, которая, однако, погубила много прекрасныхъ прожектовъ на свѣтѣ. Слабость эта—болтливость. Не смотря на собственное сознаніе и строгій приказъ Анастази — молчать и ни однимъ намекомъ никому не дать замѣтить о своемъ романическомъ предпріятіи, Сержъ не выдержалъ и, наканунѣ выѣзда, проболтался какому-то пріятелю... Пріятель, правда, всѣми святыми клялся, что тайна умретъ вмѣстѣ съ нимъ; но тѣмъ не менѣе на утро, когда наши герои уже мчались на курьерскомъ поѣздѣ по Варшавской желѣзной дорогѣ, объ этомъ знала и говорила чуть не половина города...

Какъ водится, позже всѣхъ узнали о бѣгствѣ сына и его романѣ

родители. Папаша былъ взбѣшенъ затѣей сына до послѣдней крайности и тотчасъ-же принялъ самыя энергическія мѣры, чтобъ помѣшать ему связаться съ куртизанкой...

Вѣроятно, онъ успѣлъ достигнуть этой цѣли, потому что какъ-то такъ случилось, что верстъ за 50 до границы, на одной станціи, героевъ нашихъ остановили... Послѣ краткаго и рѣшительнаго объясненія съ кѣмъ слѣдуетъ, женихъ волей—неволей пересѣлъ въ поѣздъ, возвращавшійся въ Петербургъ, и вскорѣ упалъ въ объятья нетерпѣливо ждавшихъ его родителей.

За нимъ хотѣла было послѣдовать и нареченная невѣста; но какой-то элегантный джентльменъ любезно предложилъ ей не безпокоиться, покориться судьбѣ и безостановочно продолжать дальнѣйшее путешествіе заграницу — «дабы не нажить еще большихъ непріятностей!»—убѣдительно добавилъ онъ...

Нечего дѣлать—надо было покориться!

Пусть читатель самъ представитъ себѣ раздирательно-трогательную сцену разлуки нѣжныхъ голубковъ на сказанной станціи... Я описать ее не въ силахъ!

Г-жа Маркадье могла, впрочемъ, обрѣсть еще нѣкоторый источникъ утѣшенія въ томъ хорошенькомъ сакъ-вояжѣ, купленномъ въ англійскомъ магазинѣ, который висѣлъ у нея дорогой черезъ плечо. Сакъ-вояжъ былъ набитъ очень туго и все новенькими ассигнаціями, послѣдняго оттиска... Это были тѣ тысячи, на которыя наши герои собирались жуировать заграницей, справляя медовые мѣсяцы. Какъ случилось, что онѣ тоже не возвратились вмѣстѣ съ Сержемъ обратно въ Петербургъ—трудно сказать! Вѣроятно, по забывчивости и разсѣянности всѣхъ участниковъ грустной развязки...

Я оканчиваю мой разсказъ, такъ какъ вопросъ, гдѣ теперь Анастази и что съ нею дѣлается — очевидно, до насъ, петербуржцевъ, нисколько не касается..

Однимъ только можемъ утѣшиться, что если наша Пальмира и

потеряла въ особѣ моей героини одну изъ отборнѣйшихъ, соблазнительнѣйшихъ сиренъ; то, на смѣну ея, неукоснительно явились и поднесь являются цѣлыя ихъ дюжины, столь-же очаровательныхъ и драгоцѣнныхъ.

РОМАНИЧЕСКОЕ QUI PRO QUO

(изъ дачной жизни).

I.

Въ Лѣсномъ-ли, въ Павловскѣ или на Черной рѣчкѣ—для васъ это рѣшительно все равно, гдѣ-бъ не происходило описываемое романическое приключеніе. Довольно вамъ знать, что оно происходило на дачѣ—и на дачѣ одного средственнаго штатскаго генерала, солиднаго и заботливаго отца многочисленнаго семейства.

Генералъ былъ человѣкъ довольно сохранившійся, не смотря на свои подъ шестьдесятъ лѣтъ, благочестивъ, чадолюбивъ, справедливъ къ подчиненнымъ, почтителенъ, безъ униженія, къ начальству. Словомъ, обладалъ всѣми генеральскими добродѣтелями, обладалъ и порядочнымъ капиталомъ.

Изъ дѣтей его—старшіе были уже, какъ говорится, въ людяхъ; другіе учились на казенный счетъ; дома оставались семнадцатилѣтняя дочь красавица Полинька, только что окончившая институтъ, да самая младшая—Сашетъ; но и той предстояло, послѣ вакацій, поступить на мѣсто сестры.

Генералъ былъ въ затрудненіи, какъ ему распорядиться съ гувернанткой, когда Сашетъ отправится въ институтъ?

М-lle Иванова, поизношенная довольно, но еще представительная и элегантная дѣвица, лѣтъ подъ тридцать, прослужила въ домѣ генерала нѣсколько лѣтъ—воспитала всѣхъ его младшихъ дочерей, и его

благодарное сердце терзалось теперь необходимостью отказать, наконецъ, ей отъ должности.

Необходимость становилась тѣмъ сильнѣе, что на этомъ особенно жарко настаивала сама генеральша, почему-то страшно ненавидѣвшая бѣдную гувернантку.

— Не хочу я, чтобъ она одну минуту оставалась у меня въ домѣ, когда Сашетъ увезутъ въ институтъ! протестовала старуха.

— Но, ma chère, m-lle Иванова можетъ быть еще полезна Полинькѣ, напримѣръ? нерѣшительно оппонировалъ генералъ.

— Что она можетъ быть полезна и пріятна, съ этимъ я не спорю; но только не Полинькѣ, а кому нибудь другому... Долѣе терпѣть этого я не могу, хотя-бы ради взрослой дочери—поймите вы, наконецъ...

Чего «этого» не могла «долѣе терпѣть» генеральша — она не пояснила; но генералъ, повидимому, понялъ ея намекъ, потому что прекратилъ разговоръ, съ досадой сказавъ женѣ: «тебя, матушка, хоть въ ступѣ толки, ты все одинъ и тотъ-же вздоръ будешь молоть»!

Нельзя сказать, чтобъ генералъ не раздѣлялъ внутренно резоновъ своей супруги; я не поручусь даже, чтобъ онъ не порадавался отъ души, еслибъ m-lle Иванова провалилась вдругъ сквозь землю, свалилась съ пятаго этажа и, вообще, какимъ нибудь образомъ скрылась съ его яснаго житейскаго горизонта.

Но своенравная дѣвица не проваливалась и не скрывалась, — напротивъ: она предъявляла къ его превосходительству какія-то щекотливыя требованія, къ которымъ онъ почему-то снисходилъ съ не генеральской покорностью

Послѣ объясненія съ женой, онъ при первой встрѣчѣ переговорилъ интимно и съ предметомъ супружескаго несогласія — съ элегантной гувернанткой... Интимная бесѣда осталась ихъ секретомъ; замѣтно было только, что, послѣ нея, генералъ разстроился, нахмурился, потерялъ даже аппетитъ и все что-то обдумывалъ.

Къ какой комбинаціи пришелъ онъ въ своихъ размышленіяхъ—это мы вскорѣ увидимъ.

II.

Очень пригожъ, порядоченъ въ манерахъ и костюмѣ, очень степененъ и почтителенъ къ начальству былъ нашъ герой—юный коллежскій секретарь Птицынъ, подчиненный вышеизображеннаго генерала.

Генералъ отличалъ молодаго человѣка за всѣ эти качества отъ другихъ своихъ подчиненныхъ и держалъ его при себѣ «по особымъ порученіямъ», которыя нерѣдко никакого отношенія не имѣли къ службѣ.

Птицынъ дорожилъ расположеніемъ начальника, ибо дорожилъ своей карьерой—и всѣми силами старался выбиться на торную дорогу служебныхъ отличій. Дорога открывалась и расчищалась по немножку; обѣщающій юноша шелъ по ней не спѣша, но твердою стопою.

Вскорѣ, послѣ размолвки генерала съ супругой, Птицынъ привезъ ему изъ города какія-то бумаги. Генералъ принялъ его чрезвычайно ласково и, чего никогда прежде не бывало, пригласилъ даже къ обѣду.

Юноша таялъ отъ восторга, хотя и не подозрѣвалъ, за что вдругъ оказана ему такая необыкновенная милость.

Но начальническое благоволеніе на этомъ не остановилось. Птицына пригласили бывать въ генеральскомъ домѣ «почаще», «безъ церемоній». Онъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на всѣхъ дамъ; даже старая генеральша назвала его, при прощаньи — «прекраснымъ молодымъ человѣкомъ».

Всю ночь, напролетъ, не спалъ нашъ герой послѣ этого событія. Долго онъ искалъ ему объясненія и—вдругъ глаза открылись!

Генералъ оцѣнилъ его по достоинству... Онъ его выдвинетъ въ люди—зачѣмъ? Очень просто: у генерала дочь-невѣста; ей нуженъ женихъ... Генералъ знаетъ, что Птицыну дай только дорогу—онъ составитъ отличную партію для любой дѣвицы... Но возможно ли это? Не мечта-ли это воспаленнаго воображенія?.. Однако, чѣмъ объяснить странное совпаденіе: генералъ приглашаетъ его въ домъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ знакомства, какъ разъ въ то время, когда Полина вышла изъ института!..

Такъ или иначе, но эта мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ молодаго человѣка и, наперекоръ всѣмъ сомнѣніямъ, овладѣла всѣмъ его существомъ...

Птицынъ сталъ бывать въ домѣ начальника, и довольно часто, видя, что милость къ нему нетолько не падаетъ, но растетъ съ каждымъ днемъ во всемъ семействѣ.

Застѣнчивая Полинька стала ему улыбаться все чаще, свободнѣе и обворожительнѣе...

Говорилъ онъ съ ней мало, такъ какъ m-lle Иванова была неразлучна съ институткой и постоянно старалась занять молодаго человѣка самой собою; однако, исподволь—взглядами, полусловами, затаенными вздохами, юныя сердца настолько сблизились, что герой нашъ позволялъ уже себѣ мечтать о близкой побѣдѣ.

Она вскорѣ и наступила...

III.

Былъ прекрасный іюльскій вечеръ, въ какой непростительно оставаться въ душномъ пыльномъ городѣ.

Герой нашъ сѣлъ на пароходъ и отправился на генеральскую дачу. Предполагая, что въ такую великолѣпную погоду все семейство, вѣроятно, собралось въ саду, онъ прошелъ туда прямо, не заходя въ домъ.

Въ роскошномъ садикѣ рѣзвились генеральскія дѣти, которыя, поздоровавшись съ Птицинымъ, сообщили ему, что «papa» и «maman» недавно уѣхали куда-то вмѣстѣ; гувернанткѣ не здоровится и она сидитъ въ своей комнатѣ...

Гдѣ-же Полинька?—Полинька оказалась въ бесѣдкѣ одна, съ послѣдней книжкой «Собранія романовъ» въ рукахъ...

У Птицына захватило духъ, когда онъ, оставивъ дѣтей, пошелъ къ уютной бесѣдкѣ...

Судьба, очевидно, ему покровительствовала... Впервые представился ему счастливый случай — остаться tête-a-tête съ предметомъ своихъ воздыханій, и онъ рѣшился воспользоваться этимъ какъ слѣдуетъ...

Я не стану утомлять васъ изложеніемъ того, какъ, и о чемъ говорили и что чувствовали молодые люди, пока, наконецъ, онъ, собравшись съ духомъ, не излился въ своихъ огнедышащихъ чувствахъ...

Институтка слушала признаніе нашего героя съ такимъ сладостнымъ трепетомъ, съ такимъ очаровательнымъ смущеніемъ, что онъ дерзнулъ взять ее за лилейную ручку. Это прикосновеніе ее точно укололо; она вскрикнула и стрѣлой выбѣжала изъ бесѣдки по направленію къ дому...

Счастливаго юношу это раззадорило и онъ пустился за Полинькой въ погоню, забывъ всякое благоразуміе.

— Не подходите ко мнѣ... не подходите ко мнѣ... не смѣйте! молящимъ шопотомъ обратилась она къ нему, забившись въ уголъ полутемной, прохладной гостинной...

Молодой человѣкъ истолковалъ себѣ эти мольбы въ противоположномъ смыслѣ и—подошелъ... подошелъ очень близко...

Послышался страстный шопотъ, шелестъ платья, а тамъ раздался и поцѣлуй... первый поцѣлуй.

— Кто здѣсь цѣлуется?.. А! это вы?.. Ничего! ничего! я не мѣшаю...

Но ужъ больше помѣшать нельзя было. Любовники, какъ ошпаренные, отскочили въ разные стороны и потомъ только взглянули по направленію, откуда раздался голосъ.

Въ дверяхъ стояла обвязанная платками, блѣдная, съ сверкающими глазами m-lle Иванова.

Сцена вышла, что называется, патетическая, хоть бы въ театрѣ, такъ—въ самый разъ...

Впрочемъ, вся сцена на этомъ и покончилась.

Гувернантка наставническимъ тономъ пригласила молодыхъ людей идти въ садъ, потому-де не слѣдуетъ въ такую погоду сидѣть въ комнатѣ, да еще въ такой, гдѣ мало свѣту.

Обезкураженный, но въ тоже время счастливый Птицынъ заблагоразсудилъ вскорѣ убраться...

IV.

Послѣ описаннаго событія, герой нашъ, поставившій судьбу свою на карту, долго не рѣшился-бы явиться на генеральскую дачу, если-бъ на другой день въ департаментѣ не пригласилъ его «побывать» самъ-же генералъ.

Молодаго человѣка била лихорадка въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Онъ понималъ, что генералу все сдѣлалось извѣстно... Какъ-то онъ посмотритъ на его дерзость? Сдѣлаетъ-ли счастливымъ, или... кто угадаетъ превосходительную волю?

Ни живъ ни мертвъ пріѣхалъ Птицынъ на дачу. Онъ ждалъ рѣшительнаго объясненія, рѣшительной минуты—панъ или пропалъ!

Такъ оно и случилось.

Генералъ, неизмѣнно ласковый и снисходительный, послѣ семейнаго чаю, пригласилъ Птицына къ себѣ въ кабинетъ, заперъ плотно двери, усадилъ его въ кресло и даже поподчивалъ сигарой.

— Молодой человѣкъ! началъ онъ такимъ торжественнымъ тономъ, что у «молодаго человѣка» затряслись поджилки. Я всегда отличалъ васъ отъ другихъ; я видѣлъ въ васъ задатки... гм... вы можете выдти въ люди. Я этого душевно желаю и сдѣлаю все, что могу. Прочее будетъ зависѣть отъ васъ...

— Чѣмъ заслужилъ-съ... ваше—ство! глубоко тронутый и счастливый промолвилъ Птицынъ.

— Я сказалъ уже. А вотъ что... Не хотите-ли вы напр. жениться? и генералъ плутовски прищурилъ правый глазъ.

Молодой человѣкъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, и не сразу нашелся что отвѣтить.

— Я не шучу, г. Птицынъ. Я знаю вашу склонность... Мнѣ говорили, я самъ замѣчалъ. Одобряю вашъ выборъ и, можете быть увѣрены — обезпечу вашъ семейный бытъ на первыхъ порахъ... По службѣ сдѣлаю все, что могу...

Герой мой готовъ былъ броситься къ ногамъ его пр — ства, облобызать его руки, отдать тутъ-же всю жизнь ему за такое необычайное великодушіе.

— Не могу выразить моихъ чувствъ, залепеталъ онъ. Ваше—ство... отецъ... благословите... по гробъ, вся моя жизнь въ вашей власти! и онъ, на самомъ дѣлѣ, бухнулся на колѣна передъ генераломъ.

Его превосходительство приказалъ ему, однако, встать и спросилъ строго:

— Сознательно-ли и твердо изъявляете вы желаніе вступить въ бракъ?

— Ничего пламеннѣе я не желалъ въ моей жизни! восторженно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Смотрите-же!.. Я сейчасъ призову невѣсту. Она согласна... я знаю...

Генералъ немедленно отправился за невѣстой.

Оставшись одинъ, Птицынъ подпрыгнулъ даже отъ прилива неожиданнаго, великаго счастья. Онъ уже мысленно лелѣялъ прелестную

Полиньку, которую сейчасъ, на глазахъ генерала, прижметъ къ груди, какъ свою невѣсту, какъ будущую жену.

Генералъ возвратился. Онъ вошелъ въ кабинетъ, ведя за руку невѣсту, съ приличной случаю важностью.

— Молодой человѣкъ! сказалъ онъ, возвысивъ голосъ. Эта прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ дѣвица, достоинства которой я вполнѣ оцѣнилъ не съ сегодняшнаго дня... гм... Она вручаетъ вамъ свою руку и сердце... гм... сердце теплое, любящее... Желаю вамъ счастья и вполнѣ увѣренъ, что вы будете благополучны съ этой достойной особой... Сдаю вамъ ее, такъ сказать, съ рукъ на руки!..

Птицынъ остановился съ открытымъ ртомъ, съ расширенными зрачками, въ совершенномъ остолбѣненіи.

Передъ нимъ стояла... Господи! да не сонъ-ли это?.. Стояла m-lle Иванова, съ подвязанной щекой, во всей красѣ своихъ поблекшихъ прелестей... Кто сказалъ, что она его невѣста, что онъ желаетъ на ней жениться?..

Чертовская мистификація!

— Ваше—ство, мнѣ кажется, у насъ вышло... недоразумѣніе! промямлилъ Птицынъ, самъ не зная что говоритъ.

— Не-до-ра-зу-мѣ-ніе? зычнымъ басомъ удивился генералъ, мгновенно преобразясь изъ любвеобильнаго отца въ суроваго начальника. Ка-а-акъ? Въ такомъ вопросѣ—недора-зу-мѣ-ніе?.. Опомнитесь молодой человѣкъ!

«Достойная во всѣхъ отношеніяхъ» дѣвица стояла весьма спокойно и аматерски посмѣивалась, глядя на растерявшагося жениха.

— Я полагалъ, ваше—ство, что вы изволили осчастливить меня рукой Полин...

— Что-о? Вы съ ума сошли! Моя дочь и—вы... ничтожество, которое я могу раздавить однимъ мановеніемъ... ха-ха-ха... Вотъ ужъ не ожидалъ!

Тяжелая сцена длилась не долго.

Генералъ такъ круто поставилъ вопросъ, что несчастному Птицы-

ну оставалось одно изъ двухъ: либо въ самомъ дѣлѣ быть раздавленнымъ превосходительной пятой, т. е. лишиться службы и всѣхъ шансовъ на карьеру, либо взять въ жены m-lle Иванову, «такъ сказать съ рукъ на руки», получить за ней приличное обезпеченіе, «семейнаго быта» и всякія милости и повышенія по службѣ...

Очень былъ влюбленъ нашъ герой въ хорошенькую Полиньку; но еще болѣе влюбленъ былъ въ собственную карьеру...

Колебаніе было непродолжительно и, спустя недѣльки двѣ, была съиграна веселенькая свадебка, какихъ въ Петербургѣ устраивается не мало....

ИЗЪ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ ВЪ «ТАШКЕНТѢ».

«Nous voulons un impôt sur les cèlibataires»!
Изъ «Каскаднаго міра».

Петербургъ, этотъ городъ гемороидальныхъ эгоистовъ, кишитъ, можно сказать, старыми холостяками, боящимися, какъ огня, крѣпкихъ узъ Гименея.

Тѣмъ не менѣе, спасаясь отъ этихъ узъ, они всю жизнь дѣлаются добычей острыхъ, хищныхъ когтей порхающаго эмансипированнаго амура.

Житейскій базаръ, выработавъ для холостяковъ этотъ суррогатъ любви, размѣнявъ на мелочь, сообразно вкусу потребителей, такъ называемую «прекрасную половину», взымаетъ съ нихъ жестокій налогъ, безъ малѣйшаго попущенія и недоимки.

Выплачивалъ такой налогъ по мѣрѣ силъ—душой, тѣломъ и карманомъ—и нашъ герой, степенный, далеко не первой молодости надворный совѣтникъ мосье Шишовъ, какъ его называли съ почтеніемъ въ департаментѣ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что мосье Шишовъ слылъ за человѣка весьма нравственнаго, скромнаго и солиднаго. Въ кругу знакомыхъ papa's и maman's, у которыхъ созрѣвали или перезрѣвали дочери—невѣсты, онъ считался даже за выгоднаго, благонадежнаго жениха. На него закидывались въ этомъ смыслѣ болѣе или менѣе коварныя удочки, но по своему благоразумный мосье Шишовъ не наклевывался на приманку...

Ему не стоило никакой борьбы мужественно противостоять этимъ соблазнамъ. Онъ былъ примѣрный чиновникъ и всѣ его сердечныя поползновенія и мечты исчерпывались служебными повышеніями.

Что-же касается шалостей темперамента, то мосье Шишовъ какъ-то такъ съумѣлъ ихъ регулировать, что онѣ проявлялись въ немъ очень рѣдко—исключительно въ табельные дни, когда ихъ наступало нѣсколько вподрядъ, и, притомъ, въ тѣхъ только случаяхъ, когда съ табельными днями совпадало полученіе какой нибудь награды по службѣ.

Награда дѣйствовала на кровь нашего героя самымъ возбудительнымъ образомъ. Тогда онъ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшался позволить себѣ «освѣжить свои силы», дабы напречь ихъ потомъ еще съ большей энергіей на пользу отечества и къ достиженію новой награды, новаго повышенія.

«Освѣжить свои силы», на языкѣ солиднаго мосье Шишова, значило—кутнуть, пожуировать эдакъ денекъ, другой, по программѣ, состоящей изъ трехъ словъ: «buvons, aimons et dansons»!

*
* *

Мы захватываемъ нашего героя, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, счастливый недавно полученной наградой и располагая табельнымъ временемъ, обдумываетъ планъ своихъ «освѣжительныхъ» похожденій.

Въ рукахъ у него афиши и, онъ колеблется съ чего начать: отправиться-ли въ «Буффъ» смотрѣть «Дочь рынка», или въ «Большой театръ», на балетъ «Бабочку». И то и другое для начала «освѣженія» весьма не дурно. Дальнѣйшій планъ у него разработанъ уже достаточно: изъ театра онъ ѣдетъ въ маскарадъ; въ маскарадѣ онъ неизбѣжно устроитъ скороспѣшную интрижку съ какой-нибудь этакой соблазнительнѣйшей милочкой; послѣ маскарада—они ужинаютъ съ шампанскимъ въ ресторанѣ, въ отдѣльной комнатѣ вдвоемъ, а тамъ... «buvons, aimons et dansons»!..

Послѣ долгаго колебанія, когда уже наступило время начать приводить планъ въ исполненіе, мосье Шишовъ рѣшилъ—ужъ такъ и быть—послушать и Жюдикъ въ «Дочери рынка», посмотрѣть и г-жу Ваземъ въ «Бабочкѣ»...

*
* *

Что герой нашъ вполнѣ остался удовлетворенный и Жюдикъ и

Вазем, это само собой разумѣется. Рѣдко бывая въ театрѣ, онъ восприналъ на этотъ разъ отъ лицезрѣнія пикантной каскады Жюдикъ и умопомрачительной пластики Вазем, столько «освѣжающихъ» впечатлѣній, что, отправляясь изъ театра Буффъ въ клубъ на маскарадъ, гналъ несчастнаго «ваньку» съ такимъ азартомъ, какъ будто боялся, что до его пріѣзда всѣ безъ изъятія очаровательныя масочки будутъ уже ангажированы и ему останется только облизнуться...

Дѣйствительно, добрый часъ, сгарая нетерпѣніемъ, безплодно рыскалъ онъ по заламъ, среди пестрой маскарадной толпы, высматривая подходящій сюжетецъ и только мимоходомъ останавливаясь у буфетовъ, ради легкаго освѣженія коньякомъ.

Злополучный мосье Шишовъ сталъ уже приходить въ отчаяніе отъ тщетности своихъ поисковъ, какъ, вдругъ, судьба надъ нимъ сжалилась...

— Миленькій штатскій! ты тутъ, какъ я вижу, кого-то ищешь? развязно обратилась къ нему, столкнувшись въ третій разъ носъ къ носу, какая-то стройная масочка, сверкнувъ яркими глазенками.

Мосье Шишовъ на мгновенье озадачился, но тотчасъ-же овладѣлъ собой и вошелъ въ роль веселаго вивера, стремящагося «освѣжить свои силы».

— Ищу хорошенькихъ! возразилъ онъ шаловливо, испытующе оглянувъ маску.

— Ну, такъ пойдемъ со мной! и она взяла его за руку.

— Развѣ ты хорошенькая?

— Ужъ хорошѣе тебя, безпремѣнно!

— Этого еще мало.

— Хм... Не высоко-же вы думаете о своей наружности... Ахъ, мнѣ очень пить хочется! круто повернула маска, когда они проходили мимо буфета.

— Чего-же? Лимонадъ-газезъ?

— Э, милый! Мы къ газѣ не привышны... Нынче хорошенькія ничего не пьютъ, окромя «манополя» али «ледеру»!..

— Но дай убѣдиться, что ты подлинно хорошенькая!

Маска слегка приподняла кружева надъ пунцовымъ ротикомъ, блеснула перламутовыми зубками и сдѣлала Шишову изящной ручкой уморительный носъ. Этого было довольно.

— Чеаэкъ! бутылку редереру! распорядился нашъ герой.

— Да съ морозцемъ, добавила компетентно маска и, когда они сѣли у стола, сказала: хорошенькія еще любятъ, штоба къ шимпанскому были фрукты и конфекты, безпремѣнно въ бонбонерочкахъ, что ни есть краше!

— Предоставимъ; покажи еще хоть носикъ...

Носикъ былъ показанъ. Этакій чуть чуть вздернутый и преаппетитный—каналія!

— Чеаэкъ! фруктовъ сюда и бонбоньерку самую лучшую! уже безъ колебанія раззорялся Шишовъ, чувствуя какъ его силы замѣтно «свѣжѣютъ».

Выпили одну бутылку; выпили и другую...

— Ну, теперь ужинать... Только не здѣсь: найми тройку, душка, поѣдемъ въ «Ташкентъ».

— И это можно; но сперва... маску долой! уже рѣшительно изъяснился Шишовъ.

— Экой Ѳома не вѣрящій... Ну, на—смотри! и маска мелькомъ показала свое смазливое, востроглазое личико.

Мосье Шишовъ остался окончательно доволенъ своимъ знакомствомъ. Предначертанный планъ «освѣженій» осуществлялся, какъ по писанному...

*
* *

Черезъ полчаса счастливая парочка уже мчалась на тройкѣ, сломя голову, за Нарвскую заставу.

Часъ былъ поздній для всякаго другаго мѣста, но не для «Ташкента».

Модный ресторанъ былъ полонъ шумной публикой, въ которой

представители «большаго свѣта» перемѣшивались въ ослѣпительный, яркій букетъ, съ шикарными представительницами полусвѣта.

У дамочки мосье Шишова оказались здѣсь знакомые, съ которыми она тутъ–же свела его, чему онъ былъ очень радъ. Выпитое въ маскарадѣ вино расположило его къ общительности, тѣмъ болѣе, что компанія оказалась весьма привѣтливой, веселой...

Начался ужинъ, началась и приличная попойка, которыхъ описывать, конечно, мы не станемъ.

Мосье Шишовъ «освѣжалъ свои силы» виномъ, не щадя живота. Долго–ли, коротко–ли освѣжался онъ; но только вдругъ наступилъ моментъ — онъ это ясно помнилъ,—что у него закружилась голова, помутилось въ глазахъ и онъ, точно, куда–то провалился и полетѣлъ, полетѣлъ внизъ головой въ безпредѣльное пространство...

Сколько времени летѣлъ онъ такимъ образомъ, онъ не помнилъ, но, наконецъ картина быстро перемѣнилась...

Герой нашъ очнулся, весь дрожа и задыхаясь отъ восторга...

Какимъ–то непонятнымъ чудомъ, онъ увидѣлъ себя и ее—свою знакомую маскарадную красавицу, однихъ въ уютной, роскошной комнатѣ...

Они сейчасъ возвратились изъ «Ташкента»... Она снимаетъ съ себя свои «покровы» и при этомъ такъ нѣжно улыбается и смотритъ ему прямо въ глаза, смотритъ такъ возбудительно, что онъ, внѣ себя отъ любви, бросается къ ней!..

Вотъ она въ его объятіяхъ... вотъ ихъ уста слились въ сладкій поцѣлуй... О, чудный мигъ!..

Но, что за чортъ! какая это аспидская сила вцѣпилась ему въ загривокъ, тормошитъ его и старается отцѣпить отъ дивныхъ прелесгей гетеры?..

Какъ утопающій, онъ схватилъ ее, держитъ и не выпускаетъ изъ рукъ; змѣей обвился онъ вокругъ ея гибкой таліи; впился въ ея прелести всѣмъ своимъ существомъ...

Нѣтъ! всѣ усилія напрасны... Демонская сила неотразимо тащитъ его

къ верху и, вершокъ за вершкомъ, отнимаетъ изъ его рукъ очаровательное владѣніе...

Ужасъ и отчаяніе охватили несчастнаго и, онъ рванулся со всей силы... До его отуманеннаго слуха, какъ изъ подземелья, дошелъ чей-то грубый укоризненный голосъ:

— Гаспадынъ... ваша сіясства!.. вставай... здэсь, бачка, спать не можна. Айда домой... Уже дэнь на улыцъ...

Мосье Шишовъ открылъ глаза.

Кругомъ полумракъ, на столѣ, облитомъ виномъ, батарея пустыхъ бутылокъ и стакановъ; въ воздухѣ отвратительная спиртуозная кислятина...

Онъ дернулъ себя за усъ и тутъ увидѣлъ надъ своей головой татарскую чумазую, стриженную рожу...

Другую рожу онъ держалъ въ объятіяхъ; но нѣтъ—это была не рожа, это была просто... диванная подушка... Какъ она попала въ его объятія и гдѣ наконецъ онъ самъ?..

О, сто тысячъ проклятій! какое мерзостное разочарованіе, а, главное, какъ страшно голова трещитъ!

— Съ ваша сіясства за буфетъ надо 47 руб. 50 коп. докладываетъ между тѣмъ стриженная рожа, подсовывая счетецъ на веленевой бумагѣ.

— Гдѣ же они всѣ?.. Гдѣ дама, съ которой я сюда пріѣхалъ? спросилъ сраженный Шишовъ.

— Давно всэ разъѣхался, бачка.

— Какъ! и моя дама уѣхала?

— И дамы айда... всэ разъѣхался... Твой дамы съ кырасыръ поѣхалъ, ваша сіясства.

— Очень хорошо! получите деньги.

Мосье Шиповъ не зналъ, за что онъ платитъ; зналъ только, что въ «Ташкентѣ» не принято объ этомъ спрашивать. Да ему и не до того теперь было...

Когда онъ одинъ, уже среди бѣлаго дня, возвратился домой

на тройкѣ, совсѣмъ развинченный легъ въ постель и наскоро сосчиталъ, во что ему обошлась эта романическая ночь, то безъ колебанія рѣшилъ, что онъ основательно и надолго «освѣжилъ свои силы».

— Хорошо еще, что эта тварь не осталась на моей шеѣ... Спасибо кирасиру! промолвилъ онъ, засыпая.

«БѢЛЬ-ФАМЪ»

(Купецкая исповѣдь).

Какъ-то, возвращаясь поздно ночью съ «Минерашекъ» въ городъ и порядочно проголодавшись, я зашелъ въ Старопалкинскій трактиръ, на чистую половину.

Случилось такъ, что въ главной залѣ совершенно было пусто, только за среднимъ столомъ сидѣли какихъ-то двое господъ и, подъ звуки органа, наигрывавшаго «Славься», душили, стаканъ за стаканомъ, шампанское съ портеромъ (Отвратительно-пьяная смѣсь, какую только могъ придумать умъ человѣческій).

Я присѣлъ не вдали отъ веселой компаніи, потребовалъ котлету и непроизвольно сталъ слушать разговоръ собутыльниковъ, тѣмъ легче, что они, повидимому, нисколько не стѣснялись въ своихъ изліяніяхъ.

Одинъ изъ нихъ былъ особенно типиченъ. Глядя на него, вы непремѣнно подумали-бы, что передъ вами сидитъ зазнавшійся извощикъ, среднихъ лѣтъ, переодѣтый изъ армяка—въ батистовое бѣлье, въ самый модный жакетъ и украшенный брилліантовыми запонками и чуть не фунтовой золотой цѣпью къ часамъ, по борту жилета. Онъ—то больше и говорилъ, запивая каждую сентенцію широкими глотками изъ стакана.

Собесѣдникъ слушалъ его съ подобострастіемъ и непрестаннымъ удивленіемъ. На видъ, онъ казался поприличнѣе и почище своего амфитріона, хотя и не былъ изукрашенъ брилліантами.

Изъ разговора обнаружилось, что они оба купцы и тотъ, что въ

бриллiантахъ, принадлежитъ къ самымъ богатымъ въ Петербургѣ и носитъ извѣстную фамилiю. Мы назовемъ его литерой N.

— Нравъ ты мой знаешь, говорилъ онъ съ апломбомъ: что ни есть только гдѣ лучшаго—у меня должно быть! Я не стерплю, коли ежели ты станешь кичиться передо мной чѣмъ-бы ни было: лошадью-ли, экипажемъ, домомъ, товаромъ—даже приношенiемъ на храмъ. Не вынесу я этого, потому—тебѣ извѣстно, много-ли нашего брата, такихъ-то какъ я, хотя-бъ и въ Питерѣ? Должонъ я себѣ цѣну знать и могу-ли допустить становиться кому-либо въ ровню со мной?!

— Это точно... Гдѣ-же?! Ну, а впрочемъ, что-же такого что ни есть лучшаго показалось тебѣ въ этой самой французинкѣ?

— Въ Клотильдѣ-то? Ты въ этомъ дѣлѣ мало смыслишь, компетентно замѣтилъ N и опорожнилъ стаканъ. Я самъ спервоначала думалъ, что цѣна ей грошъ. Ну, что такое? немолода, чуть не старуха даже, съ лица несуразна—такъ себѣ, однѣ только ужимочки да усмѣшечки—вся и краса; въ разговорѣ, можетъ быть, и умна и занятна, да вѣдь чортъ ее пойметъ! Пафранцузски мы не учены. Однако, какъ послушалъ что про нее говорятъ, какъ выхваливаютъ, да посмотрѣлъ ея игру—этотъ самый разговоръ ногами, руками и всѣмъ тѣломъ, тутъ-то я и уразумѣлъ, что это какъ есть настоящая бѣль-фамъ... понялъ?

— Бѣль-фамъ?... Это что-же такое?

— Ну, значитъ, король-баба, а такихъ-то межъ нашими ты и не найдешь. Бѣль-фамой только и можетъ быть французинка. Вотъ тутъ у меня, другъ ты мой милый, амбицiя и разгорѣлась! Вижу я, что увиваются за Клотильдочкой многiе—нѣтъ, нѣтъ, и ускользнетъ пташечка. Допустить этого я не могъ и взялся за дѣло посвойски: сегодня фермуаръ, завтра салопъ соболiй, тамъ сервизъ серебряный... «Кто? откуда? что за расточитель такой?»—говоръ пошелъ. Намъ это на руку. Узнали, конечно,—въ газетахъ пропечатали... Плевать. А ужъ съ Клотильдочкой меня и познакомили,—сама пожелала, по-

тому видитъ, что мы-ста всѣхъ этихъ ея щелкоперовъ обожателей огуломъ безъ торгу купить можемъ. Французинки—народъ вѣдь прожженный... основательный! Ну, мы и сошлись покороче. Ахъ, завистьто, говоръ какой пошелъ вдругъ обо мнѣ!.. Да ты вѣдь помнишь?

— Какъ не помнить? Завистниковъ, впрочемъ, я не слыхалъ.

— Гдѣ тебѣ слышать было! Нашимъ толстобородымъ эта статья не къ рылу, а ты-бы посмотрѣлъ, какъ завидовали мнѣ, могу сказать, въ высшемъ свѣтѣ... хоть побожиться...

— Да я и такъ вѣрю.

Въ знакъ чего новые собесѣдники налили новые стаканы, чокнулись и выпили залпомъ. N былъ особенно благодушенъ.

— Деньжищъ-то,я думаю, сколько извелъ ты на эту комерцію? замѣтилъ слушатель.

— Много! что и говорить; да вѣдь мнѣ это ни по чемъ, продолжалъ N. Главное досадно, что... одурачили меня за мое-же добро! съ усиліемъ сказалъ онъ и снова наполнилъ стаканъ, а потомъ ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ:

— Приведи ты ее ко мнѣ опять—тысячу, двѣ тысячи награды дамъ, не встать съ мѣста!

— Да какъ ты ее, кошкину дочь, залучишь?..

— Н-да... Это ты вѣрно сказалъ. И чему польстилась, на кого промѣняла меня, гадина?

На неизвѣстную Клотильду посыпались довольно крупныя ругательства...

Собесѣдникъ пожелалъ знать эту грустную исторію и N не замедлилъ разсказать ее приблизительно въ такихъ выраженіяхъ:

— Прожили мы эдакимъ манеромъ съ Клотильдой мѣсяцевъ шесть. Ничего—все идетъ ладно. Она мнѣ поетъ, всѣ эти свои штуки показываетъ—мнѣ любо. Правда—деньги такъ и плывутъ. Только и слышишь бывало отъ нея: «аржанъ надо... мноко, мноко!» Кажись, что только это и научилась она выговаривать по русски. Аржану мы

не жалѣли: бери, сколько влѣзетъ—только уважай! Вѣришь-ли, что въ полгода я на нее до сотни чистоганомъ просадилъ!

Собесѣдникъ закачалъ головой въ изумленіи, да и я попристальнѣе взглянулъ на разсказчика: не вретъ-ли? Нѣтъ, видно по лицу, что сказано въ аккуратѣ.

— Только, слушай дальше! продолжалъ грустнымъ тономъ N. Пріѣхалъ сюда изъ Парижа одинъ, эдакій совсѣмъ паршивенькій французикъ,—только и имѣнія у него было, что рожа смазливая. Опредѣлился онъ пѣть въ театрѣ Берга, да и то на второстепенныя роли. Не знаю, какимъ уже родомъ—оказался онъ вдругъ моей Клотильдѣ кузеномъ—двоюроднымъ, значитъ, братомъ, и то и дѣло—торчитъ съ утра до вечера у нея на квартирѣ. Что-же, думаю, родство нельзя не уважить—пусть его шляется; только вижу, что тутъ не родство, а, стало быть, одни шашни. Шалишь, смекаю про себя; и вотъ, однажды, — подстерегъ... накрылъ, ну, и какъ водится—въ шею милаго дружка. Но если бъ ты видѣлъ, какъ она озлилась! «Руссъ! мюжикъ! кошонъ! сорте!» кричитъ и гонитъ вонъ съ глазъ. Ушелъ, дамъ перевалъ, думаю—остепенится. Пріѣзжаю на другой день.—»Дома?» спрашиваю.—«Дома-то дома, только пускать васъ не велѣно!»—«Это что еще? Меня? За мой аржанъ не пускать! Кто можетъ и смѣетъ»!—«Нельзя!» говорятъ. Однако, я ворвался... Что тутъ только вышло у насъ, ужъ я хорошо и не помню; знаю только, что какъ пріѣхалъ домой, да взглянулъ въ зеркало—рожа у меня вся въ синякахъ и царапинахъ оказалась. Настоящіе вѣдь дьяволы эти французинки, скажу я тебѣ, а все-таки бѣль-фамъ, provалъ ихъ возьми!

— Что-же послѣ того у васъ было?

— А ничего. Обобрала меня хорошенько—чего-жъ ей больше? Можетъ быть, мы и доселѣ жили-бы съ нею, кабы не этотъ французикъ. Онъ ее, подлецъ, смутилъ. Съ тѣхъ поръ, вотъ сколько ни стараюсь опять сойтись—ни приступу!

— Да что тебѣ въ ней. Плюнуть, кажись, сходнѣе всего было-бы!

— Не могу! Первое, что всѣ смѣются, а второе—дѣйствительно, такой другой бѣль-фамы и не найдти у насъ. Завидно!

— Плюнуть остается, опять повторю!

— Поди ты... Ничего вѣдь не смыслишь и амбиціи нашей понять не можешь! Выпьемъ вотъ лучше. Обиду эту мнѣ, кажись, никакими винами не запить. Ахъ, Клотильда, Клотильдочка!

Разсказчикъ съ ожесточеніемъ выпилъ полный стаканъ и кликнулъ слугу:

— Заведи-ка попури, сказалъ онъ, изъ «Бѣль-Елены», да живѣй у меня ворочаться!

Я кончилъ мой скромный ужинъ и вышелъ изъ трактира, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда машина во всю ивановскую наяривала:

«Услыши насъ Венера! услыши богиня!

Всѣ мы жаждемъ любви—это наша святыня!»

РОКОВЫЯ ОШИБКИ.

Нельзя разсказать, съ какимъ восторгомъ встрѣтилъ почтенный Иванъ Ивановичъ, новгородскій помѣщикъ, пріѣхавшую къ нему сюда изъ деревни милѣйшую супругу.

Шутка сказать, они не видались нѣсколько мѣсяцевъ, и это— при самой нѣжной, взаимной симпатіи!

Онъ жилъ въ Петербургѣ по дѣламъ и для «радикальнаго» излѣченія какой-то губительнѣйшей болѣзни; она оставалась въ деревнѣ, связанная семействомъ, и, такимъ образомъ, нѣжные голубки обречены были на тягостную разлуку.

Но вотъ, наконецъ, она, потерявъ всякое терпѣніе, бросила все и пріѣхала навѣстить своего ненагляднаго, хоть на нѣсколько дней.

Обрадованный Иванъ Ивановичъ не зналъ, какъ и чѣмъ угодить милой женѣ, и, не взирая на свою болѣзнь и нѣсколько стѣсненныя обстоятельства, засыпалъ ее предложеніями: съѣздить туда-то, побывать тамъ-то, послушать ту или другую артистическую знаменитость и такъ далѣе.

Въ нѣсколько дней они перебывали въ различныхъ мѣстахъ. Наконецъ, нашей провинціалкѣ пожелалось заглянуть и въ царство г. Егарева—«Семейный Садъ», о которомъ она наслышалась и у себя дома разныхъ легендарныхъ сказаній.

Иванъ Ивановичъ почему-то неохотно склонялся на эту просьбу, то ссылаясь на суровость погоды (въ ту пору стояла уже осень), то отговариваясь недосугомъ, то откладывая поѣздку со дня на день.

Между тѣмъ женѣ непремѣнно хотѣлось видѣть упомянутый вертоградъ во что-бы ни стало и, наконецъ, она добилась таки своего.

— И такъ, Ваничка! подмывающимъ голоскомъ обратилась она въ одинъ прекрасный вечеръ къ мужу: мы отправимся сегодня въ «Семейный садъ», не правда-ли?

— Пожалуй... Только, вотъ—свѣжо, кажется, немного... Боюсь, какъ бы мы не простудились.

— Но вѣдь твое здоровье теперь, благодаря Бога, гораздо лучше... А мнѣ, такъ бы хотѣлось повидать этихъ здѣшнихъ «каскадессъ».

— Изволь, милая!.. Я радъ доставить тебѣ всяческое удовольствіе, тѣмъ паче, послѣ такой мучительно-долгой нашей разлуки.

— О, мой пай—мальчикъ!..

Послѣдовала пауза настолько долгая, насколько можетъ быть дологъ супружескій поцѣлуй, послѣ пятнадцатилѣтняго сожительства.

И вотъ счастливые супруги въ Демидовомъ саду. Провинціалка наша отъ всего пришла въ восторгъ: и отъ оркестра г. Флиге, и отъ гимнастерокъ Ацеллы и Розитты, и отъ Кадуджи, и даже отъ солидной особы самого г. Егарева.

— Ахъ, какой онъ видный мужчина! замѣтила она съ благоговѣніемъ.

Иванъ Иванычъ подтвердилъ, что г. Егаревъ, дѣйствительно, мужчина основательный.

— Однако, не очень-ли тебѣ холодно, моя крошечка? освѣдомился онъ, видя, что у его «крошечки» и носъ посинѣлъ и вся она съежилась отъ петербургскаго сентябрскаго холода.

— О, нисколько! Тутъ такъ весело! храбро отвѣтила она, постукивая челюстями.

Въ антрактѣ, для циркуляціи крови, они пошли дѣлать согрѣвающій променадъ вокругъ площадки и обозрѣвать при этомъ посинѣвшіе носы гуляющей публики.

Не казались озябшими однѣ только зефирно-легкія дамы полу-

свѣта, да и то—больше для виду — по профессіи, какъ рекруты на смотру.

— Однако, какъ много здѣсь этихъ госпожъ! брезгливо замѣтила цѣломудренная барыня.

— Ты находишь? Я, признаться, сколько вотъ живу въ Петербургѣ, а не мастеръ отличать ихъ...

— Здравствуйте, миленькій! обратилась, вдругъ, къ нашему почтенному герою какая-то бойкая, смѣющаяся рѣзвушка, съ развѣвающимся шиньономъ, и—мгновенно осѣклась... Ее встрѣтилъ сверкающій взглядъ удивленной, негодующей супруги.

Неловкая сцена длилась недолго. Рѣзвушка шаловливо вскрикнула—ахъ! и, съ звонкимъ хохотомъ юркнула въ толпу.

— Ты, милый, не мастеръ отличать ихъ; за то онѣ, кажется, хорошо тебя отличаютъ? обиженно заговорила супруга, подъ наплывомъ поднявшейся въ ней ревности.

— Экой вздоръ! торопливо сталъ оправдываться Иванъ Иванычъ. Развѣ не видно было, что эта сумасшедшая просто ошиблась: приняла меня за кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ... Это, душенька, здѣсь часто случается... Ей-богу!

Возбужденная супруга кое-какъ успокоилась.

Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ сталъ плотнѣе кутаться въ пальто; но въ тотъ самый мигъ, когда онъ поднималъ мѣховой воротникъ, какъ на зло, случилась новая непріятная встрѣча.

— Душка, тебѣ и въ шубѣ холодно, а каково-же мнѣ? Попотчуй коньячкомъ, ради старой дружбы!

Грозно-проницающимъ, краснорѣчивымъ взглядомъ окидываетъ озябшую красавицу нашъ цѣломудренный супругъ...

Она опускаетъ глазки и, прошептавъ: «извините—съ, я ошиблась!», мгновенно стушевывается.

— Еще одна! Вы скажете, что и эта ошиблась?

— Непремѣнно! Вѣдь ты же слышала: она сама призналась. Успокойся пожалуйста, мой ангелъ, и не подозрѣвай меня въ чемъ

нибудь... эдакомъ... непозволительномъ! Мои строгія правила тебѣ извѣстны...

Разрѣшеніе ревнивыхъ сомнѣній надо было на этотъ разъ отложить въ сторону, такъ-какъ на эстрадѣ снова «пошли писать» «шансонетки» и «куплеты». Супруги отправились ихъ слушать...

По окончаніи «отдѣленія», они засѣли за отдѣльный столикъ и принялись согрѣвать себя чаемъ. Между ними завязался оживленный разговоръ о «шикарныхъ» шансонеткахъ Альфонсины... Вдругъ, Иванъ Иванычъ неожиданно замолкъ и даже пересталъ слушать восторженныя изліянія супруги. Его занималъ въ эту минуту другой предметъ: прямо на него шла, не замѣчая его жестовъ, какая-то черезъ-чуръ веселая, разбитная блондиночка...

Увы! добрый супругъ предчувствовалъ, что опять выйдетъ роковая ошибка и не зналъ какъ отвратить ее.

— Ужинаемъ-ли мы съ вами сегодня вмѣстѣ? Я должна знать это заранѣе, обратилась къ нему развязная дамочка.

— А развѣ мой мужъ обѣщалъ съ вами ужинать? рванулась къ ней наша барыня.

— Никогда! никогда не обѣщалъ, клянусь! Откуда эта напасть на меня? Никогда этого не случалось прежде, запротестовалъ преслѣдуемый рокомъ Иванъ Иванычъ, а блондинка показала видъ, что не къ ней говорятъ и величественно поплыла дальше.

— И такъ, еще одна! Три сюжета въ одинъ вечеръ... Да, вы чистый аспидъ, милостивый государь! въ ужасѣ и гнѣвѣ воскликнула оскорбленная жена.

— Клянусь-же тебѣ, что все это...

— Ошибки? Ха-ха-ха... Такъ я вамъ и повѣрю!.. Хорошо-же вы, однако, тутъ лечились безъ меня... безсовѣстный!

Сцена принимала нѣсколько фраппирующіе объемы, а потому благоразумный мужъ употребилъ все свое краснорѣчіе для успокоенія жены, по крайней мѣрѣ, на время пребыванія ихъ въ саду—на глазахъ публики.

Что вышло у нихъ потомъ, дома, намъ неизвѣстно. Но, замѣтьте, господа, какія иногда бываютъ фатальныя ошибки и какія изъ этихъ ошибокъ выходятъ печальныя для семейнаго блага слѣдствія... Очень вѣдь это прискорбно!

НЕУДАЧЛИВЫЙ КОКОДЕСЪ.

Андрэ Хлыстикова, воспитанника учебныхъ заведенiй Дюссо и театра Буффъ, можно было-бы сопричислить къ самымъ невиннымъ и безвреднымъ тварямъ въ природѣ, еслибъ его не снѣдала одна смѣхотворная слабость.

Во-первыхъ, онъ хочетъ, чтобы его всѣ считали за первостатейнаго льва, хотя у него нѣтъ для этого ни львиной наглости, ни львиныхъ капиталовъ; а во вторыхъ, онъ претендуетъ на лестный титулъ отчаяннаго селадона въ полусвѣтѣ, который ему извѣстенъ, однако, только по наслышкѣ.

Все это заставляетъ его лгать о своихъ небывалыхъ успѣхахъ и — онъ лжетъ постоянно, съ чудовищной беззастѣнчивостью.

Я изловляю его для моихъ наблюденiй въ театрѣ Буффъ, въ тотъ момоментъ, когда онъ, облокотившись на барьеръ у оркестра, въ позѣ Аполлона Бельведерскаго, перекидывается болтовней направо и налѣво съ прiятелями.

Болтовня вертится на тѣхъ сюжетахъ, на которые устремлены и бинокли собесѣдниковъ, т. е. на героиняхъ полусвѣта, пышной гирляндой раскинувшихся вокругъ театра — въ ложахъ. О содержанiи этой болтовни я могъ бы и умолчать, ибо — о чемъ-же другомъ могутъ бесѣдовать наши «ташкентцы» и, въ особенности, въ театрѣ Буффъ?!.

Андрэ Хлыстиковъ, тономъ аматера и знатока, обогащаетъ своихъ прiятелей бiографическими подробностями о той или другой замѣча-

23*

тельной камеліи, пересыпая свою рѣчь болѣе или менѣе пикантными подробностями, изъ которыхъ, какъ ясный день, видно, что Андрэ самымъ интимнымъ маneромъ знаетъ, гдѣ «раки зимуютъ» и гдѣ не зимуютъ.

— Чортъ знаетъ, mon cher, какъ это тебя хватаетъ на столько знакомствъ, и притомъ самыхъ короткихъ, съ этими дамами? замѣтилъ Хлыстикову его другъ, Поль Чесноковъ.

— Пхэ... Потребности широкой натуры, mon ami... voila!

— Да полно, дѣйствительно-ли у тебя столько этого рода знакомствъ, какъ ты разсказываешь?

— Ну, не вѣрь!

— И не вѣрю. Ты, напримѣръ, говорилъ, давеча, что знакомъ даже съ Клотильдой... La fameuse Clotilde продаетъ знакомство съ нею чертовски дорого, намъ съ тобой не по карману.

— Какъ кому... Я вотъ не далѣе, какъ вчерашній день, обворожительно провелъ въ ея салонѣ часика два...

— Ахъ, злодѣй! позавидовалъ Поль. Если такъ, познакомь меня съ нею,—я буду тебѣ очень благодаренъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Это мнѣ ни почемъ! съ неподдѣльной увѣренностью возразилъ Хлыстиковъ.

— И прекрасно... Да вотъ, кстати, и она сама — Клотильда. Смотри вонѣ, напротивъ, вошла въ ложу... Видишь?

— Ну, еще бы! и Андрэ самымъ очаровательнымъ образомъ препроводилъ, по указанному адресу, цѣлый залпъ канальскихъ улыбочекъ, граціозныхъ кивковъ и даже нѣсколько довольно ощутительныхъ воздушныхъ поцѣлуевъ.

Однако, названная Клотильда, очень красивая молодая дама, казалось, не замѣтила этихъ телеграфическихъ знаковъ любви, быть можетъ, потому, что въ это время открылся занавѣсъ на сценѣ и — Хлыстиковъ долженъ былъ прекратить ихъ воздушную передачу.

По окончаніи акта, Чесноковъ сталъ настаивать о представленіи его «знаменитой» Клотильдѣ.

— Но ты видѣлъ, что она не одна теперь. Почемъ мы знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ она находится съ этой звѣрообразной, усастой физіономіей, которая сидѣла съ нею въ ложѣ? пытался отдѣлаться Андрэ; но, напрасно!

Чесноковъ и его товарищи, рядомъ неопровержимыхъ доводовъ, доказали, что «звѣрообразная физіономія» не можетъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ въ этомъ случаѣ, а потому Хлыстиковъ обязанъ исполнить данное слово неотлагательно.

Нечего дѣлать. Noblesse oblige!

Съ непритворно-кислой миной согласился нашъ герой исполнить требованіе пріятеля, и они, въ компаніи трехъ или четырехъ своихъ знакомыхъ, вышли въ корридоръ и направились къ ложѣ Клотильды.

Послѣдняя, точно угадавъ ихъ желанія, показалась къ нимъ на встрѣчу.

— Ravissante Clotilde, вы меня не узнаете? меня — вашего восторженнаго поклонника? не совсѣмъ твердымъ голосомъ обратился къ ней растерянный Андрэ...

Но представьте ужасъ злополучнаго селадона, когда мнимая Клотильда, окинувъ его изумленнымъ, негодующимъ взоромъ попятилась въ испугѣ къ своей ложѣ и кликнула оттуда «звѣрообразную физіономію».

— Этотъ мосье, указала она на несчастнаго Андрэ, принялъ меня за какую-то Клотильду и... я не знаю, чего онъ отъ меня хочетъ?

— Что-о? Вы осмѣлились принять мою жену за какую-то Клотильду?! накинулась вдругъ съ азартомъ «звѣрообразная физіономія» на нашего героя. Да знаете-ли, какъ съ вашимъ братомъ за это раздѣлываются... а? Да вѣдь я васъ въ порошокъ сотру... молокососъ!.. негодяй!.. гнусный селадонишка! Вонъ съ глазъ моихъ! бррр!..

Уничтоженный Хлыстиковъ, безмолвно выслушавъ этотъ неблагозвучный репримандъ, смиренно и поспѣшно повернулъ вспять, утѣшая себя тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что его пріятели, едва почуявъ скан-

далъ, благоразумно улетучились и не были поэтому свидѣтелями дальнѣйшаго его конфуза.

Внизу онъ встрѣтилъ Чеснокова и всю компанію. Всѣ они предательски посмѣивались.

— Ну, что, какъ? посыпались вопросы.

— C'est la bagatelle... Маленькое недоразумѣніе и больше ничего, спокойно отвѣтилъ Андрэ.

— Но какъ ты могъ, mon cher, такъ грубо ошибиться, если тебѣ коротко знакома Клотильда и ты вчера еще провелъ съ нею два часа? распрашивалъ Чесноковъ.

— Ахъ, оставь меня!.. Съ кѣмъ не можетъ случиться ошибки?

— Хвастунишка ты, и я очень радъ, что мнѣ удалось дать тебѣ маленькій урокъ. Впередъ будешь осторожнѣе! строго сказалъ Поль.

— А, такъ ты зналъ, что эта дама не Клотильда и нарочно обманулъ меня?..

— Разумѣется... Я зналъ заранѣ, что ты Клотильду и въ глаза не видалъ.

— Ну, ужъ это, mon cher, съ твоей стороны, просто... свинство!

И обезкураженный Хлыстиковъ счелъ за лучшее прикинуться обиженнымъ и незамѣтно испариться...

ЛОВЛЯ ПИЖОНОВЪ.

Само собою разумѣется, что всякій мало-мальскій цивилизованный провинціалъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, хотябъ на самый короткій срокъ, непремѣннымъ долгомъ сочтетъ, по мѣрѣ возможности, насладиться его увеселеніями. Вѣдь первымъ дѣломъ, когда онъ возвратится домой, любознательные сосѣди засыплютъ его вопросами: «Что новаго на минерашкахъ»? «Процвѣтаетъ-ли театръ Буффъ»? «Попрежнему—ли Филиппо въ правѣ сказать о себѣ:

Ma danse est un signe du temps»!

и т. д., и т. д. Ну, и вдругъ, вы отвѣтили бы, что ничего этого не знаете, не слыхали и не видали... срамъ!

Петръ Герасимычъ, почтенный грайворонскій землевладѣлецъ, очень хорошо понималъ неотложность подобныхъ справокъ, и, въ двухнедѣльное пребываніе свое въ столицѣ, усердно посѣщалъ всевозможные наши притоны музъ и веселья.

За нѣсколько дней до отъѣзда, онъ вспомнилъ, что для полноты его увеселительныхъ обозрѣній, ему осталось только посѣтить вновь открывшійся «концертный садъ», о которомъ съ похвалой отозвались двѣ, три газетки. Кстати, Петръ Герасимычъ прочелъ въ афишахъ, что тамъ въ 1-й разъ дебютируетъ какая-то «симпатичная» пѣвица, а потому, не откладывая добраго намѣренія въ долгій ящикъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, не то въ маѣ, не то въ іюнѣ, очутился въ означенномъ «концертномъ саду».

Петръ Герасимычъ привыкъ уже, сообразуясь съ петербургскими

вкусами, считать «садомъ» всякое злачное мѣсто, гдѣ пышная флора только и расцвѣтаетъ, что на шляпкахъ очаровательныхъ посѣтительницъ. Такихъ «садовъ» онъ видѣлъ въ Петербургѣ уже не мало, поэтому его нисколько не изумило, что антрепренеръ, разставивъ въ своемъ дворикѣ дюжину горшковъ съ чахлыми растеніями, въ перемежку съ воткнутыми прямо въ грунтъ деревцами, весьма похожими на отслужившія дворницкія метлы, назвалъ все сіе произведеніе собственнаго изобрѣтенія и природы—«садомъ». Петръ Герасимычъ привыкъ уже въ такихъ садахъ искать розы, жасмины «et beaucoup d'autres choses» именно на прекрасныхъ посѣтительницахъ. Онъ и теперь такъ поступилъ—бы, если-бы замѣтилъ въ «саду» малѣйшій признакъ этихъ чудесныхъ растеній... Увы! далеко не «концертный» оркестръ, съ истинно—нѣмецкой добросовѣстностью напиливалъ какой-то допотопнѣйшій Walzer передъ пустыми скамейками. Не только жасминовъ и розъ, но даже вульгарныхъ піоновъ, которые столь процвѣтаютъ подъ пивнымъ орошеніемъ, на носахъ туземныхъ шустеровъ, въ «саду» не оказывалось вовсе. Публику составляли чуть—ли не одни артисты и лакеи ресторана, вѣроятно, и самъ ихъ хозяинъ, большой, должно быть, и безкорыстный любитель «музыкальныхъ вечеровъ», если давалъ ихъ, наперекоръ равнодушію къ нимъ публики.

— Вотъ, говорятъ, меценатовъ ныньче нѣтъ: гдѣ еще найти болѣе самоотверженнаго мецената, какъ этотъ достойнѣйшій антрепренеръ! подумалъ Петръ Герасимычъ, одиноко и уныло слоняясь по аллеямъ, подъ звуки унылаго оркестра.

Отъ нечего дѣлать и отъ тоски, онъ зашелъ въ особый павильончикъ, купилъ за 30 копѣекъ коробочку «монпасье», сѣлъ въ уединенное мѣсто и принялся съ ожесточеніемъ грызть купленныя конфекты.

Въ эту минуту, ему почему-то вспомнилось, съ грустью и любовью, его семейство — жена, милыя дѣтки, почему то захотѣлось обнять ихъ всѣхъ, расцѣловать... Съ какимъ восторгомъ онъ подѣ—

лился-бы съ своими малютками этимъ ароматнымъ монпасье, которое онъ истребляетъ теперь безъ всякаго аппетита...

Какъ разъ, на этой мысли, подъ самымъ ухомъ замечтавшагося Петра Герасимыча послышался невинный дѣтскій лепетъ. Онъ вздрогнулъ и оглянулся: возлѣ него, на плетеномъ диванчикѣ присѣло какое–то почтенное семейство — двѣ дамы, одна молодая, красивая, стройная, одѣтая вся въ черномъ, другая пожилая, которую первая называла ma tante; съ ними былъ прехорошенькій малютка, очевидно сынокъ молодой дамы.

Это неожиданное пріятное сосѣдство еще болѣе умилило семейственныя чувства Петра Герасимыча. Съ глубочайшимъ почтеніемъ оглядывалъ онъ тетку и племянницу; но преимущественно останавливалъ любовный взоръ на малюткѣ. Не долго думая, онъ рѣшился засвидѣтельствовать свои чувства вещественнымъ знакомъ, и оставшееся монпасье, вмѣстѣ съ коробочкой, преподнесъ своему маленькому сосѣду.

— Надѣюсь, сударыни, что вы позволите вашему прелестному малюткѣ принять отъ меня этотъ пустякъ? съ галантной вѣжливостью обратился онъ къ дамамъ, приподнимая шляпу.

Тѣ снисходительно улыбнулись. Петръ Герасимычъ позволилъ себѣ поцѣловать своего новаго знакомаго, въ чемъ не встрѣтилъ препятствія.

Между тѣмъ мальчикъ, раскрывъ коробочку, остался повидимому недоволенъ ея содержимымъ, потому что, вмѣсто того, чтобъ лакомиться конфектами, началъ разбрасывать ихъ по сторонамъ, наровя притомъ какъ-бы попасть въ физіономію Петра Герасимыча... Послѣдняго эта неблаговоспитанность нѣсколько озадачила.

— Перестань баловать! остановила мальчика пожилая дама. Нечего теперь привередничать; папы нѣтъ больше и некому покупать для тебя дорогія бомбошки... Ужасно какъ избаловалъ мальчика отецъ— покойникъ, царство ему небесное! отнеслась она со скорбью къ Петру Герасимычу.

— Ахъ, ma tante, не растравляйте меня подобными нареканіями на моего дорогого покойника! взмолилась молодая дама и уткнула лицо въ батистовый платочекъ, вытирая навернувшіяся слезы.

— Вы, сударыня, изволите быть вдовою? съ участіемъ спросилъ Петръ Герасимычъ, глубоко тронутый этимъ печальнымъ открытіемъ.

— Вдова, господинъ... третій мѣсяцъ вдовѣетъ... о-охъ! чуть не съ плачемъ отвѣтила за вдову пожилая дама.

— Ска-а-ажите! сострадательно воскликнулъ Петръ Герасимычъ широко раскрывъ глаза; но въ эту минуту шаловливый сиротка угодилъ таки ему въ носъ леденцемъ.

— Ахъ, ты балбесъ этакой! разсердилась старшая дама и принялась журить «дерзкаго» и «неблагодарнаго» шалуна...

— Про-сти-и-те ему! слезливо извинялась за сына горькая вдова...

— Да, мнѣ право, ничего... Напротивъ!.. Я даже очень радъ... Помилуйте... ребенокъ... шалость такъ ему естественна!.. снисходительно лепеталъ добродушный Петръ Герасимычъ, потирая носъ. Да позвольте, я съ нимъ сейчасъ помирюсь... Душенька! нѣжно обратился онъ къ мальчику. Пойдемъ со мной и выберемъ вонъ въ томъ павильончикѣ конфетки, какія тебѣ будутъ по вкусу... Петръ Герасимычъ весь горѣлъ желаніемъ какъ нибудь засвидѣтельствовать свое состраданіе къ сиротливой семьѣ.

— Какъ вы добры! воскликнула вдовушка, поднявъ благодарные, растроганные глаза. Мой Коля, послѣ смерти отца (ахъ!), ни въ одномъ еще мужчинѣ не встрѣчалъ такой ласки.

— О, сударыня, я самъ отецъ, и мнѣ такъ пріятны всякія, эдакія, знаете, родительскія... ощущенія... Ну, Колинька, дай ручку и пойдемъ!

Минутъ черезъ десять, на томъ же самомъ диванчикѣ Колинька потрошилъ самую лучшую бонбоньерку, какая только нашлась въ па-

вильончикѣ, а его мамаша и бабушка вели уже самую задушевную бесѣду съ нашимъ грайворонскимъ туземцемъ.

Когда звонокъ пригласилъ идти смотрѣть «2-е отдѣленіе» программы вечера, Петръ Герасимычъ предупредительно взялъ билеты для своихъ знакомыхъ въ первомъ ряду креселъ.

Колиньку онъ все время любовно держалъ на рукахъ, а въ антрактахъ забавлялъ его ѣздой на лошадкѣ, посадивъ верхомъ къ себѣ на колѣно.

Многіе изъ немногихъ «посѣтителей» сада, взирая на нашего героя, задушевно думали: «вотъ счастливѣйшій отецъ семейства!»

Послѣ представленія, Колинька вдругъ захотѣлъ кушать и сталъ настоятельно требовать у мамы ужина.

— Перестань, безстыдникъ! останавливала его бабушка. Можетъ, и мама, и я захотѣли бы тоже покушать, да вѣдь откуда взять...

— О, сударыни, вы доставили-бы мнѣ истинное удовольствіе, еслибы позволили предложить вамъ здѣсь ужинъ! краснѣя и путаясь, заговорилъ Петръ Герасимычъ.

Онъ боялся, чтобъ его предложеніе не оскорбило достойныхъ дамъ и, въ то же время, онъ никогда еще не чувствовалъ такъ сильно душевнаго позыва къ благотворенію и самопожертвованію. Никогда еще картина вдовства и сиротства не трогала его сердце такъ глубоко.

Ужинъ былъ принятъ безъ затрудненій. Обрадованный Петръ Герасимычъ, само собой разумѣется, ничего не жалѣлъ, чтобъ только доставить полное удовольствіе своимъ новымъ друзьямъ.

— Такая молодая, прекрасная и—уже вдова, горе и нужда уже наложили на ея благородныя черты печать свою... О, жизнь! размышлялъ онъ, наливая по четвертому бокалу шампанскаго своимъ собесѣдницамъ.

Вино нѣсколько оживило траурное настроеніе дамъ и еще болѣе сблизило ихъ съ нашимъ героемъ.

Онъ же чувствовалъ себя, какъ дома, среди самыхъ милыхъ род-

ныхъ... Ниразу еще въ Петербургѣ не проводилъ онъ время такъ пріятно и хорошо. Его волновали самыя отрадныя, чистыя, великодушныя чувства и помыслы.

Бесѣда все болѣе оживлялась... Услужливый гарсонъ раскупорилъ уже четыре «бѣлыя головки». Какъ онѣ опорожнились, никто не замѣтилъ...

Въ веселой дружеской бесѣдѣ, въ пріятномъ обществѣ счетъ бокаламъ забывается...

Но всему бываетъ конецъ... Часу въ третьемъ дамы начали собираться домой, тщетно стараясь разбудить уснувшаго на диванѣ Колиньку. Предстояло его соннаго везти домой... Разумѣется на простомъ извощикѣ это сдѣлать неудобно...

— Позвольте-съ! Я сейчасъ прикажу найти карету или коляску! предложилъ Петръ Герасимычъ.

— Ахъ, не безпокойтесь! У насъ экипажъ есть; вотъ только Колиньку снесть надо...

Петръ Герасимычъ не позволилъ несть его слугѣ, а собственноручно, съ нѣжной заботливостью, вынесъ и уложилъ въ коляску. Благодарныя дамы предложили нашему герою подвезть его; это было тѣмъ естественнѣе, что всѣмъ имъ было по пути.

По пріѣздѣ, столь-же естественно, Петра Герасимыча пригласили зайти «выкурить папироску»... Онъ, конечно, согласился...

И вотъ, не далѣе какъ черезъ четверть часа, какъ-то такъ случилось, что Петръ Герасимычъ сидѣлъ одинъ на одинъ съ интересной вдовушкой въ ея роскошномъ будуарѣ...

Сперва ему ничего не казалось въ этомъ страннаго; но вскорѣ онъ замѣтилъ въ поведеніи вдовушки нѣчто несообразное. Она то садилась рядомъ съ нимъ черезъ чуръ близко, закидывая на его колѣна свой траурный шлейфъ, и выставляла на показъ свои щегольски обутыя ножки; то болтала о такихъ вещахъ, отъ которыхъ нашего героя бросало въ краску, и т. под. Наконецъ, веселость ея перешла всякія границы: она встала предъ Петромъ Герасимовичемъ и ни съ

того ни съ сего, лихо запѣла изъ «Служанки», точь въ точь, какъ Филиппо на крестовскомъ:

Свѣтъ погашенъ... гость смолкаетъ,
Спитъ онъ, думаешь, анъ—нѣтъ!
Ревматизмомъ онъ страдаетъ
И зоветъ въ свой кабинетъ!
Et j'frotte, et j'frotte, et allez donc!

Петръ Герасимычъ совсѣмъ растерялся... Онъ теперь только замѣтилъ, что онъ нѣсколько пьянъ, что онъ, должно быть, подпоилъ и свою собесѣдницу, если она вдругъ изъ печальной вдовицы столь неожиданно превратилась въ какую-то отчаянную сорви-голову...

Его доброе цѣломудренное сердце зазрѣла совѣсть... Неужели онъ, примѣрный семьянинъ, воспользуется ошибкой и неопытностью одинокой молодой женщины? Неужели онъ испортитъ свое сегодняшнее доброе дѣло гнуснымъ увлеченіемъ?.. Нѣтъ, никогда!

— Сударыня, простите моей забывчивости, мнѣ пора давно оставить васъ въ покоѣ! сконфуженно заговорилъ онъ, поднимаясь.

— Развѣ васъ отсюда кто гонитъ? непритворно удивилась вдовушка, растегивая корсажъ у платья съ явнымъ намѣреніемъ сбросить съ своихъ прелестей «одежды и поясъ»...

— Я понимаю вашу любезность; но... было-бы непростительно злоупотреблять ею, возразилъ нашъ герой, потупляя глаза.

— Не конфетничайте, душка... Будьте запросто: вы мужчина, какъ видно, бла-ородный и мнѣ нравитесь! развязно бухнула вдовушка.

Петръ Герасимовичъ собралъ все свое мужество и, уже не говоря ни слова, сталъ, откланиваясь, ретироваться къ дверямъ.

— Куда-же вы? воскликнула молодая женщина, и, когда гость скрылся за дверью, со смѣхомъ громко крикнула ему: «Дур-ракъ»!

Совершенно обезкураженный, герой нашъ спѣшилъ поскорѣе сотворить благо-уйдти отъ соблазна...

Въ передней, когда онъ торопливо надѣвалъ пальто, къ нему вышла тетушка и тоже удивилась, зачѣмъ онъ уходитъ.

— Извините-съ мнѣ нѣкогда! отвѣтилъ онъ уже довольно сухо.

— Очень жаль... Мы васъ такъ полюбили... право...

— Весьма благодаренъ, но... позвольте мнѣ теперь выйдти.

— Сію минуту; только вотъ, господинъ, съ васъ тутъ полученіе маленькое слѣдуетъ.

— Какое полученіе?

— Да вѣдь какже? Точно вы не понимаете, хе, хе... Вотъ–съ, по счету! и почтенная дама поднесла Петру Герасимычу клочекъ бумажки, на которой было изображено слѣдующее:

За коляску. . . . . . . , . . .	25	руб.
За папиросы	5	—
За сельтерскую воду	5	—
За комнату съ постелью. . . .	100	—
Итого	135	руб.

— Что это такое? Гдѣ я? совершенно ошеломленный воскликнулъ Петръ Герасимычъ.

— Ну это вы напрасно, господинъ, Лазаря корчите! насмѣшливо замѣтила тетушка.

— Позвольте сударыня! я не понимаю, за что вы съ меня требуете? Неужели я долженъ платить за вашъ экипажъ?.. Неужели пара папиросъ «Лаферма» и полбутылка сельтерской воды стоютъ десять рублей?.. Когда, наконецъ, я пользовался у васъ какой–то «комнатой съ постелью»?

— Ха, ха... Что жъ, прикажете вамъ растолковать, что значитъ «комната съ постелью»?

— Да вѣдь я ею не пользовался—ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ?..

— Разсказывайте!.. Невинность какая ха, ха...

— Я вамъ не заплачу ни гроша... Это грабежъ! ожесточился Петръ Герасимычъ.

— Ну, такъ мы полицію позовемъ... протоколецъ составимъ... хе, хе... У насъ это не долго... Да и не въ первый разъ; и не такихъ учили... хе, хе...

Петръ Герасимычъ понялъ, наконецъ, въ какую западню онъ поймался; понялъ, что отсюда сухимъ не выйдешь: либо заплати, что требуютъ, либо отдай себя на жертву самому отвратительному скандалу, который скомпрометируетъ тебя, уважаемаго солиднаго обывателя и отца семейства, на цѣлую жизнь.

Колебаться въ выборѣ нечего. Петръ Герасимычъ, весь дрожа отъ негодованія, вынулъ портмоне и отсчиталъ что съ него требовали...

— Милости просимъ и напредки не забывать... Всегда вамъ будемъ рады! любезно проводила его достопочтенная дама.

— Что-бы васъ чортъ побралъ, проклятые вампиры! не выдержалъ нашъ бѣдный герой, чтобъ не выругаться себѣ въ утѣшенье...

— Вотъ, послѣ этого и покровительствуй вдовамъ и сиротамъ!.. сдѣлалъ онъ заключительную сентенцію, выйдя на улицу и съ омерзеніемъ взглянувъ на «распрекрасный» Петербургъ, озаренный въ этотъ моментъ пурпурнымъ утромъ...

— Вотъ такъ дуракъ, ха, ха! отъ всей души хохотала вдовушка, выскочивъ въ дезабилье въ переднюю, чуть въ ней не стало нашего героя. Очевидно, она подслушивала весь разговоръ, происходившій здѣсь за минуту.

— Побольше-бы такихъ... на нашу бѣдность! смѣялась и тетушка запирая дверь на лѣстницу.

— Подай, Господи!.. А ловко ты его, Митревна, окрутила... ха, ха...

— Ништо... дураковъ учить умѣемъ!.. Хорошъ тоже и этотъ шельменокъ Колька... золото—мальчикъ! Бровью только мигнешь— сейчасъ понимаетъ, какъ и что дѣлать ему надо... Начнетъ это капризничать, да привередничать, никто и не подумаетъ, что солдатское дитя... Ты имъ Катька не пренебрегай. Надо его одѣть хорошенько, да и матери сунь когда зелененькую, что-ли... Смотри, отобьютъ мальчика подружки!

— Ладно; только—не вѣкъ-же мнѣ и во вдовствѣ-то этомъ соломенномъ состоять... Поймаешь двухъ трехъ, пижоновъ, какъ этотъ, а тамъ и шабашъ... Узнаютъ и не пойдутъ на приманку...

Но мы можемъ и не продолжать далѣе воспроизводить интимную бесѣду сихъ достопочтенныхъ дамъ. Читателю, должно быть, уже все ясно въ нашемъ правдивомъ разсказѣ...

ПРОСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

I.

Петя и Соня Ивановы очень недавно вступили въ бракъ и въ бракъ самый счастливый, какой только въ состояніи сочинить пылкая фантазія наиблагонамѣреннѣйшаго романиста.

Болѣе влюбленныхъ супруговъ, спустя три мѣсяца послѣ свадьбы, нельзя было себѣ представить. Они не могли глядѣть другъ на друга безъ восторга; вся ихъ жизнь, можно сказать, была ничто иное, какъ одинъ непрерывный поцѣлуй, которому и конца не предвидѣлось.

— Сонюсенька!

— Петюненька!

Нѣжно встрѣчали ежечасно они другъ друга; съ минуту глядѣли съ любовной томностью одинъ другому въ маслянистые глаза; аппетитно выпяливали медовыя уста, протягивали жадныя руки и порывисто падали во взаимныя объятья.

— Аха-а-ахъ! взвизгивала слабонервно Сонечка.

— Ого-го-го-гоо! реготалъ въ самозабвеніи Петенька и, на четверть часа окружающая атмосфера содрогалась отъ неистовыхъ поцѣлуевъ...

И вдругъ, коварная судьба, точно наскучивъ этими безконечными поцѣлуями до изступленія влюбленныхъ супруговъ, возжелала подпустить въ ихъ медовое море ложку горькаго дегтя.

II.

Въ одно прекрасное утро Петя былъ не въ духѣ... Онъ былъ не въ духѣ первый разъ послѣ свадьбы!.. На столѣ дымился вкусный завтракъ, стояло два прибора; но... но Петя былъ одинъ... Это ужасно!

— Жестокая... она меня разлюбила! чуть не со слезами восклицалъ онъ, растерянно слоняясь по столовой и вовсе не думая о ѣдѣ.

Дѣло въ томъ, что Соня на часъ всего, на одинъ только часъ, уѣхала навѣстить мамашу, а между тѣмъ, прошелъ уже часъ и десять минутъ... де–сять минутъ—вѣчность для нетерпѣливой любви,—а ее все нѣтъ...

Не въ правѣ–ли былъ Петя сдѣлать ужасное предположеніе, что Соня его разлюбила?..

Бѣдный! онъ былъ разстроенъ и убитъ этой мыслью, какъ еслибъ его кто нибудь свирѣпо выпоролъ... Вдругъ въ передней раздался звонокъ. Петя весь встрепенулся несказанной радостью и, забывъ все огорченіе, доставленное ему неаккуратностью Сони, самолично бросился отворять ей дверь... Онъ былъ увѣренъ, что это она; но жестокая судьба, вмѣсто радости, послала ему новое, въ стократъ горчайшее бѣдствіе.

Вмѣсто Сони оказался посыльный, — вручилъ разочарованному Петѣ письмо и исчезъ.

Сумрачнымъ, какъ приговоренный къ смерти, воротился Петя въ столовую и машинально прочелъ адресъ письма:

«Софьѣ Ивановнѣ
Ивановой,

Въ такой–то улицѣ, въ такомъ-то домѣ (квартира не обозначена)».

Адресъ былъ написанъ мужской рукою... Отъ кого-бы? Съ какимъ мужчиной можетъ быть Сонечка въ перепискѣ?.. Мучительное сомнѣніе длилось не долго: по праву супруга, Петя вскрылъ пакетъ и, едва вѣря своимъ глазамъ, едва сдерживаясь отъ крика отчаянія, гнѣва и ревности, прочелъ слѣдующее:

«Милая Сонечка! мы съ тобой такъ долго не видались, что вотъ уже нѣсколько ночей ты постоянно мнѣ снишься и—самымъ соблазнительнымъ манеромъ... Изъ этого ты поймешь мое нетерпѣніе видѣть и обнять тебя со всѣмъ пыломъ любви... «Коварный другъ, но сердцу милый!» ужели не навѣстишь на сихъ дняхъ преданнаго и любящаго тебя страдальца?..»

И далѣе, вмѣсто подписи фамиліи — фраза: «Что въ имени тебѣ моемъ?»

III.

Судите сами, какія ощущенія заронили въ душу нашего героя эти предательскія строки?..

Едва помня, что онъ дѣлаетъ, онъ кинулся сейчасъ-же бѣжать искать, хоть подъ землей, невѣрную жену, чтобъ наказать ее и ея любовника... «Къ оружію»! вопила въ немъ оскорбленная измѣной гордость... Кинжалу, револьверу, Петя обрадовался–бы теперь какъ вѣрному другу; но ихъ у него не было... Однако, какъ-же безъ оружія? Безъ оружія никакъ тутъ нельзя... Петя вооружился перочиннымъ ножемъ, даже поточилъ его мимоходомъ о каминъ, и, едва одѣвшись, выбѣжалъ изъ квартиры...

На лѣстницѣ его встрѣтила вся трепетная, во всемъ блескѣ своей семнадцатилѣтней свѣжести, подрумяненной январьскимъ морозомъ, прелестная Соня...

— Какъ она хороша! какая, на взглядъ, невинная, какая нѣж-

ная, любящая... змѣя! молніей ожгли сердце бѣднаго Пети всѣ эти ощущенія, когда онъ, остановясь, пронизывалъ свою жену ядовитыми взорами...

— Голубчикъ!.. Петюненька! прости что я опоздала... Милый, ты вѣрно хотѣлъ уже ѣхать за мной?.. Ахъ, люба мой! ворковала, захлебываясь, Сонечка.

— Можете оставить ваши нѣжности... для кого нибудь другаго...

— Кто это сказалъ?.. Чей это суровой голосъ?.. Петя... Да развѣ это возможно?!.

Однако, какъ не казалось невозможнымъ для Сони, чтобъ ея Петюненька изъ «душки» превратился вдругъ въ «грубіяна» и «сквернаго злючку», но это случилось самымъ ощутительнымъ образомъ.

«Сцена» между супругами вышла раздирательная... Ожесточившійся Петя рвалъ и металъ, не смотря на то, что Соня, когда ей представили улику ея коварства, была поражена и—что замѣчательно—поражена совершенно искренно. Она даже не сразу поняла, въ чемъ ее обвиняютъ, а когда поняла, то не на шутку разсердилась, какъ «смѣютъ» обвинять ее въ подобной «низости». Глупое письмо она назвала пасквилью или просто недоразумѣніемъ. Она никогда и никому — о, никому — не давала права писать къ себѣ подобныя письма!..

Петя, наперекоръ очевидной искренности оправданій Сони, долго не вѣрилъ ей, мучилъ ее, какъ настоящій Отелло, но, наконецъ, какъ будто забылъ все и успокоился...

IV.

Успокоился Петя только повидимому. Проклятое письмо не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ порывѣ самой пылкой нѣжности къ женѣ, онъ вспоминалъ о письмѣ и—сладость поцѣлуевъ отравлялась горьчайшей полынью ревности...

Невинна-ли Соня, или преступно-невѣрна?—этотъ вопросъ неотвязно преслѣдовалъ нашего героя, пока, наконецъ, онъ не вознамѣрился испытать свою жену и, такимъ способомъ, чѣмъ нибудь разрѣшить свои мучительныя сомнѣнія.

И задумалъ-же онъ преехидную махинацію!

Цѣлый день просидѣлъ онъ въ кабинетѣ надъ изготовленіемъ любовнаго письма подъ почеркъ перехваченнаго. «Извѣстный другъ» въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ приглашалъ Соню на rendez-vous въ маскарадъ тамъ-то, на такое-то число, на такой-то часъ. «Другъ» писалъ, что онъ будетъ костюмированъ капуциномъ съ янтарными четками, по каковой примѣтѣ Соня легко можетъ найти его.

Письмо было отправлено черезъ посыльнаго, по адресу «Софьѣ Ивановнѣ Ивановой, тамъ-то», и, по разсчету Пети, получено въ тотъ именно моментъ, когда его не было дома.

Нельзя описать, съ какимъ волненіемъ возвратился онъ въ этотъ день домой! Онъ ждалъ: если Соня невинна — она покажетъ ему письмо, а если нѣтъ...

Увы! когда онъ явился, презрѣнная даже бровью не мигнула, даже не заикнулась и ничѣмъ не выдала, что получила роковое письмо..

Какихъ-же еще сомнѣній въ ея притворствѣ и измѣнѣ?.. Но — терпѣніе и осторожность: надо наказать невѣрную по заслугѣ...

Какъ нарочно, въ назначенный по письму день для rendez-vous Соня, какъ и слѣдовало ожидать, пожелала ѣхать вечеромъ въ гости къ роднымъ, но непремѣнно съ мужемъ...

Какое ехидство! какая дьявольская тонкость! Но Петя не поддался на эту приманку; онъ наотрѣзъ отказался сопровождать Соню, подъ предлогомъ головной боли, и, когда она изъявила притворное желаніе остаться съ нимъ, онъ уговорилъ ее ѣхать одной.

Послѣднія сомнѣнія рушились: она уѣхала!.. Ну, что-жъ? и прекрасно!—теперь петля готова; осталось только затянуть ее и—добыча въ западнѣ.

V.

Rendez-vous состоялось точка въ точку.

Замаскировавшись капуциномъ, Петя былъ неузнаваемъ и исполнилъ роль «друга» неподражаемо. Вѣроломная женщина и неподозрѣвала западни. Весь вечеръ они весело проболтали и, наконецъ, послѣ пышнаго ужина съ шампанскимъ, Петя предложилъ своей дамѣ, какъ водится, «проводить» ее домой.

Драма приближалась къ развязкѣ...

О, какой адъ заклокоталъ въ груди несчастнаго Пети, когда маска безъ возраженій согласилась на его предложеніе и только чуточку измѣнила маршрутъ—вмѣсто «домой», «въ гостинницу»...

Едва сдерживаясь отъ бѣшенства, Петя садитъ свою даму въ карету; заранѣ наученный кучеръ мчитъ ихъ сломя голову и — мигомъ привозитъ, по назначенію, т. е. въ тотъ домъ, гдѣ жили наши супруги...

Всю дорогу, пока они ѣхали, Петя не говорилъ ни слова и даже не взглянулъ на свою спутницу, хотя она и сидѣла теперь уже безъ маски. Спутники, забившись въ темные углы кареты, ѣхали молча...

Петя не могъ теперь ни говорить, ни смотрѣть на измѣнницу: онъ совершенно обезумѣлъ отъ накипѣвшаго гнѣва и ревности, и только ждалъ, когда они пріѣдутъ, чтобы поразить Соню громомъ и молніей...

Быстро выскочилъ онъ изъ кареты у своего подъѣзда и нетерпѣливо потащилъ за руку свою спутницу... Но что это такое? Кто эта она?.. Что за чертовская метаморфоза?..

При свѣтѣ фонаря, Петя увидѣлъ предъ собой, въ лицѣ мнимой Сони — его жены, совсѣмъ незнакомую ему особу. Онъ остолбенѣлъ и не зналъ, какъ объяснить это странное превращеніе.

— Зачѣмъ, ты душка, привезъ меня домой? Вѣдь ты знаешь, что я немогу принять тебя у себя на квартирѣ! первая прервала жуткую паузу незнакомка.

— Развѣ вы, сударыня, живете въ этомъ домѣ? не нашелся о чемъ нибудь другомъ спросить оторопѣвшій Петя.

— Да какже? Вѣдь вы сами должны это знать, коли письма ко мнѣ посылаете сюда... У меня другой квартиры нѣту.

— Такъ это вы получили мое письмо съ приглашеніемъ въ маскарадъ?..

— Ну, да... Что за распросы?..

— Какимъ же образомъ? Я вовсе не васъ приглашалъ... извините...

— Вотъ прекрасно, ха–ха–ха! Кого-жъ вы приглашали, интересно знать?

— На адресѣ было ясно означено: «Софьѣ Ивановнѣ Ивановой»...

— Да вѣдь я точно такъ и прозываюсь...

— Можетъ-ли быть?

Петя ударилъ себя по лбу, сразу понявъ въ какой просакъ онъ попалъ изъ простой случайности.

На бѣду и на радость, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разъ на эту сцену къ подъѣзду подкатили сани. Изъ нихъ вышла дама—это была Соня.

Удивленными глазенками окинувъ незнакомую даму и ея замаскированнаго кавалера, въ которомъ ей и на мысль не могло придти увидѣть своего благовѣрнаго, Соня торопливо скользнула мимо нихъ къ дверямъ...

— Сонюсенька! рванулся къ ней сконфуженный и обрадованный Петя.

Молодая женщина, хотя и узнала его по голосу, но его странный костюмъ, наконецъ, эта дама, эта встрѣча въ такой часъ и въ такомъ мѣстѣ, все это до крайности ее изумило.

Но, послѣ минутнаго недоумѣнія, она все поняла. Она по-

няла, что мужъ ея завелъ интрижку, что онъ нарочно прикинулся сегодня больнымъ, чтобъ съѣздить въ маскарадъ и встрѣтиться съ своей любовницей... Хорошенькіе глазки Сони сверкнули молніей.

— Кто эта дама? строго спросила она Петю, презрительно указывая на незнакомку, которая повидимому отъ души забавлялась всей этой сценой.

— Я не знаю... въ первый разъ вижу, ей Богу! Да пусть она сама скажетъ... Видишь-ли, я думалъ что это ты; я былъ увѣренъ...

— Что за нелѣпыя увертки! А вы m-me, не объясните-ли мнѣ, какимъ родомъ очутились здѣсь вмѣстѣ съ моимъ мужемъ?

— Что тутъ объяснять? Мало-ли съ кѣмъ сходишься въ маскарадѣ?.. и съ этими словами незнакомка преспокойно вошла въ калитку, сказавъ Петѣ на прощанье «merçi» за ужинъ и за то, что онъ довезъ ее до дому...

Роли супруговъ съ этой минуты перемѣнились. Для счастливаго Пети всѣ сомнѣнія, на счетъ вѣрности жены, разсѣялись окончательно; за то теперь Соня въ свою очередь воспылала негодованіемъ и ревностью къ своему ехидному благовѣрному. Не мало стоило ему заискиваній, убѣжденій и клятвъ увѣрить Сонечку, что вся его маскарадная исторія была одно только недоразумѣніе, поводомъ къ которому послужило ничто иное, какъ любовь къ милой женѣ...

Читатель, вѣроятно, догадался, что все это злоключеніе произошло отъ столь обыкновенной одинаковости именъ и фамилій-и, вдобавокъ— отъ сходства адресовъ.

Въ бытность мою на школьной скамьѣ, одного товарища, вслѣдствіе подобнаго сходства въ фамиліи съ другимъ товарищемъ, выпороли однажды вмѣсто сего послѣдняго и—выпороли пребольно! Правда, потомъ извинялись, но вѣдь отъ этого рубцы не зажили скорѣе.

МЕРТВЫЙ УЗЕЛЪ

(Новелла въ современномъ вкусѣ).

Пьеръ фон-Пфимпфенъ — юноша лѣтъ 27-ми, атлетъ и красавецъ съ бараньими глазами на выкатѣ, подъ низкимъ дѣвственно-невозмутимымъ лбомъ, и съ той всепобѣждающей, нѣсколько нахальной, но совершенно свободной граціей во всѣхъ движеніяхъ стройнаго породистаго тѣла, которую столь тщетно стараются усвоить александринскіе актеры въ амплуа великосвѣтскихъ кавалеровъ.

Пьеръ живетъ съ матерью въ ея собственномъ домѣ, по какой улицѣ—читателю знать совершенно излишне. Денегъ онъ проживаетъ, т. е. собственно, проматываетъ много, гораздо больше, чѣмъ получаетъ, какъ и слѣдъ тому быть, разумѣется. Долгамъ его и должишкамъ нѣсть счета, что опять таки совершенно въ порядкѣ вещей. Что сказать болѣе о нашемъ героѣ? Что онъ умѣетъ «высиживать» въ одинъ присѣстъ по три бутылки шампанскаго и не имѣетъ мужества прочесть сряду трехъ столбцовъ въ газетѣ; что онъ отмѣнно свѣдущъ въ наукѣ «метать и понтировать», великій знатокъ и мастеръ «клопштосовъ» и «оттяжекъ» и, въ тоже время, врядъ-ли имѣетъ опредѣленное понятіе, откуда напримѣръ вытекаетъ и куда впадаетъ нѣкоторая рѣка—Нева; что онъ ловкій наѣздникъ, очаровательный танцоръ и прочая, и, по части мыслительной, могъ-бы соперничать, быть можетъ безъ успѣха, развѣ только... со своею лошадью. Но вѣдь все же это такія табунныя банальныя черты, о которыхъ рѣшительно не стоитъ распространяться. На иного индивидуума достаточно только ткнуть пальцемъ, чтобъ въ вашемъ представленіи уже составилась полная его характеристика.

Пьеръ сегодня не въ духѣ и не сегодня только. Много уже дней онъ ходитъ самъ не свой. Впрочемъ, онъ больше лежитъ, чѣмъ ходитъ. Вотъ онъ раскинулся, уперевъ ноги въ стѣну, на широкомъ оттоманѣ и, колечко за колечкомъ, пускаетъ къ потолку табачный дымъ изъ своего пунсоваго мясистаго рта... Чортъ знаетъ какую бездну папиросъ онъ теперь выкуриваетъ! Взглянувъ на его омраченную, нѣсколько помятую физіономію и на недостаточно подчищенные и обточенные ногти на пальцахъ его рукъ, вы сейчасъ-бы подумали: «вотъ молодецъ, котораго снѣдаетъ самая ужасная тоска, тоска—по деньгамъ!»— и ваше заключеніе было-бы безошибочно. Въ самомъ дѣлѣ, какая-же другая тоска можетъ портить существованіе господъ фон-Пфимпфеновъ?

Пьеру нужны деньги, какъ говорится, до зарѣзу, по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ думаетъ объ этомъ. Въ данный моментъ у Пьера въ карманѣ имѣется сумма едва-ли достаточная даже на самый скромный фриштикъ у Бореля; но горе Пьера въ томъ, что всѣ источники его доходовъ и кредита къ этому времени почти совсѣмъ изсякли и пересохли... Прегнусное положеніе!

— Благодаря твоему мотовству, сказала ему мать не далѣе какъ третьяго дня,—мы почти раззорены. Остался одинъ домъ, да и тотъ прійдется заложить на покрытіе твоихъ безумныхъ долговъ. Впрочемъ, сколько бы ты ихъ теперь ни дѣлалъ; я платить больше не буду... Надо себя и другихъ дѣтей поберечь.

Разговоръ этотъ произошелъ, по поводу настоятельныхъ требованій Пьера, чтобы мать снабдила его нужной ему «до зарѣза» суммой. Онъ получилъ рѣшительный отказъ, да еще съ вышеписаннымъ репримандомъ.

Репримандъ этотъ, впрочемъ, былъ совершенно излишній: Пьеру и безъ того ужъ никто не вѣрилъ. При его появленіи кредиторы и заимодавцы особенно плотно захлопывали свои таинственныя бюро и кассы, запихивали въ самую глубину кармановъ свои толстые бумажники и, на всѣ фон-пфимпфенскіе мольбы и резоны, на всѣ велико-

душные посулы невѣроятныхъ процентовъ, только низко кланялись: «соблаговолите, молъ, баронъ, (они Пьера называли барономъ), очистить старый счетецъ, тогда мы съ нашимъ удовольствіемъ готовы служить и напредки». (Жестокосердные ракаліи!)

И надо-же, чтобъ такое отвратительное положеніе сложилось въ ту именно минуту жизни нашего героя, когда средь ея безмятежно-шалопайскаго теченія произошелъ нѣкій чрезвычайный казусъ, затребовавшій экстраординарныхъ затратъ презрѣннаго метала! Казусъ заключался въ томъ, что Пьеръ былъ влюбленъ... Какъ-бы это ни показалось страннымъ и маловѣроятнымъ, но это фактъ. Влюбленъ онъ былъ, разумѣется, по своему, такъ что еслибы разложить его любовь на составныя части, то, можетъ быть, кромѣ большой дозы фон-пфимпфенскаго тщеславія, да неменьшей дозы лошадинаго донжуанства, ничего человѣчнаго въ этой любви и не оказалось; но, во всякомъ случаѣ, она была въ немъ на столько задорна и упорна, что изъ за нея — ради обладанія возлюбленной и — увы! неприступной доселѣ красавицей, онъ на многое рѣшился-бы, конечно, въ предѣлахъ его силъ физическихъ и умственныхъ (если только послѣднія могли имѣть какое нибудь примѣненіе). Къ сожалѣнію, силы эти, будь на тотъ разъ и вдесятеро могущественнѣе, не выручили-бы Пьера: тутъ нужны были деньги и деньги—одни проклятыя деньги!..

Нынѣ, можетъ быть, однѣ институтки полагаютъ еще, что сладкія узы любви скрѣпляются легковѣснымъ цементомъ взаимности чувствъ, симпатіи душъ и тому подобнымъ вздоромъ...

Эмма Клакоъ далека была отъ институтскаго идеализма. Со времени появленія ея на горизонтѣ петербургскаго полусвѣта, въ качествѣ кафе-шантанной артистки, она успѣла въ короткій срокъ пріобрѣсти въ извѣстныхъ сферахъ довольно звонкую популярность и вполнѣ заслуженно: такой пикантной красоты, ловкости и гра-

ціи трудно было встрѣтить въ другой женщинѣ; но вся сила Эммы заключалась въ томъ, что цѣну себѣ она умѣла, путемъ кокетства и маской добродѣтели, возвысить въ глазахъ своихъ поклонниковъ до nec plus ultra. Руководилась она въ этомъ отношеніи одними экономическими соображеніями, и ея теорія, которой она слѣдовала съ нѣмецкой точностью, была вѣрнѣе, чѣмъ дважды два четыре. Эмма взирала на свои прелести, какъ на нѣкоторую принадлежащую ей доходную движимость, какъ на нѣкоторый солидный капиталъ, который она рѣшилась пустить въ оборотъ на выгоднѣйшихъ условіяхъ и, видя, что спросъ на ея цѣнность растетъ прогрессивно, она въ такой же прогрессіи поднимала и свои курсы. До начала нашего разсказа, изъ цѣлой оравы увивавшихся за ней селадоновъ, ни одинъ еще не могъ похвастать успѣхомъ въ своихъ исканіяхъ. Это былъ своего рода торгъ и, если онъ доселѣ не кончился, то только потому, что Эмма поджидала еще болѣе тароватахъ покупателей.

Эта требовательность и якобы нерѣшительность ловкой куртизанки сбили съ толку всѣхъ ея поклонниковъ. Какъ вдругъ въ средѣ ихъ появился нашъ блистательный фон-Пфимпфенъ и съ марсовской отвагою, навыкшей къ побѣдамъ, повелъ свою атаку. Онъ понравился, его приласкали, быть можетъ теплѣе, чѣмъ кого другого; но и — только. Пьеръ сперва вознегодовалъ, потомъ усугубилъ исканія и, спустя двѣ недѣли, добился лишь того, что втюрился по уши въ прелестную Эмму. Обладаніе ею сдѣлалось наконецъ для него вопросомъ жизни, тѣмъ болѣе, что сюда замѣшалось и самолюбіе. Всѣ его друзья и товарищи знали эту исторію и, видя безуспѣшность исканій хвастливаго и самонадѣяннаго ловеласа, стали надъ нимъ подтрунивать и даже предлагать пари, что онъ останется съ носомъ... Приходилось отстаивать славное реноме непобѣдимаго сокрушителя женскихъ сердецъ.

Нѣсколько дней назадъ Пьеръ имѣлъ рѣшительное объясненіе съ Эммой. Увлекаемый страстью, онъ успѣлъ наконецъ склонить гордую красавицу... Какъ ни была тонка и разсчетлива г-жа Клаксъ, но и она могла ошибаться, въ особенности подъ наитіемъ неотразимой склонности къ такому истинному бель-ому. Пьера она считала за самаго блестящаго и самаго богатаго, а значитъ, и самаго подходящаго партнера для своей «маленькой» игры. Аукціонъ, такимъ родомъ, долженъ былъ кончиться; капиталъ помѣщался на самыхъ выгодныхъ повидимому условіяхъ.

На другой день рѣшительнаго объясненія съ Эммой, Пьеру случилось, какъ будто невзначай, разговориться съ ея «троюродной» тетушкой, остававшейся до сихъ поръ на заднемъ планѣ. Встрѣча ихъ произошла совершенно «нечаянно» и, если Пьеръ снизошелъ до бесѣды съ этой особой, то только потому, что они остались съ глазу на глазъ въ квартирѣ Эммы. Почтенной тетушкѣ видно не впервые приводилось вести такого сорта разговоры съ великосвѣтскими сеньорами. Она начала съ восторженныхъ похвалъ своей племянницѣ, потомъ заговорила о легіонахъ ея поклонниковъ, коснулась, мимоходомъ, какъ безгранично щедры они были въ своихъ предложеніяхъ. Вотъ, напримѣръ, банкиръ N. съ первыхъ словъ предлагалъ Эммѣ роскошнѣйшую квартиру со всѣмъ обзаведеніемъ, экипажъ и 15-ть тысячъ въ годъ «на булавки»; но Эмма слишкомъ высоко цѣнитъ свою независимость, слишкомъ дорожитъ чувствомъ своего цѣломудреннаго сердца, чтобы снизойти къ жалкимъ исканіямъ какого-то банкиришки, и т. д.

Какъ ни былъ туповатъ ослѣпительный фон–Пфимпфенъ, но и онъ достодолжно уразумѣлъ «невинную» болтовню почтенной тетушки. Болтовня эта подѣйствовала даже на него, какъ нѣкій освѣжительный душъ.

— Чортъ возьми! думалъ онъ, кусая кончикъ своего красиваго уса. Игра–то выходитъ не по карману... Дорогонько, чортъ подери!

Но снять ставку со стола и ретироваться... какой позоръ! Вы,

сокородный фон-Пфимпфенъ могъ пасть со славою и даже съ безславьемъ, но не отступить. Во первыхъ, онъ уже «далъ слово» и измѣнить его не въ правѣ; во вторыхъ, недалѣе какъ сегодня у Бореля онъ протрубилъ о своей побѣдѣ и принималъ поздравленія отъ знакомыхъ, ошеломленныхъ его блистательнымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, онъ теперь обладатель едва-ли не самой шикарной представительницы полу-свѣта: есть стало быть чѣмъ возгордиться и чему позавидовать!..

И вдругъ, весь этотъ тріумфъ могъ разлетѣться въ прахъ и даже обратиться въ безславіе нашему герою только потому, что его мамаша вздумала неуклонно слѣдовать какой-то «мѣщанской» экономіи!..

Было отчего впасть въ меланхолію и ломать олимпійскую голову надъ изобрѣтеніемъ пороха.

.... Дверь щелкнула и неслышно распахнулась. Пьеръ повернулъ голову и съ живостью вскочилъ съ отомана. Передъ нимъ стоялъ изысканно одѣтый въ бархатной визиткѣ и полосатыхъ брюкахъ молодой человѣкъ, съ физіономіей, какъ будто тоже выкроенной по парижскому модному рисунку: характерны въ ней были только глаза — бѣгающіе, умильные и лукавые, да носъ, съ вытянутымъ, клюющимъ кончикомъ, точно онъ постоянно что-то незримое вынюхивалъ. Грегуаръ де Болячкинъ, какъ именовалъ самъ себя молодой человѣкъ, и попросту Жоржикъ, какъ его кликали пріятели, принадлежалъ къ тѣмъ «загадочнымъ натурамъ», которыя Богъ вѣсть какими путями затесываются въ кружки великосвѣтской молодежи и, не смотря на явное презрѣніе къ нимъ со стороны послѣдней, успѣваютъ дѣлаться ея непремѣнными ассистентами и компаньонами. Безъ «Жоржиковъ» ничего не устраивается — отъ веселой оргіи до важныхъ операцій, по части кредита и проч. Репертуаръ ихъ ролей весьма разнообразенъ: по характеру, это — нѣчто среднее между шутовствомъ и лакейскимъ панибратствомъ, съ одной стороны, и всевозможнымъ маклерствомъ,

съ другой. Куртажъ свой они конечно получаютъ, какъ и настоящіе маклера, и подчасъ ловко оплетаютъ своихъ бонтонныхъ пріятелей. Иначе — стоило-ли-бы гнуть спину и служить безотвѣтной мишенью барскихъ остротъ и шуточекъ!

— Ну?! короткимъ отрывистымъ восклицаніемъ встрѣтилъ Пьеръ вошедшаго гостя.

Жоржикъ безнадежно пожалъ плечи и развелъ руками, одѣтыми въ свѣжія vert de gris перчатки.

— Да ну же, говори, что и какъ? настойчиво спросилъ фон-Пфимпфенъ.

— Да что говорить... Не даютъ ни на какія условія! печально возвѣстилъ Жоржикъ

— Почему-же?

— Ссылаются на то, что у тебя ни за, ни впереди, ни около ничего нѣтъ, кромѣ долговъ. Тонкія бестіи!

— А домъ? Вѣдь домъ нашъ нигдѣ не заложенъ? Ты имъ говорилъ?

— Говорилъ. Но вѣдь имъ извѣстно, что домъ не твой, а матери, и что она теперь уже отказывается платить твои долги; по этому Гернсдорфъ, напримѣръ, не прочь дать, но неиначе, чтобъ на векселѣ былъ бланкъ твоей матушки, да и тогда срокъ всего четыре мѣсяца и притомъ пятьдесятъ на сто.

— Жидъ кровопійца! со злобой прошипѣлъ сумрачный Пьеръ и порывисто зашагалъ изъ угла въ уголъ.

Воцарилось молчаніе.

Жоржикъ вынулъ изъ кармана изящный порт-сигаръ, акуратно взялъ изъ него тонкую длинную папиросу и сталъ ее раскуривать; но мигающіе, острые глаза его неотступно бѣгали за взволнованнымъ Пьеромъ, испытующе останавливаясь на его озабоченной физіономіи.

Фон-Пфимпфенъ все ходилъ, тщетно стараясь уловить какую нибудь связную мысль, которая-бы озарила хоть немного его помутившуюся голову. Онъ понималъ одно, что положеніе его отчаянное, но

какъ выдти изъ него, мозгъ отказывался указать. Надо было искать спасенія при посредствѣ чужой услужливой головы. Пьеръ круто повернулъ къ гостю и, положивъ ему на плечо свою мощную, красивую руку, потрясъ его и сказалъ съ какой-то недоброй рѣшимостью въ глазахъ и голосѣ:

— Жоржъ, ты одинъ можешь мнѣ помочь и я тебя не выпущу отсюда, пока ты не придумаешь, что мнѣ дѣлать... Слышишь — не выпущу!

— Совершенно напрасна эта угроза, съ недоумѣвающей улыбкой возразилъ Жоржикъ. Я и безъ того весь къ твоимъ услугамъ.

— И однако, что ты могъ бы посовѣтовать мнѣ въ настоящую минуту?

— Одно могу посовѣтовать: просить денегъ у матушки или просить ее написать бланкъ на твоемъ векселѣ Гернсдорфу и взять у него 10-ть тысячъ, съ тѣмъ, однако, чтобъ черезъ четыре мѣсяца заплатить пятнадцать... Афера не важная!

Пьеръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Все это вздоръ! сказалъ онъ почти съ гнѣвомъ. Матушка ни денегъ, ни бланка на векселѣ не дастъ ни за что,—покрайней мѣрѣ, теперь...

— Нѣтъ-ли средствъ, какъ нибудь... того... понудить? неувѣренно промолвилъ Болячкинъ и глаза его забѣгали.

— Что ты подъ этимъ понимаешь? живо спросилъ Пьеръ, съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ глазахъ, съ какимъ лягавая собака смотритъ въ первый моментъ, когда наткнется на дичь.

— Я понимаю мѣры, конечно, позволительныя, ну и притомъ совершенно... такъ сказать, домашнія, дабы семейный миръ не былъ нарушенъ, по крайней мѣрѣ... небезвозвратно, точно испугавшись, поторопился выяснить свою извилистую мысль услужливый Жоржикъ.

— Ты бы говорилъ яснѣе, mon cher... Терпѣть не могу этихъ дурацкихъ изворотовъ! въ видѣ поощренія сказалъ Пьеръ, и въ самомъ дѣлѣ ничего не понявъ изъ рацеи прятеля.

— Да вотъ, къ примѣру, намекнуть какъ нибудь, продолжалъ ободренный Жоржикъ, что положеніе твое столь безвыходно, что ты, какъ благородный человѣкъ, не можешь его вынести и, въ виду такого эгоистическаго равнодушія почтенной родительницы, рѣшаешься, наконецъ, можно сказать, на зарѣ жизни прервать свое горькое существованіе.

— Глупость! рѣшительно объявилъ Пьеръ. Я скорѣй въ состояніи дѣйствительно такъ поступить, чѣмъ играть комедію. Комедіи не по мнѣ... Придумай что нибудь поумнѣе. Даю пять минутъ на размышленіе, и онъ снова зашагалъ по комнатѣ.

Жоржикъ и самъ сознался, что предложилъ нѣчто несообразное. «Развѣ такіе герои, съ жеребячьими мозгами, способны на какую нибудь, хотя бы элементарную, дипломатію?» подумалъ онъ въ видѣ вопроса и по губамъ его скользнула презрительная улыбка.

———

— Вотъ что! началъ онъ, не дожидаясь истеченія даннаго на размышленіе срока. Я придумалъ другую комбинацію.

Дѣятельный, опытный и умный по своему господинъ де-Болячкинъ, постоянно совершавшій, «по довѣрію» своихъ бонтонныхъ друзей, всевозможныя, иногда не совсѣмъ безукоризненныя операціи, былъ изобрѣтателенъ въ своей сферѣ до геніальности, за что собственно и снискалъ себѣ фаворъ всѣхъ, съ кѣмъ считался на короткой ногѣ.

— Комбинація эта, говорилъ онъ, растягивая слова и заминаясь, нѣсколько, можетъ быть... рискованна, но я знаю случай, гдѣ она удалась великолѣпно.

— А именно? коротко спросилъ Пьеръ, остановясь противъ него и въ упоръ глядя ему въ глаза.

— Я лучше разскажу тебѣ этотъ случай, продолжалъ Жоржъ, раскуривая новую папиросу. Нѣкто—мы его назовемъ литерой N— былъ однажды въ такомъ-же и даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ ты теперь. Съ отцомъ своимъ, довольно сановной, но прескаредной

особой, N былъ не въ ладахъ и получалъ отъ него дары, слишкомъ ничтожные для обихода свѣтскаго молодого человѣка. Понятно, онъ дѣлалъ долги, пока это было можно, т. е. пока отецъ находилъ нужнымъ платить ихъ; но, наконецъ, пришла пора, когда ему оставалось одно изъ двухъ: или въ петлю лѣзть или сѣсть въ отель Тарасова. Послѣдній исходъ былъ даже въ видахъ почтеннаго родителя, какъ исправительная мѣра блудному сыну. Несчастный N, сколько ни изворачивался, спасенія не было, какъ вдругъ, кто-то надоумилъ его, что если онъ дастъ векселя съ бланкомъ какого нибудь солиднаго лица, напримѣръ, хоть собственнаго папаши, — денегъ ему отвалятъ сколько угодно. Написать бланкъ—трудъ въ сущности, весьма ничтожный, но какое-же «солидное лицо» рѣшится написать его на векселяхъ промотавшагося юноши? Менѣе всего могъ рѣшиться на это почтенный папа, и — однако... искомые бланки на векселяхъ размплѣйшаго N появились и ни чьи другіе, какъ родительскіе. Дѣла его, такимъ образомъ, поправились, кредитъ возстановился и, вся эта щекотливая операція, въ концѣ концовъ, сошла ему съ рукъ какъ нельзя лучше, если не считать, впрочемъ, маленькихъ семейныхъ непріятностей.

— Что-жъ, этотъ твой N, самъ что-ли писалъ бланки на своихъ векселяхъ? брякнулъ вдругъ Пьеръ съ простодушной прямотою.

Жоржикъ сконфузился. Онъ умышленно затемнилъ свой разсказъ, и по осторожности, и отчасти изъ того своеобразнаго чувства приличія, котораго не чужды бываютъ самые отъявленные мошенники. И вдругъ, этотъ блистательный простофиля безпардонно срываетъ неснимаемый въ порядочномъ обществѣ листикъ стыдливости съ ясно развитой мысли... Шокированный Жоржикъ отвѣтилъ не сразу.

— Самъ-ли N писалъ бланки, сказалъ наконецъ онъ, или писалъ ихъ кто другой, я этого не знаю.

— Однако, чтожъ въ этомъ опаснаго было для него и въ какой мѣрѣ?

Болячкинъ бѣгло взглянулъ на спокойное лицо Пьера и подумалъ: «можетъ-ли этому олуху показаться что нибудь опаснымъ»?

— Если бы отецъ N не призналъ написанныхъ отъ его имени бланковъ, сказалъ онъ уже безъ всякаго смущенія, тогда N отправили-бы въ Сибирь. Но какой же отецъ, а въ особенности мать (Жоржикъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ) поступили бы въ этомъ случаѣ иначе? Не говоря уже о родственномъ чувствѣ, разоблаченіе такого рода операцій сына, неизгладимо запятнало бы и самихъ родителей.

Пьеръ, не шевеля ни однимъ мускуломъ, стоялъ передъ своимъ искусителемъ, и въ его неподвижномъ, ясномъ взорѣ никто бы не подмѣтилъ и тѣни борьбы, нерѣшительности и смущенія.

— Конечно, сказалъ онъ и — голосъ его зазвучалъ, какъ мѣдь: никакой отецъ, а въ особенности мать, не поступили бы въ этомъ случаѣ иначе, какъ поступилъ отецъ твоего N. Совершенно съ этимъ согласенъ! А вѣдь ты у меня протобестія, Жоржъ! Ха-ха-ха! и онъ хлопнулъ его по плечу, съ ребяческой шаловливостью...

Спустя недѣли двѣ послѣ описаннаго совѣщанія, къ одному изъ домовъ на Моховой подъѣхала изящная и совершенно новенькая коляска, запряженная парой вороныхъ рысаковъ. Изъ коляски, опершись на плечо, прытко подбѣжавшаго швейцара, выскочилъ сіяющій Пьеръ и подалъ руку сидѣвшей съ нимъ рядомъ прелестной Эммѣ. Она хотѣла было сойти обыкновеннымъ способомъ, но онъ, ловко обхвативъ ее за гибкую талію, моментально, какъ перышко, перенесъ изъ экипажа къ подъѣзду. Молодая женщина чуть-чуть взвизгнула, потомъ весело засмѣялась и они вошли въ домъ. Въ раскрытыхъ дверяхъ квартиры въ бель-этажѣ ихъ встрѣтилъ, съ нѣкоторымъ парадомъ, нашъ знакомецъ Жоржикъ. Граціозно раскланявшись, онъ поднесъ г-жѣ Клаксъ на новоселье хлѣбъ-соль и сказалъ приличное привѣтствіе. Эмма смѣшалась и не знала, куда дѣвать ей этотъ хлѣбъ, который былъ ничто

иное, какъ великолѣпная бонбоньерка, и эту соль, состоявшую изъ цѣлой пригоршни неподдѣльныхъ жемчуговъ, всыпанныхъ въ дорогую солонку. Затѣмъ, всѣ они отправились осматривать роскошно отдѣланную заново квартиру.

— Ah, wie ist das schön! восклицала благодарнымъ голосомъ Эмма, любуясь изяществомъ и комфортомъ меблировки.

— То–то–же... Чуть что не такъ, ты мнѣ скажи, сказалъ Пьеръ по нѣмецки: я его сей-часъ прибью, и онъ указалъ на улыбавшагося Жоржика. Онъ тутъ одинъ всѣмъ распоряжался. A propos, вѣдь вы еще не знакомы! Грегуаръ–де-Болячкинъ—мой пріятель; Эмма Клаксъ моя... пріятельница! отрекомендовалъ Пьеръ со школьнической церемонностью.

Послѣ осмотра апартамента, собесѣдники въ самомъ веселомъ настроеніи усѣлись за столъ къ завтраку. Фон–Пфимпфенъ былъ въ ударѣ: шутилъ, школьничалъ и только, при встрѣчѣ съ глазами Эммы, утихалъ въ какомъ-то трепетномъ замираніи. Она была, какъ дома, и съ замѣчательнымъ тактомъ сразу вошла въ роль хозяйки—въ мѣру гостепріимной и въ мѣру любезной. Жоржикъ, покончивъ съ ролью распорядителя и церемоніймейстера, съ истинно арлекинскою быстротою, превратился въ забавника и скомороха. Онъ кривлялся, говорилъ весьма прозрачныя сальности, пѣлъ куплетцы, къ великой потѣхѣ своего фешьонебельнаго пріятеля и его «пріятельницы». Съ ней онъ, какъ-то сразу сталъ на короткой ногѣ.

Когда на столѣ осталось одно вино и десертъ, Эмма удалилась изъ столовой, оставивъ мущинъ допивать свои стаканы и курить.

— Ну, mon cher, это прелесть что за женщина!.. Еще разъ позволь поздравить, восторженно прошепталъ Жоржикъ по уходѣ Эммы и чокнулся съ Пьеромъ.

— Merci, равнодушно промолвилъ тотъ, показывая видъ, что по-

хвалы ему, Пьеру фон-Пфимпфену, и всему чѣмъ онъ обладаетъ — суть нѣчто непреложное и неизбѣжное.

— Кстати, позволь ужъ выпить и за твое здоровье! сказалъ онъ, протягивая стаканъ. Я тебѣ очень благодаренъ за всѣ услуги и хлопоты для меня.

— О, стоитъ-ли объ этомъ толковать! скромно замѣтилъ Жоржикъ.

— Стоитъ или нѣтъ, это мнѣ лучше знатъ! возразилъ Пьеръ, отхлебывая изъ стакана. Ты знаешь, что на любезности я не щедръ. При этомъ еще разъ повторяю: при лучшихъ средствахъ, можешь быть увѣренъ, отблагодарю тебя болѣе существенно.

Жоржикъ стыдливо потупился, хотя по губамъ его пробѣжала холодная, презрительная усмѣшка. Съ минуту онъ что-то соображалъ и, потомъ, тряхнувъ съ какой-то рѣшительностью своими роскошными кудрями, поднялъ глаза съ необычайною для нихъ твердостью и уставилъ ихъ въ лицо Пьера. Встрѣтившись взглядами, пріятели нѣсколько секундъ, не мигая, смотрѣли другъ на друга и глаза обоихъ все ярче разгорались какимъ-то недобрымъ, враждебнымъ свѣтомъ. Послѣ такого взгляда, люди обыкновенно начинаютъ ненавидѣть другъ друга всѣмъ сердцемъ.

— А, знаешь-ли, душа моя! прервалъ томительное молчаніе Болячкинъ нисколько не измѣнившимся, сладко-пѣвучимъ голосомъ. Я вотъ все это время хлопоталъ о твоихъ дѣлахъ, а между тѣмъ не позаботился отклонить отъ себя маленькую катастрофу, которую избѣжать теперь почти невозможно, если не подвернется какое нибудь счастливое обстоятельство... Представь, не сегодня завтра, меня упрячутъ въ Тарасовку на весьма неопредѣленное время... Ха-ха-ха... Просто скандалъ!

— Что ты врешь? мрачно обрѣзалъ Пьеръ.

— Вотъ-те на! Съ какого резона я стану врать? сказалъ, пожавъ плечами Жоржикъ.

— Резонъ-то вѣрно есть. Только вотъ что: еслибъ тебя и на самомъ дѣлѣ теперь посадили, я-бы не выкупилъ... Понимаешь?

— Хорошъ–же ты пріятель! Ха–ха...

— Ты знаешь, что мнѣ все это стоитъ. Пьеръ повелъ кругомъ рукою. И что еще будетъ стоить, а денегъ мало.

— Не такъ однако мало, чтобъ нельзя было выручить пріятеля въ пустякѣ... Я это такъ говорю, возразилъ Жоржикъ.

Фон–Пфимпфенъ злобно взглянулъ на него и швырнулъ на полъ недокуренную папироску съ такимъ жестомъ, что у Болячкина лицо передернуло.

— Во что ты цѣнишь свои услуги? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Услуги? Развѣ я требую что нибудь за нихъ? Какъ тебѣ не стыдно! заключилъ Жоржикъ.

— Перестань ломаться, холуй!.. съ презрѣніемъ сказалъ Пьеръ.

Жоржикъ пожалъ плечами и съежился, точно собирался сдѣлать скачокъ со своего стула.

— Вотъ ты ужъ и ругаться началъ! промолвилъ онъ соболѣзнующимъ тономъ. И за что? Я тебѣ, какъ другу, чистосердечно разсказываю, что со мною случится непремѣнно катастрофа, если мнѣ не удастся достать какихъ нибудь 800 руб., а ты, вдругъ, понялъ это какъ вымогательство съ моей стороны... Странно!

— Что–о? 800 руб.? Этого ты никогда не получишь! твердо сказалъ Пьеръ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Что–жъ, тогда солоно придется... насидимся. А ужъ скандалъ-то, скандалъ какой будетъ... фа! подчеркивая каждое слово и сопровождая ихъ ядовитѣйшей улыбкой, проговорилъ Жоржикъ, нагло поглядывая на своего собесѣдника.

Какъ ни былъ крѣпокъ нервами могучій Пьеръ, но отъ словъ Болячкина съ лица его сбѣжала краска и оно все передернулось. Первая его мысль была пустить бутылкой въ ехидную физіономію милаго друга; но онъ удержался. Онъ понялъ, что кулакомъ тутъ ничего не подѣлаешь: скрѣпя сердце, надо было сознаться, что онъ — гордый фон-Пфимпфенъ—весь теперь въ рукахъ этого презрѣннаго человѣка. Горькое сознаніе!

Между друзьями начался торгъ на чистоту, кончившійся тѣмъ, что Жоржикъ не спустивъ съ назначенной цифры ни копѣйки, сдѣлалъ лишь отсрочку на 300 р., а остальные 500 получилъ сейчасъ. Отдавая ему деньги дрожащими отъ гнѣва руками, Пьеръ не могъ удержаться, чтобы не сказать.

— Не понимаю, какъ я могъ связаться съ такимъ мошенникомъ, какъ ты!

— О, mon cher! съ сладкой улыбкой возразилъ Жоржикъ: «рыбакъ рыбака видитъ издалека...» Adieu! и онъ живо юркнулъ въ дверь и какъ разъ во время: Пьеръ уже схватилъ бутылку, но успѣлъ послать ему вслѣдъ только—«ска-а-тину!»

Шумъ этой сцены вѣроятно привлекъ вниманіе Эммы, потому что когда Пьеръ выпроводивъ пріятеля, вышелъ въ сосѣднюю комнату, молодая женщина встрѣтила его въ дверяхъ съ озабоченнымъ лицомъ и даже спросила—«что такое случилось?»

— Пустяки, Эммочка. Не стоитъ говорить, возразилъ Пьеръ, мгновенно просіявъ и успокоившись подъ ея бархатными взглядами. Поговоримъ лучше о томъ, какъ ты мила... прелестна... какъ я люблю тебя, мой ангелъ! говорилъ онъ страстнымъ, задыхающимся голосомъ, увлекая ее за талію въ глубь комнаты, гдѣ стоялъ широкій комфортабельный диванъ...

Прошло пять мѣсяцевъ. Зимнимъ вечеромъ, въ одинъ изъ домовъ въ Конюшенной съ параднаго подъѣзда вошелъ щегольски одѣтый мущина и, поднявшись въ бель-этажъ, увѣренно и твердо пожалъ пуговку электрическаго звонка у громадныхъ дверей. Это былъ Грегуаръ-де-Болячкинъ, такой-же цвѣтущій и чистенькій, какимъ его встрѣчали и прежде. На его звонокъ, двери немедленно распахнулись и изъ ихъ раствора выглянула прилизанная съ усиками физіономія.

— Мадамъ Клаксъ дома? громко спросилъ Жоржикъ.

— Пожалуйте-съ! съ почтительной фамильярностью улыбнулся лакей, растворяя дверь шире.

— Одна? коротко спрашивалъ Болячкинъ, снимая пальто въ передней.

— Однѣ-съ! отвѣчалъ лакей, помогая ему.

Жоржикъ вошелъ въ комнаты, не дожидаясь доклада, котораго слуга и не думалъ дѣлать. Напѣвая какую-то арійку, увѣренной походкой, точно онъ былъ тутъ дома, Болячкинъ прошелъ нѣсколько великолѣпныхъ покоевъ и остановился наконецъ у дверей, задернутыхъ спущенной портьерой. На его шорохъ оттуда раздался чей-то серебристый «васисдасъ. Жоржикъ чуть чуть распахнулъ портьеру, взглянулъ украдкой внутрь комнаты и произнесъ: «ку-ку-у!» Серебристый голосъ засмѣялся и пригласилъ шутника войти. Онъ не заставилъ ждать себя.

Эмма лежала на кушеткѣ въ уютномъ роскошномъ будуарѣ. Она замѣтно пополнѣла и похорошѣла за послѣднее время. Видно было, что судьба ей не мачиха.

— Боже, какое очарованіе! воскликнулъ Жоржикъ, сложивъ ладони рукъ, какъ для молитвы, и любуясь молодой женщиной, въ ея полулежачей позѣ, что еще рельефнѣе выказывало прелестныя формы ея стройнаго тѣла.

— Ахъ, перестань повѣсничать! замѣтила Эмма капризнымъ голоскомъ, въ которомъ однако слышались и ласка, и удовольствіе.

— На тебя молиться надо! говорилъ очарованный Жоржикъ и, подойдя къ ней, опустился на низенькій табуретъ и взялъ ее за руку.

— Вотъ тебѣ! сказала она, отдернувъ руку и шаловливо хлопнувъ его по щекѣ.

Жоржикъ поймалъ ея руку и осыпалъ поцѣлуями. Эмма не сопротивлялась и только съ громкимъ смѣхомъ тормошила его за уши... Нѣжная сцена кончилась наконецъ. Жоржикъ перевелъ духъ и закурилъ папироску.

— Что твой... старый колпакъ, былъ у тебя сегодня? спросилъ онъ.

— Онъ нездоровъ и сегодня я къ нему поѣду, дѣловымъ тономъ отвѣтила Эмма, играя бусами, надѣтыми на ея руки вмѣсто браслета.

— Ты къ нему поѣдешь? Это дѣло: старичка надо поберечь... да! А знаешь-ли новость какую я тебѣ скажу?

— Напримѣръ?

— Вообрази: Пьеръ фон-Пфимпфенъ застрѣлился!.. Сегодня въ газетахъ напечатано.

— Ахъ! можетъ-ли быть? воскликнула Эмма и даже приподнялась съ кушетки.

— Да, да... И какъ скверно застрѣлился: въ високъ... Представь, какъ человѣкъ обезобразилъ себя!..

— Брр!.. съ нервной дрожью воскликнула Эмма и сдѣлала жестъ руками, какъ бы отстраняя отъ себя непріятный образъ. Отчего-же онъ застрѣлился — напечатано? спросила она.

— Какже! Напечатано, что изъ за отвергнутой любви къ одной коварной женщинѣ, именуемой Эммой Клаксъ... Ха-ха-ха...

— Противный, какъ ты смѣешь это выдумывать! разсердилась Эмма и довольно полновѣсно хватила ручкой по щекѣ игриваго Жоржика.

— Зачѣмъ же вдругъ драться? сказалъ онъ, поглаживая щеку.

— Не смѣй выдумывать вздору... Разсказывай сейчасъ какъ написано? Не ври только.

— Да тамъ ничего и не написано, почему да отчего. Просто сказано—застрѣлился да и баста!

— А ты, помнишь, предсказывалъ, что фон-Пфимпфенъ непремѣнно всадитъ себѣ пулю въ лобъ? Какой, однако у тебя скверный языкъ! Отчего ты не объяснишь мнѣ теперь, почему твои слова сбылись?

— А тебѣ этого хочется?

— Ну, понятно... Мнѣ жаль его!

— Жаль?.. А не ты ли сама, два мѣсяца назадъ, промѣняла его — эдакого молодчину, на теперешняго старикашку, которому и стрѣляться не надо, чтобъ умереть?.. Того и смотри разсыплется.

— Какой глупый вопросъ! Развѣ ты не поступилъ-бы на моемъ мѣстѣ точно также? Ты вотъ мнѣ нравишься, да что отъ тебя толку? Я десять такихъ красивыхъ голышей, какъ ты и Пфимпфенъ, промѣняла-бы на одного моего старичка, будь онъ въ десять разъ старѣе и противнѣе... Денежки, милый, первое дѣло!

— Умно — одобряю! замѣтилъ Жоржикъ поглаживая атласную ручку дѣльно разсуждающей куртизанки. Ну, такъ слушай, моя радость, повѣсть о томъ, какъ и почему застрѣлился фон-Пфимпфенъ. Когда ты разсталась съ нимъ, онъ былъ уже въ очень скверномъ положеніи. Ни гроша въ карманѣ, ни гроша кредиту и—долги, долги... Очень много долговъ! Положеніе его еще стало хуже, когда мать узнала, наконецъ, какую онъ подвелъ подъ нее махинацію съ векселемъ и, волей — не волей, заплатила на этотъ разъ. Но во первыхъ скандалъ: она публиковала въ газетахъ, въ огражденіе себя напредки, что никакихъ долговъ и обязательствъ за милаго сына платить не намѣрена. Представь себѣ, съ какими глазами долженъ былъ, послѣ этого, выдти на улицу этотъ надменный баричъ! Во вторыхъ, разсорившись совершенно съ матерью, онъ потерялъ послѣднюю поддержку. Денегъ нѣтъ; кредиторы липнутъ; жуировать по прежнему и думать нечего... Чортъ знаетъ какое положеніе! Тутъ хоть бы и я, такъ и то, чего добраго, всадилъ бы себѣ пулю. Только не въ високъ... Зачѣмъ портить физіономію?

— Бѣдный Пьеръ! молвила Эмма со вздохомъ,

И на челѣ ея высокомъ
Не отразилось ничего.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Серія первая.—Всячина.

Не было печали 3
Подъ выстрѣлами 18
Двѣ тысячи верстъ по Россіи 36
Дѣло о редакторѣ «Небывалой дичи», штыкъ-юнкерѣ Мухѣ . 73
Кулебяка 77
Есть-ли у насъ партіи? 82
Станиславъ 3-й степени 88
Элексиръ отъ всѣхъ болѣзней 98

Серія вторая.—Изъ альбома петербургскихъ картинокъ.

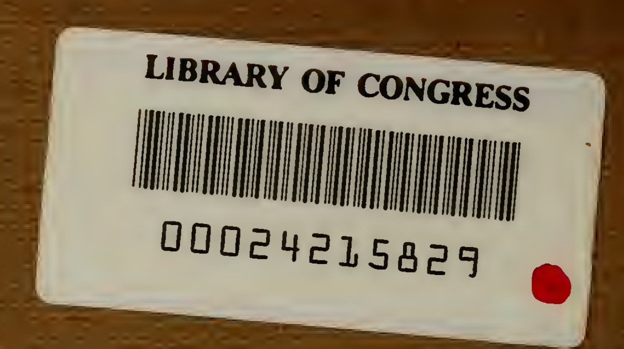
Передъ святками 107
Ахъ, какое веселое время! 115
Гулянье на Марсовомъ полѣ 121
На Кулербергѣ 128
Въ мировомъ судѣ 136
Клубскіе типы 145
День филантропа 151
Изъ коллекціи «Блаародныхъ чеаэковъ» 157
Аркадія Петербургской стороны 170
Героиня индустріи 175
Съ похмѣлья въ чистый понедѣльникъ 183
Въ больницѣ 192
Изъ признаній одной купеческой дщери 203
Поѣздка на богомолье «къ Сергію» 208
Предательская дверь 213

Невѣста съ приданнымъ 219
Подъ смычками павловскихъ скрипокъ 227
Отрывокъ изъ дневника прусскаго барабанщика 235
Примѣрный постникъ 240

Серія третья.—Изъ жизни полусвѣта.

Отверженная 251
Петербургская сирена 257
Романическое Qui pro quo 329
Изъ тысячи и одной ночи въ «Ташкентѣ» 338
«Бѣль-фамъ» 345
Роковыя ошибки 350
Неудачливый кокодесъ 355
Ловля пижоновъ 359
Простая случайность. 369
Мертвый узелъ. 377

Цѣна 2 руб. 50 коп.


LIBRARY OF CONGRESS
00024215829